

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 5—12 МАЙ—ДЕКАБРЬ 1919

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ И ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ

(Годъ изданія VII.)

*Свѣтлой памяти
В. И. Селевскаго*

№ 5—12 МАЙ—ДЕКАБРЬ 1919

МОСКВА.—1920.

ТИПОГРАФИЯ КООПЕР. Т-ВА ПЕЧАТН. И ИЗДАТ. ДЕЛА „ЗАДРУГА“.
Воздвиженка, Крестовоздвиженский, 9.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стр.</i>
I. Левъ Дейчъ. Почему я сталъ революціонеромъ	5
II. Вѣра Фигнеръ. Изъ исторіи «Народной воли» послѣ 1-го марта 1881 г.	40
III. В. Голицынъ. Москва въ семидесятыхъ годахъ	111
IV. А. В. Кони. Житейскія встрѣчи	163
V. Т. Сухотина-Толстая. «Старушка Шмидтъ»	171
VI. Памяти ушедшихъ:	
Л. Дейчъ. Вѣра Ивановна Засуличъ	199
Л. Дейчъ. Г. А. Лопатинъ	210

Почему я сталъ революціонеромъ.

I.

Наша няня, еще не очень старая, съ симпатичными чертами лица крестьянка великорусской губерніи, попавшая какими-то судьбами къ намъ въ Кіевъ, въ теплый весенній день повела меня и мою сестренку Соню гулять въ большой фруктовый садъ, примыкавшій къ занимаемому нами извѣстному въ городѣ, дому наслѣдниковъ Шіяновыхъ, гдѣ были для насъ, дѣтей, устроены качели! Усадивъ насъ по концамъ доски, она стала медленно ее раскачивать, притомъ шептала: «Крѣпче держитесь за веревку, дѣточки».

Мнѣ тогда было пять лѣтъ съ нѣсколькими мѣсяцами, сестрѣ—четыре съ половиной. Няню нашу мы очень любили, какъ за добрый привѣтливый нравъ ея, такъ особенно и за рассказываемыя ею намъ чудныя сказки, насколько теперь могу припомнить, вѣроятно, ея собственнаго творчества.

Позитивному, она также къ намъ привязалась, несмотря на то, что мы были «нехристи». Она относилась къ намъ съ нѣжностью и заботливостью, не проявляя нетерпѣнія и раздраженія, когда, раскапризавшись, мы поднимали крикъ и плачь. Ласкани и обѣщаніями пріятныхъ намъ вещей или сказокъ, она въ такихъ случаяхъ старалась насъ успокоить. Помню, нравился мнѣ также ея благозвучный, пѣвучій великорусскій говоръ на «о».

Въ церквяхъ заблагоговѣстили, что меня удивило, такъ какъ отъ няни я всегда заранѣе узнавалъ, какой праздникъ, а въ тотъ день она ничего намъ объ этомъ не сказала. На мой вопросъ, почему звонятъ, няня, продолжая лѣвой рукой тихо раскачивать доску, а правой начавъ креститься, сообщила, что наступилъ великій праздникъ, такъ какъ «всему хрестіянскому народу царь-батюшка даровать волю».

Долго, съ умиленіемъ, утирая катившіяся изъ ея глазъ слезы, рассказывала намъ, маленькимъ еврейскимъ дѣтямъ, наша старшая няня про жизнь «хрестіянъ у господъ», да про волю, хотя мы тогда

немногое могли понять. Но возможно, что этотъ ея разсказъ, въ связи съ ея слезами и всей, вообще, обстановкой, о которой подробно сообщу ниже, явился первымъ толчкомъ къ развитію въ моемъ характерѣ отзывчивости и стремленія облегчать тяжелую долю угнетенныхъ и преслѣдуемыхъ.

Значительно рельефнѣе, чѣмъ освобожденіе крестьянъ, запечатлѣлось въ моей памяти усмиреніе польскаго возстанія 1863 г., какъ потому, что я былъ старше на два года, такъ и вслѣдствіи большей длительности этого событія; къ тому же оно сопровождалось многими яркими эпизодами.

Мы жили на Петербургѣ, гдѣ, какъ извѣстно, находится крѣпость. Поэтому, во время прогулокъ,—уже не съ няней, а съ гувернанткой, полькой,—нерѣдко мы встрѣчали партіи заковананныхъ повстанцевъ, которыхъ подъ сильнымъ конвоемъ, вели въ казематы. Наша гувернантка, типично искавшая между арестованными близкихъ ей сородичей, нерѣдко обливалась слезами, что понятно, и у насъ вызывало къ нимъ жалость.

Среди нашихъ сосѣдей также были поляки, сочувствовавшіе возстанію. По вечерамъ они иногда собирались у насъ, гдѣ не только говорили между собою, а также съ моимъ отцомъ и съ гувернанткой, ма-эль Массальской, на своемъ языкѣ, но также рѣшались, правда, при плотно закрытыхъ окнахъ и ставняхъ, пѣть національныя гимны.

Помню, однажды, когда явились гости, подъ аккомпаниментъ игры гувернантки на фортепьяно, заткнули «Еще Польша не спитъ».—вдругъ на порогѣ зала появился полицейскій чиновникъ. У всѣхъ отъ испуга вытянулись лица. И было отчето, такъ какъ въ то ужасное время за такое тяжелое преступленіе могли бы здорово поплатиться хозяева и гости. По счастью, этотъ полицейскій, бывшій самъ полякомъ, принявшимъ православіе, хорошо зналъ, какъ отца, такъ и всѣхъ у насъ собравшихся, поэтому вмѣсто состыкленія, какъ полагалось, протокола, онъ ограничился напоминаніемъ о строжайшемъ запрещеніи пѣть польскіе гимны. Между прочимъ, съ этимъ полицейскимъ, лѣтъ 20 съ чѣмъ-то спустя, судьба свела меня при оригинальнѣйшихъ условіяхъ,—въ арестантской тюремной каретѣ, везшей меня, подъ сильнымъ конвоемъ, на военный судъ, въ Одессѣ *).

Помню также, какое грустное впечатлѣніе производило на меня видѣ заключенныхъ повстанцевъ, выглядывавшихъ изъ-за рѣшетокъ, скучившихся на окнахъ суровыхъ, страшныхъ казематовъ, когда мы съ гувернанткой и другіе гуляли вблизи крѣпостного вала. Впослѣдствіи, когда я самъ находился въ тюрьмахъ и въ крѣпости, мнѣ нерѣдко

*) Подробности см. въ моей книгѣ: «16 лѣтъ въ Сибири», стр. 98. Изд. Н. Глаголева.

вспоминались эти польскіе узники и испытанныя мною по этому поводу въ дѣтствѣ ощущенія.

Тогда же всѣхъ насъ крайне оторчигъ разнесшійся слухъ, что вышлѣ подготовленная попытка заключенныхъ къ побѣгу изъ крѣпости не осуществилась изъ-за глупой случайности: однажды, какая-то баба на ровномъ гладкомъ мѣстѣ вдругъ провалилась въ образовавшуюся подъ нею яму. Когда послѣднюю разсмотрѣли, то убѣдились, что то былъ подкопъ, проведенный изъ крѣпости заключенными въ ней повстанцами. Само собой разумѣется, послѣ этого начались строгости; положеніе арестованныхъ сильно ухудшилось.

Конечно, не все происходившее и вызывавшее у взрослыхъ слезы, тревоги и опасенія было мнѣ понятно. Прежде всего, я никакъ не могъ постичь, почему «поляки взбунтовались». Когда же я отъ кого-то узналъ, что они «захотѣли воли», то недоумѣвалъ, почему царь-батюшка «хрестынами» дасть ее, а полякамъ не захотѣть.

На подобныя вопросы, съ которыми я обращался къ гувернанткѣ, м-ель Массальской, и къ другимъ взрослымъ, я, понятно, получалъ уклончивые, а слѣдовательно, неудовлетворившіе меня отвѣты, что еще болѣе возбуждало мое любопытство.

Мои симпатіи были, конечно, на сторонѣ поляковъ, и эти дѣтскія впечатлѣнія, полагаю, не остались безъ значительнаго вліянія на мое отношеніе къ представителямъ этого угнетеннаго народа въ теченіе дальнѣйшей моей жизни: всюду, куда не забрасывала меня судьба, я всегда находилъ друзей и пріятелей среди поляковъ.

Но еще ярче, чѣмъ указанныя два историческія событія, удержалось въ моей памяти третье, происшедшее, когда мнѣ минуло десять лѣтъ, и меня собирались опредѣлить въ гимназію.

Торопливо вошедшая къ намъ, знакомая молодая дама-еврейка, еще не успѣвъ снять съ плеча тальму, на ходу, взволнованнымъ голосомъ произнесла: «Слыхали ужасную новость,—въ царя стрѣляли какой-то злодѣй». Затѣмъ она стала поочередно передавать, извѣстныя ей подробности о покушеніи Каракова на Александра II и о «чудесномъ спасеніи царя мужичкомъ Комиссаровымъ».

Это сообщеніе чрезвычайно встревожило и оторчило моихъ родныхъ, да и насъ, дѣтей, насколько, конечно, мы тогда могли понимать значеніе этого чрезвычайнаго политическаго событія.

Дѣло въ томъ, что Александръ II въ ту пору былъ еще очень популяренъ среди моихъ единоплеменниковъ, благодаря предоставленнымъ имъ облегченіямъ, послѣ жестокостей и изувѣрствъ, практиковавшихся по отношенію евреевъ въ царствованіе его отца, Николая I. Неудивительно, поэтому, что евреи, называвшіе Александра «дѣръ гитѣръ кѣйзеръ» (добрый царь), искренно радовались его спасенію отъ выстрѣла Каракова и негодовали на послѣдняго.

Хорошо помню также всевозможные рассказы и слухи, циркулировавшие въ городѣ по поводу происходившихъ въ разныхъ мѣстахъ арестовъ ни въ чемъ виноватыхъ людей. Результатомъ этихъ преслѣдованій была охвалившаяся всѣхъ неувѣроятная паника, а также открывшаяся у многихъ склонность къ доносамъ. Страхъ быть замѣшаннымъ, у нѣкоторыхъ, совсѣмъ непричастныхъ ни къ какой политикѣ, доходилъ прямо до комизма: даже близкимъ, пользовавшимся полнымъ ихъ довѣріемъ лицамъ, эти напуганные лица сообщали о самыхъ безобидныхъ вещахъ шепотомъ и подъ секретомъ.

Относительно, я тогда уже многое понималъ въ «политикѣ». Чтобы объяснить, какъ это произошло въ столь раннемъ возрастѣ у еврейскаго мальчика десяти лѣтъ, я долженъ, хотя бы вкратцѣ, сообщить о моихъ родителяхъ, слѣдовательно, и объ условіяхъ моего воспитанія.

II.

Мой дѣдъ со стороны отца прибылъ въ Россію изъ Австріи. Потому въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ онъ поселился, его стали называть «деръ Дейтль», а когда евреямъ при Николаѣ I начали давать фамиліи, то вмѣсто Брейтманъ, какъ онъ назывался въ Австріи, за нимъ укрѣпилась данная ему въ Каменецъ-Подольскѣ кличка. Передаю это сообщеніе о происхожденіи нашей фамиліи со словъ родныхъ, не ручаясь за его точность.

Отецъ мой, купецъ первой гильдіи, былъ для своего времени — для 50-хъ и 60-хъ гг. мин. ст., — крайне рѣдкимъ явленіемъ не только среди своихъ сосѣдей въ всевозможныхъ суевѣріяхъ и предрассудкахъ единоувѣрцевъ, но также и между лицами его слоя, принадлежавшими къ христіанскимъ націямъ.

Кажется, самоучкой усвоилъ онъ русскую грамоту, что въ ту пору полнаго невѣжества, вообще, среди представителей третьяго сословія, а среди евреевъ, въ особенности, встрѣчалось очень рѣдко. Онъ вовсе не былъ религіозенъ, скорѣе могъ быть причисленъ къ свободомыслящимъ, но по дѣловымъ соображеніямъ считалъ нужнымъ исполнять, хотя далеко не всѣ религіозные обряды. Говорилъ отецъ безъ акцента и по внѣшности — большой окладистой бородѣ, костюму и пр. — походилъ на вполне культурнаго человѣка, скорѣе на великорусскаго или даже европейскаго коммерсанта. Знакомства онъ предпочиталъ вѣдь съ христіанами, чему, вѣроятно, содѣйствовало то обстоятельство, что на Печерскѣ евреи не имѣли права селиться, за исключеніемъ купцовъ 1-й гильдіи.

Со всякаго рода начальствомъ отецъ держалъ себя довольно независимо и въ обращеніи со всѣми былъ вѣжливъ, корректенъ, прямъ,

но временами, если задѣвали его честь, бывалъ до того вспыльчивъ, что совершенно терялъ равновѣсіе и забывалъ мѣру. Въ такіе моменты онъ былъ способенъ на самыя крайнія выходки, доходивъ чуть не до уголовныхъ преступленій, проявившихъ ему судогл. Поостывши, ему затѣмъ приходилось искупать приступы вспыльчивости денежными вознагражденіями, какъ лицъ потерпѣвшихъ отъ него, такъ и властей, чтобы потушено было начатое противъ него дѣло.

Занимался отецъ исключительно казенными подрядами, и въ описываемое мною время, т.-е. въ первой половинѣ 60-хъ гг., доставлялъ все, что требовалось для огромнаго военнаго госпиталя на нѣсколько тысячъ больныхъ, помѣщавшагося на Печерскѣ. «Дѣло» это считалось большимъ и очень выгоднымъ. Во время крымской кампаніи отецъ, какъ рассказывали, на подрядахъ же нажить большое состояніе и считался богатымъ человекомъ.

Не получивъ самъ систематическаго образованія, онъ, однако, стремился воспитать нѣск. дѣтей, которыхъ было у него семеро, наилучшимъ, какъ онъ понималъ, образомъ. Такъ, кромѣ гувернантки, о которой я уже упоминалъ, у нѣск. меньшихъ, былъ еще репетиторъ по общимъ предметамъ. Старшіе же три сестры посѣщали гимназію и обучались музыкѣ у лучшаго въ Кіевѣ піаниста и пр.

При всякомъ поводѣ отецъ внушалъ намъ, какъ важно быть образованными людьми и на наше воспитаніе не жалѣть средствъ, пока обладаешь ими. Но, увы! Какъ все на свѣтѣ не вѣчно, непрочными также оказались вскоре и «болышіе матеріальныя средства», которыми, по мнѣнію всѣхъ родныхъ, знакомыхъ и даже самой жены его, будто бы обладалъ отецъ.

Мать моя была чрезвычайно доброй, безпредѣльно преданной семьѣ женщиной, способной ради поспѣдней на самыя крайнія жертвы. Въ противоположность отцу, она была довольно религіозна, строго соблюдала всѣ обряды, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, безгранично вѣря въ авторитетъ мужа, соглашалась, чтобы мы получили вмѣстѣ «христіанское воспитаніе».

Несмотря на полное незнакомство съ русской литературой, а тѣмъ болѣе, съ исторіей, мать, по случайному стеченію обстоятельствъ, оказала въ нѣкоторомъ родѣ вліяніе на чрезвычайно раннее мое ознакомленіе съ «политикой», о чемъ я уже выше упомянулъ. Дѣло въ томъ, что она была уроженкой м. Тульчища, которое, какъ извѣстно, въ 20-хъ гг. мин. ст. являлось центромъ Южнаго общества декабристовъ. Мать знала нѣкоторыя имена—Пестеля, Муравьева-Апостола, а также постигшую ихъ судьбу. Не разъ, по вечерамъ, за семейнымъ столомъ, освѣщеннымъ большой висючей лампой, она любила дѣлиться своими воспоминаніями о жизни въ Тульчищѣ, и, между прочимъ, слышанными ею тамъ разсказами о заговорѣ Пестеля и его товарищей.

Меня и до сихъ поръ удивляетъ, какимъ образомъ въ памяти простой еврейки, не знавшей русской грамоты, живо удержались, хотя бы и не вполне вѣрные представленія о столь отдаленномъ времени, когда она едва только могла появиться на свѣтъ. Ясно изъ этого, что заговоръ декабристовъ произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣнiе на еврейское населенiе м. Тульчина, и лица, близкія моей матери, долго спустя, послѣ открытія этого заговора, рассказывали ей о немъ.

Передавая взрослымъ членамъ своей семьи все извѣстное ей о декабристахъ, мать рѣшительно не считалась съ присутствовавшими при этомъ и малолѣтними своими дѣтьми, въ полной, вѣроятно, увѣренности, что они ничего не понимаютъ изъ ея сообщеній.

Не знаю, что изъ этого удержалось въ памяти младшихъ моихъ сестеръ, но относительно себя могу сказать, что хотя, дѣйствительно, много изъ этихъ разговоровъ я не понималъ, все же кое-что запомнилъ, а именно, что были генералы, полковники, князья, которые пошли войною противъ царя. Главнымъ ихъ начальникомъ былъ полковникъ Пестель. Но царь его войско разбилъ, всѣхъ забралъ въ плѣнъ, а потомъ велѣлъ кого повѣсить, кого въ Сибирь сослать.

Едва ли тогда многіе русскіе дѣти моего возраста имѣли даже такія свѣдѣнія о декабристахъ.

Съ тѣхъ отдаленныхъ временъ всегда, когда мнѣ приходилось читать о декабристахъ, въ моей памяти тотчасъ воскресали рассказы о нихъ моей матери.

скаго характера, на раннее мое развитіе значительное вліяніе оказало.

Въ связи съ приведенными крупнѣйшими событіями политическаго обстоятельства, что я росъ среди пяти сестеръ, изъ которыхъ три были старше меня на нѣсколько лѣтъ. Онѣ вели между собою, а также съ подругами и съ занимавшимися ихъ развитіемъ молодыми людьми, — почти исключительно, передовыми студентами, — разныя бесѣды, къ которымъ я внимательно прислушивался и навсегда запоминалъ.

Но едва ли не большую еще роль въ моей судьбѣ сыграли частыя города, а также и дома, въ которыхъ наша семья жила въ теченіе пятнадцати лѣтъ, — съ самаго ранняго моего дѣтства, вплоть до отроческаго возраста.

III.

Я уже упомянулъ, что мы жили на Петербургѣ, гдѣ, какъ извѣстно, находится лагерь съ знаменитыми пендерами, въ которыхъ хранятся мощи многихъ святыхъ. Съ ранняго дѣтства водила меня туда няня, что, поистинѣ, у меня, еврейскаго мальчика, не получившаго никакого религіознаго воспитанія, вызывало массу недоумѣній, вопросовъ, а также

состраданія, при виде многочисленныхъ нищихъ и калѣкъ полѣхъ лавры. Но вѣсть съ обаяніемъ непонятнаго и загадочнаго. Печерскъ заключать въ себѣ много величественнаго и удивительно живописнаго, напримѣръ, видъ съ крутого спуска на Дѣбѣрь, Аскольдова могила и пр.

Другія впечатлѣнія и ощущенія вызывалъ во мнѣ упомянутый уже домъ Шіяновыхъ, къ слову, описанный Н. С. Лѣсковымъ, но еще въ болѣе раннюю эпоху, въ концѣ сороковыхъ годовъ (см. его очеркъ «Печерскіе антики», т. 45-й, изд. Маркса).

Этотъ домъ съ тремя флигелями занималъ обширное пространство, окруженное съ трехъ сторонъ: Большою Шіяновскою, Малой Шіяновскою улицами и Шіяновскимъ переулкомъ, съ четвертой стороны, куда примыкалъ большой фруктовый садъ, разстилалась базарная площадь. Одно уже названіе улицъ показываетъ, что владѣлецъ запымаемаго нами дома былъ вліятельный человѣкъ.

Дѣйствительно, о старомъ Шіяновѣ сообщали, что онъ былъ богатѣйшимъ помѣщикомъ, имѣвшимъ крупное имѣніе. Передавали, будто самъ Николай I, прїѣзжая въ Кіевъ, дѣлалъ визитъ старому саловнику. О его независимомъ характерѣ, поведеніи, а также жестокости въ обращеніи съ крѣпостными и о его чудачествахъ цѣркулировали безконечныя разсказы, смахивавшіе на легенды, что, конечно, немало дѣйствовало на мое воображеніе.

Мы снимали домъ съ многочисленными его постройками за сравнительно незначительную плату, и отъ себя родители сдавали въ наемъ флигель. Въ нихъ обиталъ самый разнообразный людъ, считавшійся съ военными и чиновниками и кончалъ мѣщанами, ремесленниками и лицами безъ опредѣленныхъ занятій. Одинъ наиболѣе обширный флигель, населенный постоянной голытьбой, состоялъ изъ многихъ отдѣльныхъ комнатъ, въ два ряда, съ русскими печами. Какъ передавали, при крупностаномъ правѣ, тамъ помѣщались дворяне, а также собственный оркестръ владѣльца. При мнѣ тамъ еще жили нѣкоторые изъ бывшихъ дворовыхъ, много и охотно разсказывавшіе о господствовавшемъ незадолго передъ тѣмъ жестокомъ строѣ.

Въ обширномъ одноэтажномъ деревянномъ домѣ, на высокомъ каменномъ фундаментѣ, съ маленькимъ мезониномъ, были рядъ большихъ парадныхъ комнатъ, уставленныхъ старинной изъ краснаго дерева мебелью, сдѣланной крѣпостными мастерами владѣльца. За ними шло нѣсколько небольшихъ уютныхъ комнатъ, выходившихъ окнами въ садъ и служившихъ спальнями.

Мнѣ чрезвычайно нравилась, какъ домъ съ расположеніемъ комнатъ и ихъ мебелью, такъ и флигеля, садъ, дворы и постройки. Отъ всего этого вѣяло стариной, таинственностью и особенной поэзіей. Конечно, на это мое впечатлѣніе въ сильной степени вліяли, вѣроятно, разсказы бывшихъ дворовыхъ, ютившихся въ указанномъ флигелѣ. Но

и независимо отъ этихъ легендъ, во всемъ мною выше перечисленномъ дѣлѣ и для челоуѣка, совершенно неимѣящаго въ прошлое дома Шияновыхъ, было много безконечно интереснаго и загадочнаго.

Нетрудно, поэтому, представить себѣ, какъ дѣйствовали на мое воображеніе эти живые памятники былого, если принять во вниманіе, что я люблю читать старинныя разсказы, а также, конечно, Майнъ-Рида, Кулера и т. п. сочиненія.

Въ зашпигельномъ, заросшемъ высокими кустарниками саду я, по-латыню, дѣлалъ видъ, что разыскиваю страшныхъ разбойниковъ или индѣйцевъ, а въ самомъ домѣ строилъ предположенія, что въ немъ происходило раньше.

Особенно пріятелемъ былъ мнѣ мезонинъ. Весной туда доносился чудный аромат изъ сада, а также, по вечерамъ, безконечныя трели соловья, изъ годъ въ годъ прілетавшаго и устранивавшаяся на одномъ изъ самыхъ близкихъ деревьевъ. Отрываясь отъ наиболѣе интересной повѣсти, я по цѣлымъ часамъ слушать его, боясь прерваться. Ни съ чѣмъ не могу сравнить это наслажденіе.

Съ мезониномъ, согласно преданію, къ тому же связанъ былъ таинственный романъ, герой котораго не только былъ еще въ живыхъ, но явился другомъ нашей семьи и любимцемъ всѣхъ насъ, дѣтей. Я имѣю въ виду описаннаго Н. С. Лѣсковымъ въ очеркѣ «Печерскіе антики» старата полковника Кесаря Степановича Берлинскаго. Огъ приходился нашимъ ближайшимъ сосѣдомъ и навѣщалъ насъ, за рѣдкими исключеніемъ, каждый вечеръ, чему всѣ члены нашей семьи были очень рады, такъ какъ, кромѣ олицетворенія доброты, привѣтливости и вниманія, старый полковникъ являлся живой исторіей не только дома Шияновыхъ, Печерска и Кіева, но и всей Россіи. Лѣсковъ нисколько не стеснялъ красокъ, описавъ этого «печерскаго антика». Много на своемъ вѣку видѣлъ я всевозможныхъ чудачковъ, но такого оригинала, каковымъ былъ Кесарь Степановичъ, никогда не встрѣчалъ я. Отсылая интересующихся имъ къ очерку Лѣскова, я сообщу здѣсь, что помню о его романѣ, конечно, нисколько не ручаясь за его точность.

Будущи молодымъ и бѣднымъ офицеромъ, Берлинскій какъ-то познакомился съ дочерью богатаго помѣщика Шянона. Молодые люди полюбили другъ друга, а такъ какъ на согласіе отца на ихъ бракъ не было у нихъ надежды, то они рѣшили обѣнчаться тайкомъ. Для осуществленія этого плана отважному офицеру, несмотря на большую опасность, которой огъ и любимая имъ дѣвушка подвергались, пришлось похитить ее изъ мезонина, черезъ окно, выходившее въ садъ, путемъ приставленнаго къ нему лѣстницы.

Долго затѣмъ бѣдствовала молодая чета, число сыновей у которой быстро росло. Когда у Берлинскаго оказалось цѣлыхъ десять годовныхъ въ военную службу молодыхъ, на помощь въ воспитаніи ихъ

принимать Николай I. Впоследствии сжалился и старый Шиянов, на-
дѣланный непослушную дочь свою однимъ изъ флигелей, примыкав-
шихъ къ его дому.

Когда моя семья познакомилась съ полковникомъ Берлинскимъ,
изъ одиннадцати его сыновей въ живыхъ оказался только одинъ —
единственный, самый младшій, — горбатый, застѣчивый, ницѣ рѣши-
тельно не показывавшійся. Жена полковника также давно умерла. Самъ
онъ, несмотря на чрезвычайно преклонный свой возрастъ, былъ еще
довольно бодръ, на улицѣ онъ всегда былъ окруженъ нѣсколькими
старыми породистыми собаками, еле волочившими уже ноги, въ кото-
рыхъ души не чаялъ.

Насъ, дѣтей, Кесарь Степановичъ также любилъ и часто баловалъ
лакомствами, которыми наполнены были его карманы. Но еще болѣе,
чѣмъ конфеты и другія сладости, я цѣнилъ его безконечные рассказы,
въ которыхъ были съ дѣбылицей тѣсно переплетались, въ чемъ я не
могъ тогда разобраться. Онъ умеръ, когда я уже поступилъ въ гимна-
зію, и мы всѣ искренно пожалѣли этого оригинальнѣйшаго «антика».

Кромѣ полковника Берлинскаго, во флигеляхъ и въ домахъ, со-
седнихъ съ нашими, было немало и другихъ интересныхъ типовъ, отъ
которыхъ я имѣлъ полную возможность многое узнать, почерпнуть.
Жизнь этихъ людей была у всѣхъ на виду, никто изъ нихъ не скры-
валъ ничего отъ глазъ и ушей остальныхъ; скорѣе, наоборотъ, какъ
радость, такъ и горе немедленно сообщались каждому.

Непосредственное знакомство съ разнообразнымъ населеніемъ
пятипоровскихъ флигелей и улицъ давало обильный матеріалъ моему
восбужденію и оказало неоцѣнимую услугу умственному моему развитію.

IV.

Родители и гувернантка, конечно, не поощряли ни этихъ зна-
комствъ, ни игръ съ уличными моими сверстниками, да я и самъ не
былъ охотникомъ до послѣднихъ. Такъ, я никогда не игралъ ни въ
бабки, ни въ лалту, ни даже въ мячъ. Болѣе того: отецъ хотѣлъ на-
учить меня верховой ѣздѣ и велѣлъ выбрать смирную лошадь. Но, по-
пробовавъ раза два сѣсть на нее, я наотрѣзъ отказался отъ дальнѣй-
шихъ упражненій. Словомъ, я не имѣлъ ни малѣйшихъ склонностей
ни къ какимъ рѣшительно играмъ и развлеченіямъ, если не считать
чтенія книгъ. Но зато съ раннихъ лѣтъ я любилъ участвовать въ
разговорахъ со взрослыми, а затѣмъ хвастать передъ сверстниками
всѣмъ услышаннымъ, а также и узнаннымъ мною изъ книгъ. Под-
хвативъ, напримѣру, изъ бесѣдъ старшихъ сестеръ о различіи между
аристократами и демократами, я обращалъ затѣмъ къ знакомымъ

материнкамъ на улицѣ или на нашемъ дворѣ съ вопросомъ: «А знаете, кто я по убѣжденію»? И, не дождавшись отвѣта на этотъ вопросъ, который они, конечно, не понимали, заявлять: «Я—демократъ», постѣ что объяснять имъ, какая разница между адистратомъ и демократомъ.

Перечитавъ въ 11—12 лѣтъ многіе произведенія случившихъ на-шихъ беллетристовъ, я изъ нихъ, а также изъ разговоровъ старшихъ сестеръ съ передовыми студентами, постигавшими нашу семью, усвоить самыя либеральныя взгляды и рано стать засаждать гуманными планами.

Кромѣ указанныхъ обстоятельствъ, аналитическую, если не ска-зать преобладающую роль въ раннемъ моемъ развитіи, сыграло разо-рѣніе отца, сопряжавшее съ моимъ поступленіемъ въ гимназію.

Уже задолго до этого ему измѣнилось счастье, начались неудачи: то онъ получилъ невыгодныя цѣны на законтрактованные имъ для госпитали продукты, то почили неудожия и пр. Чтобы исполнять по-требды, онъ не только долженъ былъ затратить имѣвшіеся у него соб-ственные средства, но также влѣзъ въ долги, платя большіе проценты. Надѣясь еще поправить свои разстроенныя дѣла, отецъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени старался скрыть отъ всѣхъ, даже отъ матери, положеніе дѣлъ. Но по его раздражительности и крайне-несправедливымъ выходкамъ можно было догадаться, что происхо-дитъ что-то печальное. Когда, наконецъ, невозможно было болѣе скры-вать дѣйствительное положеніе, онъ сообщилъ взрослымъ членамъ семьи, что разорился...

Вскорѣ затѣмъ, —помню это было въ субботу, вечеромъ, — къ намъ явился все тотъ же полицейскій чиновникъ, въ сопровожденіи городского, и, взявъ со отца подписку о невыѣздѣ, удалился, оста-вивъ у насъ ночевать городского.

Посоветовавшись съ матерью и отдавъ ей нѣкоторыя распоря-женія, отецъ велѣлъ заложить лошадь на которой и уѣхать, не по-прощавшись ни съ кѣмъ изъ насъ дѣтей. Съ тѣхъ поръ слѣдъ стать «платежнымъ», проживая подъ чужимъ паспортомъ въ Петербургѣ, гдѣ я съ нимъ свидѣлся девять лѣтъ спустя, также въ качествѣ «платежнаго». Но возвратимся къ «среднимъ шестидесятымъ годамъ» и посмотримъ, какъ устроилась наша семья послѣ разоренія и бѣгства отца отъ кредиторовъ, собиравшихся засадить его въ тюрьму, какъ «злостнаго банкрота», каковымъ онъ не былъ въ дѣйствительности.

Мягкая, добродушная, производившая впечатлѣніе безвольной женщины, такъ какъ надъ нею тяготѣлъ самоуверенный и непреклон-ный нравъ мужа, мать моя не растерялась послѣ постигшаго ее двой-ного несчастья—разоренія и разлуки, быть-можетъ, наконецъ съ му-жемъ (много лѣтъ спустя, когда отецъ вновь сталъ легальнымъ и за-

жизноточнымъ, она (сидѣлась съ нимъ), она энергично принялась за приведение въ порядокъ разстроеннаго хозяйства: продана лошадей, за исключеніемъ пары, также коровъ, экипажъ все прочее, съ чѣмъ можно было разстаться; уплатила часть долговъ наиболѣе бѣднымъ, нуждающимся кредиторами; изъ подрядовъ въ госпиталь оставила за собою только нѣкоторые—доставку молока, пшеничной канусты; сдана въ наемъ и часть дома, въ которомъ было 12 комнатъ и т. д.

Однако, несмотря на всю проявленную матерью предприимчивость, наше матеріальное положеніе было до того печально, что три старшія сестры, находившіяся уже въ послѣднихъ классахъ гимназіи, припущены были прекратить ихъ посѣщеніе, за невозможностью вносить, въ совокупности незначительную плату за ихъ ученіе. Мать съ трудомъ, помню, скопчила десять рублей, слѣдовавшие за мое право ученія, да и это ей удавалось уже послѣ того, какъ мы въ гимназіи грозили, что я буду уволенъ, если не принесу денегъ къ такому-то послѣднему сроку.

Уже не на прекрасномъ рысакѣ, запряженномъ въ кабриолетъ, какъ то было въ прежніе года, а пѣшкомъ въ дождь, вьюгу и морозъ плелся я въ худенькомъ пальтишкѣ ежовенію съ Печерска въ гимназію, отстоявшую отъ дома Шиповыхъ на разстояніи трехъ верстъ. При этомъ очень часто у меня не было съ собою никакого завтрака, а также няти кофеекъ, чтобы купить что-либо съѣстное въ гимназію.

Мало того: перешедши только во второй классъ, я уже сталъ заниматься репетиторствомъ, готовя такого же маляша, заимъ я былъ самъ, за гонораръ въ одинъ рубль въ мѣсяцъ, въ первый классъ.

Не буду долѣе распространяться за эту тему, скажу лишь, что я не только посмотрѣлся, живя въ оригинальномъ домѣ Шиповыхъ, на чужія горести и бѣдствія, но съ 11—12-ти лѣтъ самъ въ достаточной мѣрѣ натерпѣлся всякихъ нуждъ и лишеній. Но я никогда не сътовать на отца за то, что онъ внезапно изъ довольства, даке изъ роскоши, повергъ насъ чуть не въ нищету. Наоборотъ, я всегда и до сихъ поръ признателенъ и благодаренъ ему за его стремленіе доставить намъ образованіе. Что же касается его башкетства, то, какъ показать послѣдствія, оно также было мнѣ, по крайней мѣрѣ, на пользу, выработавъ во мнѣ способность къ самостоятельности и труду, а главное—сблизивъ и научивъ понимать другихъ обездоленныхъ.

V.

Время моего поступленія въ гимназію совпало съ назначеніемъ, послѣ каракозовскаго покушенія, министромъ народнаго просвѣщенія извѣстнаго своимъ обскурантизмомъ гр. Д. Толстого, представившагося введеніемъ у насъ классицизма. Это обстоятельство также имѣло огромное вліяніе въ моей жизни.

Настышавшись съ дѣтскихъ лѣтъ отъ изрыскъ о изгладѣхъ Писарева, я, конечно, причислялъ себя къ «реалистамъ» и являлся яркимъ противникомъ классицизма гр. Д. Толстого и его сподвижника Каткова, я съ ранняго дѣтства ненавидѣлъ до глубины души. Мнѣ, поэтому, ужасно тяжело было мириться съ необходимостью тратить массу времени на изученіе ненужныхъ древнихъ языковъ.

Но я не только при поступленіи въ гимназію былъ «демократомъ» и «реалистомъ»: благодаря тому же влиянію, я уже въ ту раннюю пору являлся также и «атеистомъ», что было вполне естественно, такъ какъ я не получилъ еврейскаго религіознаго воспитанія и враждовалъ, — какъ уже сообщалъ, — преимущественно среди христіанъ.

По поводу моего ранняго «атеизма» помню слѣдующій случай, поразившій всѣхъ моихъ единоплеменниковъ-гимназистовъ, которыхъ, къ слову, въ то время принимали въ учебныя заведенія внѣ процентовъ.

Однажды, въ одинъ изъ первыхъ дней моего поступленія въ гимназію, когда я во время большой перемены утѣтаться кушечными у поделая горячія сосиски, ко мнѣ подошелъ гимназистъ-еврей, одного изъ старшихъ классовъ. Увидѣвъ, что я былъ «трафное», онъ принялъ въ ужасъ и съ возмущеніемъ спросилъ, какъ могу я совершать столь противное Іеговѣ дѣланіе. На это я ему отвѣтилъ, что никакого Бога нѣтъ, и у насъ завязался горячій споръ. Послѣ этого всѣ гимназисты-евреи узнали, что я мальчикъ 1-го класса, отрицаю существованіе Бога, почему сразу приобрѣлъ лѣтѣтность.

Гимназія въ тѣ времена оказывала незначительное вліяніе на умственное развитіе учениковъ, — главную роль въ этомъ отношеніи играли домашняя среда и бытныя условія ихъ жизни. Въ особенно сильной степени это подтвердилось на мнѣ.

Не только мои сверстники, но и юности съ пробывавшейся на ихъ лицахъ растительностью, напримѣръ, еще не слышали ни слова о Чернышевскомъ, когда я уже зналъ о трагической его судьбѣ и въ 13—14 лѣтъ перечиталъ знаменитый тогда романъ его «Что дѣлать».

Затѣмъ, нѣсколько позже, познакомился я и съ нѣкоторыми произведеніями Добролюбова, Писарева, а также Лассаля, Милля, Бокля и др. Конечно, далеко не все понимать я изъ прочитаннаго; все же даже и поверхностное знакомство съ популярными тогда писателями несомнѣнно имѣло вліяніе на мое развитіе.

Съ юнаго возраста, я, понятно, являлся яркимъ сторонникомъ эмансипаціи женщинъ и въ ихъ защиту велъ диспуты съ значительною болѣею старшими противниками.

Я также рано, конечно, перечиталъ произведенія нашихъ беллетристовъ: изъ нихъ наибольшими моими симпатіями пользовался Тургеневъ, но Базаровъ мнѣ не нравился. Любимѣйшимъ же мнѣ поэтъ

быть Некрасовъ, огромное число стихотвореній котораго я зналъ цѣликомъ наизусть. Пушкина, вслѣдъ за Писаревымъ я, понятно, считалъ отсталымъ.

Такой моей «разносторонностью» иногда пользовались товарищи: желая отдѣлаться отъ урока того или другого учителя, они просили меня «завести его», что значило завязать съ нимъ продолжительную бесѣду по какому-нибудь вопросу, что я не безъ успѣха исполнялъ.

Изъ учителей, пользовавшихся симпатіями гимназистовъ первое мѣсто занималъ Тумасовъ, преподававшій исторію, затѣмъ учитель русскаго языка П. И. Житецкій, извѣстный украинофилъ, и учитель греческаго языка Юркевичъ. Эти лица являлись передовыми, гуманными, старавшимися способствовать умственному развитію гимназистовъ.

До 1871 года я, благодаря описаннымъ условіямъ, рѣшительно не чувствовалъ себя членомъ гонимой, преслѣдуемой націи. Всюду окруженный христіанами я не имѣлъ яснаго представленія объ ограниченіяхъ въ правахъ, тяготѣвшихъ надъ моими единоплеменниками да и вообще я не задумывался объ ихъ положеніи. Не испытывая самъ никакихъ стѣсненій и не слыша отъ окружающихъ меня лицъ ничего такого, что возбуждало бы во мнѣ націоналистическіе чувства, я считалъ себя русскимъ по симпатіямъ, стремленіямъ, идеаламъ.

Но на Пасхѣ 1871 г. въ Одессѣ разразились первые анти-еврейскіе беспорядки. Это печальное происшествіе вдругъ открыло мнѣ глаза. Оно всколыхнуло всю нашу семью, близкихъ и знакомыхъ намъ евреевъ, всюду вызвавъ сильнѣйшее огорченіе и удрученное состояніе. Затѣмъ пошли толки и споры о томъ, виноваты ли также и евреи въ ненависти, которую питають къ нимъ христіане. Нѣкоторые изъ спорившихъ, и я въ ихъ числѣ, признавали, что и наши единоплеменники даютъ достаточно поводовъ къ недружелюбному къ нимъ отношенію, изъ нихъ главнымъ является ихъ предпочтеніе къ непродуцательнымъ, легкимъ и болѣе прибыльнымъ занятіямъ. Необходимо, поэтому, стремиться, чтобы еврейская масса взялась за тяжелый, преимущественно физическій трудъ, и въ этомъ еврейская интеллигенція обязана прийти ей на помощь. Она должна содѣйствовать освобожденію своихъ сородичей отъ суевѣрій, предразсудковъ, вредныхъ привычекъ, словомъ, нужно выпалить евреевъ изъ тьмы и нищеты, въ которыхъ коснеетъ преобладающее ихъ большинство. Къ этой задачѣ слѣдуетъ также привлечь состоятельныхъ и богатыхъ соплеменниковъ, такъ какъ они не могутъ оставаться равнодушными къ участи своихъ невѣжественныхъ и обездоленныхъ единовѣрцевъ.

Мнѣ не было еще семнадцати лѣтъ, когда я принялся за практическое осуществленіе этой цѣли.

Въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ городахъ еврейской осѣдлости, существовало заведеніе для бѣдныхъ сиротъ, называвшееся «Талмудъ-

Тойре», въ которомъ, какъ показываетъ его названіе, еврейскіе мальчуганки изучали релігіозныя произведенія. Содержалось оно на средства еврейскаго благотворительнаго общества, не проявлявшаго большой щедрости: дѣти, жившіе въ этомъ заведеніи, получали скудную пищу, невнятную одежду и пр. По окончаніи наукъ они затѣмъ выходили на жизненное поприще столь же неподготовленными къ производительному труду, какими были и до поступленія въ «Талмудъ-Тойре».

Я и нѣсколько моихъ товарищей,—преимущественно студенты и гимназисты послѣднихъ классовъ,—заявили комитету, завѣдывавшему этимъ учрежденіемъ, что мы готовы безвозмездно обучать содержащихся въ немъ сиротъ русскому языку, ариметикѣ, исторіи, на что онъ выразилъ полное согласіе.

Съ неимовѣрнымъ пыломъ принялись мы за обученіе ребятшекъ и вскорѣ замѣтили, что нѣкоторые изъ нихъ, отличавшіеся выдающимися способностями и усердіемъ, обнаруживаютъ изумительные успѣхи. Это обстоятельство, въ связи съ вышеизложенными взглядами относительно неподготовленности еврейскихъ бѣдняковъ къ полезнымъ и производительнымъ занятіямъ, привело меня и нѣкоторыхъ другихъ учителей-добровольцевъ къ заключенію, что невозможно довольствоваться однимъ обученіемъ этихъ мальчиковъ общеобразовательнымъ предметамъ, что даже при полномъ усвоеніи учениками всѣхъ преподаваемыхъ нами наукъ, они не только освободятся отъ необходимости заниматься непроизводительными профессіями, но, наоборотъ, получатъ еще лучшую, чѣмъ раньше, къ этому подготовку. Чтобы избѣжать столь печальныхъ результатовъ нашихъ усилій и стремленій, я предложилъ товарищамъ-учителямъ поставить еврейскому благотворительному обществу ультиматумъ: только въ томъ случаѣ мы будемъ продолжать свои занятія, если, на-ряду съ общими предметами, этихъ сиротъ будутъ обучать разнымъ ремесламъ,—сапожному, портняжному, переплетному, столярному, слесарному. Мало того: рядомъ съ этимъ мы должны настаивать, чтобы самыхъ способныхъ и талантливыхъ учениковъ еврейскіе богачи помѣщали и содержали на свой счетъ въ реальное училище или въ гимназію, согласно нашему указанію.

Товарищи вполне одобрили это предложеніе и для его осуществленія выбрали комиссію изъ трехъ лицъ,—меня и еще двухъ, на нѣсколько лѣтъ меня старшихъ студентовъ.

Администрація «Талмудъ-Тойре», какъ я уже упомянулъ, чрезвычайно цѣнившая наши занятія съ питомцами этого учрежденія, съ радостью ухватилась за нашъ планъ обученія дѣтей также и ремесламъ. Но не отъ нея зависѣло осуществленіе этого предложенія, а отъ еврейскаго благотворительнаго комитета, во главѣ котораго стояли крупнѣйшіе богачи. Узнавъ отъ администраціи «Талмудъ-Тойре» о нашемъ

ультиматумъ, этотъ комитетъ уполномочилъ своего предсѣдателя, извѣстнаго тогда банкира Розенберга (тестя филантропа, барона Гинзбурга), непосредственно отъ насъ самихъ узнать сущность нашего плана. Мы, поэтому, получили отъ него приглашеніе посѣтить его, на что мы согласились. Но при этомъ вышелъ небольшой курьезъ, который считаю неизлишнимъ здѣсь передать, такъ какъ онъ отчасти рисуетъ наше тогдашнее настроеніе.

Когда пополудни мы подошли къ роскошному зданію, въ которомъ обиталъ милліонеръ Розенбергъ, направились въ парадный подъѣздъ, то важный швейцаръ, стоявшій у входа, предложилъ намъ войти съ чернаго хода, такъ какъ, молъ, «теперь у барина самъ губернаторъ», при этомъ онъ указалъ на стоявшій у подъѣзда экипажъ.

— Передайте вашему барину,—воскликнулъ я,—что мы съ чернаго хода не ходимъ. И, повернувшись удалился.

Послѣдовавшіе за мною товарищи нашли, что изъ-за такой мелочи, какъ парадный или черныи ходъ не стоитъ демонстрировать, тѣмъ болѣе, что мы, вѣдь, не въ качествѣ просителей за себя явились; къ тому же, спустя пару-другую часовъ, какъ намъ было извѣстно, должно было состояться общее собраніе членовъ еврейскаго благотворительнаго общества, на которомъ предсѣдатель его Розенбергъ предполагалъ, на основаніи нашихъ сообщеній, сдѣлать докладъ по поводу предлагаемыхъ нами реформъ. А теперь, не побесѣдовавъ съ нами, онъ лишенъ возможности сдѣлать это. Но я не согласился съ ними, заявивъ, что необходимо научить богачей, чтобы они принимали насъ, бѣдняковъ, съ тѣмъ же почетомъ и вѣжливостью, какіе они примѣняютъ при посѣщеніи ихъ знатно. Что же касается утѣшенія времени и риска повредить осуществленію нашего плана, то разъ Розенбергъ дорожитъ имъ, онъ найдетъ способъ побесѣдовать съ нами.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ моего прихода домой, ко мнѣ стремглавъ влетѣлъ одинъ изъ членовъ администраціи «Талмудъ-Тойре» и сообщилъ, что Розенбергъ прислалъ къ нему нарочнаго съ просьбой, чтобы, разыскавъ насъ, онъ уговорилъ поягловать къ нему, что, узнавъ отъ швейцара о причинѣ нашего ухода, онъ распеку его и приказалъ проводить насъ по парадной лѣстницѣ.

Этимъ объясненіемъ я счелъ себя удовлетвореннымъ, и мы вторично отправились къ предсѣдателю, когда уже наступилъ вечеръ, и онъ долженъ былъ вскорѣ открыть собраніе еврейскаго благотворительнаго общества.

Наконецъ провели насъ въ роскошнѣйшій кабинетъ, въ которомъ встрѣтилъ насъ бѣлый, какъ лунъ, старикъ, вполне еврейскаго типа. Еще разъ извинившись за вышедшее помимо его воли недоразумѣніе, онъ пригласилъ насъ изложить подробно нашъ планъ. Товарищи по-

просили меня, какъ инициатора, сдѣлать это, на что я охотно согласился и съ жаромъ, торопясь, сталъ развивать свое предложеніе.

Вспоминая впоследствии эту бесѣду при упомянутыхъ условіяхъ, я самъ удивлялся ея оригинальности: глубокій старикъ - милліонеръ, видимо, очень умный и довольно образованный, съ напряженнымъ вниманіемъ, стараясь не проронить ни единого слова, слѣдитъ за горячей проповѣдью безусаго юнца, какъ можно освободить его одино-племенниковъ отъ нищеты, невѣжества и суевѣрій, а вмѣстѣ съ этимъ и отъ тяготящей надъ ними ненависти христіанъ.

Я не стѣснялся въ выборѣ выраженій и упрекалъ еврейскихъ богачей, а слѣдовательно, и Розенберга въ томъ, что, накопивъ много матеріальныхъ средствъ, они очень мало что дѣлаютъ для сородичей. Между тѣмъ, ихъ прямой, личный расчетъ долженъ былъ бы побудить ихъ не жалѣть денегъ для распространенія просвѣщенія, а также для обученія производительнымъ занятіямъ еврейской массы.

Зная, что нашему хозяину необходимо было торопиться на за-сѣданіе, мои товарищи, прерывая мою проповѣдь, предлагали ретироваться. Но Розенбергъ каждый разъ останавливалъ ихъ, говоря, что ему очень интересно продолжать нашу бесѣду.

Въ заключеніе этого, повидимому, довольно отзывчивый богачъ, выразивъ съ своей стороны готовность сдѣлать все отъ него зависящее для осуществленія нашего плана, обѣщая намъ, независимо отъ рѣшенія еврейскаго общества, взять на себя содержаніе нѣсколькихъ наиболѣе талантливыхъ мальчиковъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Прощаясь съ нами, онъ, видимо, вполне искренно благодаритъ насъ за наше стремленіе притти на помощь меньшей братіи, а также и за указаніе ему, старику, наилучшаго способа быть ей полезнымъ.

VI.

Мы разстались съ Розенбергомъ вполне удовлетворенные результатомъ нашей съ нимъ бесѣды. Вскорѣ затѣмъ намъ сообщили, что на общемъ собраніи богачей, — которое, къ слову сказать, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не открывалось вслѣдствіе поздняго прибытія предсѣдателя, — Розенбергъ энергично отстаивалъ наше предложеніе, и въ виду авторитета, которымъ онъ пользовался, ему удалось добиться полного согласія со стороны всѣхъ собравшихся взять на себя всѣ требовавшіеся расходы. Тогда же ими избрана были исполнительная комиссія, которой поручено было приступить къ практическому осуществленію нашего проекта.

Нужно ли описывать, какъ мы ликовали, представляя себѣ то недалекое будущее, когда изъ наиболѣе талантливыхъ нашихъ учениковъ будутъ выходить выдающіеся люди, — кто знаетъ, можетъ-

быть, такіе, какъ Спиноза и Лассаль,—имя Маркса намъ тогда не было еще извѣстно.

«Примѣръ замѣчательно поставленнаго кievскаго «Талмудъ-Тойре», навѣрное, послужитъ образцомъ для другихъ городовъ. Слава о немъ распространится по всей чертѣ еврейской осѣдлости».

Такъ заносились мы въ мечтахъ. Но,—увы!—радость наша была непродолжительна.

Вышеописанное происходило зимою 1872—1873 гг. Весной должны были начать функционировать ремесленные мастерскія при «Талмудъ-Тойре».

Однажды въ ясный солнечный день вниманіе прилично одѣлаго пожилого господина, проходившаго по одной изъ захолустныхъ улицъ части города, называвшейся «Закавказье», привлекли громкіе дѣтскіе голоса, доносившіеся изъ какого-то дома. Прислушавшись къ нимъ, господинъ заинтересовался этимъ, и, разобравъ откуда голоса доносятся, направился къ одному дому. Тамъ, поднявшись на лѣстницу, онъ очутился въ довольно обширной комнатѣ, уставленной партами, на которыхъ сидѣли за тетрадками и учебниками два-три десятка мальчиковъ. Неизвѣстный господинъ прошелъ затѣмъ въ слѣдующую комнату гдѣ увидѣлъ то же, что и въ первой, потомъ въ третьей онъ встрѣтилъ еврея среднихъ лѣтъ, который на его вопросъ, что это за школа, отвѣтилъ: «Талмудъ-Тойре», объяснивъ значеніе этого названія и сообщивъ, что всѣ эти классы заведены по инициативѣ добровольныхъ учителей — студентовъ и гимназистовъ.

Любознательный господинъ чрезвычайно заинтересовался всѣмъ услышаннымъ и попросилъ словоохотливаго еврея, оказавшагося смотрителемъ «Талмудъ-Тойре», показать ему все это учрежденіе, на что тотъ охотно согласился, польщенный тѣмъ, что, очевидно, добрый, расположенный къ евреямъ христіанинъ, такъ горячо интересуется подвѣдомственнымъ ему заведеніемъ. Онъ повелъ «прилично одѣлаго господина» по всѣмъ классамъ, въ которыхъ, кромѣ партъ, были, какъ полагается, глобусы, доски, географическія карты по стѣнамъ и пр. Посѣтитель очень расхваливалъ все это оборудованіе и продолжалъ задавать разные вопросы, на которые смотритель не переставалъ давать обстоятельные отвѣты; затѣмъ онъ посвятилъ любознательнаго гостя въ предстоящую въ скоромъ времени реформу этого учрежденія. Слушая съ большимъ интересомъ всѣ эти сообщенія, любознательный господинъ дѣлалъ въ своей книжкѣ какія-то замѣтки, а затѣмъ, узнавъ все, его интересовавшее, онъ удалился.

Когда вечеромъ намъ, учителямъ, явившимся для занятій, смотритель сообщилъ объ этомъ посѣтителѣ, то мы рѣшили, что онъ, вѣроятно, газетный репортеръ. Но вскорѣ затѣмъ оказалось, что то былъ вновь назначенный инспекторъ народныхъ училищъ, случайно на-

бредшій на воплѣть оборудованную школу со многими классами. На ея открытіе, конечно, не было получено разрѣшенія, что, какъ извѣстно, тогда и долго впослѣдствіи являлось у насъ тяжкимъ преступленіемъ.

Стряслась бѣда: назначено было строгое разслѣдованіе. Богачи-попечители «Талмудъ - Тойре» привлечены были къ отвѣтственности; допытывались также фамилій учителей-добровольцевъ. Началась паника. Чтобы избѣжать большихъ непріятностей, богачи, кого нужно было, ублажили звонкой монетой. Дѣло было потушено, но въ результатѣ посѣщенія «добрымъ христіаниномъ» нашего любимого дѣтища, на организацію котораго нами положено было много стараній и усердія, «Талмудъ-Тойре» было навсегда закрыто, а несчастные сироты разбрелись въ разные мѣста.

Такъ печально закончилось существованіе, несомнѣнно, хорошаго учрежденія, которое въ будущемъ, навѣрно, оказалось бы еще полезнѣе. Между тѣмъ, я и до сихъ поръ временами вспоминаю нѣкоторыхъ мальчиковъ, положительно отличавшихся выдающимися способностями. Они, конечно, затерялись въ массѣ еврейской голытьбы. Кому, казалось бы, могъ повредить, задуманный нами планъ реформировать «Талмудъ - Тойре»?..

Столь подробно я остановился на этомъ эпизодѣ, потому что онъ сыгралъ значительную роль въ моей жизни: отчасти онъ раскрылъ мнѣ глаза на господствовавшіе въ странѣ порядки. Мое огорченіе по поводу закрытія «Талмудъ - Тойре» и разрушенія ледянного мною плана было до того велико, что въ первое время я дошелъ чуть не до полного отчаянія.

Очень рано появился у меня позывъ къ общественной дѣятельности стремленіе приносить пользу угнетеннымъ. Я могъ бы привести этому немало иллюстрацій, но ограничусь еще одной.

Вскорѣ послѣ описаннаго разгрома, мнѣ попался въ руки уставъ какого-то ссудо-сберегательнаго товарищества. Дочитавъ его до конца, я рѣшился создать аналогичное общество среди насъ, гимназистовъ и студентовъ, занимавшихся репетиторствомъ и, вслѣдствіе, непостоянства этого источника существованія, временами очень бѣдствовавшихъ.

Созвавъ знакомыхъ репетиторовъ, я предложилъ имъ въ общихъ чертахъ слѣдующій планъ: путемъ складчины мы должны были образовать небольшой основной фондъ, изъ котораго сейчасъ же могли бы давать ссуды нуждавшимся репетиторамъ. Затѣмъ съ доходовъ отъ уроковъ каждый обязанъ былъ дѣлать ежемѣсячныя отчисленія на свой пай въ кассу. Репетиторъ, имѣвшій уроки выше определенной нормы, не въ правѣ былъ брать новые, а долженъ былъ вмѣсто себя рекомендовать болѣе его нуждавшагося товарища и т. д.

Не буду подробно останавливаться на этомъ планѣ, скажу лишь, что онъ вскорѣ осуществился и сталъ прекрасно функционировать. Я, конечно, былъ избранъ въ число членовъ комитета. Но годъ спустя, вслѣдствіе политическихъ причинъ, о которыхъ сообщу ниже, намъ самимъ пришлось ликвидировать это очень полезное для речетитировъ предпріятіе.

По политическимъ взглядамъ и стремленіямъ я былъ тогда только либераломъ, хотя нѣкоторые мои знакомые,—Павель Аксельродъ, Семень Лурье и др. стали уже революціонерами. Отчасти подъ вліяніемъ печатавшихся въ газетахъ отчетовъ о процессѣ Нечаева, я сталъ убѣжденнымъ противникомъ всякаго насильственного способа дѣятельности. Раскрывшіеся на судѣ подвохи, мистификаціи и, въ особенности, возмутительное убійство Нечаевымъ ни въ чемъ неповиннаго его товарища, студента Иванова, все это сыграло немалую роль въ моемъ отрицательномъ отношеніи къ революціонному способу борьбы. По этому поводу, помню, мнѣ пришлось спорить съ П. Аксельродомъ, который былъ значительно старше меня: въ то время, какъ мнѣ шель всего 18-й годъ, онъ былъ уже 22—23-хъ лѣтъ.

Теперь не помню въ точности, что собственно онъ оспаривалъ и что я отстаивалъ, но, кажется, онъ находилъ смягчающія вину обстоятельства, а я доказывалъ обратное. Здѣсь мнѣ необходимо посвятить нѣсколько словъ этому молодому революціонеру, такъ какъ онъ игралъ тогда большую роль среди извѣстной части кievской передовой интеллигенціи.

Слава о немъ шла впереди него: онъ еще былъ въ постѣднихъ классахъ моголевской гимназіи, когда я и другіе кievляне знали отъ общихъ знакомыхъ о выдающемся по умственному развитію, благородству и гуманности Павлѣ Аксельродѣ. Неудивительно, поэтому, что пріѣхавъ, по окончаніи гимназіи въ Кіевъ, онъ сразу сталъ пользоваться большимъ авторитетомъ среди наиболѣе развитой нашей молодежи. Хотя, въ сущности, онъ не обладалъ тогда большой начитанностью, скорѣе даже наоборотъ, для своихъ лѣтъ онъ не особенно много зналъ, но, благодаря природному уму и склонности вѣчно пропагандировать и популяризировать схваченныя налету мысли, онъ на всѣхъ насъ, бывшихъ его молодежъ, производилъ впечатлѣніе выдающагося человѣка.

Какъ въ житейскихъ вопросахъ, такъ и въ социально-политическихъ, онъ склоненъ былъ тогда къ самымъ радикальнымъ взглядамъ и, когда зимой 1872—1873 гг. началось революціонное движеніе одновременно во многихъ городахъ, П. Аксельродъ являлся однимъ изъ первыхъ въ Кіевѣ интеллигентовъ, примкнувшихъ къ нему. На меня онъ смотрѣлъ сверху внизъ, какъ на жалкаго либерала. Мы перестали встрѣчаться. Годъ съ чѣмъ-то спустя (осенью 1874 г.), онъ эмигрировалъ за границу, и мы вновь встрѣтились, уже какъ едино-

мышлениями, только въ 1878 г. въ Жешевѣ. Но я забѣжалъ значительно впередъ.

VII.

Моимъ стремленіемъ было по окончаніи гимназіи поступить на медицинскій факультетъ, чтобы, сдѣлавшись затѣмъ врачомъ, посвятить себя,—по примѣру чрезвычайно популярнаго въ тѣ времена земскаго врача Португасова,—общественно-медицинской дѣятельности среди наиболѣе пугдающейся массы населенія. Но, какъ и многихъ молодыхъ людей, имѣвшихъ самыя мирныя, лояльныя намѣренія, суровая дѣйствительность убѣдила меня, что, при господствовавшихъ въ странѣ порядкахъ, невозможна никакая работа на пользу ближняго, оставаясь честнымъ, порядочнымъ человекомъ, отдающимъ себѣ отчетъ въ окружающемъ. Рѣдкій изъ революціонеровъ того періода не начинать своей общественной дѣятельности съ тѣхъ или иныхъ легальныхъ попытокъ принести пользу обездоленнымъ. Но каждый изъ нихъ вскорѣ убѣждался въ невозможности такихъ стремленій, вследствие различнаго рода помѣхъ, стѣсненій, а то и прямыхъ пресѣдованій со стороны всякаго рода власти имущихъ лицъ. Несмотря на тяготѣвшую надъ печатью суровую цензуру, все же въ литературѣ попадались произведенія, изображавшіе тщетность усилій честныхъ людей, отстаивавшихъ обиженныхъ, стоявшихъ за правду, справедливость. Я, напримѣръ, и до сихъ поръ хорошо помню сильное впечатлѣніе, которое на меня и на моихъ сверстниковъ произвелъ вышеупомянутый въ ту пору, въ видѣ отдѣльной книги, подъ заглавіемъ «Столбы», одинъ судебный процессъ, раскрывшій невѣроятныя злоупотребленія и полное безсиліе лицъ, стремившихся защищать потерпѣвшихъ.

Все же я не скоро сдался: лишь послѣ значительной внутренней борьбы рѣшилъ я разстаться съ умѣренно-либеральными своими взглядами и мирнѣйшими планами на счетъ будущаго. Для этого потребовалось скопленіе цѣлаго ряда обстоятельствъ.

До 18-ти лѣтъ мнѣ вовсе не приходилось выѣзжать изъ Кіева, и жизнь крестьянъ я зналъ поэтому лишь по немногимъ существовавшимъ тогда произведеніямъ. Только весной 1874 года, получивъ урокъ на казеннаго времени у богатаго арендатора крупнаго имѣнія Кіевской губерніи, я впервые очутился въ деревнѣ.

Она произвела на меня крайнее тяжестое впечатлѣніе, хотя по своему благосостоянію, вѣроятно, ничѣмъ не отличалась, а, можетъ-быть, даже превосходила многія другія.

Живя въ Кіевѣ, я, конечно, встрѣчалъ вообще въ городѣ и въ частіюсти на Шляховскихъ улицахъ и въ ихъ флигеляхъ разнаго рода бѣдняковъ, нищихъ, босыхъ, но все эти обездоленные люди представлялись мнѣ, наряду съ зажиточными слоями населенія, какъ бы случайными явленіями,—несчастными исключеніями изъ общей массы.

Къ тому же, видя ихъ съ самаго дѣтства, я, по присущему людямъ свойству, никогда не задумывался надъ существующимъ контрастомъ между разными слоями населенія. Совсѣмъ иное дѣйствіе произвела на меня жизнь крестьянъ.

Прежде всего, «бѣлые хаты съ вишневыми садочками», воспѣтые украинскими писателями, показались мнѣ жалкими, убогими лачугами. Затѣмъ меня поразило непомерно тяжелый трудъ крестьянъ за пашнями, покосами и др. сельскими работами. Къ тому же, какъ я узналъ, онѣ столь скудно вознаграждались, что уже съ весны онѣ ради необходимыхъ имъ средствъ для уплаты податей и прокормленія до новаго урожая подражались на водочный заводъ, въ которомъ затѣмъ всю осень и зиму обязаны были работать по 14—16-ти часовъ въ сутки за взятую ими впередъ ничтожную сумму, въ 15—18 рублей! Я увидѣлъ, что, кромѣ холщевыхъ рубахъ съ такими же штанами да самодѣльной свитки, никакого другого платья не было у этихъ вѣчныхъ труженниковъ. Этой одеждѣ, какъ я убѣдился, соответствовала по своей ограниченности скудная пища, а также и внутреннее убранство хатъ, состоявшее изъ голыхъ палатей съ разнымъ тряпьемъ вмѣсто постелей.

Все это было для меня ново, а потому произвело удручающее впечатлѣніе. Тяжесть его еще усиливалась сопоставленіемъ этого каторжнаго труда крестьянъ при жалкомъ ихъ существованіи съ жизнью въ пресыщеніи и полномъ бездѣльи богатаго аристократа, его семейства да и моей собственной.

У малосвѣдующаго и впечатлительнаго юноши, каковымъ я, въ сущности, былъ тогда, впервые ярко возникли вопросы: какимъ образомъ произойдетъ этотъ контрастъ и почему несчастные труженники мирятся со своей тяжелой долей? Затѣмъ, что слѣдуетъ предпринять для устранения этого?

Разъ возникнувъ, мысль стала упорно работать далѣе въ этомъ направленіи. Досуга у меня было много, такъ какъ занятія съ мальчишомъ отнимали у меня очень мало времени, и я въволю могъ предаваться размышленіямъ.

Отправляясь въ эту деревню, я захватилъ съ собою нѣкоторые, хотя и раніе уже мною читанныя книги. Въ ихъ числѣ, помню, находились, между прочимъ, популярныя въ то время сочиненія Лассаля, Исторія цивилизаціи Бокля, Положеніе рабочаго класса Флорювскаго и др.

Эти сочиненія теперь производили на меня совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ раніе: я находилъ въ нихъ такіе мысли, какихъ прежде не замѣчалъ. Здѣсь, къ слову сказать, считаю нужнымъ упомянуть о знаменитыхъ «Историческихъ письмахъ» Миртова, а также о статьяхъ Н. К. Михайловскаго, печатавшихся въ «Отечественныхъ Запискахъ», такъ какъ нѣкоторые «знатоки» нашего революціоннаго дви-

женія теперь сообщаютъ о громадномъ, будто бы, вліяніи, оказанномъ этими двумя писателями, на революціонную молодежь начала 70-хъ годовъ, что въ дѣйствительности не было *).

Мысли Миртова, изложенныя въ названныхъ «Письмахъ», пришлись вполнѣ по душѣ лучшей части тогдашней молодежи: они подтвердили ея собственныя стремленія приносить пользу ближнему. Напримѣръ, я и мои товарищи, еще до знакомства съ этими «Письмами», на практикѣ осуществляли проповѣдь Миртова о «долгѣ образованныхъ классовъ» по отношенію обездоленныхъ массъ. Но изъ этого взгляда мы вовсе не умозаключали, — какъ то сообщаютъ такіе, будто бы, «современники» появленія этихъ «Писемъ», какъ Н. С. Русановъ, которому тогда было только 9 — 10 лѣтъ, — что необходимо «бросать науку и идти въ народъ». Никакого революціоннаго вліянія эти знаменитые «Письма» на насъ не имѣли.

Что же касается Н. Михайловскаго, то онъ не только не являлся тогда «властителемъ нашихъ думъ», но многіе, и я въ томъ числѣ, въ тѣ годы совершенно не были знакомы съ его статьями, а нѣкоторые не знали даже его имени, смѣшивая послѣднее съ поэтомъ Михайловскимъ.

Совсѣмъ иное дѣйствіе оказывали тогда сочиненія Лассаля, съ одной стороны, и Флеровскаго — съ другой. Въ то время, какъ описаніи послѣдняго безвыходнаго тяжелаго положенія трудящихся массъ Россіи вызывали у чуткой къ страданіямъ ближняго молодежи готовность притти ему на помощь и принести для этого всяческія жертвы, — страстныя, зажигательныя рѣчи и статьи гениальнаго нѣмецкаго агитатора призывали къ борьбѣ и указывали на наиболѣе вѣрный путь къ побѣдѣ, къ торжеству права надъ безправіемъ. Все же ни одно изъ перечисленныхъ, а также никакое изъ другихъ тогда популярныя произведеній, не разрѣшало для насъ, русскихъ, вопроса: какъ намъ быть? Что намъ слѣдуетъ предпринять, чтобы вывести русскій народъ изъ бѣдственнаго его положенія.

Ни «Историческія письма», ни «Положеніе рабочаго класса», ни тѣмъ болѣе статьи Михайловскаго на эти вопросы не давали отвѣта. Но на почвѣ, подготовленной унаслѣдованными чертами характера, въ связи съ условіями жизни, воспитанія и среды, рѣшающее дѣйствіе оказывали отдѣльныя, перѣдко мало или даже вовсе незначительныя факты, случаи и обстоятельства. Однимъ изъ таковыхъ явилось для меня слѣдующее происшествіе, свидѣтелемъ котораго я былъ, проводя указанное лѣто въ деревнѣ.

*) Вліяніе «Историческихъ писемъ» подтверждено рядомъ показаній современниковъ. Л. Г. Дейчъ въ давномъ случаѣ можетъ говорить только о себѣ и о кружкѣ лицъ, примыкавшихъ къ нему.

VIII.

Однажды въ страдную пору мыѣ сообщили, что на слѣдующее утро прибѣдетъ волостной писарѣ и сообщить крестьянамъ какое-то важное распоряженіе начальства.

Не будучи до того шикогда на сельскомъ сходѣ, я рѣшилъ познакомиться, что онъ собою представляетъ. Поэтому, по обыкновенію, вдесять поѣвъ утромъ всякихъ вкусныхъ яствъ, я, въ сопровожденіи старшаго сына арендатора, моего сверстника, пошелъ къ сельскому управленію.

Тамъ собралась значительная часть мужского населенія, которая, какъ оказалось, уже давно ожидала писаря. Часть проходить за часомъ, а онъ все не являлся. Между тѣмъ, была горячая дѣя крестьянъ пора уборки хлѣбовъ, когда опасно терять сухой солнечный день. Кое-кто изъ нихъ выражалъ поэтому нетерпѣніе и неудовольствіе на писаря, зачѣмъ такъ долго онъ заставляеть ихъ напрасно торчать здѣсь. Однако, никто изъ нихъ не рѣшался уйти, очевидно, изъ боязни поплатиться за это. Чтобы скоротать время, многіе, расположившись въ тѣни на землѣ, вели хозяйственные разговоры или рассказывали другъ-другу о всевозможныхъ продѣлкахъ лѣшихъ, домовыхъ и всякой другой нечистой силы.

Переходя отъ одной кучки къ другой вмѣстѣ съ сыномъ арендатора, котораго всѣ хорошо знали, я, какъ новичекъ, къ тому же «атеистъ», «реалистъ» и пр., изумлялся, какъ взрослые люди съ глубокой, искренней вѣрой относятся къ такимъ нелѣпымъ, дѣтскимъ сказкамъ.

Когда наступилъ полдень, крестьяне, доставъ изъ кармановъ ломти хлѣба съ солью, этимъ позавтракали. Мы же отправились домой, гдѣ вновь съѣли нѣсколько вкусныхъ блюдъ, а затѣмъ, вернувшись къ сельской управѣ, нашли крестьянъ въ прежнемъ положеніи. — важная особа, ихъ волостной писарѣ, все еще не пожаловалъ.

Такъ прошелъ весь день. Только съ закатомъ солнца показалась бричка, запряженная парой рѣзвыхъ коней. Завидѣвъ ее еще издали, крестьяне поднялись съ своихъ мѣстъ, а когда, лихо подкативъ, она остановилась, и изъ нея сошелъ господинъ среднихъ лѣтъ, одѣтый въ прекрасный лѣтній костюмъ, на жилетѣ котораго болталась толстая золотая цѣпь отъ часовъ, а на нѣкоторыхъ пальцахъ видны были такіе же перстни, рѣшительно всѣ крестьяне, обнаживъ головы, отвѣсили этому франту самый низкій поклонъ.

Увидѣвъ столь подобострастное отношеніе къ такой мелкой сошкѣ, явившейся къ тому же наемнымъ слугой самихъ же крестьянъ, я, какъ новичекъ, недоумѣвалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возмущался до глубины души. Этотъ «баринъ» даже не считъ нужнымъ не только изви-

ниться, но хотя бы упомянуть о причинѣ, заставившей его продержаться зря сходу въ такую пору цѣлый день. Онъ сразу приступилъ къ дѣлу, состоявшему въ томъ, что вышло распоряженіе, въ силу котораго сельскимъ обществамъ предоставлялось право составлять приговоры объ отправкѣ нежелательныхъ имъ почему-либо членовъ на свой счетъ въ Сибирь. Прочитавъ эту бумагу, изыщный джентльменъ обратился къ сходу съ предложеніемъ назвать тѣхъ «порочныхъ» односельчанъ, которыхъ слѣдуетъ отправить въ эту далекую страну, съ однимъ названіемъ которой у всякаго россіянина связаны были тогда самыя страшныя представленія.

Но сходы молчать. Волостной писарь вновь повторилъ свое предложеніе, заявивъ, что, такъ какъ начальство «требуеѣ» высылки въ Сибирь плохихъ односельчанъ, то необходимо указать таковыхъ, хотя въ дѣйствительности въ прочитанной имъ бумагѣ говорилось лишь условно о высылкѣ, «въ случаѣ нахожденія таковыхъ лицъ въ сетахъ».

Послѣ настояній этого комментатора предписаній начальства, кто-то робко заявилъ, что, молъ, въ этомъ селѣ нѣтъ такихъ порочныхъ членовъ, которыхъ слѣдовало бы сослать въ Сибирь, къ тому же еще на счетъ самого же сельского общества.

— Какъ нѣтъ такихъ?—воскликнулъ писарь.—А Иванъ Рудый! Онъ уже не разъ сидѣлъ въ хлѣбной за непослушаніе. А Степанъ Федченко, который никогда въ срокъ не вноситъ податей! —

Такихъ «предныхъ членовъ» онъ назвалъ еще нѣсколько человекъ.

— Та жъ правда!—подтвердили нѣкоторые голоса. припадкѣжавшіе, какъ и потомъ узнать, къ личнымъ подругамъ перечисленныхъ писаремъ кандидатовъ на отправку въ Сибирь.

— Ну, вотъ и хорошо,—видимо, обрадовался писарь, услышавъ эти голоса.—Тогда я составлю приговоръ, что все ваше сельское общество заявило желаніе, чтобы эти порочные члены были отправлены въ Сибирь.

— Можно! Согласны!—повторили. вѣроятно, тѣ же немногіе крестьяне, между тѣмъ, какъ преобладающее большинство продолжало упорно молчать вслѣдствіе ли робости или равнодушія, а то, быть-можетъ, и просто отъ усталости и естественнаго желанія скорѣе отправиться домой, чтобы успѣть отдохнуть до разсвѣта.

Но тутъ началась неподдающаяся моему перу сцена: перечисленные писаремъ крестьяне только теперь, какъ говорится, «расчихавшіе», что имъ грозитъ опасность быть или за что ни про что оторванными отъ любимой деревни, гдѣ протекла ихъ жизнь, а также и ихъ предковъ, гдѣ жила вся ихъ родня, подняли волю, крикъ и плачь.

— Та за вшицо вы насъ губите! Ратуйту насъ, діды—обращались они съ мольбами, очевидно, къ болѣе степеннымъ и пользовавшимся вѣсомъ въ глазахъ односельчанъ, крестьянамъ.

Не помню, что стѣбали послѣдніе, припоминаю только, что сцена эта произвела на меня самое тяжелое впечатлѣніе, а такъ какъ къ тому же уже давно стемнѣло, и мой спутникъ торопитъ меня вернуться домой, гдѣ насъ ждали съ ужиномъ, мы оставили сходъ до окончанія этого такъ-называемаго «сельскаго самоуправленія».

На обратномъ пути сынъ арендатора сообщилъ мнѣ, что этотъ писарь, пользующійся протекціей высшихъ властей, — станового и исправника, — всякими приемами обираетъ обширную подвѣдомственную ему волость, и что крестьяне въ полной кабалѣ у него, почему страшно его боятся.

По его же словамъ, ласкойчивость писаря непремѣнно отправитъ нѣсколько челоуѣкъ въ Сибирь обусловливаясь, какъ стремленіемъ проявить передъ начальствомъ усердіе, такъ и тѣмъ, что процессъ этой высылки долженъ быть принести ему извѣстный доходъ.

Все это сынъ арендатора излагалъ вполне энциклопедическимъ слономъ, словно сообщитъ о самыхъ естественныхъ и безобидныхъ фактахъ, изъ чего можно было заключить, что эти возмутительные приемы были для него привычными, обыденными явленіями, нисколько не удивлявшими, а тѣмъ менѣе, огорчавшими его.

А у меня въ это время въ ушахъ продолжали раздаваться вопли и мольбы несчастныхъ, обреченныхъ на изгнаніе изъ общества, въ сущности, по желанію одного лишь подкупнаго писаря *).

На слѣдующее утро, когда я еще лежалъ въ постели, до меня дошелъ какой-то смѣшанный шумъ, крикъ, плачь, стонъ. Это, оказалось, къ арендатору, пользовавшемуся среди мѣстныхъ крестьянъ недурной репутаціей, пришли кандидаты на высылку въ Сибирь съ женами, а то и съ дѣтьми, просить его, чтобы онъ за нихъ заступился предъ писаремъ, который остался ночевать въ этомъ селѣ, чтобы утромъ закончить всѣ формальности съ приговоромъ общества. По ихъ словамъ, священникъ, котораго сынъ просилъ заступиться за нихъ, отказалъ имъ въ этомъ.

Не помню, какова была судьба этихъ страдальцевъ. Для меня же

*) Къ слову, предчувствіе грозящихъ впереди бѣдъ не обманывало этихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей. Когда, одиннадцать лѣтъ спустя, мнѣ по пути въ Карійскую каторжную тюрьму пришлось идти вмѣстѣ со многими «общественниками», я въ достаточной степени насмотрѣлся на ихъ ужасное положеніе. Эти, по закону, не лишеныя нравъ состоянія сильные, въ дѣйствительности являлись послѣдними людьми въ «мірѣ отверженныхъ». Рѣшительно отъ всякаго каторжанина, поселенца, бродяги они подвергались всевозможнымъ обидамъ, униженіямъ и оскорбленіямъ: ихъ толкали, били, надѣвались надъ ними, отводили имъ малхудшія мѣста на этапахъ и въ тюрьмахъ, заставляли исполнять самыя тяжелыя, грязныя и неприятыя работы и пр. (См. мою книгу «16 лѣтъ въ Сибири», стр. 150—51, изд. Н. Глаголева, СПб.). Не трудно представить себѣ, какова была затѣмъ судьба этихъ парней по приходѣ на мѣста ихъ поселенія въ Сибирь...

описанное происшествіе было, какъ я уже упомянулъ, рѣшающимъ событіемъ въ моей жизни.

Впервые тогда я ясно, конкретно увидѣлъ, насколько ужасны условія жизни преобладающаго большинства трудящагося населенія,—кормильцевъ кучки тунеядцевъ, воровъ, взяточниковъ. Только тогда я понималъ, что всякія стремленія передовой части общества пригнати на помощь эксплуатируемымъ массамъ, въ лучшемъ случаѣ, при самомъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, могутъ играть роль лишь незначительныхъ палліативовъ, неспособныхъ ни на юту измѣнить господствующій кругомъ строй, полный самыхъ вопіющихъ несправедливостей.

Почти одновременно съ этимъ сходомъ въ Петербургъ происходилъ извѣстный процессъ Долгушинцевъ, за отчетами котораго, печатавшимися въ газетахъ, я слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ.

Произведенное на меня этимъ политическимъ дѣломъ впечатлѣніе не могло идти ни въ какое сравненіе съ моимъ отношеніемъ къ нечаевцамъ.

Между тѣмъ, какъ дѣятельность послѣднихъ не вызывала во мнѣ ни маѣйшихъ симпатій, приемы долгушинцевъ, наоборотъ, показались мнѣ вполне соответствовавшими моимъ собственнымъ взглядамъ и складу моего характера: извѣстно, что члены этого кружка были первыми въ нашемъ революціонномъ движеніи социалистами, отпавшими «въ народъ», за что они и поплатились многолѣтней каторгой, въ большинство ихъ и погибло.

Къ этой дѣятельности склонился и я. «Что толку въ томъ, что будешь со временемъ добросовѣстнымъ лѣкаремъ?—задавалъ я себя чюпросъ.—Народъ, который насъ кормитъ и доставляетъ всѣ условія для нашего образованія, не перестанетъ отъ этого страдать. Необходимо радикальный переворотъ во всемъ строѣ общества и государства».

Только одно обстоятельство заставило меня серьезно задуматься, прежде чѣмъ я принялъ окончательное рѣшеніе: «Что будетъ съ матерью да отчасти и съ сестрами, когда я цѣликомъ отдамся революціонной борьбѣ?»—спрашивалъ я себя. Не говоря уже про потерю для близкихъ мнѣ лицъ зарабатываемыхъ мною уроками средствъ, хотя и незначительныхъ, но все же являвшихся существенными расходами въ бюджетъ нашей семьи,—мать, естественно, давно легѣла надежду, что, ставъ врачомъ, я освобожу ее отъ тяжелыхъ матеріальныхъ заботъ и облегчу ей жизнь на счетъ ея лѣтъ. И я самъ неоднократно строилъ передъ нею на этотъ счетъ планы. А теперь ей не только приходилось отказаться отъ нихъ, но къ тому же заранѣе примириться съ неизбежной для меня перспективой очутиться въ тюрьмѣ и на каторгѣ. Какимъ страшнымъ ударомъ будетъ, поэтому, для бѣдной матери мое рѣшеніе!

Я часто возвращался къ вопросу, какъ облегчить ея состояніе,

но ничего не въ состояніи былъ придумать. Въ голову приходили лишь мысли, что не я первый и не послѣдній, медленно причиняющій боль, страданія, а то и несчастія матери и другимъ близкимъ людямъ. Если останавливаться передъ такими обстоятельствами, то пришлось бы вовсе отказываться отъ общественной дѣятельности, такъ какъ почти всякое занятіе, въ большей или меньшей степени, связано съ рискомъ, съ опасностью пострадать и повредить любимымъ лицамъ. Но тогда невозможно было бы никакой шагъ впередъ. Къ тому же народъ страдаетъ еще куда больше, и шагъ долгъ притти ему на помощь.

Въ концѣ-концовъ, я рѣшилъ положиться на естественный ходъ событій и постарался съ возвращеніемъ въ Кіевъ съ твердымъ намѣреніемъ немедленно примкнуть къ революціонному движенію. Передъ самымъ отъѣздомъ я побывалъ въ ближайшемъ къ селу уѣздномъ городѣ, гдѣ случайно встрѣтилъ одного петербургскаго студента, прибывшаго туда на каникулы и привезшаго съ собою нѣсколько нетеплыхъ брошюръ. Среди нихъ имѣлись нѣкоторыя произведенія Бакунина и Лаврова, а также популярныя тогда брошюры, вроде «Хитрой механики», «Сказки о четырехъ братьяхъ» и т. п.

Я съ жадностью набросился на нихъ и чуть ли не въ одинъ присѣсть прочелъ всѣ. Этотъ студентъ охотно согласился предоставить ихъ мнѣ. Помню, какое неимоверное наслажденіе доставили онѣ мнѣ: пріятно было смотрѣть на нихъ, держать ихъ въ рукахъ; онѣ казались мнѣ чрезвычайно цѣнными, какъ наилучшія средства для освобожденія угнетенныхъ массъ.

Въ ихъ содержаніи я сразу не могъ, конечно, разобраться: все, что въ нихъ сообщалось, я находилъ вполне вѣрнымъ, правильнымъ, соответствовавшимъ тому же, къ чему и я пришелъ самостоятельно, размышляя по поводу сельскаго схода и процесса долгушинцевъ. Я не только не опредѣнилъ себѣ, куда склоняются мои симпатіи, — къ лавристамъ или бакунистамъ, но даже самый вопросъ этотъ въ то время еще не возникалъ у меня, до того были чужды мнѣ существовавшія тогда революціонныя теченія.

IX.

Возвращаясь въ Кіевъ, я заранѣе представлялъ себѣ радостную встрѣчу съ Аксельродомъ и другими членами его кружка, которые, какъ уже выше упомянуто, раньше стали революціонерами.

«Теперь я вашъ! Поидемъ вмѣстѣ! Будемъ работать на одномъ плугищѣ», — подобныя фразы проносились въ моей головѣ, когда я приближался къ родному городу.

Но тамъ меня ожидало тяжелое разочарованіе: съ первыхъ же словъ сестры сообщали мнѣ, что въ Кіевѣ произведены были боль-

шіе аресты: Семень Лурье и другіе за́браны, Аксельроду съ нѣсколькими товарищами удалось скрыться, и они эмигрировали за границу.

Повидавшись затѣмъ съ членами нашего соудто-сберегательнаго товарищества, я узналъ, что оно ими закрыто, такъ какъ вслѣдствіе происшедшихъ обысковъ они побоялись, какъ бы жандармы, лѣтнувшись на наши денежные и другіе отчеты, не приняли этого невиннаго, но основаннаго, конечно, безъ разрѣшенія начальства, общества за тайный политическій кружокъ.

Занятый другими мыслями и стремленіями, я совершенно равнодушно отнесся къ этому сообщенію. Но извѣстіе о происшедшемъ въ Кіевѣ разгромѣ было большимъ для меня ударомъ: кромѣ Аксельрода и его товарищей, я не зналъ никакихъ другихъ революціонеровъ, съ которыми могъ бы сойтись и получать отъ нихъ столь необходимые неофиту, особенно на первыхъ порахъ, совѣты, указанія, подпольныя изданія и пр.

Нѣкоторое время я чувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ, безпомощнымъ, я не зналъ, что предпринять, куда направить свои силы. Возвращаясь въ Кіевъ, я думалъ о близкой плодотворной работѣ съ опытными товарищами-революціонерами. И вдругъ вмѣсто среды, въ которой происходила бы энергичная дѣятельность, я нашелъ пустыню, въ которой бродили охваченные паникой люди, не имѣвшіе ни малѣйшаго отношенія къ чему-либо политическому.

Нѣсколько облегчила мое состояніе встрѣча съ пріятелемъ, школьнымъ товарищемъ, Іосифомъ Щепанскимъ. Разговорившись съ нимъ, я, къ великой моей радости, узналъ, что онъ также, оставаясь въ Кіевѣ во время каникулъ, совершенно самостоятельно пришелъ къ тѣмъ же выводамъ относительно невозможности легальной дѣятельности, что и я, и склонился къ революціоннымъ взглядамъ.

Мы съ нимъ рѣшили приступить къ пропагандѣ нашихъ убѣжденій среди наиболѣе развитыхъ нашихъ товарищей. Намѣтивъ нѣсколько гимназистовъ послѣднихъ классовъ, мы пригласили ихъ притти ко мнѣ на квартиру, гдѣ я и Щепанскій подѣлились съ ними тѣмъ, до чего сами додумались и что мы узнали изъ прочитанныхъ нами нелегальныхъ произведеній.

Особеннаго энтузіазма наша проповѣдь не вызвала ни въ комъ изъ нихъ: они, правда, согласились собираться для совмѣстныхъ чтеній подпольныхъ изданій, но, кажется, уже послѣ второго раза эти собранія,—не помню, по какой причинѣ,—прекратились. Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ кое-кто изъ этихъ гимназистовъ примкнулъ къ революціонному движенію.

Вскорѣ затѣмъ отъ уцѣлѣвшей изъ кружка Аксельрода невѣсты Семена Лурье я узналъ, что въ Кіевѣ находится молодой врачъ, Владиміръ Эмме; у котораго произведенъ былъ обыскъ, но, за отсутствіемъ

уликъ, онъ былъ оставленъ на свободѣ подъ надзоромъ полиціи. По ея словамъ, Эмме былъ очень интереснымъ, чрезвычайно образованнымъ и довольно опытнымъ социалистомъ.

Я, понятнo, пожелалъ немедленно познакомиться съ нимъ, что, при посредствѣ этой дѣвушки, мнѣ вскорѣ и удалось.

Эмме, дѣйствительно, оказался незауряднымъ человекомъ. Знакомство съ нимъ дало мнѣ очень много. Онъ не только былъ всесторонне начитаннымъ человекомъ, прекрасно знавшимъ социалистическую литературу, но онъ уже побывалъ въ эмиграціи и лично зналъ всѣхъ знаменитыхъ тогда дѣятелей, господствовавшія направленія, разныя происшествія, приключенія и пр. Обо всемъ этомъ онъ охотно со мною дѣлился, а я, конечно, слушалъ его рассказы съ жадностью, просияывая у него нерѣдко до полуночи.

Отъ него я узналъ о «лавристахъ» и «бакунистахъ», о «пропагандистахъ» и «бунтаряхъ», о «чайковцахъ» и о многомъ другомъ, чего изъ поставшихъ мнѣ въ руки нѣсколькихъ брошюръ и сказокъ я не могъ почерпнуть. Черезъ Эмме же я познакомился и съ его единомышленникомъ, Николаемъ Колоткевичемъ, тогда еще студентомъ кievскаго университета, впоследствии ставшимъ знаменитымъ народо-вольцемъ, погибшимъ затѣмъ въ Шлиссельбургской крѣпости. У Эмме я впервые встрѣтилъ также первую «незаконную», разыскиваемую полиціей, извѣстную Анну Розенштейнъ-Макаревичъ, съ которой потомъ, очутившись въ кружкѣ южныхъ бунтарей, очень подружился *). Черезъ него же я сталъ получать всѣ доходившія изъ-за границы запрещенныя сочиненія и т. д.

По убѣжденіямъ Эмме былъ лавристомъ, къ тому же питавшимъ дружжелюбныя чувства къ послѣдователямъ Бакунина, о которыхъ онъ рассказывалъ мнѣ много несимпатичнаго, особенно изъ эмигрантской цюрихской жизни, свидѣтелемъ и очевидцемъ чего онъ самъ былъ. Эти его рассказы произвели на меня, юнаго адепта, готоваго идеализировать всѣхъ революціонеровъ, самое тяжелое впечатлѣніе.

Насколько я въ то время былъ способенъ отдавать себѣ отчетъ относительно господствовавшихъ у насъ тогда направленій, мнѣ, казалось, что, какъ по темпераменту, такъ и по склонностямъ и стремленіямъ, мнѣ слѣдуетъ пристать къ лавристамъ, что я и сдѣлалъ.

*) В 1877 г. Анна Розенштейнъ-Макаревичъ, принявъ псевдонимъ Кудешева, эмигрировала за границу, гдѣ сразу завоевала выдающееся положеніе, какъ замѣчательная агитаторша, сперва среди французовъ, затѣмъ—итальянцевъ, за что ѣтъ неоднократно пришлось посидѣть въ тюрьмахъ. Вышедши въ Италію замужъ за извѣстнаго тамъ анархиста Андрея Коста, она, ставъ затѣмъ социалдемократкой, разошлась съ нимъ и сблизилась съ извѣстнымъ лидеромъ итальянской соц.-дем. партіи Турати. Анна Кудешева-Турати до сихъ поръ работаетъ въ рядахъ этой партіи, какъ одна изъ наиболѣе выдающихся ея лидеровъ; она пользуется въ Италіи большой популярностью.

Извѣстно, какую обширную и всестороннюю подготовку требовалъ Лавровъ отъ своихъ послѣдователей до ихъ выступленія на практическое поприще. Не понимая тогда всей трудности ея осуществленія, я усердно принялся за занятія, начавъ, какъ это рекомендовалъ Петръ Лавровичъ, съ системы Лапласа, чтобы затѣмъ отъ астрономіи перейти къ физикѣ, потомъ къ химіи, физиологіи и лишь въ заключеніе — къ социализму. Для осуществленія этой программы, при самомъ усиленномъ трудѣ, нужно было бы употребить нѣсколько лѣтъ. А въ это время «подготавливавшійся», — еще задолго до окончанія всѣхъ требовавшихся по программѣ Лаврова предметовъ, — легко могъ очутиться на каторгѣ по какому-нибудь пустяку, — за нахожденіе у него подпольной брошюры, а то и за знакомство съ «неблагодарнымъ».

Но въ первое время я не могъ самъ понять всей неосуществимости этого требованія Лаврова. Знакомясь, прежде всего, съ его собственными произведеніями, — со статьями въ редактируемомъ имъ журналѣ «Впередъ», — я испытывалъ самыя тяжелыя ощущенія: такъ какъ я много въ нихъ не понималъ, то приписывалъ это полной моей неподготовленности къ чтенію столь «умныхъ и серьезныхъ» произведеній. Только впоследствии я разобралъ, что въ значительной степени вина въ моемъ непониманіи падала отчасти на самого Лаврова, въ виду тяжеловѣсности его манеры писанія и «скучнаго его стиля».

Считая себя лавристомъ, я, тѣмъ не менѣе, охотнѣе читалъ произведенія Бакунина, такъ какъ они не только были мнѣ вполне понятны, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, — я живо чувствовалъ это, — возбуждали во мнѣ наилучшія стремленія. Такъ, я и до сихъ поръ помню, какое сильное вліяніе на меня въ ту пору оказало вскользь брошенное Бакуниномъ въ какой-то его статьѣ замѣчаніе, что огромное большинство являющихся крайними революціонерами въ юности, съ годами становятся умѣреннѣе, а къ старости нерѣдко превращаются въ реакціонеровъ.

Это, казалось бы, простое констатированіе факта заставило меня сильно задуматься, почему, дѣйствительно, происходятъ съ людьми такія метаморфозы. Не помню, какъ я рѣшилъ этотъ вопросъ. Но тогда же я далъ себѣ «паннибалову клятву», что до гробовой доски не измѣню завѣтамъ юности. Пусть другіе судятъ, сдержалъ ли я слово, а также не долженъ ли я быть признателенъ Бакунину за то, что, хотя неволью, онъ вырвалъ у меня эту клятву. Не могу припомнить, чтобы я Лаврову былъ обязанъ чѣмъ-нибудь анатомическимъ.

Но я нѣсколько уклонился отъ темы.

X.

Въ описываемые мною годы отъ послѣдовательнаго революціонера требовалось рѣшительно всеѣмъ жертвовать ради народныхъ интересовъ. Какъ извѣстно, считалось даже предосудительнымъ кончать учебныя заведенія, такъ какъ это даетъ, молъ, возможность занимать «привилегированное положеніе». Истинный революціонеръ долженъ быть «сжечь за собою корабли» и, послѣ нѣкоторой подготовки, отправиться «въ народъ». Безъ малѣйшихъ колебаній, послѣ возвращенія въ Кіевъ, я осуществилъ все, что требовалось въ этомъ отношеніи: оставилъ учебное заведеніе, расстался съ карьерой и началъ готовиться къ дѣятельности среди крестьянъ.

Кромѣ пріобрѣтеннаго значительнаго «научнаго багажа», въ подготовку входило, какъ обязательное условіе, усвоеніе какого-либо физическаго занятія и ремесла. Я выбралъ столярное.

Для осуществленія этой задачи мнѣ необходимо было посетиться отдѣльно отъ семьи, что далеко не легко было сдѣлать. Теперь не помню, какъ я объяснилъ это матери и сестрамъ, съ которыми, кромѣ пользки на каникулы въ деревню, до того никогда не разставался.

На окраинѣ города я нашелъ помѣщавшуюся въ сырѣмъ, подвальномъ этажѣ столярную мастерскую, рядомъ съ которой отдавалась вънаемъ небольшая, кое-какъ меблированная комнатка, чему я, конечно, очень обрадовался. Быстро сговорившись на счетъ цѣны съ нѣмцемъ-хозяиномъ, я на себѣ перенесъ все свое имущество.

Поселившись у этого столяра, я предложилъ ему за небольшую плату обучать меня его мастерству, объяснивъ свое желаніе необходимою занятіемъ физическимъ трудомъ для развитія мускуловъ, въ виду слабаго моего здоровья. Нѣмецъ охотно согласился на мое предложеніе.

Вечера я посвящалъ «теоретической подготовкѣ», умственному труду, а по утрамъ—строгалъ, обтесывалъ и пр. Такимъ образомъ, эту часть задачи мнѣ удалось легко осуществить. Но я этимъ не удовольствовался: меня разбирало нетерпѣніе поскорѣе заняться одновременно съ подготовкой и практической дѣятельностью. Въ этомъ отношеніи мнѣ также повезло.

Кто-то сообщилъ мнѣ, что хозяиномъ находившейся черезъ дорогу большой экипажной мастерской является бывший студентъ Трофимовскій, человекъ образованный, поставившій себѣ цѣлью не эксплуатировать, а наоборотъ, всячески улучшать положеніе довольно большого количества занятыхъ у него рабочихъ. Словомъ, что это исключительный, тенденціозный хозяинъ.

Я поспѣшилъ познакомиться съ нимъ. Какъ своей вышностью,—

высокій, статный, красивый брюнетъ, — такъ простыми манерами и обращеніемъ, Трофимовскій сразу располагалъ въ свою пользу.

Съ первыхъ же словъ онъ подтвердилъ дошедшій до меня слухъ, что за это занятіе онъ взялся исключительно съ цѣлью улучшить положеніе рабочихъ, поставить ихъ въ болѣе благоприятныя условія въ смыслѣ размѣра заработной платы, количества часовъ труда, гигиеничности обстановки и пр.

Все это мнѣ, конечно, очень понравилось, и я попросилъ его показать мнѣ мастерскія и помѣщенія, въ которыхъ спятъ, питаются и вообще проводятъ часы досуга нѣсколько десятковъ его рабочихъ.

Дѣйствительность въ сильной степени разочаровала меня: я не нашелъ ни малѣйшаго подобія ни тѣхъ фаланстеръ, о созданіи которыхъ мечталъ Фурье, ни знаменитой фабрики, созданной Р. Овенгомъ въ Нью-Ланаркѣ: какъ мастерскія, такъ и помѣщенія для жилья выглядели довольно невзрачными, хотя, быть-можетъ, чѣмъ-либо они и превосходили другія такіе же заведенія въ то время.

Видя произведенное на меня осмотромъ неважное впечатлѣніе, Трофимовскій старался меня увѣрить, что это лишь начало, что для радикальныхъ реформъ ему не хватаетъ матеріальныхъ средствъ и пр. Возможно, что указанныя имъ причины, дѣйствительно, существовали, но, сомнѣваюсь, чтобы и впослѣдствіи ему удалось внести сколько-нибудь существенныя улучшения.

Занятъ онъ былъ по горло до поздняго часа ночи, главнымъ образомъ, пріобрѣтеніемъ заказовъ на экстажи да на пріоткиваніе денегъ для разныхъ расплатъ. Въ мастерскія, поэтому, онъ забѣгалъ на самое короткое время, при чемъ, — надо отдать ему справедливость, — обращался съ рабочими, насколько я могъ замѣтить, запросто, мягко, гуманно, что они, видимо, очень цѣнили. Несомнѣнно, для той эпохи Трофимовскій являлся исключительнымъ предпринимателемъ и оригинальнымъ человѣкомъ.

Я предложилъ ему свои услуги, выразивъ готовность безвозмездно заниматься по вечерамъ, въ воскресные и праздничные дни съ его рабочими, на что онъ охотно согласился. Если мы вспомнимъ, что въ тѣ времена такіе занятія, вызывая подозрѣнія властей, считались дѣломъ неблагонадежнымъ, недозволеннымъ и могло повлечь за собою закрытіе заведенія и другія печальныя послѣдствія, то надо признать, что согласіе Трофимовскаго на мое предложеніе рекомендовало его съ хорошей стороны.

Само собою разумѣется, надумавъ заниматься съ рабочими, я имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, распропагандировать ихъ, но рѣшилъ дѣйствовать осторожно, постепенно.

Созвавъ всѣхъ своихъ рабочихъ въ ближайшее воскресное утро, Трофимовскій въ моемъ присутствіи сообщилъ имъ о моемъ намѣ-

рѣшилъ и предложить желающимъ заявить о своемъ согласіи заниматься. Но къ великому моему удивленію и огорченію, послышались отрицательные возгласы, въ родѣ: «Да зачѣмъ намъ учиться», «Мы и такъ проявляемъ», «Грамоту знаемъ, да она намъ ни къ чему» и т. п. Только очень немногіе заявили: «Что же, попробуемъ».

Въ полутемномъ, не отличавшемся особенной чистотой и опрятностью комнатъ, я пришелъ съ сочиненіемъ Наумова «Сила соломѣ ломить», заключающемъ въ себѣ рассказы изъ жизни горнорабочихъ, постыю помещеніи, служившемъ столовой и спальней, собралось чрезвычайно популярное въ тѣ времена.

Выбравъ наиболѣе, какъ мнѣ казалось, интересный очеркъ, я началъ читать его собравшимся, полагая, что этимъ приѣмомъ заохочу ихъ къ занятіямъ. Но вскорѣ я убѣдился, что моя небольшая аудитория слушаетъ далеко не съ захватывающимъ интересомъ, а затѣмъ, то одинъ, то другой, палинувъ на себя пальто, говорилъ сосѣду, что идетъ туда-то и приглашалъ его съ собою. Къ концу моего чтенія осталось четыре человѣка,—ясно было, что рабочіе не интересуются чтеніемъ. Думая, что хоть оставшіяся лица будутъ заниматься, я сообщилъ имъ адресъ моей квартиры и пригласилъ къ себѣ, такъ какъ въ моей комнатѣ было удобнѣе и уютнѣе, чѣмъ въ ихъ общемъ помещеніи.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ я наступленія назначеннаго мною вечера, стараясь отгадать, придутъ ли всѣ четверо или только часть ихъ, а можетъ-быть, ни одинъ. Пришло двое. Я и имъ обрадовался и вновь приступилъ къ чтенію. Но вскорѣ замѣтить, что одинъ изъ нихъ, паренъ лѣтъ двѣнадцати, зѣваетъ въ кулакъ. Я спросилъ его, развѣ ему не интереснѣе выбранный мною рассказъ. Онъ отвѣтилъ, что, наоборотъ, «очень занятенъ», да за день работы до того устаетъ, что вечеромъ сильно спать хочется.

Разъ три пришли эти парни ко мнѣ, затѣмъ зѣвавшій отсталъ и остался одинъ-единственный у меня слушатель, очень любознательный молодой рабочій, которому я продолжалъ читать все того же Наумова.

XI.

Между тѣмъ, отъ усиленныхъ моихъ занятій,—кромѣ умственнаго и физическаго «саморазвитія», я еще давалъ уроки для полученія средствъ къ существованію,—или вслѣдствіе сырости въ моей комнатѣ, я почувствовалъ какую-то боль въ груди. Выслушавшій меня молодой врачъ, мой хорошій пріятель, посоветовалъ мнѣ отправиться къ специалисту проф. Хрижцовскому, что я и сдѣлалъ.

— Вы чѣмъ занимаетесь? Какое ваше ремесло?—спросилъ профессоръ, очевидно, припавшій меня по косовороткѣ и высокимъ сапогамъ за мастерового, что мнѣ, помню, было ужасно дѣшно.

Я сказалъ, что работаю въ столярной мастерской. Тогда профессоръ заявилъ, что для меня вредно это занятіе и посоветовалъ отправиться въ деревню, иначе, молъ, заболѣю.

«Ну, вотъ и профессоръ совѣтуетъ мнѣ отправиться въ народъ», — помню, подумалъ я, возвращаясь къ себѣ.

Между тѣмъ, какъ тщательно ни скрывалъ я отъ близкихъ и знакомыхъ свое рѣшеніе посвятить себя революціонной дѣятельности, слухъ объ этомъ съ теченіемъ времени все же распространился, въ чемъ я убѣдился изъ слѣдующей бесѣды.

Однажды вечеромъ я встрѣтился со старымъ знакомымъ талпей семьи съ докторомъ Социнымъ, знавшимъ меня еще ребенкомъ. Поздоровавшись, онъ прямо спросилъ, правда ли, будто я сталъ революціонеромъ? Я не считалъ нужнымъ скрываться отъ него. Это былъ не только хорошій, добрый человѣкъ, но и передовой, прогрессивный. Услыхавъ мой утвердительный отвѣтъ, докторъ Социнъ сталъ горячо убѣждать меня, чтобы я отказался отъ своего рѣшенія. Доводы его были обычные въ то время: «Погибнете ни за грошъ, ничего не добившись, будете потомъ жалѣть» и т. д. Исчерпавъ всѣ аргументы, онъ спросилъ: «Ну, скажите, чего вы хотите, на что надѣетесь». Я сказалъ, что хочу революціи. Социнъ расхохотался.

— Вотъ противъ этихъ вы хотите совершить революцію! — воскликнулъ онъ, показавъ на проходившій въ это время вблизи насъ взводъ вооруженныхъ солдатъ. — Да они преданы царю и отечеству и разнесутъ васъ вдрызгъ. Въ Россіи революція! — ея не будетъ и черезъ сто лѣтъ. Ни мы, ни наши дѣти не дождемся ея.

— Поживемъ, увидимъ! — отвѣтилъ я.

— Не увидите, потому что васъ сгноятъ въ тюрьмѣ, на каторгѣ.

— Но гдѣ, скажи, въ какой странѣ безъ жертвъ получена свобода? — процитировалъ я Рылѣева.

— Почему же вамъ быть этой жертвой? Вспомните вашу бѣдную мать, сестеръ! — сказалъ онъ.

— У другихъ также имѣются близкіе, съ которыми имъ тяжело расставаться.

Долго еще убѣждалъ и упрашивалъ меня этотъ передовой человѣкъ и въ заключеніе, махнувъ рукой, воскликнулъ:

— Я не узнаю васъ. Были благоразумнымъ юношей, а вдругъ стали неизлѣчимымъ фанатикомъ!

Съ грустью попрощался онъ со мною, очевидно, считая меня погибшимъ человекомъ. Послѣ этого мы больше уже не встрѣчались. Добрый докторъ оказался плохимъ пророкомъ въ двухъ отношеніяхъ: хотя я много затѣмъ испыталъ на революціонномъ пути, но рѣшительно никогда не жалѣлъ, что выбрать это, а не другое поприще, къ тому же революція произошла у насъ не черезъ сто лѣтъ, и я ея

дождался. А онъ самъ, удовольствовавшійся своей мирной профессіей,—какъ мнѣ потомъ сообщили,—умеръ еще не старымъ человекомъ.

Но я еще не сообщилъ, какъ моя мать отнеслась къ принятому мною рѣшенію. Не желая огорчать ее, я откладывалъ бесѣду съ нею со дня на день. Наконецъ, однажды, когда я, по обыкновенію, пришелъ домой обѣдать, сестра Соня, съ которой я вмѣстѣ росъ и учился и которая знала о принятомъ мною рѣшеніи, сказала мнѣ, что наканунѣ какая-то знакомая, встрѣтивши мать, къ слову, съ соболѣзнованіемъ упомянула, какъ объ общеизвѣстномъ фактѣ, о томъ, что я сталъ революціонеромъ. Ничего этого не знавшая мать моя была страшно поражена этимъ и, по словамъ сестры, горько плакала съ тѣхъ поръ.

Избѣгнуть тяжелаго объясненія было уже невозможно. Вышла мать вся въ слезахъ. Я сталъ утѣшать ее. Но что можно было сказать въ этомъ случаѣ? Я старался доказать бѣдной, плохо меня понимавшей матери, что иначе поступить я не могъ, что «отъ судьбы не уйдешь» и заранѣе не утадаешь, какая участь лучше и т. п.

Мать всегда вѣрила мнѣ, скорѣе чувствуя, чѣмъ понимая, что я худого не сдѣлаю. Отчасти этотъ инстинктъ побудилъ ее примириться съ случившимся. И хотя передъ ея глазами проходили печальныя перспективы, предстоявшія ей, сестрамъ и мнѣ въ близкомъ будущемъ, тѣмъ не менѣе, она все же успокоилась подъ вліяніемъ разговора со мною, и ни въ тотъ день, ни въ слѣдующіе дни болѣе уже не возвращалась къ этой грустной темѣ.

Кончая эти воспоминанія о «дѣлахъ давно минувшихъ дней», я спрашиваю: могъ ли я не стать революціонеромъ?..

Левъ Дейчъ.

Петроградъ.
Сентябрь 1918 г.

Изъ исторіи „Народной воли“ послѣ 1-го марта 1881 г.

I. Военная организація «Народной воли».

Въ процессахъ «Народной воли» 1881, 1882 и 1883 гг. нѣтъ ни малѣйшаго указанія на существованіе народовольческой военной организаціи. Ни одинъ изъ участниковъ этихъ процессовъ не обмолвился о ней ни словомъ, и тайна была сохранена ненарушимо. Судился лейтенантъ Н. Е. Сухановъ по процессу 20-ти, судился морякъ А. В. Бущевичъ по дѣлу 17-ти, но какъ члены партіи «Народной воли», а не специально военной организаціи, къ которой они принадлежали съ конца 80-го года. Предателемъ этой организаціи явился Сергій Дегаевъ. Это онъ послѣ своего ареста 20-го декабря 1882 года въ Одессѣ, далъ департаменту полиціи всѣ свѣдѣнія объ этой организаціи и указалъ участниковъ ея въ Петербургѣ, Крошштадтѣ, Одессѣ, Николаевѣ, Кіевѣ и Полтавѣ *). Но когда я была арестована (10 февраля 1883 года), я не знала объ этомъ предательствѣ и не подозрѣвала, что все, относящееся до военной организаціи, разоблачено. Понятно поэтому, что въ показаніяхъ, написанныхъ мной въ 1883 году и напечатанныхъ въ «Быломъ» 1917 года (кн. 2, 3 и 4-я), нельзя найти ничего, относящагося до возникновенія и развитія этой организаціи.

Теперь я пополняю этотъ пробѣлъ, прежде чѣмъ перейду къ святому изложенію того, что происходило въ «Народной волѣ» послѣ 1-го марта 1881 года, когда наступилъ періодъ упадка и разложенія, который я не могу назвать иначе, какъ атоніей, закончившейся арестомъ послѣдняго оставшагося на свободѣ члена Исполнительнаго Комитета партіи которымъ была я.

Сознаніе, что въ арміи необходимо пріобрѣтать сторонниковъ не въ видѣ случайнаго привлеченія отдѣльныхъ лицъ, поглощаемыхъ

*) О существованіи офицеровъ-народовольцевъ въ Ораѣ онъ не знаетъ.

революціонной средой, но въ видахъ систематическаго накопленія въ войскѣ революціонныхъ элементовъ для вооруженной борьбы съ самодержавіемъ,—такое сознаніе совершенно отсутствовало въ эпоху 70-хъ годовъ. Только «Народная Воля» сдѣлала работу среди военныхъ очередной задачей революціонной партіи. Военные были и въ процессѣ 193-хъ, и въ дѣлѣ 50-ти, но они являлись обыкновенными пропагандистами, покидали свою среду, «шли въ народъ»—къ крестьянамъ и городскимъ рабочимъ^{*)}. «Народная Воля», выдвинувшая на первый планъ политическую борьбу, сверженіе самодержавнаго правительства и завоеваніе оцвободъ вооруженной рукой, не могла не понимать, что безъ организованной силы арміи нельзя рассчитывать на побѣду необученныхъ военному дѣлу народныхъ массъ. Поэтому, послѣ раздѣленія Общества «Земля и Воля», когда кончилась сначала организаціонная работа, необходимая для конституирования новой партіи, а потомъ всѣ приготовленія къ покушеніямъ на царя въ Москвѣ, Одессѣ и подъ Александровскомъ, агенты исполнительнаго комитета стали искать связей въ военной средѣ съ цѣлью подготовить кадры будущей военной организаціи для активной поддержки народнаго возстанія, когда оно произойдетъ организованно или стихійно. Какое-то рода будущее эта организація и ея отношеніе къ Исполнительному Комитету,—тогда еще не намѣчалось. Это было бы праздымъ дѣломъ, когда нѣ имѣлось опредѣленнаго матеріала для практическаго примѣненія плана. Была важна сама постановка вопроса, что революціонная партія, стремящаяся въ первую очередь къ насильственному искорененію самодержавія, должна искать опоры въ войскѣ, имѣть въ немъ союзника, который въ иныхъ случаяхъ пассивно, въ другихъ—активно оказалъ бы поддержку ей въ моменты, когда это будетъ нужно.

Въ общихъ чертахъ эта постановка была сдѣлана въ «Объяснительной запискѣ» о подготовительной работѣ партіи, составленной зимой 1879—1880 гг. Комитетомъ. Въ этой запискѣ, среди другихъ отдѣловъ, былъ отдѣлъ, говорившій о дѣятельности въ войскѣ, хотя далеко не въ тѣхъ очертаніяхъ, какія вырисовались осенью 1880 года.

Въ ту же зиму 1879—1880 года было положено начало сношеніямъ комитета съ морскими офицерами Кронштадта, черезъ посредство лейтенанта Суханова, и съ артиллеристами Петербурга, главнымъ образомъ, черезъ С. Детаева, который раньше служилъ въ крѣпостной артиллеріи въ Кронштадтѣ и нѣкоторое время былъ въ артиллерійской академіи, изъ которой былъ исключенъ за неблагонадѣжность.

Почва для этихъ сношеній была подготовлена еще въ предше-

^{*)} Вспоминямъ: П. А. Крапоткина, Л. Э. Шинко, С. Кравчинскаго, А. Лукашевича и др.

ствовавшіе годы, частью кружками самообразованія, какъ это было въ морскомъ училищѣ въ 1871—1872 гг., когда въ такомъ кружкѣ участвовали: Сухановъ, Серебряковъ, Луцкій и др., которыхъ потомъ въ шутку называли «китоловами». Это названіе вело свое происхожденіе отъ объясненія, которое давали участники кружка своему начальству, открывшему, благодаря доносу, существованіе «тайного общества» въ стѣнахъ училища. Члены кружка указывали, что они имѣли въ виду развитіе промысловъ сѣверной Россіи, мысль которую далю сочиненіе Максимова объ этихъ промыслахъ. По одной версіи, это объясненіе было придумано для начальства, которое само было радо придать дѣлу невинный характеръ; по другому разсказу, слышанному мной, юноши дѣйствительно предполагали заняться ловлей китовъ для доставленія матеріальныхъ средствъ на дѣло революціи.

Но и сама жизнь не могла не захватывать своимъ вліяніемъ хотя бы части военнаго сословія: существовала легальная литература народно-любческаго направленія; прошла полоса движенія молодежи въ народъ; происходили политическіе процессы 70-хъ годовъ; шли аресты по всѣмъ городамъ Россіи и еще до появленія «Народной Воли», начиная съ выстрѣла Вѣры Засуличъ въ 1878 году, цѣлый рядъ террористическихъ актовъ волновалъ общественное мнѣніе Россіи (убійство Мезенцева, покушеніе на Дрангелъна въ Петербургѣ, убійство Гейкина въ Кіевѣ, губернатора Крапоткина въ Харьковѣ, покушеніе Соловьева на жизнь Александра II). Было бы неестественно, если бы въ арміи и во флотѣ за все это время всѣ поголовно оставались глухи къ тому, что происходило внѣ военной среды. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ 1878 году, самостоятельно образовавшійся кружокъ изъ морскихъ офицеровъ и гардемариновъ (А. Булановъ, Вырубовъ, Лавровъ и другіе) ведетъ пропаганду среди нижнихъ чиновъ въ Кроштадтѣ. Русско-турецкая война, освобожденіе Болгаріи и введеніе конституціи въ этой странѣ тоже сдѣлали свое дѣло. Война выявила во всей наготѣ безобразіе русскихъ порядковъ: безсовѣстное хищеніе и казнокрадство, отсутствіе какого бы то ни было попеченія о солдатѣ, оборванномъ, голодающемъ, лишенномъ медицинскаго помощи и т. д. Офицерство не могло не задумываться надъ причинами всѣхъ этихъ злоупотребленій и не искать средствъ для искорененія ихъ. Болгарію освобождали отъ турецкаго ига и вводили въ ней конституцію, а Россію оставляли въ политическомъ рабствѣ при прежнему самодержавіи. «Мы думали,—говорилъ на судѣ (въ 1884 году) участникъ осады Плевны Похитоновъ.—что, вмѣсто того, чтобы освободить чужую страну, надо думать объ освобожденіи Россіи».

Высшія военныя заведенія—академіи, какъ дающія лучшее образованіе, не могли въ свою очередь не выдѣлять нѣкотораго количества офицеровъ, одушевленныхъ общественными стремленіями, потребо-

стью въ свободѣ и, дѣйствительно, онѣ дали ихъ въ лицѣ Рогачева, Похионова, Буцевича и др.

Сношенія членовъ Исполнительнаго Комитета съ Кронштадтомъ начались поздней осенью 1879 г. и продолжались до весны 1880 г., когда моряки ушли въ плаваніе. Первое знакомство съ Сухановымъ произошло черезъ его сестру Ольгу Евгеньевну, по мужу Зотову. Какъ ее, такъ и ея мужа, находившагося въ то время въ ссылкѣ, Желябовъ зналъ по Крыму, а потомъ въ Петербургѣ, гдѣ Ольга Евгеньевна была на курсахъ, посѣщать ее, какъ и Перовская, тоже знакомая съ Зотовыми.

Въ воспоминаніяхъ Э. А. Серебрякова («Былое», 1907 г., апрѣль) очень ярко описано впечатлѣніе, которое произвелъ Желябовъ на первой сходкѣ, созванной на квартирѣ Суханова въ Кронштадтѣ. Здѣсь въ первый разъ морскіе офицеры сошлись лицомъ къ лицу съ талантливымъ представителемъ революціонной партіи, о которой до тѣхъ поръ знали лишь по наслышкѣ. Определенность программы «Народной Воли», краснорѣчіе и сила внутренняго убѣжденія оратора, импозантная наружность его, очаровали слушателей, которые, по словамъ Серебрякова, на этотъ вечеръ превратились въ горячихъ революционеров, хотя за часъ до этого, частью, почти не думали о политикѣ, а на утро, быть-можетъ, съ ужасомъ вспоминали объ этомъ вечерѣ. Впечатлѣніе для многихъ было скоротечнымъ. Это зависѣло отъ того, что приглашеніе на эту первую сходку было сдѣлано безъ особаго разбора, но для другой части присутствовавшихъ, какъ и для самого Серебрякова, оно осталось неизгладимымъ.

Послѣдующія собранія, въ которыхъ, кромѣ Желябова, участвовалъ Колодкевичъ, были не такъ многолюдны, но онѣ углубляли вліяніе революціонныхъ идей «Народной Воли» и тѣснѣе сплачивали тѣхъ, кто долженъ былъ войти потомъ въ составъ военной организаціи.

Сухановъ съ самого начала, въ общемъ, сочувствовалъ программѣ Исполнительнаго Комитета, какъ ее развивалъ Желябовъ на собраніяхъ, но былъ въ то время еще не готовъ къ тому, чтобы вступить въ партію: онъ долго былъ противникомъ политическаго террора, да и планъ военной организаціи не былъ тогда еще выработанъ комитетомъ. Это было сдѣлано только черезъ годъ, осенью 1880 года, когда мы ближе сошлись съ Сухановымъ и его товарищами и убѣдились, что вопросъ о военной организаціи можетъ перейти на практическую почву.

Въ сентябрѣ 1880 года познакомилась и я съ Ольгой Евгеньевной, милой и доброй женщиной, обожавшей брата до полного подчиненія его авторитету. Николай Евгеньевичъ еще не было въ Петербургѣ: сынъ не вернулся изъ плаванія, но сестра, не переставая, говорила о братѣ, очевидно, желая заочно сдѣлать насъ друзьями. И въ самомъ дѣлѣ отъ Желябова, Перовской и Зотовой я заслушалась такихъ похвалъ

Суханову, что съ нетерпѣніемъ ждала его возвращенія. А когда онъ вернулся и я провела съ нимъ первый вечеръ, то была очарована: такое естественное благородство и необычайная прямота были во всѣхъ его сужденіяхъ и взглядахъ. Такое же впечатленіе, единственное въ моемъ родѣ, вынесла отъ знакомства съ Сухановымъ и Марія Николаевна Ашанина, встрѣтившаяся съ нимъ впервые въ январѣ 1881 г., когда изъ Москвы комитетъ вызвалъ ее на совѣщаніе. Постѣ первой встрѣчи мы стали часто видаться и темой разговоровъ были, разумѣется, только общественные и революціонные вопросы, тѣ партійные интересы, которыми мы, народовольцы, только и жили. Хотѣлось эти вопросы и интересы сдѣлать для Суханова такими же близкими и жгучими, какими они были для насъ. Имѣть такого товарища, стоять на общемъ дѣлѣ рука въ руку съ нимъ, казалось счастьемъ: Желябовъ, Перовская и я стремились къ этому, и мы проводили много часовъ въ убогой квартирѣ Ольги Евгеньевны, куда Сухановъ приходилъ со своимъ товарищемъ и другомъ барономъ Штрюмбергомъ. Штрюмбергъ, однако, ужъ былъ завоеванъ и раньше Суханова опредѣлилъ свое отношеніе къ партіи. Желябовъ, знавшій его по прошлогоднимъ бесѣдамъ, съ самаго начала сказалъ мнѣ: «Штрюмбергъ—человѣкъ готовый, вниманіе надо обратить на Суханова». Сообразно съ этимъ на первыхъ порахъ наши бесѣды были чисто теоретическія и лишь тогда, когда Сухановъ сталъ раздѣлять всѣ цѣли «Народной Воли» и согласился съ необходимостью ея тактики, разговоръ пошелъ о военной организаціи.

Къ этому времени въ Исполнительномъ Комитетѣ были выработаны принципы, на которыхъ должна строиться эта организація, послѣ чего обсужденіе программы и устава военной организаціи могло быть перенесено на совмѣстное обсужденіе уполномоченныхъ комитета съ лицами, наиболѣе близкими изъ среды военныхъ.

Основы организаціи въ главныхъ чертахъ были слѣдующія: Военная организація должна строиться сверху и по тому же типу, по какому строилась партія «Народной Воли», т. е. централистически, но въ организаціонномъ отношеніи стоять совершенно обособленно отъ нея. Во главѣ организаціи долженъ стоять центральный комитетъ изъ офицеровъ, подобранныхъ Исполнительнымъ Комитетомъ «Народной Воли». Этому центру подчинены мѣстныя провинціальныя военныя группы, организованныя военнымъ центромъ или партіей, а самъ центръ подчиненъ Исполнительному Комитету.

Цѣль военной организаціи—возстаніе съ оружіемъ въ рукахъ въ моментъ, опредѣляемый Исполнительнымъ Комитетомъ, который распоряжается всѣми силами, накопленными въ подготовительный періодъ не только въ войскахъ, но и среди рабочихъ, администраціи, интеллигенціи и въ крестьянствѣ. Такимъ образомъ,

роль военной организаціи не самодовлѣющая, а зависящая отъ общепартійнаго центра, обладающаго всей полнотою свѣдѣній объ общемъ положеніи дѣлъ и настроеніи общественныхъ слоевъ и классовъ. Не часть партіи, какой является военная организація, но лишь органъ, стоящій во главѣ всей партіи—Исполнительный Комитетъ рѣшаетъ моментъ активнаго выступленія противъ существующаго порядка. Дѣло военныхъ — поддержать начавшееся движеніе и бросить въ нужную минуту свою дисциплинированную мощь на чашку вѣсовъ въ пользу народа, или начать движеніе, но не по своему произволу, а по распоряженію общаго центра. Каждый военный, вступающій въ члены организаціи, даетъ то или другое обязательство, смотря по степени революціонности той группы, въ которую онъ входитъ; при чемъ самымъ серьезнымъ является обязательство по первому требованію, переданному военнымъ центромъ, выйти на улицу съ оружіемъ въ рукахъ и призвать къ тому же подчиненныхъ частей. Однако, революціонная пропаганда въ этихъ частяхъ не лежитъ на обязанности офицеровъ, которые не должны компрометировать себя до времени активнаго дѣйствія. Для этой пропаганды партія направляетъ рабочихъ, по требованію офицеровъ, которые намѣчаютъ солдатъ, наиболѣе подходящихъ для революціоннаго воздѣйствія. Время отъ времени члены офицерскихъ группъ берутъ отпускъ со спеціальной цѣлью объѣзда мѣстностей, въ которыхъ имѣются связи среди военныхъ. Пользуясь указаціями и рекомендаціями членовъ военной организаціи, они завязываютъ знакомства, организуютъ лицъ, подходящихъ для этого, и устанавливаютъ сношенія вповѣрь привлеченныхъ офицеровъ съ центромъ.

Мѣстные партійныя группы «Народной Воли» всемѣрно способствуютъ созданію мѣстныхъ военныхъ кружковъ, но, разъ подобный кружокъ организованъ, онъ обособляется отъ общепартійной группы и, не втягиваясь въ мѣстную общепартійную работу, дѣйствуетъ уже въ контактѣ и согласованности со своимъ военнымъ центромъ, и не ведетъ сношеній даже съ военными группами другихъ мѣстностей.

Въ цѣломъ, партія состояла бы, такимъ образомъ, изъ двухъ параллельныхъ организацій: гражданской и военной, которыя связаны между собой только центрами. Такая раздѣльность являлась предосторожностью, наиболѣе гарантирующей безопасность военныхъ; иначе они подвергались бы всѣмъ разрушительнымъ случайностямъ, отъ которыхъ страдаютъ мѣстные общепартійныя группы; но возстановить послѣднія можно гораздо легче, чѣмъ скомпрометированный военный кружокъ замѣнить новымъ.

Для связи между обоими центрами Исполнительный Комитетъ

посылать двухъ представителей, которые входили въ составъ военнаго центрального комитета. Позднѣе мы нашли нужнымъ, чтобы и изъ военнаго центра по нашему выбору кто-нибудь входилъ въ нашъ комитетъ. Съ начала января 1881 года такимъ лицомъ являлся Сухановъ, самая яркая личность среди военныхъ, известныхъ намъ въ то время.

Въ концѣ октября или въ началѣ ноября 1880 года Сухановъ, жившій раньше въ Кронштадтѣ, переехалъ въ Петербургъ, чтобы слушать лекціи въ университетѣ и быть ассистентомъ профессора физики Вандерфлита. Онъ нанялъ меблированную квартиру на Николаевской улицѣ, куда переселилась и Ольга Евгенъевна съ маленькимъ сыномъ, и съ тѣхъ поръ мѣстомъ встрѣчъ и собраний, на которыхъ обсуждались вопросы военной организаціи, стала эта квартира. Въ предварительныхъ собраніяхъ участвовали: Желябковъ, Колодзевичъ, Баранниковъ и я, а со стороны военныхъ: Сухановъ, Штромбергъ и артиллеристъ Н. Рогачевъ, братъ Дм. Рогачева, осужденнаго на каторгу по процессу 193-хъ. Эти трое были намѣчены нами для будущаго военнаго центра. Когда же всѣ главные пункты программы и устава были вырѣшены, тѣ же вопросы рассматривались въ болѣе расширенномъ составѣ, при участіи артиллериста Похитонова и лейтенанта Буцевича, которые потомъ попали въ Шлиссельбургъ и оба полюбились тамъ. Но къ Суханову приходили и другіе его товарищи: Э. А. Серебряковъ, Заваляшинъ и др., мнѣніе которыхъ по тому или другому пункту надо было узнать, чтобы приготовить почву для окончательнаго рѣшенія и объединенія всѣхъ въ одну организацію. Это объединеніе не представляло трудностей, потому что кронштадтскіе товарищи Суханова были спаяны между собой не простымъ знакомствомъ, а тѣснымъ товариществомъ, какъ и артиллеристы, товарищи и друзья Рогачева, Похитонова и Дегаева, и какъ Сухановъ организовалъ морскую группу, такъ названныя три лица основали группу артиллеристовъ.

Среди военныхъ первое мѣсто по праву принадлежало Суханову. Энергичный энтузіастъ, отличававшійся необычайной прямою характеромъ, правдивый и стремительный, онъ безспорно игралъ самую главную роль пропагандиста и агитатора, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и организатора военныхъ: никто не могъ устоять противъ обаянія его личности, авторитетной по своему нравственному облику, властной по привычкѣ повелѣвать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣжной и отзывчивой по натурѣ. А рядомъ съ нимъ стояли: блестящій по уму и образованію Буцевичъ; солидный, образованный и привлекательный, красивый силачъ Рогачевъ; разсудительный и мягкій въ обращеніи Похитоновъ и душевно чистый Штромбергъ—отборная компанія, импонировавшая и личными достоинствами, и образованіемъ, и своею вышностью. Бла-

годаря такому составу, военная организація могла рассчитывать на успѣхъ. Въ ея центръ, который долженъ былъ состоять изъ 5-ти чело-
вѣкъ, вошли упомянутые выше, намѣченные нами: Сухановъ,
Штромбергъ и Рогачевъ, а со стороны Исполнительнаго Комитета были
назначены: Желябовъ и Колодкевичъ *).

Когда уставъ былъ утвержденъ и центръ образованъ, Сухановъ
организовалъ изъ своихъ сослуживцевъ въ Кронштадтѣ группу мор-
скихъ офицеровъ, подготовленныхъ къ этому рядомъ собраний, кото-
рые онъ созывалъ тамъ въ теченіе осени. Нѣкоторыхъ изъ нихъ
я встрѣчала у Суханова въ Петербургѣ; съ другими познакомилась въ
Кронштадтѣ, куда Сухановъ увезъ меня послѣ ареста Исаева и оста-
вленія мной общественной квартиры у Вознесенскаго моста, гдѣ въ
ночь на 1-е марта были приготовлены бомбы. Онъ помѣстилъ меня у
своихъ друзей — Штромберга и Завалишина, имѣвшихъ небольшую
самостоятельную квартиру.

Штромбергъ не былъ чело-
вѣкомъ выдающимся по уму, но горячо
преданный революціонному дѣлу, отличался большой выдержкой и
стойкостью. Не экспансивный, не рѣчистый, небольшого роста и хруп-
каго тѣлосложенія, онъ имѣлъ золотистую бороду и блѣдо-розовый
цвѣтъ лица, выдававшій его нерусское происхожденіе, и составлялъ
полную противоположность Завалишину — рослому, здоровому брюнету,
горячаго, подвижнаго темперамента. Одинъ былъ не скоръ и методи-
ченъ; другой — порывистъ, энергиченъ и сильно увлекался политиче-
скимъ терроромъ, о которомъ говорилъ съ жаромъ и блестящими гла-
зами.

Я провела съ ними дней семь и перевидала за это время кромѣ
Э. А. Серебрякова, другихъ моряковъ — ихъ пріятелей и членовъ группы:
(Юнга, Гласко, Прокофьева, Разумова). Всѣ они производили пріятное
впечатлѣніе, главнымъ образомъ, благодаря тѣмъ свободнымъ товари-
щескимъ отношеніямъ, которыя связывали ихъ между собой. Это было
то содружество, та хорошая простота, которую можно встрѣтить толь-
ко въ кружкахъ студенческой молодежи и въ тѣсныхъ революціон-
ныхъ организаціяхъ.

Въ составъ группы моряковъ входило чело-
вѣкъ 30. Конечно, не
всѣ они были равноцѣнны по своимъ качествамъ. Въ группу входили
не только люди вполнѣ установившіеся въ своемъ революціонномъ
міросозерцаніи, но и такіе, которыхъ обыкновенно зачисляютъ въ раз-
рядъ «сочувствующихъ». Мѣрка пригодности того или другого лица
въ члены организаціи въ военной средѣ была иная, чѣмъ у насъ. Со-
образно роду нашей дѣятельности, прежде всего, пропагандистской, мы

*) Послѣ ареста Желябова, по предложенію Суханова, Комитетъ на его мѣсто
выбралъ меня.

были гораздо требовательнѣе по отношенію къ теоретической подготовкѣ кандидатовъ въ члены, а для приѣма былъ нуженъ извѣстный стажъ, нѣкоторая опытность. У офицеровъ не было ничего подобнаго.. всѣ они были новичками и смотрѣли на дѣло упрощенно: простое товарищество превращалось у нихъ легко въ организацію заговорщиковъ. Многихъ въ эти ряды влекла не твердая рѣшимость идти до конца съ полнымъ сознаніемъ тяжелой отвѣтственности, которую придется нести за свои дѣйствія, а дружескія чувства, товарищеская солидарность и молодая удалъ. Отсутствие конспиративности, недостаточная оцѣнка опасности положенія бросались въ глаза, какъ въ самомъ Сухановѣ, такъ еще рѣзче въ его товарищахъ. Суханову это стоило жизни: онъ сознательно шелъ на гибель, не желая перейти въ нелегальное положеніе, хотя его предупреждали о неизбежности ареста. Молва, что запалы для мины и бомбы 1-го марта похищены въ Кронштадтѣ въ морскомъ вѣдомствѣ, шла въ дружескихъ разговорахъ самымъ непринужденнымъ образомъ, и можно удивляться, какъ на-ряду съ Сухановымъ не погибла вся его группа. Если дѣло ограничилось арестомъ и переводомъ въ Каспійскій флотъ Глазко и административной ссылкой Штрэмбурга въ Сибирь, то это случилось исключительно благодаря тѣсной сплоченности и чувству солидарности, которая господствовала среди моряковъ, даже не сочувствовавшихъ революціонному движенію но всячески прикрывавшихъ товарищей.

Одновременно съ группой морскихъ офицеровъ въ Кронштадтѣ—въ Петербургѣ былъ организованъ народовольческій кружокъ артиллеристовъ, въ который кромѣ уже упомянутыхъ Рогачева, Похитонова и Детаева входили: Палинъ (братъ Палина, осужденнаго по дѣлу Долгушина), Николаевъ и еще человѣка три или четыре.

Военная организація, такъ сложившаяся, казалось, имѣла всѣ шансы расти и процвѣтать. Сочувствіе, которое встрѣтила программа «Народной Воли» среди офицеровъ въ Кронштадтѣ и въ Петербургѣ; прекрасный составъ центра изъ лицъ, способныхъ и руководить, и увлекать, — все внушало большія надежды. Опросъ членовъ далъ до 200 (а позднѣе гораздо большее число) указаній на разныхъ лицъ военнаго сословія, разсѣянныхъ по городамъ, и болѣе или менѣе сочувствующихъ идеямъ политической свободы. Ихъ надо было посѣтить при объѣздахъ членами организаціи, чтобы опредѣлить степень ихъ революціонности, организовать въ случаѣ пригодности и связать съ центромъ.

На первыхъ же порахъ Рогачеву было поручено исполнить эту задачу въ Финляндіи и его поѣздка была успѣшна. Затѣмъ должны были начаться обследованія другихъ мѣстностей. Для этого къ лѣту 1881 г. Сухановъ долженъ былъ взять отпускъ и отправиться въ большой объѣздъ по разнымъ городамъ. Его горячій порывъ, сильная сжа-

тая рѣчь, требующая не слова, а дѣла, очаровательная прямота характера и покоряющая властность сулили богатые результаты, въ особенности въ виду того повышеннаго настроенія, которое охватило многіе круги послѣ акта 1-го марта *).

Таково было состояніе этой отрасли дѣятельности Исполнительнаго Комитета, когда въ апрѣлѣ 1881 г. обстоятельства принудили меня покинуть Петербургъ.

Что касается положенія самого Исполнительнаго Комитета послѣ всѣхъ потерь, испытанныхъ имъ за зиму 1880—1881 гг., въ особенности въ мартовскіе дни, то въ апрѣлѣ, когда я уѣзжала, еще нельзя было учесть всего ущерба, нанесеннаго нами. Событія слѣдовали другъ за другомъ быстрымъ чередомъ: каждыя 3—4 дня вносили измѣненіе; однихъ членовъ хватала полиція, другихъ—изъ предосторожности—Комитетъ высылалъ изъ столицы въ мѣста болѣе безопасныя, чѣмъ Петербургъ. Подвести итоги, спокойно обдумать и обсудить положеніе не было возможности. Горестныя заключенія можно было сдѣлать лишь послѣ, и я скажу объ этомъ ниже, когда буду говорить о моемъ посѣщеніи Москвы въ ноябрѣ 1881 года.

II. Мѣстная группа въ Одессѣ.—Военные кружки на югѣ.

Послѣ тревожащихъ мартовскихъ дней, когда были арестованы Исаевъ и 5-го апрѣля открыта общественная квартира, хозяевами которой была я и онъ, Комитетъ постановилъ, что я должна выѣхать изъ Петербурга и отправиться въ Одессу для веденія мѣстныхъ дѣлъ, замѣнивъ агента, который еще въ январѣ былъ вызванъ оттуда въ Петербургъ. Этимъ агентомъ былъ Мих. Ник. Тригони, получившій осенью 1880 года отъ меня всѣ связи въ Одессѣ. Тригони былъ товарищемъ Желябова по новороссійскому университету, но въ то время, какъ Желябовъ былъ исключенъ по студентическому дѣлу и отданъ революціонной дѣятельности, Тригони кончилъ юридическій факультетъ, сдѣлался помощникомъ присяжнаго повѣреннаго и только въ 1880 году присоединился къ «Народной Волѣ», раньше не принимая участія въ революціонномъ движеніи, захватившемъ Желябова. Вызванный съ юга на совѣщаніе по вопросу объ инсurreкціи, Тригони участвовалъ въ подкупѣ на М. Садовой и 27 февраля былъ арестованъ вмѣстѣ съ Желябовымъ въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ проли-

*) Позднѣе, въ 82 г., тотъ же Рогачевъ, взявъ 2-мѣсячный отпускъ, объѣхалъ Динабургъ, Ригу, Митаву, Либаву, Вильну и Минскъ; 3-й объѣздъ, въ 83 году, долженъ былъ сдѣлать Ашенбреннеръ, но былъ арестованъ.

вать со времени своего приѣзда *). Причиной этого злополучнаго ареста, по одной версiи, былъ домъ изъ Одессы, но, можетъ-быть, онъ исходитъ изъ меблированныхъ комнатъ, гдѣ прилежнѣе подслушывала у дверей, какъ я однажды замѣтила, да и хозяйка (Миссюр) вела себя очень подозрительно, безъ всякой нужды провожая посетителемъ Тригоны съ лампой въ рукѣ, когда вечеромъ лѣстница была еще освѣщена. Личность Тригоны произвела при арестѣ нѣкоторую сенсацию среди жандармовъ, которые находили, что по образованiю, прѣдпочтенiю и состоянiю онъ выше той среды, изъ которой по выраженiю жандармскихъ властей, обыкновенно вербуются члены революціонныхъ партій. Въ нѣкоторомъ отношенiи они были правы: Тригоны имѣлъ вышнюю барины, былъ болѣе избалованъ, и по манерамъ въ немъ угадывался адвокатъ, хотя его юридическая карьера только что началась, и никакой клиентуры ни въ Петербургѣ, ни въ Одессѣ онъ еще не имѣлъ. Родители его были помещиками въ Крыму; мать по рассказамъ, была свѣтской женщиной, что, вѣроятно, тоже не осталось безъ влiянiя. Наружность Тригоны, очень вѣрно переданная фотографіей въ «Быломъ» (кн. 3, 1906 г.), была нерусская, и онъ говорилъ, что въ его жилахъ есть пречестная кровь **).

Изъ лицъ, указанныхъ мной, частью же изъ привлеченныхъ по инициативѣ Тригоны, онъ организовать въ Одессѣ народовольческую группу, съ которой теперь мнѣ приходилось имѣть дѣло. Это были, прежде всего, мои друзья: писатель-беллетристъ Ив. Пв. Свѣдцель (литературный псевдонимъ—Ивановичъ), бывший военный, превосходный, идеалистически настроенный, но нельзя сказать, чтобы активный человекъ, лѣтъ 35-ти, и дочь богатыхъ родителей—Ольга Пурцъ, молодая дѣвушка съ онемъ, энергичная и очень способная. Другими членами были: студентъ М. П. Дрей, сынъ врача, весьма популярнаго среди еврейской бѣдноты, и Маршело, преподаватель, довольно солидныхъ лѣтъ, давній знакомый Тригоны по Крыму. Въ группу послѣ отъѣзда Тригоны входилъ и Владимiръ Жебуловъ, известный мнѣ еще по студенческимъ годамъ въ Цюрихѣ. Участникъ «движенiя въ народъ», судившійся по процессу 193-хъ и сдѣлавшійся потомъ нелегальнымъ, Жебуловъ въ силу своей опытности являлся естественнымъ главой и руководителемъ группы. Раньше, въ качествѣ агента Комитета, онъ ѣздилъ съ организационными цѣлями въ Казань и Саратовъ. Но у «Народной Воли» въ Казани во все время не было пук-

*) Между собой мы называли Тригоны «Намѣстникомъ», по совпадению его имени и отчества съ именемъ великаго князя намѣстника Кавказа. Псевдонимъ «Милордъ», послѣ ареста употребляющійся полиціей, у насъ былъ неизвѣстенъ.

**) См. біографію Тригоны въ моей книжкѣ: «Уинни Шлиссельбурга», М., 1919 г., изд. «Земля и Воля» и въ журналѣ «Голосъ Минувшаго», 1917 г., № 7—8.

ныхъ связей и тамъ Жебунову ничего не удалось сдѣлать. Что касается Саратова, то въ немъ находились лица, занимавшіеся революціонной дѣятельностью еще во времена общества «Земля и Воля»: Полывановъ (будущій писатель-буржецъ), Новицкій, Демчишская и другіе. Жебуновъ предложилъ имъ примкнуть официально къ «Народной Воле», образовавъ группу съ опредѣленными обязательствами по отношенію къ центру, что и было ими исполнено. Группа, очень небольшая, существовала до середины 1882 года, когда Полывановъ и Райко сдѣлали неудачную попытку устроить побѣгъ Новицкому, попавшему въ тюрьму. Всѣ участники этого предпріятія были пойманы: Полывановъ и Новицкій—приговорены къ смертной казни, но отпущены—Новицкій на Кару, Полывановъ—въ Алексѣевскій рѣзанинъ. Райко, по однимъ разсказамъ, умеръ отъ побоевъ, нанесенныхъ толпой, привлеченной устроителями побѣга за грабителями, а по другимъ—отъ огнестрѣльной раны въ голову при вооруженной схваткѣ съ конвоемъ.

Жебуновъ—подвижный и энергичный, обладаетъ извѣстнымъ образованіемъ, умѣлъ и любить поговорить. Больше честный и добрый, чѣмъ большинство революціонеровъ, онъ не разъ добивался пріема въ члены Комитета. Его достоинства и способности давали ему достаточныя права на это и, повидавъ его въ Одессѣ, я внесла въ Комитетъ предложеніе принять его. Его вызвали по этому поводу въ Москву, но тамъ вскоре онъ былъ арестованъ по невыясненнымъ причинамъ. Департаменту полиціи не были извѣстны ни его отношенія къ Комитету, ни его дѣятельность въ Одессѣ; благодаря этому, онъ попалъ въ только административной ссылкой въ Иркутскую область.

Въ Одессѣ онъ являлся много оживленія въ дѣятельность группы и пользовался несомнѣннымъ вліяніемъ. По взглядамъ онъ былъ скорѣе социаль-демократомъ, чѣмъ народникомъ, которыми въ программахъ заявляли себя народолюбцы, не терявшіе надежды на деревню. Жебуновъ опредѣленно смотрѣлъ на городской промышленный пролетаріатъ, какъ на единственную опору въ политической борьбѣ. Считая, вѣдь, съ тѣмъ, что рабочій классъ единственный носитель социалистическихъ идей, онъ думалъ, что всѣ силы партіи должны быть направлены на пропаганду и агитацію въ этомъ классѣ. Сознавая съ этимъ, его главной работой въ Одессѣ, были сношенія съ рабочими.

Въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ въ Одессѣ замѣчательнымъ дѣятелемъ среди рабочихъ былъ Заславскій: имѣя собственную типографію, онъ велъ систематическія занятія съ рабочими и занимать, болѣе чѣмъ кто-либо другой въ Одессѣ, прочную основу для ихъ послѣдующихъ дѣятелей въ этой средѣ^{*)}). Рабочіе выработавшіеся подъ

^{*)} Заславскій осужденъ на каторгу въ 1877 году по дѣлу, въ которомъ онъ занималъ первое мѣсто.

его вліяніемъ, были такого уровня, что могли вести дальнѣйшую пропаганду самостоятельно, безъ участія интеллигентовъ. Поэтому революціонная традиція на фабрикахъ и заводахъ не прерывалась, и во вторую половину семидесятыхъ годовъ, кто бы ни велъ сношенія съ рабочими, каждый имѣлъ готовыхъ проводниковъ въ рабочую массу. Только предательство Меркулова въ 1882 году погубило верхній слой этой рабочей интеллигенціи. Съ этой послѣдней имѣлъ дѣло и Жебунновъ, а вмѣстѣ съ нимъ М. И. Дрей.

При мнѣ число активныхъ участниковъ въ дѣятельности одесской группы увеличилось бѣжавшимъ изъ Сибири Георгіевскимъ, судившимся въ 1877 г. по процессу Бардиной. Кромѣ того, я вызвала въ Одессу Овитычъ, сестру Свитыча, осужденнаго по процессу Ковальскаго. Эта славная молодая дѣвушка жила гдѣ-то недалеко въ уѣздномъ захолустьѣ и томилась бездѣйствіемъ. Въ то время, какъ-разъ предполагался побѣгъ Ф. Морейнисъ изъ Николаевской тюрьмы. Это дѣло думали устроить мѣстные офицеры, ходившіе на караулъ въ тюрьму; тамъ они познакомились съ Морейнисъ, которой прозита катола. Будучи на караулѣ, одинъ изъ офицеровъ долженъ былъ вывести заключенную изъ тюрьмы, а для того, чтобы ее укрыть, требовалась конспиративная квартира. Георгіевскій и Свитычъ взялись устроить это и отправились въ Николаевъ. Побѣгъ не былъ, однако, осуществленъ и, когда это выяснилось, они вернулись въ Одессу, чтобы по рѣшенію группы устроить небольшую типографію для печатанія летучихъ листовъ для рабочихъ. Такъ какъ шрифтъ у группы уже имѣлся въ запасѣ, то дѣло легко организовалось. Но дѣятельность типографіи была кратковременная и напечатали въ ней одну единственную прокламацію по поводу смерти и похоронъ заслуженнаго революціонера Фасенко, много глѣбъ прикованнаго къ постели тяжелой болѣзнью.

Георгіевскій имѣлъ сношенія и съ рабочими, это и погубило его. Его какъ-то выслѣдили, онъ былъ арестованъ, а вмѣстѣ съ нимъ взята и Свитычъ съ типографіей.

Однажды, подойдя къ дому, въ которомъ была ихъ квартира, я увидѣла, что условный знакъ безопасности снятъ. Думая, что это можетъ означать простое отсутствіе хозяевъ, я вошла во дворъ и подошла къ двери квартиры. Всякій замокъ показывалъ, что дѣло кончено, и я поспѣшила удалиться; на мое счастье засады при квартирѣ не было.

Членомъ одесской группы или очень близко стоявшимъ къ ней былъ двоюродный братъ О. Пурицъ, студентъ 1-го курса Копаль. Онъ дѣйствовалъ среди студентовъ: онъ составилъ кружокъ человекъ въ десять изъ своихъ товарищей, они сочувствовали «Народной Волѣ» и занимались самообразованіемъ общественно-политическаго характера.

Черезъ Нв. Нв. Свѣденцева, какъ бывшаго военнаго, имѣлись связи и среди военныхъ, и я познакомилась съ ними у него. Это были: ротный командиръ Люблинскаго полка Крайскій и офицеры: Тельо (братъ осужденнаго) и Стратоновичъ *). Они относились ко мнѣ со вниманіемъ и любезностью, свойственными военнымъ людямъ по отношенію къ женщинамъ. Мои первоначальные разговоры съ ними имѣли обыкновенный салонно-литературный характеръ. Позднѣе, когда я узнала, что Крайскому нравится мое общество, я стала видѣться съ ними чаще и, послѣ нѣкотораго сближенія, высказывать мои революціонные взгляды и симпатіи. Вызываемый на откровенность, онъ выражалъ интересъ и сочувствіе идеѣ политической свободы и признавалъ справедливую сущность социализма. Но не это сочувствіе, формулировавшееся въ общихъ выраженіяхъ и не переступавшее предѣловъ разговоровъ, внушало мнѣ интересъ къ его личности, а то противорѣчіе, которое я замѣтила. Признавая, что истинное убѣжденіе должно проявляться въ активной дѣятельности, и что пропаганда словомъ составляетъ главнѣйшее орудіе для проведенія какой бы то ни было идеи въ жизнь, онъ находилъ, что дѣйствительна лишь та пропаганда, которая опирается на знаніе и, что его-то ему и недостаетъ. Онъ сожалѣлъ, что не получилъ высшаго образованія, и что попытка поступить въ академію, сдѣланная имъ двѣжды, встрѣтила отказъ **), несмотря на то, что способности позволяли ему надѣяться на успѣхъ. Наряду съ этимъ, поистинному, искреннему сожалѣніемъ, моя поражаало полное отсутствіе усилій къ развитію своихъ умственныхъ силъ, къ поднятію тѣхъ недочетовъ, которые такъ ясно сознавались. Такое положеніе казалось мнѣ неестественнымъ, и я думала, что мое дружеское внимательство поможетъ ему выйти изъ этого безлюднаго стоянія на одномъ мѣстѣ; что онъ или сознается, что неспособенъ идти дальше однихъ разговоровъ, или примется за работу надъ собой. Я думала, также, что, быть-можетъ, онъ слишкомъ добросовѣстно относится къ вопросу о приобрѣтеніи знаній и ставитъ слишкомъ высокие требованія къ самому себѣ. Поэтому, одобряя мысль о необходимости научной подготовки вообще, я проводила взглядъ, что, если человекъ самъ не тревожится сомнѣніемъ, не колеблется въ признаніи той или другой истины, а чувствуетъ лишь недостатокъ въ аргументахъ для убѣжденія другихъ, то нѣтъ необходимости сначала погружаться самому въ теоретическое изученіе, чтобы явиться потомъ во всеоружіи; средній путь постепеннаго изученія отдѣльных вопросовъ

*) Дальше слѣдуетъ цитата о Крайскомъ изъ показаній, данныхъ мной въ 84 г. по прочтеніи показаній Крайскаго («Былое», 1917 г., кн. 4); въ нихъ онъ казался. Въ виду этого, я выражала его; на дѣлѣ, съ нимъ, какъ съ товарищемъ Апенбренера, и могла говорить о политикѣ съ первой же встрѣчи.

**) Онъ объяснилъ этотъ отказъ тѣмъ, что онъ—католикъ.

и параллельной передачи другимъ того, что уже усвоено, быть-можетъ даже лучшая школа для самого себя. Вместе съ тѣмъ, Крайскій постоянно говорить, что ему невыносимо общество людей, которые умственно выше его и такъ какъ я находила это несовмѣстимымъ съ желаніемъ дѣйствовать на другихъ, то въ бесѣдахъ часто заходила разговоръ и на эту тему. Крайскій казался мнѣ цѣлѣйшею личностью, человекомъ сильной воли, который, разъ рѣшившись, уже не сойдетъ съ избраннаго пути; поэтому я хотѣла непременно привлечь его въ партію, разбить сомнѣнія въ себѣ, сломить тѣ внутренніе препятствія, которыя мѣшали ему примкнуть къ намъ. Стратоновичъ честный малый, но съ психологіей менѣе сложной, и характеромъ неопредѣленнымъ, мало интересовалъ меня. Къ тому же въ началѣ осени онъ уѣхалъ изъ Одессы, такъ какъ получилъ командировку въ Очаковъ. Какъ тогъ, такъ и другой состояли въ дружескихъ отношеніяхъ съ подполковникомъ Прагскаго пѣхотнаго полка Мих. Юл. Ашенбреннеромъ (будущимъ шпассельбуряцемъ). Последняго я зналъ еще Желябовъ, когда жилъ въ Одессѣ въ первой половинѣ 1879 года, а я познакомилась съ нимъ въ 1880 году незадолго до моего отъѣзда въ Петербургъ. Я застала его тогда случайно у Свѣденцова, который раньше не упоминалъ о немъ. Въ разговорѣ на тему объ участіи военныхъ въ революціонномъ движеніи, Ашенбреннеръ, между прочимъ, говорилъ о бесплодности военныхъ переворотовъ, такъ какъ ихъ слѣдствіемъ можетъ быть лишь смѣна лицъ, а не измѣненіе сущности общественныхъ отношеній, и приводить въ примѣръ Испанію съ ея pronunciamentos, не выводившими страну на новые пути. Ив. Ив. Свѣденцовъ рекомендовалъ мнѣ Ашенбреннера, какъ социалиста и революціонера. Мнѣ хотѣлось еще видѣться съ нимъ, но знакомство какъ-то не клеилось. Онъ показался мнѣ вялымъ и неразговорчивымъ; онъ былъ старше меня на 10 лѣтъ, и я не умѣла подойти къ нему: онъ или не привыкъ къ женскому обществу, или не любилъ его. Намъ обомъ, кажется, было скучно другъ съ другомъ.

Теперь, въ мой второй пріѣздъ въ Одессу, Ашенбреннеръ служилъ въ Николаевѣ, но иногда пріѣзжалъ въ Одессу и я уже знакомство возобновилося. Въ Николаевѣ около Ашенбреннера группировались его сослуживцы: Талапандовъ, Маймеевскій, Мицкевичъ, Кирьяковъ и Успенскій, связанные съ Ашенбреннеромъ тѣсною дружбой и раздѣлявшие его социалистическіе взгляды и революціонныя симпатіи. Желая лично познакомиться съ ними и подготовить путь Суханову, который долженъ былъ пріѣхать на югъ, я нѣсколько разъ ѣздила въ Николаевъ и посѣщала квартиру, въ которой собиралась вся компанія Ашенбреннера.

По возрасту это были солидные люди, сверстники Ашенбреннера, и совѣтъ не походили на товарищѣй Суханова—изящную удалую мо-

людей, которая такъ и напрашивалась на какое-нибудь рискованное быстрое предприятие. Самъ Ашенбреннеръ, человекъ образованный и начитанный, былъ много выше своихъ друзей и являлся естественной главой этого содружества. Какъ онъ, такъ и его друзья жили совершенно замкнуто, въ нихъ не было ни увлеченія, ни стремленія къ прозелитизму. Никакой революціонной дѣятельностью во всю свою жизнь они не занимались, а когда я указывала на необходимость заведенія знакомствъ съ цѣлью привлеченія сочувствующихъ, то отвѣтъ всегда былъ одинъ и тотъ же, что подходящихъ людей среди офицеровъ нѣтъ. Однако по многимъ настояніямъ, поздибе, они завели знакомство съ моряками, и тутъ, повидимому, была благодарная почва, потому что Ашенбреннеръ находилъ, что оживленная агитація, начавшаяся среди нихъ, переступила границы благоразумія. Но эти сношенія съ морскими офицерами и въ частности съ будущимъ шиллельбургцемъ Ювачевымъ происходили уже въ то время, когда я изъ Одессы уѣхала и лично никого изъ морскихъ офицеровъ я не знала. А до этого кружокъ оставался въ стационарномъ состояніи: друзья собиравшись тѣсной компаніей и вели между собой бесѣды свободнѣшаго характера. Порой Ашенбреннеръ, хорошо изучившій Маркса, читалъ рефератъ по «Капиталу» или на какую-нибудь другую политико-экономическую тему, а когда былъ въ ударѣ, излагалъ различныя философскія системы, на что былъ большой мастеръ. Надо сказать, что мое знакомство съ этими военными было слишкомъ поверхностнымъ, чтобы я могла замѣтить индивидуальность каждаго. Ашенбреннеръ, человекъ очень любящій и по отношенію къ людямъ уступчивый и мягкій, былъ высокаго званія о своихъ друзьяхъ-сослуживцахъ; онъ сжилъ съ ними душа въ душу, и отзывался о нихъ, какъ о лицахъ, преданныхъ интересамъ народа и готовыхъ рисковать собой. На основаніи этой рекомендаціи и было построено предположеніе, что пріѣдетъ членъ центральнаго военнаго группы и предложитъ кружку офицеровъ примкнуть къ партіи «Народной Воли» и войти въ сношенія съ военнымъ центромъ. Мы находили нужнымъ, чтобы предложеніе программы и устава организаціи исходило отъ человека военнаго и притомъ принадлежащаго къ центру, такъ какъ это связало бы мѣстную военную группу съ центромъ тѣмъ же, чѣмъ если бы организаторомъ ея явился кто-нибудь изъ штатскихъ. Пріѣхать, какъ было уже сказано, долженъ былъ Сухановъ, но уже 29-го апрѣля онъ былъ арестованъ. Въмѣсто него ко мнѣ въ Одессу явился А. В. Буцевичъ, командированный въ полѣ министерствомъ путей сообщенія на инженерныя работы въ Николаевскомъ порту. Я дала ему рекомендательное письмо къ Ашенбреннеру, сообщила мои личныя впечатлѣнія о военныхъ, съ которыми познакомилась, и предлагала устроить сейчасъ же свиданіе съ одесскими офицерами. Но Буцевичъ торопился въ Николаевъ и обѣщалъ захватить изъ Одессы при возвращеніи съ работы; онъ сдѣлалъ это въ декабрѣ.

Задача объединенія одесскихъ и николаевскихъ офицеровъ въ одну организованную ячейку, связанную съ центральнымъ органомъ, была для Буцевича задачей легкой, такъ какъ и тѣ и другіе давно знали другъ-друга и были уже подготовлены Ашенбреннеромъ и мною къ тому, чтобы согласиться на все, что могъ предложить Буцевичъ. Дѣйствительно, вышеупомянутыя лица приняли на себя тѣ серьезныя обязательства, которыхъ требовалъ уставъ, предложенный Буцевичемъ, и обѣщали по первому призыву военнаго центра выступить съ оружіемъ въ рукахъ и увѣщъ къ тому же подчиненныя имъ войсковыя части *).

Такъ была выполнена миссія Буцевича, и установлена связь между революціоннымъ офицерствомъ сѣвера и юга. Всего военная организація насчитывала тогда человекъ 50.

III. Перенесеніе партійнаго центра въ Москву.—Состояніе его.— Мѣстная московская группа.

Въ концѣ октября я получила изъ Москвы приглашеніе пріѣхать. Прошло полгода послѣ того, какъ я покинула Петербургъ, и за это время почти не имѣла свѣдѣній о томъ, какъ идутъ дѣла партіи, и что дѣлается въ центрѣ, перенесенномъ въ Москву. Помытно, съ какимъ нетерпѣніемъ я рвалась на это свиданіе съ товарищами, уцѣлѣвшими отъ военныхъ арестовъ въ Петербургѣ: Юріемъ Богдановичемъ, Корба, Грачевскимъ, Иванювскою и другими, которыхъ надѣялась встрѣтить впервые послѣ событій, разметавшихъ насъ въ разныя стороны.

Наряду сказать, что жизнь въ Одессѣ, не отразившая потрясеній мартовскихъ дней, не подготовила меня къ тѣмъ перемѣнамъ, которыя ожидали меня въ Москвѣ. Пріѣхавъ туда, я съ горестью могла видѣть губительное значеніе потерь, понесенныхъ Исполнительнымъ Комитетомъ незадолго до 1-го марта и въ особенности послѣ него.

Мѣстопробываніе Комитета было перенесено изъ Петербурга въ Москву не по какимъ-нибудь высшимъ соображеніямъ, а исключительно въ силу необходимости: тѣмъ изъ членовъ его, которые еще не попали въ руки полиціи, невозможно было держаться въ Петербургѣ послѣ арестовъ въ мартѣ и апрѣлѣ. Оставаться тамъ, значило идти на неминуемую гибель: было ясно, что кто-то, знающій въ лицо членовъ организаціи, указываетъ ихъ полиціи, хватающей людей на улицахъ.

Но перемѣщеніе центра революціонной партіи изъ столицы въ другой городъ уже само по себѣ не могло не нанести вреда дѣламъ партіи. Если принять во вниманіе революціонное движеніе только съ семи-

*) Для пропаганды среди солдатъ я послала въ распоряженіе николаевской группы отличнаго работника Александра.

десятихъ годовъ, то всякій, знакомый съ нимъ, скажетъ, что Петербургъ былъ главнымъ очагомъ его. Центръ государственной жизни и средоточіе всѣхъ интеллектуальныхъ силъ страны, онъ изъ года въ годъ былъ мѣстомъ, въ которомъ накоплялись оппозиціонные элементы. Именно въ немъ создавались наиболѣе серьезные революціонныя организаціи общероссійскаго характера, имѣвшія къ тому же преемственность между собой: «Чайковцы», «Земля и Воля», «Народная Воля» были тѣсно связаны между собой. И здѣсь же эти организаціи черпали, главнымъ образомъ, своихъ сторонниковъ. Не говоря о временахъ болѣе далекихъ, начиная съ «Чайковцевъ», здѣсь сосредоточивалась революціонная дѣятельность и находилось мѣстопробываніе лидеровъ революціонныхъ организацій. Изъ Петербургу тянули провинціи, получая отсюда импульсы; здѣсь давались лозунги, отсюда шла моральная поддержка и раскидывалась организаціонная сѣть. Всѣ важнѣйшіе политическіе процессы, имѣвшіе громадное агитаціонное значеніе, происходили здѣсь, и здѣсь же находили наибольшій откликъ всѣ революціонныя выступленія. Въ Петербургѣ сосредоточивались главныя литературныя силы всей Россіи и та частица ихъ, которая примыкала къ революціоннымъ теченіямъ. Революціонныя органы издавались только въ Петербургѣ и уже отсюда распространялись по Россіи.

Рабочее населеніе Петербурга, болѣе крѣпкое мѣсту и болѣе обученное, было наиболѣе подготовлено къ воспріятію идей социализма и революціи. Пропаганда на фабрикахъ и заводахъ велась здѣсь съ болѣе длиннымъ временемъ, болѣе систематично и въ размѣрахъ болѣе широкихъ, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ промышленныхъ центрахъ.

Учащаяся молодежь Петербурга, болѣе многочисленная, чѣмъ въ другихъ городахъ, стояла впереди всей учащейся молодежи Россіи; при студенческихъ волненіяхъ высшія учебныя заведенія Петербурга первыя давали сигналъ къ движенію и шли впереди его. Въ другихъ городахъ революціонная традиція могла порываться, но въ Петербургѣ съ семидесятыхъ годовъ этого не бывало; никогда не оставался онъ безъ организацій, а вокругъ ней всегда существовала периферія, ей сочувствующая и ее поддерживающая. Выбѣжать изъ Петербурга, перевести революціонный центръ въ другой городъ, значило утратить почву, на которой до того времени возникали, росли и существовали революціонныя организаціи.—утратить почву, утолченную всѣмъ революціоннымъ прошлымъ. Такой переѣздъ былъ своего рода эмиграціей, ссылкой, отрывомъ, который грозилъ крайне тяжелыми послѣдствіями.

Москва, куда былъ перенесенъ Исполнительный Комитетъ, была городомъ, въ которомъ отсутствовала непрерывность революціонной традиціи. Организаціи, появлявшіяся въ ней, дѣйствовали короткое время и разбивались арестами, не будучи поддержаны какою-нибудь группой, продолжавшей ихъ дѣятельность. Такъ погибли «Долгушинцы» (1874 г.), а до нихъ «Нечаевцы». Кругомъ «чайковцевъ» имѣтъ

въ Москвѣ отдѣленіе, но это не была самостоятельная организація, выросшая на почвѣ самой Москвы: сдѣлать было созданы нѣбольшими людьми изъ Петербурга; численно онъ былъ слабъ и отъ себя ничего новаго въ движеніе не внесъ. Въ 1874—1875 гг. въ Москвѣ дѣйствовали лица, судившіяся по процессу 50-ти. Они не были коренными москвичами, эти цюрихскія студентки и казакцы, и, хотя завели довольно обширныя связи на московскихъ фабрикахъ, не могли пустить глубоко корней въ городъ, который выбрали, какъ свой центръ. Насѣдниковъ, которые продолжали бы ихъ дѣло, они не оставили. Общество «Земля и Воля» въ Москвѣ организованной, сплоченной группы не имѣло.

Что касается «Народной Воли», она не хотѣла оставить Москву изъ сферы своего вліянія, и вскорѣ послѣ своего образованія направила туда двухъ выдающихся членовъ комитета: П. А. Телатова и М. Н. Ашанина, стараніями которыхъ вскорѣ была создана мѣстная группа, энергично работавшая среди рабочихъ и учащейся молодежи.

Теперь переселившись въ Москву, Исполнительный Комитетъ влился въ эту группу и, можно сказать, обзавелъ ее. Какъ члены комитета, Телатовъ и Ашанинъ, составившія душу группы, изымались изъ нея,—они должны были всецѣло отдаться центральной дѣятельности. Телатовъ въ полѣ былъ переведенъ въ Петербургъ. Кроме нихъ изъ группы выбывали: Мартыновъ и Лебедевъ, которые были взяты въ члены комитета; Горьинскій, посланный въ качествѣ агента Комитета для организаціонной работы въ Кіевъ; Андреевъ съ той же цѣлью отправленный въ Саратовъ, а членъ группы Фридрихсонъ, взятый Комитетомъ изъ Москвы раньше, былъ арестованъ въ Петербургѣ еще въ январѣ 1881 года. Все это не могло не ослабить мѣстную организацію.

Въ Петербургъ, кроме Телатова были направлены и два только что принятые члены комитета: Романенко и Стефановичъ, пріѣхавшіе изъ-за границы. Все трое раньше въ качествѣ членовъ «Народной Воли» въ Петербургѣ не работали, лично связей тамъ не имѣли, а въ Москвѣ старые члены «Народной Воли», въ свою очередь, являлись новоселами. Это тоже было неблагоприятный для дѣятельности моментъ. Но важнѣе всего было то, что, съ перемѣщеніемъ центра, Петербургъ, въ революціонномъ смыслѣ превратился на степень провинціи: опынѣ тамъ должна была существовать только мѣстная группа, а Москва превращалась въ революціонную столицу, но безъ тѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ ресурсовъ, которыми обладалъ Петербургъ.

Велика была перемѣна, найденная мной въ численномъ и качественномъ составѣ Исполнительнаго Комитета. Нечего было скрывать отъ себя—комитетъ 1879 года разбитъ. Странно, но никто изъ насъ не говорилъ объ этомъ; мы сходились, обсуждали различные вопросы и расходились, какъ-будто не замѣчая отчаяннаго положенія нашего

неметра. Или, быть-можетъ, всё мы были людьми, которые видятъ несчастье, но не говорятъ о немъ. Лишь однажды, въ бесѣдѣ съ Грачевскимъ наединѣ, я высказала ему свои опасенія за будущее и горестныя мысли о настоящемъ. Но онъ былъ другого мнѣнія или не хотѣлъ сознаться, что положеніе дѣль катастрофическое. Изъ 28 членовъ*), бывшихъ основоположниками «Народной Воли» и членами Исполнительнаго Комитета, принятыми до 1-го марта, на свободѣ осталось только восемь: три женщины—Корба, Ашанина (совѣтъ болѣнная) и я, и пять мужчинъ. То были: 1) Грачевскій, который до тѣхъ поръ былъ техникомъ по типографіи и приготовленію динамита, членомъ энергичный и фанатически преданный революціонному дѣлу; старый народникъ начала семидесятыхъ годовъ, онъ занимался пропагандой среди московскихъ рабочихъ вмѣстѣ съ членами московской организаціи Бардыной и Джабаларц, существовалъ вмѣстѣ съ ними по процессу 50-ти, былъ въ ссылкѣ въ Архангельской губерніи, бѣжалъ оттуда. Испытанный, практичный и очень работоспособный, въ «Народной Волѣ» занятый техникой,—въ организаціонныхъ работахъ до 1-го марта онъ не принималъ активнаго участія; 2) П. А. Телаловъ—выдающийся дѣятель, пропагандистъ и агитаторъ, создатель московской группы, по своему пребыванію въ Москвѣ не могъ принимать участія въ дѣятельности комитета, какъ всероссійскаго центра; 3) Юрій Богдановичъ, обязательный товарищъ, пропагандистъ въ деревнѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, презвѣстный «Чайковецъ», человекъ опытный, мужественный въ дѣлѣ, но очень мягкій въ сношеніяхъ съ людьми. при образованіи «Народной Воли» находился въ Пермской губерніи и былъ принятъ въ члены Комитета прямо на должность сырооторгонца на Малой Садовой, а послѣ 1-го марта по порученію Комитета совершилъ поѣздку въ Сибирь для организаціи «Краснаго Креста», имѣящую главной цѣлью—помощь побѣдамъ политическихъ ссыльныхъ; 4) Савелій Златопольскій, одесскій, принятый въ Комитетъ по рекомендаціи Фроленко и Колодзевича, знавшихъ его въ Одессѣ; мягкій, добрый, онъ не былъ импонирующимъ и вліятельнымъ человекомъ, и, наконецъ, 6) Левъ Тихоміровъ—нашъ призванный идейный представитель, теоретикъ и лучший писатель, уже въ 1881 году отличавшійся нѣкоторыми странностями, и, быть-можетъ, пожившій въ душѣ за-

*) Я нигдѣ не встрѣчала перечисленія членовъ Исполнительнаго Комитета. Поэтому не будетъ лишнимъ сдѣлать это: 1) Желибовъ, 2) Перовская, 3) Морозовъ, 4) Фроленко, 5) Колодзевичъ, 6) Зунделевичъ, 7) Квятковскій, 8) Ашанина, 9) Александръ Михайловъ, 10) С. Иванова, 11) Шыряевъ, 12) Баранниковъ, 13) Исаевъ, 14) Фингеръ, 15) Корба, 16) Л. Тихоміровъ, 17) Ильмова, 18) Лангансъ, 19) Телаловъ, 20) Сухашевъ, 21) Лебедева, 22) Богдановичъ, 23) Любатовичъ, 24) Златопольскій, 25) Грачевскій, 26) Тригоми, 27) Оловенникова, 28) Екатерина Дмитріевна Тихомірова (урожденная Сергѣева). Послѣ 1-го марта приняты: 1) Халтуринъ, 2) Желудовъ, 3) Мартыновъ, 4) Лебедевъ, 5) Романенко и 6) Стефановичъ.

частки психологическаго переворота, который привелъ его къ полному измѣненію прежней идеологіи и сдѣлать изъ революціонера и республиканца—монархиста, изъ атеиста—религіознаго ханжу, а изъ социалиста—эффиомышленника Каткова и Грингмута. Еще въ мартовскіе дни въ Петербургѣ онъ изумлялъ насъ. Такъ, послѣ 1-го марта, онъ явился къ намъ съ траурной повязкой на рукавъ, какую носили военные и чиновники по случаю смерти Александра II. Въ другой разъ онъ сообщилъ, что ходитъ въ церковь и прилестъ присягу новому императору. Мы не знали, чѣмъ объяснить эту комедію, но, по словамъ Тихомирова, это было необходимо, чтобы легализовать его въ глазахъ дворника, который такъ любознателенъ, что забѣгаетъ въ квартиру, когда хозяева идутъ дома. Шпионманія, повидимому, сыгравъшая роль. Такъ, въ Москвѣ, живя въ меблированныхъ комнатахъ, онъ воображалъ, что сосѣди сдѣлали овертюръ въ стѣнѣ и подслушиваютъ разговоры въ его помещеніи. Тогдашнѣе онъ оставилъ эту квартиру и отправился на богомолье въ Троицко-Сергіевскую лавру, чтобы, прописавшись тамъ, засвидѣтельствовать этимъ свою благонадежность для дальнѣйшаго проживанія въ Москвѣ. На такіе махинаціи никто изъ шестипалыхъ не пускался до него ни при какихъ обстоятельствахъ.

Изъ сдѣланнаго перечня видно, что осталось отъ прежняго состава комитета. Главныхъ столповъ нашей организаціи, иниціаторовъ и создателей «Народной Воли», утѣрпѣвшихъ новое направленіе и совершившихъ дѣянія, на которыхъ «останавливаются зрачѣи міра», въ нашей средѣ уже не было,—они сошли съ революціонной арены. Были осуждены или ждали суроваго осужденія. Уже не было Квятковскаго, пламеннаго революціонера и хорошаго организатора, имѣвшаго особенную способность приывать людей къ дѣлу. Онъ былъ арестованъ еще въ 1879 году и казненъ; не было Зунделевича, мастера по части доставки невозможныхъ техническихъ средствъ; ни Морозова, который былъ однимъ изъ первыхъ горячихъ глашатаевъ народническаго направленія; онъ уѣхалъ за границу уже черезъ полгода послѣ основанія «Народной Воли» и не видѣлъ всего расцвѣта ея. Не было ни Александра Михайлова, этого «недреманнаго ока» организаціи, истиннаго «хозяина» ея; ни олицетворявшаго терроръ, мрачнаго молчаливаго красавца-силача Баранникова; ни нашего хранителя отъ полицейскихъ набѣговъ Клѣтчинкова. Не было Желязова, Перовской, Колотилевича и Фроленко, этихъ неслыханныхъ дѣятелей слова и практики. Выбыли изъ строя техники: Исаевъ, Якимовъ, Ширяевъ, Софья Ивановна; не было энтузіаста Суханова; членовъ комитета: Тритонинъ, Лебедевой, Манганса и только-что принятаго Жебунова. Погибли агенты: Кибальничъ, Саблинъ, Геся Гельфманъ, Терентьева и многіе другіе товарищи изъ интеллигенціи и рабочихъ, необходимыя для общаго

дѣла и разнообразіемъ своихъ талантовъ и способностей поддерживать гармоничность различныхъ отраслей дѣятельности организации. Теперь была пустыня—недоставало ни умовъ, ни рукъ, ни главенствующихъ инициаторовъ, ни искусныхъ исполнителей. Въ 1879 году Исполнительный Комитетъ соединилъ въ себѣ все революціонныя силы, накопившія предшествовавшимъ десятилѣтіемъ и участвовавшія въ разгромѣ этого періода. Они бросились въ политическую борьбу и, совершивъ громадную работу, въ два года израсходовали весь капиталъ. Теперь, къ концу 1881 года оставалась небольшая группа, а за нею тѣ, кого на моемъ процессѣ (1884 г.) присутствовавшіе энциклопедически характеризовали словомъ: «ученики».

Такъ Исполнительный Комитетъ, по существу, кончилъ свое бытіе и въ данный моментъ центръ партіи «Народной Воли» уже не былъ въ состояніи играть прежней роли. На аренѣ борьбы съ самодержавіемъ почти не оставалось именъ, извѣстныхъ всей свободомыслящей Россіи. Выбѣлъ съ утратой людей, боевая способность Исполнительнаго Комитета исчезла. Оставалась пропагандочная и организационная работа; надо было думать о набораніи силъ, во что бы то ни стало. Но условія дѣятельности сильно усложнились: инкогнато и слѣды усовершенствовались, появились бартоузы этого дѣла, люди честотолковыя, способные и съ широкимъ размахомъ, какъ Судейкинъ, а революціонныя требованія къ личности, сравнительно съ семидесятыми годами повысились. Въ интеллигенціи и въ рабочей средѣ надо было искать элементы болѣе зрѣлые. Но именно ихъ-то и было мало. Рядовые работники находились довольно легко среди молодежи: для работы въ провинціи, въ мѣстныхъ группахъ, они были вполне пригодны, но къ кандидатамъ въ центръ мы предъявляли иные требованія, мѣрныя той мѣрѣ, которая была при основаніи «Народной Воли» и подъ эту мѣрку подходили лишь немногіе.

Съ распадомъ прежней организаціи, исчезновеніемъ большаго числа товарищей, ослабѣлъ общественный контроль надъ личностью. Я замѣтила это еще въ апрѣлѣ, когда проѣзжала черезъ Москву на югъ. Несколько губительныхъ арестовъ произошли изъ за того, что отдаленныя лица раскопали собой, пренебрегая мѣрами осторожности. Икимова, изумительная по своей смѣлости, находившаяся въ опасности и беззавѣдно преданная революціонному дѣлу, Икимова, которую надо было беречь, какъ зеницу ока, отправилась въ Кіевъ, хотя она считалась по своимъ полицейскимъ условіямъ столь-же опаснымъ, какъ и Петербургъ. Тамъ въ скоромъ времени она была арестована съ Жемлансомъ и Морейнскъ. Тоже самое произошло и съ Лебедевой. Матери Фроленко, женщиной простой и никогда не бывавшей въ Петербургѣ, Лебедева хотѣла помочь получить свиданіе съ сыномъ и постоянно видѣлась съ ней, несмотря на очевидный рискъ быть арестованной. Такъ

оно и случилось: Лебедева была арестована; какъ участница въ покушеніи на царевубійство она была осуждена на каторгу, какъ и Якимовъ и умерла на Карійскихъ рудникахъ въ Сибири. При Александрѣ Михайловѣ и Желябовѣ, когда налицо былъ весь коллективъ, такого риска и проявленія личной воли общественное мнѣніе не допустило бы. Да и арестъ самой Перовской, а потомъ Суханова, развѣ онъ произошелъ бы, естѣсь, какъ это было въ лучший періодъ дѣятельности Комитета, строгій контроль организаціи сдерживалъ и, когда нужно, подчинялъ личность революціонной дисциплинѣ, допуская рискъ собой только по рѣшенію коллектива для общественно необходимаго дѣла *).

Исполнительный Комитетъ, я говорю о Комитетѣ 1879 года, въ сущности кончилъ свое бытіе, а между тѣмъ Россія, революціонная царевубійствомъ, была еще полна отголосками на 1-е марта. Общественное мнѣніе широкой публички, оставшейся въ потемкахъ, относительно реальныхъ силъ партій, ослѣвленное дѣятельностью Комитета, сильно преувеличивавшее ихъ, ожидало еще великихъ потрясеній впередъ: Комитетъ въ своихъ изданіяхъ неоднократно заявлялъ, что царевубійство будетъ производиться систематически, и оружіе не будетъ сложно до тѣхъ поръ, пока самодержавіе не сдается и свободныя учрежденія не замѣняютъ царскаго режима.

Здѣсь не лишнее рассказать объ одномъ эпизодѣ, еще нигдѣ не рассказанномъ; объ одной возможности, неосуществленной.

3-го марта, Кибальничъ, сильно взволнованный, неожиданно явился къ намъ на квартиру у Вознесенскаго моста, куда онъ не долженъ былъ приходить безъ особаго оповѣщенія. Онъ сообщилъ, что квартира Саблина и Геси Гельфманъ на Тельянской взята полиціей, Саблинъ застрѣленъ, а Тимофей Михайловичъ арестованъ на дѣстничѣ по дорогѣ къ намъ. Это событіе ставило на очередь судьбу магазина сыровъ на М. Садовой. Онъ еще не былъ ликвидированъ нами и его хозяева: Богдановичъ и Якимовъ оставались на своихъ мѣстахъ въ немъ. Каждую минуту онъ могъ быть открытъ полиціей. Часа въ 2, когда на квартирѣ кромѣ меня и Исаева присутствовали: Тихомировъ, Перовская, Мамганъ, Якимовъ и еще человекъ 6 изъ Комитета; вопросъ о ликвидаціи магазина былъ поставленъ на обсужденіе, и было постановлено, что это должно быть сдѣлано немедленно, при чемъ хозяева покинуть Петербургъ въ тотъ же вечеръ. Одна я была другого мнѣнія. Я предлагала сохранить магазинъ еще на 2—3 дня. При обсужденіи того, что происходило 2-го и 3-го марта, выяснилось, что въ эти дни (или въ одинъ изъ этихъ дней) новый императоръ выѣхалъ съ императрицей проѣзжать изъ Англичевского дворца, въ которомъ

*) Позднѣе Ю. Богдановичъ былъ арестованъ и погибъ тоже, благодаря тому, что пошелъ на уже оставленную, опасную, въ полицейскомъ смыслѣ, квартиру, когда коллективъ долженъ былъ запретить это.

жить, по Малой Садовой, т.-е. мимо магазина, готовившаго смерть его отцу. Это показывало, что п р я м ы хъ указаній на магазинъ, пока, не было. Съ другой стороны, если Рысаковъ, о которомъ тотчасъ же послѣ ареста пошли дурные слухи, знаетъ, что на Садовой готовится какой-то ударъ противъ Александра II, то о самомъ магазинѣ ему ничего не было извѣстно. Изъ арестованныхъ съ ноября 1880 г. по 1 марта о магазинѣ знали: Александръ Михайловъ, Колодзиевичъ, Барашниковъ, Желябовъ и Тригони—все члены Комитета, въ рукахъ которыхъ тайна была въ полной безопасности: на этотъ счетъ можно было не беспокоиться. Поэтому, несмотря на опасность положенія,—такъ-какъ указанія на улицу у полиціи были, и въ магазинѣ полиція 28 февраля произвела осмотръ, якобы съ точки зрѣнія санитарной, и, конечно, могла повторить его,—и предлагала оставаться въ магазинѣ еще въ течение нѣсколькихъ дней, и, если императоръ поѣдетъ еще разъ мимо, то взорвать мину, приготовленную для его отца. И указывала, что рисковать въ этомъ случаѣ лицами, которые останутся въ магазинѣ стоять, и Исполнительный Комитетъ имѣетъ право на такой рискъ... Однако присутствовавшіе всѣ были противъ. У меня вырвался возгласъ: «Это—гнусость!» Тогда Тихомировъ и Лангансъ, стоявшіе рядомъ со мною, съ гнѣбнымъ жестомъ подняли крыжъ: «Вы не имѣете права говорить такъ!...» Остальные молчали и дѣло было снято съ очереди.

Было рѣшено, что Якимова, придя въ магазинъ, скажетъ Богдановичу о постановленіи Комитета, и онъ уѣдетъ изъ Петербурга съ первымъ поѣздомъ, а Якимова въ обычный часъ запереть магазинъ и уѣдетъ, чтобы съ другого вокзала оставить городъ. Такъ Кобозовы и сдѣлали: сначала ушелъ Богдановичъ, а вечеромъ, въ обычное время, Якимова закрыла магазинъ, зашла передъ образомъ Георгія Побѣдоносца лампаду и выпила съ маленькимъ узелкомъ черезъ ворота мимо дремавшаго дворника.

Утромъ 4 марта, дворникъ, встревоженный тѣмъ, что время проходить, а магазинъ не открывается и хозяева не обнаруживаютъ признаковъ жизни, далъ знать въ полицію, которая и явилась дѣлать свое дѣло.

На прилавкѣ она нашла кучку мѣдяковъ и записку: хозяйка проситъ въ ней передать прилагаемыя деньги мяснику за печенку, которую она забирала для кота Васьки.

Возможность немедленнаго второго царевубійства ушла, чтобы не повториться. Наступило затѣшье. Съ пашей стороны оно было вынужденнымъ, но общественное мнѣніе толковало его, какъ затѣшье передъ грозой. Само правительство раздѣляло такой взглядъ и ожидало новыхъ трагическихъ событій. Напряженное ожиданіе было, можно сказать, характернымъ признакомъ общественнаго настроенія того пре-

мени. Дѣйствія Комитета за весь истекшій періодъ были окружены тайной: никто не зналъ, когда именно, въ какой моментъ и въ какой формѣ загремѣтъ ударъ. Никто не зналъ и того, какими средствами, въ смыслѣ персонала и техники, располагаетъ «Народная Воля». Эту полную неизвѣстность и вмѣстѣ съ тѣмъ признание Исполнительнаго Комитета въ данное время вершинами судебъ Россіи въ смыслѣ поворота къ свободѣ или еще большаго усиленія реакціи въ шутливой формѣ метафорически выразилъ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій: въ бесѣдѣ со мною какъ-то послѣ 1-го марта, и въ связи съ этимъ событіемъ, онъ въ разговорѣ сказалъ: «Что-то съ нами теперь сдѣлаетъ Вѣра Николаевна?», подразумѣвая подъ Вѣрой Николаевной Исполнительный Комитетъ.

Послѣ краткаго періода неопредѣленности и колебаній, которыя отражались въ чиновничьей части публики предвѣщаніями, что авъ 25 лѣтъ воцарится атѣйная реакція—стало ясно, что отъ новаго царя ждать перемѣнъ нечего. Реакціонное направленіе внутренней политики стало предъ всѣми совершенно опредѣленно: манифестъ 29-го апрѣля объявлялъ принципъ самодержавія неизбѣннымъ: отставка Лоржя-Мелникова, Милюткина и Абазы показывала, что либеральныя искусы дати хоть какое-нибудь удовлетвореніе общей потребности въ свободѣ—кончили и все останется по старому.

Но революціонная партія, Исполнительный Комитетъ, замолчалили онъ послѣ всѣхъ заявленій, послѣ письма къ Александру III, въ которомъ были формулированы требованія, не получившія удовлетворенія? Всѣ неловельные старымъ порядкомъ вѣрили, хотѣли вѣрить, что лѣтъ. Поведеніе правительства поддерживало эту вѣру: новый императоръ не короновался, съ этимъ и помша не было, и единственнымъ объясненіемъ служить страхъ передъ террористами. Сказочные слухи ходили въ публикѣ насчетъ ихъ намѣреній и плановъ. Говорили, что въ Москвѣ, въ ожиданіи будущей коронаціи, начаты помѣщенія, изъ которыхъ ведутся подкопы, чтобы взорвать коронаціонное шествіе, и заняты чердаки, чтобы съ нихъ бросать бомбы. Изъ устъ въ уста шла молва, что самъ сыроторговецъ Кебозевъ (Богданевичъ) съ тѣми же террористическими замыслами беретъ порядъ по устройству праздничной иллюминаціи. Говорили, что онъ продолжаетъ торговлю сырами: закунаетъ ихъ въ промѣнціи, и эти сыры, начиненные динамитомъ, ввозятся въ Москву и т.п.. На дѣлѣ Исполнительный Комитетъ не помышлялъ ни о чемъ подобномъ. Въ первые дни послѣ перваго марта, Перовская, въ крайне возбужденномъ состояніи отъ всѣхъ переживаній, словно обуреваемая магіей, забывъ о благоразуміи, только и думала о подготовкѣ къ новому покушенію на царзубійство. Она праводила разныхъ справки, отыскивала прачекъ и модистокъ, обслуживавшихъ населеніе дворцовъ, собиравъ повсюду указанія на лицъ, лѣтбю-

нихъ возможность, при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, встрѣчаться съ царствующими особами (напр. на праздникѣ георгіевскихъ кавалеровъ). Она лично дѣлала наблюденія надъ выѣздами царя изъ Аничкина дворца, пока не была, наконецъ, арестована вблизи него. Съ ея задержаніемъ и переѣздомъ членовъ Исполнительнаго Комитета въ Москву эти конвульсивныя попытки прекратились. Мы знали, что царь спрятался въ Гатчинѣ и живетъ тамъ, какъ узникъ, доступъ къ которому невозможенъ. Никакихъ изысканій, собиранія свѣденій и тѣмъ болѣе наблюденій Комитетъ не предпринималъ и никакихъ проектовъ воспользоваться коронаціонными торжествами въ Комитетѣ не возникало. Даже самый вопросъ о цареубійствѣ не поднимался. Ни разу въ теченіе моего пребыванія въ Москвѣ на совѣщаніи объ этомъ не говорили, до такой степени была очевидна полная невозможность ставить такое дѣло при нашихъ тогдашнихъ силахъ.

Я говорила о тѣхъ, кто у насъ выбылъ къ этому времени. Вмѣсто нихъ я застала новыхъ членовъ: Мартынова, Лебедева и Романенко. Четвертымъ называли Стефановича, но онъ находится въ Петербургѣ, также какъ и Телаловъ съ Златопольскимъ.

Мартыновъ и Лебедевъ были по профессіи врачами и входили въ мѣстную Московскую группу, созданную Телаловымъ и Ашаниной. Если о Лебедевѣ я не слыхала ни хорошаго, ни дурного, то о Мартыновѣ Ашанина много рассказывала мнѣ при свиданіи въ Петербургѣ и говорила о немъ, какъ объ умномъ, оригинальномъ, интересномъ человѣкѣ и искусномъ рассказчикѣ-импровизаторѣ. По ея отзывамъ изъ Москвичей онъ былъ самымъ даровитымъ и выдающимся*). Определеннаго впечатленія при дѣловыхъ встрѣчахъ съ нимъ и съ Лебедевымъ въ Москвѣ на общественной квартирѣ Богдановича и Ашаниной я однако не вынесла. Ихъ значеніе въ Комитетѣ было невелико уже по самой кратковременности ихъ дѣятельности, какъ членовъ: Мартыновъ, посланный на работу въ Петербургъ, былъ арестованъ тамъ уже въ январѣ 1882 года вскорѣ послѣ ареста Телалова. (въ половинѣ декабря 1881 года). Указаній на близость Мартынова къ центру департаментъ полиціи не имѣлъ и онъ пошелъ лишь въ административную ссылку. Такова же была участь и Лебедева (арестованнаго въ февралѣ 1882 г.).

Герасима Романенко я знала еще въ Одессѣ. Юристъ по образованію, умный и образованный, онъ былъ надѣленъ изящной фигурой и прелестнымъ тонкимъ лицомъ, на которомъ лежалъ отпечатокъ болѣзни легкихъ. Въ высшей степени интеллигентный и обаятельный въ обращеніи, онъ чрезвычайно нравился мнѣ и Колодкевичу, жившему нѣко-

*) Двадцать пять лѣтъ спустя, находясь по другому дѣлу въ административной ссылкѣ въ Архангельскѣ, Мартыновъ участвовалъ въ ученой экспедиціи по изслѣдованію естественныхъ богатствъ сѣвернаго края и за свой трудъ получилъ отъ академіи наукъ золотую медаль.

торое время въ Одессѣ. Мы часто встрѣчались и обсуждали всѣ дѣла нѣмѣцѣвъ. Удивительно было то, что такой даровитый и симпатичный человѣкъ не создастъ въ Университетѣ никакой группы около себя. Тѣ студенты, его товарищи, котыхъ онъ рекомендовалъ намъ (всего 2!), были людьми малозначительными, въ революціонной работѣ не активныя и намъ рѣшительно ни чѣмъ не были полезны. Послѣ ареста Гольденберга съ динамитомъ въ Елисаветградѣ, Романенко, видѣвшійся съ нѣмъ въ Одессѣ, началъ хлопоты о паспортѣ и уѣхать за границу. Въ Швейцаріи онъ встрѣтился и сошелся съ Морозовымъ; вмѣстѣ съ нимъ написалъ и выпустилъ, подъ псевдонимомъ Тарновскаго, брошюру «Террористическая борьба». Въ ней проводилась мысль, что, если народъ молчитъ и не готовъ къ революціи, то дѣлать ее должна и безъ народа революціонная интеллигенція посредствомъ систематическаго политическаго террора, на который слѣдуетъ отдать всѣ силы.

Когда брошюра дошла до Россіи, въ Комитетѣ была мысль напечатать въ партійномъ органѣ («Народная Воля») возраженіе. «Народная Воля» никогда не смотрѣла на свои задачи такъ узко, какъ вопросъ ставился въ брошюрѣ, подписанной и Морозовымъ, однимъ изъ извѣстныхъ инициаторовъ народовольческаго направленія. Она вѣрила въ народъ и хотѣла опираться на него. Ея дѣятельность не была жестомъ отчаянія, вызваннымъ разочарованіемъ въ народныхъ массахъ. Если можно говорить о разочарованіи, то оно состояло только въ томъ, что жившіе въ народѣ для революціонной дѣятельности среди него, убѣдились на горькомъ опытѣ, что при существующемъ полицейскомъ строѣ никакой не только революціонной, но и просто культурной работы въ народѣ вести нельзя. Тактика «Народной Воли»—политическій терроръ—являлась въ глазахъ партіи средствомъ широкой агитаціи, которой вывести народъ и общество изъ неподвижнаго состоянія и побудить ихъ къ выявленію накрѣпшихъ сознательныхъ нуждъ и потребностей. И въ этомъ отношеніи вѣры въ живыя силы народа того времени было больше, чѣмъ могла оправдать дѣйствительность, что и показало 1-е марта, не сопровождавшееся никакими массовымъ движеніямъ. Что же касается до пропаганды и агитаціи среди рабочихъ, то она велась, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и всюду, гдѣ только существовали народовольческія группы, и эта пропаганда не была средствомъ извлечения силъ для террора. Тогда какъ въ брошюрѣ Морозова и Романенко, интеллигенція ставилась во главу угла; она являлась единственной носительницей революціонной идеи, способной и безъ народа осуществить дѣло свободы *).

Стефановичъ, извѣстный дѣятель на югѣ, вошедшій при раздѣ-

*) Мысль опубликовать возраженія въ органѣ была потомъ оставлена.

леніи О-ва «Земля и Воля» въ «Черный передѣлъ», оставилъ Россію еще въ концѣ 1879 года, и никто не сомнѣвался, что онъ вмѣстѣ съ А. Булановымъ и нѣкоторыми другими чернопредѣльцами искренно перешелъ при возвращеніи на родину въ ряды своихъ бывшихъ противниковъ—народовольцевъ. Однако, подобно Мартынову и Лебедеву, ни Романенко, ни Стефановичъ не успѣли развернуть своей дѣятельности, какъ члены «Народной Воли»: Стефановичъ жившій въ Петербургѣ, былъ арестованъ 6 февраля 1882 г. въ Москвѣ въ квартирѣ Буланова, а Романенко попалъ въ руки жандармовъ въ той-же Москвѣ, когда я еще находилась тамъ. Его арестовали у Ольги Любатовичъ, пріѣхавшей изъ-за границы, нѣсколько времени спустя послѣ того, какъ Морозовъ былъ взятъ на границѣ при возвращеніи въ Россію (въ февралѣ 1881 г.). Ольга Любатовичъ была принята въ члены комитета въ 1879 г., вскорѣ послѣ основанія «Народной Воли». На Воронежскомъ съѣздѣ Землепольцевъ она не присутствовала, хотя была членомъ этого Общества: она оставалась тогда еще за границей, куда уѣхала по настоянію друзей послѣ убійства Мезенцева (4 авг. 1878 г.). По натурѣ очень живая, энергичная и способная, она была моей товарищей по Цюрихскому университету и Берну, куда мы перешли послѣ извѣстнаго циркуляра русскаго правительства, грозившаго недопущеніемъ къ экзаменамъ въ случаѣ продолженія курса въ Цюрихѣ. Въ студенческомъ кружкѣ Бардиной среди «Фричей», какъ называли насъ, она отличалась горячностью и рѣзкой нетерпимостью. Но, когда я встрѣтила ее въ 1879 г., ее нельзя было узнать: такая вялая и бездѣятельная была она. Я думала, что пребываніе въ ссылкѣ (она была осуждена на поселеніе по дѣлу 50-ти) такъ повліяло на нее, отчуждивъ отъ жизни и революціонной среды, пошедшей по другой дорогѣ, чѣмъ та, по какой шла она и ея товарищи по такъ называемой Московской организаціи, но, вѣроятно, это зависѣло и отъ ея болѣзненнаго состоянія.

Арестъ Морозова и смерть ребенка, родившагося за-границей, совершенно ее перевернули. Она пріѣхала въ Россію, пылая мстью правительству и была настоящей тигрицей, когда я посѣтила ее въ Москвѣ. Отъ «Народной Воли» она отмежевывалась и обнаруживала болшую неприязнь къ нашей организаціи. Народовольцы, въ свою очередь, выражали неудовольствіе, такъ-какъ, предполагая завести свою особую террористическую фразію, Любатовичъ пользовалась прежними связями, стараясь использовать ихъ въ своихъ видахъ. Сильный душевный подъемъ сказывался въ ней въ яркихъ формахъ, въ энергіи, не думающей ни о препятствіяхъ, ни объ опасностяхъ. Не знаю, насколько хватило бы этого подъема, быть можетъ, это была нѣкоторая истеричность, но въ то время она была очень интересна—эта тигрица, разъяренная и красивая новой красотой, развернувшейся отъ материн-

ства. Она ничѣмъ уже не напоминала апатичную и безцѣльную Ольгу 1879 года, составлявшую разительный контрастъ съ остальными народо-довольцами, полными всей энергіи новаторовъ и завоевателей новаго пути, на которомъ предстояли громадныя преодолѣнія. Ольга не подозрѣвала, что всѣ ея планы будутъ залиты холодной водой въ тюрьмѣ: а эта тюрьма ее уже подстерегала.

Какъ-то вечеромъ, я отправилась въ гостиницу, въ которой она остановилась. У дверей швейцаръ отсутствовалъ; на лѣстницѣ и въ корридорѣ я не встрѣтила ни души. Дойдя до номера, который занимала Ольга, я постучала въ дверь. Отвѣта не послѣдовало, а когда я отворила ее, то въ комнатѣ было темно и пусто. Я поняла, что Любатовичъ арестована. Надо было скорѣе уходить. Опять въ корридорѣ и на лѣстницѣ я не встрѣтила никого.

Такъ снова, какъ въ Одессѣ, случайность оставила меня на свободѣ. А Романенко, посѣщавшій Ольгу, съ которой дружить, попалъ въ руки жандармовъ, хотя Ольга навѣрное успѣла снять условный знакъ безопасности; или быть можетъ, онъ зашелъ къ ней вечеромъ, когда видѣть сигналъ было невозможно *).

Какъ относительно Мартынова и Лебедева, такъ и о Романенко департаментъ повидимому свѣдѣній не имѣлъ: его сослали безъ суда не въ Сибирь, а въ Ташкентъ, вѣроятно въ виду слабости его здоровья.

Ольга Любатовичъ, арестованная 6 ноября, къ суду тоже не была привлечена: ее сослали административно въ Сибирь, гдѣ она вышла замужъ за своего сопроцессника по дѣлу 50-ти Джабадари.

Что касается Телалова и Стефановича, то ихъ судили по процессу 20-и въ 1883 г.; оба были приговорены къ каторжнымъ работамъ: Стефановичъ отправленъ на Кару, а Телаловъ заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ, гдѣ и умеръ отъ истощенія.

Хотя бы въ немногихъ словахъ я не могу не воздать здѣсь должнаго прекрасной личности Телалова, о которомъ такъ мало осталось слѣдовъ въ революціонной литературѣ. Человѣкъ вполне выработанный, съ хорошимъ образованіемъ, онъ отличался характеромъ высоко-нравственнымъ и обладалъ выдающимся талантомъ оратора. Благодаря этимъ качествамъ, онъ имѣлъ нетрагическое вліяніе на молодежь и создалъ цѣлую плеяду послѣдователей «Народной Воли», видѣвшихъ въ немъ своего учителя. Въ прошломъ онъ дѣйствовалъ въ Харьковѣ одно время на ряду съ Перовской, а въ Москвѣ постоянно выступалъ на университетскихъ сходкахъ, увлекаая за собой студенчество. Будучи очень популярнымъ среди учащейся молодежи и находясь въ постоянномъ общеніи съ ней, онъ имѣлъ возможность непосредственно

*) Романенко кончилъ плохо, солидаризовавшись впоследствии съ юдофобомъ Крушеваномъ.

привлекать и выдирать людей. И его выборъ, какъ я знаю по личнымъ встрѣчамъ, былъ удаченъ. Послѣ каждой студенческой исторіи часть студентовъ исключалась изъ университета, другіе переходили въ инныя учебныя заведенія и, разсыпаясь по городамъ, разносили сѣмена, брошенные Телаловымъ. Таковы въ провинціи были Комарницкій, Анненковъ, Омировъ, которыхъ я знала лично. Составъ Московской группы также опредѣлялся главнымъ образомъ тѣмъ выборомъ, который Телаловъ дѣлалъ среди университетской молодежи. Марія Ник. Ашанина своимъ вліяніемъ закрѣпляла за революціонной партіей тѣхъ, кого первоначально намѣчалъ онъ. Въ однихъ воспоминаніяхъ приведены слова Желябова, сказанныя въ Петербургѣ при отъѣздѣ М. Н. Ашаниной послѣ нашего съѣзда въ январѣ 1881 г. «Помни», сказалъ онъ ей: «Вся надежда на Москву». Желябовъ, дѣйствительно, могъ сказать это, потому что Московская группа за весь періодъ «Народной Воли» несомнѣнно была лучшей изъ всѣхъ: она была и многочисленнѣе и дѣятельнѣе другихъ. Это объясняется, какъ тѣмъ, что Москва была богаче высшими учебными заведеніями, чѣмъ остальные университетскіе города, такъ и талантливостью ея организаторовъ и систематичностью ихъ работы: они не кочевали изъ одного мѣста въ другое не отвлекаясь отъ организаціонной дѣятельности практическими дѣлами по осуществленію террористическихъ замысловъ Исполнительнаго Комитета: ни Телаловъ, ни Ашанина никогда не принимали въ нихъ непосредственнаго участія.

Московская организація кромѣ городской группы для пропаганды въ разныхъ слояхъ интеллигенціи, имѣла для агитаціи на фабрикахъ и заводахъ рабочую группу съ нѣсколькими подгруппами, во главѣ которыхъ стояли члены группы. Первоначально въ ней работали: А. Борейша и рабочій Теофанъ Крыловъ (онъ же Воскресенскій); позднѣе цѣлый рядъ лицъ, смѣнявшихъ другъ друга: ст. Котантъ-Вернштейнъ (извѣстный по дѣлу съ министромъ Сабуровымъ), товарищъ Поливанова—Майновъ; Кирхнеръ (изъ Саратова); Московская учительница А. Орлова, а позже нелегалы: Лисовская, Чекоидзе (изъ процесса 50-и) и бѣжавшіе изъ ссылки: Смирницкая, Ив. Калужный и А. Панкратьевъ. Когда въ іюлѣ 1881 г. Телаловъ уѣхалъ въ Петербургъ, руководителемъ рабочей группы сдѣлался Халтуринъ. Однако Халтуринъ тяготѣлъ больше къ террористическимъ актамъ и въ то время, какъ Телаловъ считалъ необходимымъ направить всѣ силы партіи на пропаганду, авторъ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ, а потомъ организаторъ сѣверно-русскаго Рабочаго Союза находилъ, что при существующихъ порядкахъ самодержавія никакая обширная организація въ Россіи невозможна и чтобы сломить ихъ, всѣ усилія надо приложить къ продолженію террористической борьбы. Въ этомъ настроеніи онъ и отправился потомъ въ Одессу на террористическій актъ противъ Стрѣльникова (19 марта 1882.), на которомъ и

погибъ. Пропаганда на различныхъ фабрикахъ и заводахъ Москвы велась довольно широко, но среди военныхъ Московская группа связей не имѣла.

Выше было уже сказано, что Москвичи, на которыхъ надѣялся Желябовъ, при убыли старыхъ дѣятелей, дали нѣсколькихъ агентовъ и новыхъ членовъ комитета. Всѣ они были привлечены энергичной работой Телалова и М. Н. Ашаниной. Къ сожалѣнію коллективъ, созданный ими, все же не вышелъ по своей вліятельности за предѣлы уровня мѣстной группы: онъ не имѣлъ за собой того продолжительнаго революціоннаго стажа, какой имѣли участники Воронежскаго и Липецкаго сѣздовъ, и не могъ явиться смѣной для Исполнительнаго Комитета, быстро убывавшаго въ своей численности.

IV. Совѣщаніе въ Москвѣ. Стрѣльниковъ. Разгромъ Москвы.

Предметомъ обсужденія въ Москвѣ было измѣненіе плана организаціи для Петербурга сообразно тѣмъ новымъ условіямъ, которыя возникли вслѣдствіе перенесенія отсюда, центра. Прежде въ этомъ городѣ мѣстной группой, ведущей общепартійную работу, не было, но при Исполнительномъ Комитетѣ, съ одной стороны, состояли отдѣльные агенты различныхъ степеней, выполнявшіе по предложенію Комитета ту или иную функцію; а съ другой—были подобраны отдѣлы, другъ отъ друга изолированныя, группы по спеціальностямъ, напр., группа, которая вмѣстѣ съ Желябовымъ и Перовской вела пропаганду среди рабочихъ; группа изъ студентовъ, вмѣстѣ со мной (а потомъ съ А. П. Корба) вѣдавшая сношеніями съ университетомъ и другими высшими учебными заведеніями Петербурга; группа техниковъ съ Исавымъ и Кибальничемъ во главѣ и т.д. Теперь, съ перенесеніемъ центральной организаціи въ Москву, въ Петербургѣ надо было создать мѣстную группу, объединявшую работниковъ различныхъ отраслей, что и было возложено на Телалова, Мартынова, Стефановича и Романенко.

Затѣмъ Комитетъ хотѣлъ выслушать мнѣніе своихъ членовъ о программѣ вновь задуманнаго отдѣла дѣятельности—новой организаціи, которая должна была привлечь въ революціонные ряды старообрядцевъ и сектантовъ. Это было «Христіанское братство», тайное общество, въ которое революціонная партія знала безъ различія вѣроисповѣданія всѣхъ противниковъ господствующей официальной церкви, причемъ главной задачей ставилась борьба съ существующимъ правительствомъ, а конечной цѣлью—ниспроверженіе его. Я не знаю, кто былъ инициаторомъ этого замысла, но этой идеей очень увлекался народникъ-пропагандистъ изъ процесса 193-хъ—Франеколи. Онъ былъ агентомъ Исполнительнаго Комитета и послѣ 1 марта вмѣстѣ съ другими перѣхалъ въ Москву. Онъ нигдѣ не бывалъ, потому что ужъ

болѣе года былъ неизлѣчимо боленъ и не сходилъ съ постели. Въ квартирѣ, гдѣ онъ жилъ со своей женой Евг. Завадской, моей тещей по Цюрихскому университету, была устроена типографія, предназначенная специально для изданія литературы «Братства». Въ этомъ направленіи было издано «Соборное уложеніе Христіанскаго братства», издававшее цѣли братства, и уставъ его. Другое воззваніе «Соборное посланіе Христіанскаго братства», обращалось «ко всѣмъ чтущимъ святое ученіе Христа» и доказывало, что «существующее правительство и всѣ его установленія и законы, какъ основанные на неправдѣ, подавленіи и гоненіи свободнаго исканія истины, слѣдуетъ считать незаконными и противными заповѣдямъ Божиимъ и духу христіанскаго ученія». Эти листки не произвели на меня впечатлѣнія, и вся затѣя не имѣла ровно никакихъ результатовъ; какъ измышленіе интеллигенціи, совершенно чуждой релігіозной жизни народа, оно оказалось съ самого же начала мертворожденнымъ.

Любопытно, что мысль войти въ сношенія съ старообрядцами и сектантами и привлечь ихъ къ совместной борьбѣ съ правительствомъ, начиная съ 1870 годовъ, не покидала революціонеровъ. Казалось, союзъ возможенъ, потому что есть общій интересъ, потребность къ политической свободѣ, обезпечивающей свободу совѣсти. Какимъ образомъ 11 милліоновъ русскаго народа могутъ оставаться равнодушными къ борьбѣ противъ общаго врага, отъ котораго терпятъ преслѣдованія и казенія за релігіозныя убѣжденія,—революціоннымъ партіямъ казалось невѣроятнымъ, и интересъ къ расколу и сектанству не ослабѣвалъ въ средѣ, захваченной революціоннымъ движеніемъ. Въ 1870 годы, каждый революціонеръ наряду съ исторіей народныхъ движеній и крестьянскихъ бунтовъ обязательно прочитывалъ все, что имѣлось въ русской литературѣ, какъ по вопросамъ артели и общины, такъ и по исторіи раскола и сектанства. И однако, сколько не вводили они въ свои планы пожеланій сойтись съ сектантами или подойти ближе къ раскольникамъ,—пожеланія оставались пожеланіями, а слабыя попытки разбивались жизнью. Среди Чайковцевъ Фроленко и Аносовъ идутъ изъ Москвы на Уралъ искать бѣгуновъ, но не встрѣчаютъ ни одного: въ 1879 г. на югѣ тотъ-же Фроленко уже съ Ковальскимъ стараются сойтись на социалистической почвѣ со штундистами, но, согласно разсказу Фроленко—тщетно. Въ 1878 году Александръ Михайловъ проводитъ въ Саратовской губ. потрода въ большомъ приволжскомъ селѣ «Синенькіе», населенномъ старообрядцами. Онъ ставитъ себѣ цѣлью сдѣлаться среди нихъ своимъ челоѣкомъ. Въ качествѣ волынскаго учителя, онъ обучаетъ дѣтей грамотѣ, переходя изъ избы въ избы и пользуясь пицей поочередно у родителей учениковъ. Онъ соблюдаетъ всѣ обычаи и обряды старообрядцевъ, распиваетъ, какъ полагаются, коврику для молитвы, беретъ лѣстовку и кладетъ безконечное число земныхъ пок-

лоповъ, во всемъ подражая ревнителямъ древняго благочестія. Пріѣзжая въ Саратовъ, онъ рассказываетъ съ увлеченіемъ, самымъ серьезнымъ образомъ обо всемъ внѣшнемъ, чему былъ свидѣтелемъ и что самъ прдѣлывалъ, мимикрируя окружающимъ. Но никогда не говорилъ онъ намъ, что ему удалось привлечь кого-либо въ ряды социалистовъ. Онъ затратилъ полгода жизни въ крестьянской обстановкѣ, полгода добросовѣстно держался обрядности, совершенно чуждой духу его собственной личности, насилывалъ ее во имя теоретическаго ожиданія, что, принявъ личину, наружно отождествивъ себя съ окружающей средой, пріобрѣтетъ довѣріе и возможность развернуть все свое влияние и наберетъ въ революціонную партію адептовъ социализму. Михайловъ былъ однодумъ: поставивъ себѣ конкретную цѣль, онъ отдавался ей всецѣло, влагая всѣ душевныя силы въ избранное дѣло. Въ старообрядцевъ, живя въ «Синенькихъ», онъ вѣрилъ фанатично, и не замѣчалъ, что расточаетъ бесплодно свои способности и свое время. Крахъ, происшедшій въ «Землѣ и Волѣ» въ Петербургѣ, когда вмѣстѣ со многими другими были арестованы его друзья, такіе выдающіеся революціонеры, какъ Ольга Натансонъ и Оболенцевъ, эти старѣйшіе и самые энергичные члены «Общества» вырвали его изъ «Синенькихъ», и онъ уѣхалъ съ болью, что дѣло не довершено. И надо сказать, что въ то время и всѣ мы, жившіе въ Саратовской губерніи по деревнямъ, не протестовали противъ системы приспособленія къ средѣ, которымъ увѣчилъ себя Александръ Михайловъ: мы тоже думали, что это необходимо для пользы революціоннаго дѣла и вѣрили, какъ и онъ, что придетъ время, и плоды будутъ обильны.

Результатовъ не было, а мысль, что надо стучаться въ двери къ сектантамъ и старообрядцамъ, не умирала. «Народная Воля» посылала рабочаго Воскресенскаго въ Тверскую губернію къ извѣстному сектанту Сютяеву, а Московская попытка съ «Братствомъ» происходила все изъ того-же источника. Пожалуй, наиболѣе показательнымъ въ смыслѣ живучести разъ усвоенныхъ идей, можетъ служить фактъ, что 30 лѣтъ спустя, одинъ изъ видныхъ старѣйшихъ членовъ «Земли и Воли», ставшій социалистомъ-революционеромъ, Натансонъ, говорилъ мнѣ за-границей о тѣхъ же старообрядцахъ и сектантахъ, какъ объ элементахъ, на которые революціонная партія можетъ опереться въ борьбѣ за политическую свободу.

Подробности о замыслѣ «Народной Воли» организовать революціонное «Братство» среди старообрядцевъ, вѣроятно, будутъ освѣщены въ литературѣ болѣе полно, когда очередь дойдетъ до относящихся сюда документовъ изъ архивовъ жандармскихъ управленій и департамента полиціи, открытыхъ революціей 1917 г.

Въ Москвѣ я передалъ комитету многочисленныя жалобы на военнаго прокурора Стрѣльникова, какъ со стороны заключенныхъ,

такъ и со стороны ихъ родственниковъ*). Эти жалобы касались главнымъ образомъ его обращенія съ тѣми и другими, и раздавались одинаково, какъ въ Одессѣ, такъ и въ Кіевѣ. Принявъ оговоръ лицъ, уже привлеченныхъ къ слѣдствію за лучшее средство къ искорененію крамолы, Стрѣльниковъ практиковалъ массовые обыски и аресты. Онъ производилъ настоящія опустошенія, захватывая людей, совсѣмъ не причастныхъ къ революціонной дѣятельности и имѣвшихъ самое пустое отношеніе къ лицамъ, ихъ оговаривавшимъ. Это дѣлалось совершенно систематически, по правилу, которое генераль формулировалъ такъ: «лучше захватить девять невинныхъ, чѣмъ упустить одного виновнаго». Захваченнымъ предъявлялись самыя тяжкія обвиненія: въ тайномъ сообществѣ, въ покушеніяхъ на жизнь разныхъ официальныхъ лицъ и т.-п. и всѣмъ поголовно объявлялось напрямикъ, что ихъ не выпустятъ изъ тюрьмы, пока они не покажутъ того-то или не подтвердятъ требуемаго. Когда арестованные отказывались давать показанія, гнѣву Стрѣльникова не было предѣловъ; онъ положительно кричалъ на нихъ и заявлялъ: «На колѣняхъ потомъ будете просить, чтобы я позволилъ дать показанія,—и я не позволю!» Разсказывали, что въ Кіевѣ онъ схватилъ за горло рабочаго Пироженкова на допросѣ въ присутствіи товарища прокурора Кочукова. Послѣ попытки Урусова къ бѣгству, Стрѣльниковъ обратился къ конвойнымъ съ вопросами: «Что же вы его убили?»—«Нѣтъ»—«А били»—«Нѣтъ». «Очень плохо сдѣлали», заявилъ генераль. О лицахъ, еще не попавшихъ въ его руки, онъ выражался не иначе, какъ такимъ образомъ: «Какъ бы мнѣ мерзавца такого-то поймать!» На ряду съ обвиняемыми, всячески застрашивались родственники. «Вашъ сынъ будетъ повѣшенъ!» было обычнымъ отвѣтомъ на мольбы матерей. Свиданія разрѣшались съ трудомъ, какъ будто дѣло шло, дѣйствительно, о важныхъ государственныхъ преступникахъ. Отношеніе Стрѣльникова къ евреямъ было возмутительное; такъ онъ не церемонился говорить родителямъ объ арестованныхъ: «Евреи блудливы, какъ кошки, и трусливы, какъ зайцы». Другимъ онъ сообщалъ, что думаетъ создать процессъ съ «честочнымъ замахомъ». Эти и десятки другихъ подобныхъ-же проявленій цинизма, издѣвательства сильнаго надъ слабымъ создали Стрѣльникову репутацію бездушнаго и жестокаго человѣка, добровольно бравшаго на себя роль палача. Я передала Комитету общій говоръ и мольбу убрать его съ мѣста, на которомъ онъ могъ дѣлать столько зла. Въѣстѣ съ тѣмъ, я сообщила Комитету о томъ вредѣ, который наноситъ система дѣйствій Стрѣльникова партіи вообще. Этотъ вредъ заключается въ дискредити-

*) О Стрѣльниковѣ я беру цитату изъ моихъ показаній 1883 г. (кн. 4 «Былое», 1917 г., стр. 82, 83 и 84). Написанныя по свѣжей памяти, онѣ говорятъ полнѣе, чѣмъ я могла бы написать теперь.

роизаніи въ общественномъ мнѣніи вслѣдствіе отулыныхъ оговоровъ и запугиванья массы лицъ со стороны людей, терроризованныхъ и деморализованныхъ Стрѣльниковами, людей, совѣсть не принадлежащихъ къ революціоннымъ дѣятелямъ, но которыхъ общество не имѣетъ возможности отличить отъ нихъ, разъ они привлекаются къ политическому дѣлу. Напоминая Комитету предыдущую дѣятельность Стрѣльникова по цѣлому ряду политическихъ процессовъ, въ которыхъ онъ прилагалъ все усилія, чтобы смѣшать социалистовъ съ трезью, выставивъ ихъ предъ обществомъ, какъ шайку уголовныхъ преступниковъ, умышленно прикрывающихъ политическимъ знаменемъ личныя поплзновенія испорченной натуры, и указывая на ту ненависть къ Стрѣльникову, которую намъ завѣщали наши товарищи, начиная съ Осипскаго и кончая Поповымъ, я настоятельно предлагала поставить на очередь вопросъ объ убійствѣ Стрѣльникова. Вмѣстѣ съ тѣмъ я указывала на Одессу, какъ на пунктъ, гдѣ легко могли быть собраны все необходимыя о его жизни свѣдѣнія, и самый фактъ совершень съ болышею легкостью, чѣмъ въ Кіевѣ, гдѣ у него семья и масса знакомыхъ, и гдѣ онъ долженъ былъ бѣжать на сторожѣ въ силу своей давней извѣстности тамъ и многочисленныхъ указаній, которыя онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ о различныхъ промахѣ покушеній на его жизнь. Мое предложеніе было принято и участъ Стрѣльникова рѣшена. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ согласился, что Одесса представляетъ шансы болѣе благоприятные, чѣмъ Кіевъ, то необходимо было тотчасъ же послать туда человека, который собралъ бы весь матеріалъ, необходимый для исполненія задуманнаго.

Такимъ человекомъ всего удобнѣе было явиться мнѣ, какъ знакомой съ Одессой и съ нѣкоторыми лицами, которыя могли въ той или иной формѣ помочь изученію всехъ условій жизни Стрѣльникова. Съ этой цѣлью Комитетъ и отправилъ меня послѣ совѣщанія въ Одессу съ тѣмъ, чтобы, собирая все необходимыя свѣдѣнія, я дала знать о результатахъ исполнителю. Я вернулась въ Одессу въ началѣ декабря и черезъ двѣ недѣли сообщила на сѣверѣ, что все дашня о Стрѣльниковѣ находятся въ моихъ рукахъ. Комитетъ выставилъ двухъ человекъ, но пріѣхать изъ нихъ только одинъ—Хаттуришъ. Это было 31 декабря. Я передала ему для проверки все, что знала о Стрѣльниковѣ, т. е. мѣстожительство, часы и условія приема посѣтителъ, время и мѣсто обѣда, часы прогулки и посѣщенія казармы № 5, куда онъ ѣздилъ для дѣлосовъ, нѣкоторыя улицы, по которымъ онъ ходилъ дома, въ которыхъ онъ бывалъ. Когда мы узнали, что товарищъ Хаттуришъ не можетъ пріѣхать, какъ было условлено, мы выписали другого агента, такъ какъ было рѣшено мѣстныхъ людей къ дѣлу не привлекать. Но не успѣвъ онъ пріѣхать, какъ Стрѣльниковъ исчезъ изъ Одессы, уже послѣ того, какъ Хаттуришъ нѣсколько разъ видѣлъ его. Онъ не воз-

тратить должно быть съ мѣсяці и быть въ это время, кажется, въ Кіевѣ. Въ виду полной неопредѣленности о времени возвращенія Стрѣльникова, мы рѣшили, чтобы вызванный нами агентъ воротился на свое мѣсто, тѣмъ болѣе, что Комитетъ писалъ намъ, что высылаетъ намъ человека. За это время Халтуринъ выходилъ изъ себя ютъ нетерпѣнія и нѣсколько разъ собирался ѣхать въ Кіевъ, чтобы тамъ организовать покушеніе; мнѣ стоило много труда уговорить его остаться на мѣстѣ и ждать возвращенія Стрѣльникова вмѣсто того, чтобы ловить его по Кіеву, среди условій, исполнѣ неизвестныхъ. Мы ограничились письмомъ туда, прося удостовѣрить, дѣйствительно ли онъ тамъ, и, въ случаѣ утвердительно, изслѣдовать образъ его жизни. Никакихъ извѣстій оттуда мы не получали однако.

Между тѣмъ, въ началѣ или въ срединѣ февраля Стрѣльниковъ явился вновь въ Одессу и произвести новую очистку, захвативъ сначала 12—16 человекъ, а потомъ продолжать аресты вплоть до своей смерти. Въ это время человекъ, посланный комитетомъ, уже прибылъ *) и вскорѣ мы окончательно остановились на томъ, чтобы совершить покушеніе во время постѣбодѣнной прогулки Стрѣльникова по приморскому бульвару около 5 часовъ вечера, и приготовить лошадь и кабриолетъ для бѣгства; вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ опасенія, что онъ носитъ кольчугу было рѣшено цѣлить ему въ голову и стрѣлять по возможности въ упоръ. Но Комитетъ не выставилъ намъ денегъ; вполнѣдствіи оказалось, что триста рублей, которые были выставы, не дошли по назначенію. Въ виду арестовъ, которые постоянно происходили вокругъ и могли зацѣпить и кого нибудь изъ тѣхъ, кто долженъ былъ дѣйствовать, откладывать дѣло было невозможно. Тогда я достала 600 р. на покупку лошади и экипажа и передала Халтурину. Дальше мое присутствіе было излишнимъ и могло быть вреднымъ, такъ какъ Елену Ивановну Колосову **) искали по всему городу и шли по моимъ слѣдамъ; это сопровождалось такимъ шумомъ, что лица, меня въ глаза не видѣвшія, знали и говорили о томъ, что меня ищутъ. Нѣкоторые изъ моихъ друзей, какъ Ив. Ив. Свѣденцовъ, были арестованы, у другихъ были обыски, при которыхъ предъявлялась моя карточка. Говорили, что рабочій Меркуловъ, осужденный по процессу 17-и народоупольцевъ (въ связи съ 1 марта 1881 г.) и, какъ предатель, освобожденный въ цѣляхъ сыска, пріѣхалъ въ Одессу для выдачи своихъ тооварищевъ—рабочихъ и ходитъ по улицамъ въ надеждѣ встрѣлить меня, которую онъ знаетъ въ лицо. Къ тому же комитетъ отправить меня въ Одессу со специальнымъ порученіемъ, которое было уже исполнено. Всѣ эти обстоятельства заставляли ѣхать, и я отправилась въ Москву, чтобы тамъ съ товари-

*) Клименко. (Примѣч. 1918 г.).

**) Псевдонимъ, подъ которымъ я была известна.

щами рѣшить, гдѣ мнѣ оставаться дальше. Передъ отъѣздомъ мы получили извѣстіе, что къ намъ ѣдетъ агентъ комитета—Желваковъ, но я съ нимъ развѣхалась и мнѣ съ нимъ не пришло свидѣться.

Я пріѣхала въ Москву около 15 марта и остановилась въ маленькой убогой квартирѣ Андреевой, которая состояла, какъ и ея братъ, членомъ мѣстной московской группы. Въ этотъ разъ въ недобрую пору я попала въ Москву. Обстановка въ квартирѣ, ея атмосфера имѣли въ себѣ что-то жуткое и зловѣщее. Самой хозяйки, которая была учительницей или давала уроки, по цѣлымъ днямъ не было дома; оставалась ея пиши, дряхлая старуха, не переставая бормотающая что-то себѣ подъ носъ на печкѣ, или бродившая по комнатамъ, постукивая костью-лемъ. Сгорбленная, въ морщинахъ, беззубая, съ крючковатымъ носомъ, шамкающая, она пророчествовала: «Быть бѣдѣ!» «Быть бѣдѣ—чуешь сердце—быть бѣдѣ!» Въ комнаты съ улицы не доходило ни звука, къ мнѣ никто не заходилъ, и мнѣ самой некуда было идти: въ Москвѣ, въ февралѣ и передъ моимъ пріѣздомъ произошелъ разгромъ, внесенный во всѣ дѣла полный безпорядокъ. 10 марта была взята общественная штабъ-квартира на Садовой, гдѣ я бывала въ ноябрѣ и въ ней арестованъ ея хозяинъ—Юрій Богдановичъ. М. Н. Аппанина, болѣе осторожная, успѣла во время оставить жилище и скрылась, какъ только появились довольно грубые признаки, что за квартирой слѣдятъ. Доступъ въ типографію «Народной Воли», гдѣ хозяйками были Г. Чернявская и Оуровцевъ, былъ закрытъ для посѣщеній, и въ данную минуту въ ней находилась убѣжище Аппанина. Не знали, кто скомпрометированъ, кто выслѣженъ, и кого каждую минуту могутъ арестовать; царилъ та неопредѣленность, при которой всѣ сношенія другъ съ другомъ на время прекращаются. Ходили слухъ, что кто-то изъ мѣстныхъ лицъ даетъ откровенныя показанія. Началось бѣгство, о которомъ послѣ говорили, что спасался, кто только могъ. Франколи и Завадская уѣхали въ Саратовъ, чтобы потомъ перебраться въ Харьковъ. Тихомировъ съ женой очутились въ Ростовѣ на Дону, откуда лѣтомъ присылали ко мнѣ Осибякую доставать заграничный паспортъ и, несмотря на мои горячія увѣщанія,—эмигрировали, какъ только получили къ тому возможность. Аппанина, здоровье которой было расшатано, рѣшила уѣхать за-границу и вскорѣ дѣйствительно отправилась въ Парижъ. Всѣ эти факты и извѣсти производили самое удручающее впечатленіе. Ко мнѣ пришелъ только Савелій Златопольскій, принесъ прокламацію Исполнительнаго Комитета, только что отпечатанную по поводу убійства Стрѣльникова (18 марта) и настаивалъ, чтобы, не дожидаясь свиданія съ другими членами организціи, я уѣзжала изъ Москвы, которая всѣмъ грозитъ арестомъ. Мы рѣшили, что всего лучше мнѣ устроиться въ Харьковѣ, гдѣ

есть мѣстная группа, но не было агента Комитета, такъ какъ М. А. Жебу-нева, послѣ ареста ея мужа, рѣшила слѣдовать за нимъ въ Сибирь. Недѣли черезъ двѣ, 13 апрѣля, былъ арестованъ и С. Златопольскій; вслѣдъ затѣмъ типографія «Народной Воли» была закрыта и весь персоналъ ея разѣхался въ разныя стороны.

V. Харьковская мѣстная группа. Необходимость возсоздать центръ.

Въ Харьковѣ я нашла небольшую мѣстную группу изъ хорошихъ и энергичныхъ людей. Это были: Комарницкій, Анненковъ, Александръ Капшинцевъ, Немоловскій (умеръ въ Шлиссельбургѣ) и Ливинскій, который потомъ устранился отъ дѣятельности. Главной и, можно сказать, единственной дѣятельностью группы была пропаганда среди рабочихъ и занятія съ ними. Но Харьковъ того времени былъ еще весьма незначительнымъ центромъ, какъ обрабатывающей промышленности, такъ и въ культурно-просвѣтительномъ отношеніи. Университетъ не отличался непокорнымъ духомъ и далеко отставалъ отъ Петербургскаго, Московскаго и Кіевскаго. Ветеринарный институтъ представлялъ совсѣмъ незначительное учебное заведеніе, но у революціонеровъ былъ на лучшемъ счету, чѣмъ университетъ. Ни другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, ни какихъ-либо курсовъ въ городѣ не существовало, и общественная жизнь носила совершенно провинціальныя характеръ—върнѣе ея совсѣмъ не было. Знаменитое впоследствии Общество грамотности еще не было основано, а изъ просвѣтительныхъ учрежденій воскресная школа Алчевской еще не общалась съ дѣлами, чѣмъ стала, начиная съ 1890 годовъ. Если назвать фельдшерскую школу на Сабуровой дачѣ, то этимъ исчерпывались всѣ культурныя учрежденія, въ которыхъ можно было искать сторонниковъ революціонной партіи.

Харьковская группа, подобно другимъ мѣстнымъ группамъ «Народной Воли», имѣла свой районъ дѣятельности и вліянія на ближайшіе города: Ростовъ на Дону, Полтаву, Елизаветградъ и т.-д. Связей въ студенчествѣ и въ интеллигентныхъ кругахъ въ Харьковѣ она имѣла мало за отсутствіемъ хорошихъ проводниковъ, и тѣ лица изъ учащейся молодежи, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло, не представляли цѣннаго матеріала. Денежныхъ средствъ группа не имѣла вовсе. Случалось, что у всѣхъ вмѣстѣ наличность равнялась 1 р. 20 к. — 1 р. 40 к. При такихъ условіяхъ нелепы были поѣздки даже въ ближайшія мѣстности, и онѣ совершались очень рѣдко.

Такъ обстояло дѣло, когда въ іюнѣ пришло извѣстіе, что въ Петербургѣ арестованы члены Комитета: А. Корба и Грачевскій, а съ ними и лейтенантъ А. В. Буцевичъ, принимавшій въ то время энергичное участіе во всѣхъ петербургскихъ дѣлахъ партіи; арестована динимитная мастерская «Народной Воли», хозяевами которой были:

А. В. Прибытковъ и его жена, а пристутой—Юшкова; арестованы майоръ Тихоцкий, съ которымъ сносился Грачевскій, пелетатынцы: Лисовскій и Гринбергъ лица, такъ или иначе находившіеся въ связи съ названными выше. Это несчастіе было послѣднимъ ударомъ, довершившимъ гибель Исполнительнаго Комитета. За отъѣздомъ Ашаниной и Тихомирова за границу единственнымъ представителемъ его въ Россіи остался я.

Съ тѣхъ поръ вся моя дѣятельность сосредоточивалась на томъ, чтобы собрать наиболѣе крупныя силы и создать изъ нихъ органъ, который восполнить бы, насколько это возможно, отсутствіе центральной организаціи, совершенно уничтоженной успѣшной дѣятельностью полиціи. Положеніе дѣлъ было катастрофическое: въ Петербургѣ и Москвѣ полное раззореніе и сношенія съ ними прерваны. На югѣ, въ Одессѣ, послѣ выдачи Меркулова, дѣятельности Стрѣльникова и его убійства не оставалось ничего: туда изъ Петербурга пріѣхала только Салова, (бывшая впоследствии въ организаціи Мюлатина). Мѣстные группы въ Киевѣ и Харьковѣ были предостаточно опыты, но кое-кто изъ старыхъ народовольцевъ, разбѣжавшихъ по разнымъ мѣстамъ, еще успѣлъ, и хотя они не были членами Исполнительнаго Комитета, но давно работали вмѣстѣ съ нимъ въ разныхъ отрасляхъ дѣятельности. Надо было собрать ихъ къ одному мѣсту и съговориться относительно востановленія работы. Къ этому я и приступила.

Я уже упоминала, что въ Московскомъ переносѣхъ типографія, въ которой печатался партійный органъ, была закрыта, квартира ликвидирована, прифѣтъ сданъ въ складъ на храненіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли и редакція, и сотрудники органа. Но въ предшествующій періодъ Исполнительный Комитетъ, кромѣ Московской типографіи, имѣлъ нужнымъ организовать еще двѣ—въ Западномъ краѣ: въ Витебскѣ и Минскѣ. Онѣ были вполне устроены, оборудованы и персональ ихъ подобралъ. Послѣ арестовъ въ Москвѣ эти типографіи оказались совершенно отрубанными, безъ всякихъ средствъ къ дальнѣйшему существованію и даже безъ цѣли, потому что работу должна была дѣлать Московская организація, а она въ мартѣ—апрѣлѣ была совершенно разбита. Типографіямъ пришлось ликвидироваться: онѣ отказались отъ квартиръ, прифѣтъ сдали на храненіе, а сами разбѣжались кто куда, претерпѣвая всевозможныя мучарства и лишения.

Много тяжелаго пришлось тогда пережить и мнѣ, и имѣ, къ которой стали обращаться, какъ къ единственному лицу изъ прежняго центра. Такъ изъ Витебской типографіи въ Харьковѣ пріѣхала молодая женщина, съ которой я рѣшительно не знала, что дѣлать. Совершенно необразованная и неразвита, она была непригодна ни къ умственной, ни къ физической работѣ. Собственныхъ средствъ она ни имѣла, родныхъ, которые могли бы поддержать ее, у нея не было, а между тѣмъ она жила по самоудѣльному паспорту и въ довершеніе всего была безъ

реметра. И это въ то время, когда въ Харьковѣ у всѣхъ на лицо было 1 р. 20 к.—40 к.! Затѣмъ явился метранжажъ изъ типографіи, тоже пелетатый и совершенный чужакъ, котораго лично никто въ Харьковѣ не зналъ. Приглашенные организаціей широкаго размаха для спеціальнаго дѣла, дѣтя котораго они были чужды и полезны, теперь, при ея разгромѣ, они оказывались безъ всякихъ занятій; выбитые изъ колеи и безпомощные, они лежались тяжелымъ нравственнымъ и матеріальнымъ бременемъ на тѣхъ, кто былъ связанъ съ прежней организаціей и болѣе всего на меня, какъ наиболѣе ответственное (въ организаціонномъ смыслѣ) лицо. Между тѣмъ, не зная, кто именно привлечъ къ Витебской типографіи этихъ лицъ, и не имѣя возможности получить опредѣленную рекомендацію, которая говорила бы за нихъ, я не могла отнестись къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ и не хотѣла пользоваться ихъ услугами, какъ услугами людей, неизвѣстныхъ на дѣлѣ.

Хозяевами Московской типографіи были: Г. Чернышевская, находившаяся послѣ ликвидаціи—на Кавказѣ и Суровцевъ, уѣхавшій изъ Москвы въ Воронежъ. Третьимъ лицомъ, работавшимъ съ ними были П. Ивашевская, вскорѣ пріѣхавшая ко мнѣ въ Харьковъ. На Кавказѣ же находился Сергій Дегаевъ съ женой, которую я еще не знала. Всѣ они должны были съѣхаться въ Харьковъ, чтобы вмѣстѣ со мной обсудить, что дѣлать.

Между тѣмъ, я съѣздила въ Кіевъ, чтобы лично познакомиться съ тамошней мѣстной группой. Ея членами были: А. Н. Бахъ, Каменецкая, Каменецкій, Росси, Кряжвинскій, петербургская курьерка С. Никитина, съ которой я встрѣчалась въ 1881 г. у Глѣба Изв. Успенскаго, Захаринъ и бывший ссыльный изъ Одессы Спандонъ. Членъ Московской группы—Гортынский, посланный въ Кіевъ, былъ арестованъ, такъ-же какъ и его товарищи по работѣ въ Кіевѣ: Урусовъ, Вавилій Ивановичъ и Бычковъ.

Изъ восьми членовъ группы я была знакома только съ Никитиной, очень хорошей и энергичной дѣвушкой; изъ остальныхъ я видѣла въ Кіевѣ только Спандонъ, Росси, Захарина и Каменецкую. Всѣ они производили отличное впечатленіе, но я рѣшилась привлечь къ работѣ въ центрѣ только Спандонъ, человека испытаннаго, выдавашаго всякіе виды. Послѣ переговоровъ, онъ далъ свое согласіе и сталъ часто пріѣзжать въ Харьковъ, отдавая себя въ полное распоряженіе будущей организаціи.

Денежный вопросъ стоялъ въ то время ребромъ, такъ какъ никакого финансоваго наслѣдства ни отъ Петербурга, ни отъ Москвы не осталось, а провинціальныя группы всегда средствами были бѣдны: между тѣмъ безъ денегъ нелегальная организація, конечно, не могла ни существовать, ни дѣйствовать. Выручить Спандонъ. Находясь въ ссылкѣ, онъ подружился съ Евгеніей Субботиной (суд. по процессу 50).

въ свое время отдавшей вмѣстѣ съ сестрами и матерью большое состояніе на революціонную дѣятельность организаціи, къ которой онѣ принадлежали. Довѣряя Спандони, Евгенія выразила готовность отдать послѣднія 8 тысячъ рублей, остававшіяся у нея, съ условіемъ, что революціонная партія будетъ высылать ей въ Сибирь по 25 р. въ мѣсяцъ. Деньги хранились у родственницы Субботиной В. Шатиловой. Она жила въ Орлѣ и я хорошо знала ее: въ 1876 г. мы были товарищами и самыми близкими друзьями той московской организаціи, въ которую входили цюрихскія студентки и кавказцы процесса Бардиной и Петра Алексѣева. 18-и лѣтняя Шатилова отличалась тогда горячей преданностью, какъ революціонному дѣлу, такъ и арестованнымъ друзьямъ. Очень дѣятельная и сердечная она была одной изъ самыхъ оимпатичныхъ дѣвушекъ, которыхъ я когда-либо встрѣчала. Некрасивая лицомъ, она привлекала сердца своей отзывчивостью, очаровывала умомъ, оригинальной манерой говорить съ интонаціями, одной ей свойственными, и женственностью, въ которой была и мягкость и милая насмѣшливость. Живая и веселая, она была и серьезной, умѣла повелѣвать и, при случаѣ, кому нужно, пустить пыль въ глаза. Ее очень забавляло, что въ жандармскомъ управленіи лежитъ дѣло съ надписью: «государственная преступница В. А. Шатилова, 18 лѣтъ», и она цитировала эти слова съ особеннымъ шикомъ. Привлеченная къ слѣдствію по дѣлу 193-хъ, она оставалась на свободѣ и вела нелегальную переписку съ тюрьмами, рисковала собой на каждомъ шагѣ, не помышляя ни о какихъ опасностяхъ, готовая ради друзей рѣшительно на все. Подъ конецъ посадили и ее за рѣшетку, но по процессу 193-хъ она была оправдана. Мать Субботиныхъ, ея ближайшая родственница, по тому же дѣлу была отправлена въ Сибирь; двѣ сестры Субботины: Евгенія и Надежда пошли на поселеніе, а третья—Марія умерла отъ туберкулеза въ Самарской губ. въ ссылке,—все три по дѣлу 50-и. Послѣ 1878 года, когда не стало тѣхъ, которымъ она такъ отдавалась, Вѣра Андреевна поселилась въ Орлѣ и ея связь съ революціоннымъ движеніемъ порвалась, хотя память о всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ она была соединена въ прошломъ, она сохранила во всей цѣлости.

Спандони писалъ Шатиловой о рѣшеніи Е. Субботиной отдать деньги въ его распоряженіе. Теперь мы условились, что я поѣду въ Орелъ повидаться съ Вѣрой и получить деньги, а затѣмъ поѣду въ Воронежъ, чтобы разыскать Суровцева и встрѣтиться съ однимъ молодымъ помѣщикомъ, прежде близко стоявшимъ къ «Народной Волѣ». Его и его жену мнѣ называли, какъ членовъ той группы, которая до формальнаго образованія «Народной Воли» составила въ Петербургѣ зимой 1878—1879 г., принявъ девизъ: «Побѣда или смерть»! Программа группы носила политическій характеръ, признавала терроръ и сама группа была составлена нѣкоторыми членами общества «Земля и Во-

ли»—иниціаторами новаго политическаго направленія. Сюда входили: Н. Морозовъ, Якимовъ, С. Иванова, Исаевъ, Арончикъ. Группа не преслѣвала себя активно рѣшительно явлѣньемъ; но большинство стало членами Исполнительнаго Комитета, иные сдѣлались агентами его, а упомянутые мужъ и жена отошли отъ движенія. Однако послѣ раздѣленія «Земли и Воли» Александръ Михайловъ получилъ отъ нихъ 23 т. р., обѣщанныя ими; когда они еще стояли близко къ будущимъ народовольцамъ. Теперь я надѣялась, что въ критическій моментъ они не откажутся еще разъ придти на помощь революціонной партіи.

Стояли лѣтніе теплые дни, когда я отпраивалась въ путь. На душѣ было тяжело. Разгромъ въ Петербургѣ, разсказъ П. Искровской о полномъ развалѣ въ Москвѣ, неудачи, испытанныя мной при попыткахъ возобновить сношенія съ сѣверомъ—все это создавало печальное настроеніе. Когда я была въ Кіевѣ, то поручила Никитиной поѣхать изъ Петербурга, чтобы узнать о положеніи тамошнихъ дѣлъ. Не успѣла она хорошенько оглядѣться, какъ была тамъ арестована. Тогда я отправила туда Комарницкаго, лучшаго члена Харьковской группы. Пропалъ тамъ и онъ. Отвратительные слухи о дѣятельности Судейкина приходили съ сѣвера. Всѣмъ арестованнымъ слѣдъ рекомендовать себя, какъ социалиста, сторонника мирной пропаганды, отрицающаго терроръ и борющагося только съ нимъ. Всѣмъ безъ разбора слѣдъ дѣлать предложеніе вступить въ агенты тайной полиціи, не для предательства людей, говорить онъ, а лишь для освѣдомленія о настроеніяхъ партіи и молодежи. Недорого онъ цѣнить ихъ будущія услуги: Комарницкій, несмотря на свою молодость, съ перваго взгляда производить впечатлѣніе умнаго, серьезнаго и честнаго юноши. Но Судейкинъ не задумался и по отношенію къ нему сдѣлать гнусную попытку, предложивъ 25 р. въ мѣсяцъ...

Людей мало, да и тѣ пропадаютъ по неизвѣстнымъ причинамъ, безплодно, на первыхъ же шагахъ своихъ. Подъ ногами чувствовалась зыбкая почва, неуловимое предательство или провокація, при которыхъ терялась всякая увѣренность, что строится что-то прочное.

Денегъ нѣтъ и неизвѣстно, что дастъ эта поѣздка въ Орелъ и Воронежъ къ людямъ, которые отошли отъ движенія, не переживаятъ тяжести потерь и не болѣютъ всѣми болями, падающими на прежнихъ товарищей по революціонному дѣлу.

Въ глубокѣмъ раздумьи обо всемъ этомъ сидѣла я въ полумракѣ желѣзнодорожнаго вагона и въ умѣ выплывали мысли печальныя, а не надежды. Вдругъ стало веселѣе: на маленькой станціи, въ вагонѣ неподалеку отъ меня сѣла молодая парочка, должно быть, молодожены—учитель и учительница, какъ я потомъ узнала. Она—настоящій Адописъ, рослый, статный, волоокій красавецъ, хотя и съ мало выраженнымъ, неодухотвореннымъ лицомъ. Она—миленькая шатенка, хруп-

кал и пѣвшая, влюбленными глазами смотрящая на своего спутника. Устѣлись, поставили между собой большую корзинку съ пирогами, булками и разной ѣдой и принялись закусывать, угощая другъ друга, ласковыми улыбками и сіяющими глазами поджаривая и безъ того здоротый аппетитъ. Я видѣла послѣднее время только несчастье и неудачи, неуверенность въ завтрашнемъ днѣ, неотвязную заботу о дѣлѣ, о людяхъ. Крутомъ были только тоснущіе, барахтающіеся въ революціонномъ хаосѣ люди, потерявшіе положеніе, связи, безпріютные и безрадостные. И надо всемъ этимъ тяготѣла неотвязчивая мысль о деньгахъ, какъ и гдѣ достать ихъ, чтобы упорядочить разстроенное революціонное хозяйство, распределить и поддержать людей, которые могли совершать нужную революціонную работу.

И вдругъ идиллическая картина: радостныя лица, двое—счастливыхъ дѣтенокъ беззаботныхъ, черпающихъ пригоршней свою долю удачи и счастья.

Въ Орлѣ я направилась прямо къ Шатиловой. Она обрадовалась, мы и мы встрѣтились самымъ сердечнымъ образомъ. Еще бы! Такъ многое связывало насъ въ прошломъ: ежедневныя встрѣчи и ежедневныя общія заботы въ 1876 г. общіе друзья, общія симпатіи, личные и общественныя. Теплый пріемъ давалъ надежду на успѣхъ и того дѣла, ради котораго я пріѣхала. Но мнѣ трудно было говорить Шатиловой о деньгахъ, о томъ положеніи, въ которомъ находилась революціонная партія въ данный моментъ. Вѣра Андреевна не менѣе 5 лѣтъ стояла вмѣстѣ всего, что имѣло отношеніе къ революціонному дѣлу и знала только вышнюю сторону его, какъ знала ее вся интеллигентная Россія. Лизы не поворачивалась говорить о деньгахъ при такихъ условіяхъ: я написала ей письмо и повторила то, о чемъ ей уже писалъ Спандонн, просила, не дожидаясь письменнаго распоряженія Субботиной, выдать хотя бы часть денегъ, которая она рѣшила передать Спандонну.—Нѣтъ! Она не можетъ исполнить этого и должна ждать письма Субботиной—таковъ былъ отвѣтъ.

Съ болью пришлось ѣхать дальше.

Въ Воронежѣ—тихая поросшая травой улица провинціальнаго типа, небольшой деревянный домъ грубой постройки, фруктовый садъ, спускающійся по стлющему косогору почти до самой рѣки, протекающей внизу—такое была обстановка, въ которую я попала съ вокзала по адресу, данному мнѣ въ Харьковѣ Ивановской. Хозяевъ, которыми были два служащихъ въ банкѣ, отрекомендованные, какъ народолюбцы, не оказалось дома—они были на службѣ. Меня встрѣтила жена одного изъ нихъ—хилая работница, изможденнаго вида; съ нею пришлось ждать тѣхъ, къ кому я имѣла явку. Когда хозяева пришли, то первымъ вопросомъ, поднятымъ ими, было куда помѣстить меня? «Ни въ какомъ случаѣ не въ гостиницѣ», говоритъ одинъ: «у насъ въ Воронежѣ пріѣз-

жающіе должны сами ходить въ участокъ для прописки и вамъ, которую всюду ищутъ, идти въ полицію невозможно.—«Но у насъ вамъ оставаться опасно—мы оба поднадзорные, прибавилъ другой: у насъ можетъ быть обыскъ». «Такъ что же, спрашиваю я: сейчасъ же уѣзжать обратно?» Нѣтъ; они подумали и придумали: «Мы отведемъ васъ къ бабкѣ—просвирнѣ. У нея вамъ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошо. Она живетъ на окраинѣ и хотя къ ней ходятъ всевозможныя кулушники—сосѣдки, но зато къ ней часто пріѣзжаютъ гости изъ окрестныхъ сѣтъ, и ваше появленіе не обратитъ вниманія».

Сказано, сдѣлано: мы отправились къ просвирнѣ. Я до сихъ поръ съ чувствомъ признательности и умиленія вспоминаю женщину, къ которой меня привели. Она жила въ собственномъ домикѣ среди другихъ миниатюрныхъ хибарокъ, вблизи церкви, для которой пекла просвиры, что давало ей небольшой заработокъ и большую извѣстность. Около дома тоже имѣлся садъ, спускающійся къ пустынному берегу рѣки. Я была сердита: мнѣ не нравилось поведеніе интеллигентовъ, перебрасывающихъ опасную гостью съ своихъ плечъ на женщину, простую и бѣдную. Но лицо у меня просвѣтлѣло; она встрѣтила меня не только радушно, а прямо сердечно. Отъ всего, что она говорила и дѣлала вѣяло такой теплотой и привѣтливостью, что я сразу почувствовала себя легко и свободно. Во все время она заботилась обо мнѣ во всѣхъ мелочахъ домашняго обихода, обо мнѣ, ей совершенно чужой и незнакомой, какъ будто она меня знала давнымъ давно, и я была ей родной и дорогой. Это составляло кричащій контрастъ съ пріемомъ, встрѣченнымъ у первыхъ хозяевъ. Въ довершеніе я узнала, что постояльцемъ у просвирни живетъ студентъ, исключенный изъ университета и высланный на родину—стало быть состоящій подъ наблюденіемъ полиціи. Но что ужъ совершенно оттолкнуло меня, такъ это отношеніе рекомендованныхъ народovolъцевъ къ Суровцеву, котораго они считали своимъ пріятелемъ. Когда онъ пришелъ ко мнѣ, то я съ удивленіемъ услышала, что онъ не имѣетъ квартиры, а живетъ подъ открытымъ небомъ, на топѣ природы, на берегу рѣки; днемъ разводитъ костеръ, кипятитъ воду и варитъ картошку, а на ночь, въ непогоду забирается подъ опрокинутую лодку. При этомъ страдаетъ маляріей... Какъ можно было допустить, чтобы товарищъ, нелегальный, больной оставался въ такихъ условіяхъ—было совершенно непонятно.

Когда черезъ нѣсколько дней я уѣзжала, бабка трогательно простилась со мной; она сказала: «у меня одно время жили Халтуринъ, и хотя я не знаю, что вы дѣлали и за что васъ преслѣдуетъ правительство, но я знаю, что вы хорошіе люди, и готсва помогать вамъ всѣмъ, чѣмъ могу».

Такъ мы разстались; но сколько лѣтъ ни проходило—ей образъ не переставалъ утѣшать и радовать меня.

Суровцевъ, уговорившись со мной, скоро переѣхать въ Харьковъ. Онъ привезъ съ собой 600 рублей. «Откуда эти деньги?» спросила я: — NN взяли ихъ займы у просвиры съ тѣмъ, что при первой возможности мы отдадимъ ихъ.

Это были сбереженія всей жизни, отложенныя на приданое для дочери, уже взрослой дѣвушки.

«Зачѣмъ вы взяли эти деньги?» возмущилась я. «Вѣдь насъ могутъ арестовать и бабкины деньги пропадутъ».

Къ счастью отъ Субботиной скоро пришелъ документъ, котораго ждала Шатилова; Спандонъ вручилъ мнѣ деньги, и Суровцевъ могъ тотчасъ уплатить долгъ.

Суровцевъ оказался удачливѣе меня: я денегъ въ Воронежѣ не достала, хотя и видѣлась съ богатымъ помѣщикомъ. Ссылаясь на разгаръ полевыхъ работъ и отсутствіе свободной личности, онъ отказалъ въ денежной помощи организаціи, которая въ данное время не одерживала побѣдъ.

Я попытала и другую неудачу въ этомъ городѣ. Въ Воронежѣ жили студенты, бывшіи въ Петербургѣ членомъ университетской центральной группы, группы, съ которой имѣли дѣло, сначала Колодзевичъ, потомъ я и А. Корба. Подбирая людей для центрального коллектива, я имѣла въ виду пригласить и его, какъ человѣка небезызвѣстнаго и давно имѣвшаго отношеніе къ революціоннымъ дѣламъ. Якобинцы по взглядамъ, онъ былъ хорошъ съ Ашаниной—тоже якобинкой въ прошломъ и, кажется, даже рекомендовалъ ея. Однако онъ отказался отъ предлагаемаго участія, мотивируя своей непригодностью для такой роли. Въ то время этотъ отказъ сильно огорчилъ меня: мнѣ казалось, что положеніе дѣлъ таково, что никто отказываться не долженъ. Потомъ я отнеслась къ этому хладнокровнѣе; быть можетъ, это было искреннее признаніе недостаточности своихъ силъ. Въ самомъ дѣлѣ, это лицо нигдѣ не выступало и потонуло въ неизвѣстности. При энергіи и силѣ чувства и воли—не случилось бы этого.

VI. Дегаевъ. Общее положеніе дѣлъ. Военная организація. Свиданіе съ Н. К. Михайловскимъ.

Въ сентябрѣ въ Харьковъ пріѣхалъ Сергій Дегаевъ со своей женой. Они вернулись съ Кавказа, гдѣ провели лѣто одновременно съ Г. Ф. Чернявской. Вскорѣ затѣмъ оттуда пришло извѣстіе о разгромѣ кружка офицеровъ Мингрельскаго полка, организованнаго А. П. Корба осенью 1881 года.

Съ Дегаевымъ и его семьей, я познакомилась въ Петербургѣ осенью 1880 года, когда для моихъ товарищей по Комитету онъ былъ уже своимъ человѣкомъ. Они рекомендовали его, какъ очень способ-

паго, умнаго человѣка, преданнаго партіи и полезнаго ей. Небольшого роста, широкоплечій, онъ имѣлъ невзрачную шароватость, но лицо не имѣло того тупого и отталкивающаго выраженія, которое замечательно на фотографіяхъ, опубликованныхъ правительствомъ при розыскѣ его послѣ убійства Судейкина^{*)}). Въ общемъ, лицо было ласковое, добродушное и подвижное; манеры и голосъ мягкіе. Дѣловые сношенія съ нимъ вели многіе: Желябовъ, Колодзевичъ, Корба, Ал. Михайловъ и Тихомировъ, который находилъ сестру Дегая—Наталью Петровну очень талантистой и интересной. Дегая не было въ наши недѣльные квартиры и никогда не зналъ ихъ адресовъ, но не по недоброму къ нему, а потому, что относительно этого въ нашей организаціи соблюдалась самая строгая конспирація; сами члены Комитета знали и ходили только на тѣ квартиры, съ которыми были связаны дѣловой необходимостью. Таковы были правила. Сверхъ того Дегая былъ на счету у полиціи, какъ неблагонадежный, и шпионы могли интересоваться тѣмъ, куда и къ кому онъ ходитъ. Выдались съ нимъ или у кого нибудь изъ лицъ нейтральныхъ, или же у него самого, такъ какъ онъ жилъ съ семьей, которая вся принадлежала къ сочувствующимъ, и самымъ радушнымъ образомъ принимала всѣхъ народовольцевъ. Такъ принята была и Наталья Петровна и не застала въ Петербургѣ—она уѣхала вмѣстѣ со своимъ мужемъ—Маклецовымъ—въ Харьковъ, гдѣ потомъ я и познакомилась съ лею. Кромѣ очень добродушной матери, остальными членами семьи были: сестра Дегая—Лиза, дѣвушка лѣтъ 19, и Володя, мальчикъ, лѣтъ 18, по развитію и характеру еще совсемъ ребенокъ. Семья была дружная: въ ней всѣ были высokaго мѣрѣя другъ о другѣ: Сергѣй Дегая очень цѣнилъ сестеръ, а тѣ въ свою очередь, превозносили способности брата. Онъ дѣйствительно былъ очень работоспособенъ: успѣшно сдавалъ экзамены въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, служилъ въ Правленіи одной жел. дороги, посвящая конторскимъ занятіямъ время отъ 10 до 4-хъ, давалъ уроки математики и наряду со всѣмъ этимъ велъ революціонныя знакомства, поддерживалъ связи съ товарищами по артиллерійской академіи, изъ которой былъ исключенъ за неблагонадежность, и аккуратно исполнялъ всѣ просьбы и порученія членовъ Комитета. Жили Дегая скромно, какъ говорится, въ обрѣзъ. Мать, повидимому, имѣла пенсію или кое-какія сбереженія, совершенно однако недостаточныя для жизни и матеріальная помощь Сергѣя отъ всякаго рода заработковъ была главнымъ источникомъ средствъ существованія. При всей скромности домашней обстановки перспективы будущаго въ семьѣ рисовались блестящія. Лиза.— Тамара, какъ я называла ее, очень красивая брюнетка съ правильными чертами лица, совершенно другого типа, чѣмъ остальные члены семьи.

^{*)} См. «Былое», 1906 г., кн. 4.

занималась въ консерваторіи, и всё надѣялась, что изъ нея выйдетъ прекрасная музыкантша. Въ этихъ видахъ мать очень заботилась о ея рукахъ, тщательно оберегая дочь отъ мелкихъ хозяйственныхъ работъ, а сама Лиза нерѣдко сидѣла дома въ перчаткахъ, чтобы руки не пострадали отъ холода въ квартирѣ. Ея сестра—Наталья Петровна училась декламации и, кажется, думала выступить на сценѣ. Она сама и ея близкіе ожидали большихъ успѣховъ отъ ея артистическихъ выступленій. Однако въ Петербургѣ на вечерѣ какого-то литературно-художественнаго кружка и въ Харьковѣ эти выступленія не отличались блескомъ и ея декламация, неестественная и манерная, не нравилась, а потомъ замужество погрузило ее въ обычную семейную жизнь. О Натальѣ Петровнѣ говорили, какъ о поэтессѣ, и она дѣйствительно писала стихи. Рассказывали о Парижѣ, о знакомствѣ съ П. П. Лавровымъ, она сообщала друзьямъ, что изучала тамъ великую французскую революцію по архивамъ и это изученіе навело ее на мысль написать драму изъ этой эпохи. Намъ она читала отрывокъ изъ этой драмы, написанной бѣлыми стихами; темой—была сцена свиданія Робеспьера, Марата и Дантона, но для этого, понятно, ни въ какихъ архивахъ надобности не было. Въ семьѣ вообще замѣчалась склонность къ преувеличенію, къ эффектамъ и даже экстравагантности. Лиза много разъ заявляла, что выйдетъ замужъ только за богатаго, но это было фраза: я слышала, позднѣе, что она влюбилась въ своего деверя, человѣка безъ средствъ. Наталья Петровна съ удовольствіемъ рассказывала о сенсациі, которую сестры вызвали однажды въ театрѣ, появившись одна—въ бѣломъ, а Лиза—вся въ черномъ. Въ день казни первомайцевъ Лиза непременно ждала быть на Семеновскомъ плацу, хотя мудрено было выдержать это арѣстнице, когда она лично знала и Желябова, и Перевскую, и Кибальчича. Дѣйствительно, ей стало дурно и первую помощь ей оказало «пороховое пальто», услужливо проводившее ее домой и ставшее посѣтителемъ семьи, пока его не попросили больше не бывать, узнавъ по спискамъ Кѣтточникова, что это за господинъ.

Володя, добрый, мягкій мальчикъ, былъ исключенъ изъ Морского училища, какъ неблагонадежный. Съ дѣтской наивностью онъ спрашивалъ меня, когда можно ожидать революцію? Онъ ждалъ въ отвѣтъ, что она будетъ мѣсяца черезъ три, самое большее—черезъ полгода, и былъ очень разочарованъ, услыжавъ, что никто не можетъ опредѣлить времени, когда она наступитъ. Черезъ годъ послѣ этого я съ изумленіемъ узнала, что съ благословенія Златопольскаго и Сергѣя Дегаева, Володя сдѣлался агентомъ Судейкина, агентомъ мнимымъ, который долженъ былъ обманивать умнаго и ловкаго сыщика и, не выдавая революціонеровъ, сообщать партіи полезныя свѣдѣнія.

Что касается до самого Сергѣя Дегаева, то, несмотря на общій отзывъ о немъ, какъ объ очень умномъ человѣкѣ, я рѣшительно не нахо-

дѣла этого. Главное, что бросалось въ глаза, это полное отсутствіе индивидуальности; въ немъ не было ничего оригинальнаго, твердаго и характернаго. Мягкость, уступчивость вотъ главные черты, которыя и замѣтила при первомъ же знакомствѣ. На ригу съ этимъ стояло прекло-неніе предъ тѣми членами Комитета, съ которыми онъ имѣлъ дѣло. Это преклошеніе выражалось даже въ безтактной формѣ, которая коробила, потому, что хвалебныя гимны пѣлись въ лицо. Благодаря мягкости Дегаева, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми, кто его зналъ. Не знаю, насколько онъ могъ вліять на другихъ людей, но для заведенія и поддержанія связей онъ былъ дорогимъ человѣкомъ: въ Институтѣ путей сообщенія онъ организовалъ кружокъ, однимъ изъ членовъ котораго былъ Куницкій, занявшій потомъ одно изъ выдающихся мѣстъ въ польскомъ «Пролетаріатѣ», а при организаціи военныхъ группъ въ Петербургѣ и Кронштадтѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ полезныхъ посредниковъ между офицерами и Комитетомъ.

Мелкаго самолюбія и честолюбія въ Дегаевѣ я не замѣчала и лишь въ послѣдствіи отъ Корба мыѣ стало извѣстно, что онъ раза два начиналъ разговоры о приѣмѣ его въ члены Исполнительнаго Комитета.

По приѣздѣ въ Харьковъ, Дегаевъ выратцѣ рассказать мнѣ о томъ, какъ онъ провелъ тѣ полтора года, въ которые мы не свидѣлись и между прочимъ сообщить, что послѣ 1-го марта онъ былъ арестованъ, какъ участвовавшій въ работѣ по поджогу на Малой Садовой, но удачно вывернулся изъ этого дѣла. Я очень удивилась такому исходу, потому что единственнымъ свидѣтелемъ противъ него могъ быть только предатель Меркуловъ и снятъ съ себя указаніе такого человѣка было мудрено. Но Дегаевъ совершенно умалчалъ объ очень крупномъ обстоятельстве, касающемся его. Дѣло въ томъ, что къ веснѣ 1882 года Судейкинъ убѣдился, что Володя Дегаевъ для сыска бесполезенъ и отказался отъ его услугъ. Тогда, въ Петербургѣ придумали новую махинацію поддержать сношенія съ Судейкинымъ съ цѣлью выслѣдить его и уничтожить. Для этого Володя долженъ былъ сказать своему патрону, что его братъ Сергѣй нуждается въ заработкѣ и можетъ исполнять чертѣжную работу. Судейкинъ пошелъ на это и Сергѣй получилъ отъ него требуемую работу. Они видѣлись нѣсколько разъ, вели, по словамъ Дегаева, исключительно дѣловые разговоры, которые онъ передавалъ Грачевскому, а затѣмъ Дегаевъ уѣхалъ на Кавказъ, не добывъ для Грачевскаго никакихъ нужныхъ свѣдѣній *).

Какъ бы то ни было, когда Сергѣй Дегаевъ приѣхалъ въ Харьковъ, я встрѣтилась съ нимъ, какъ со старымъ испытаннымъ товарищемъ и послѣ ареста 3 іюня въ Петербургѣ Грачевскаго, Корба, Буневича,

*) Важно бы выяснить, не съ этого ли времени началось 3-мѣсячное слѣженіе за Грачевскимъ, кончившееся крахомъ 3-го іюня.

Прибылева, пріемъ его въ центръ, который привелъ бы къ какому нибудь упорядоченію дѣлъ партіи, былъ совершенно необходимъ. По своему участию въ революціонной работѣ за періодъ 2—3 лѣтъ онъ имѣлъ право на это; онъ былъ обремененъ довѣріемъ погибшихъ товарищей; онъ служилъ главнымъ проводникомъ въ среду петербургскихъ и кронштадтскихъ артиллеристовъ, съ которыми его связывало пребываніе въ академіи и прикомандированіе въ Кронштадтъ; онъ зналъ многихъ членовъ группы моряковъ—товарищей Суханова и, какъ членъ группы артиллеристовъ, входившихъ въ военную организацію, былъ посвященъ во все дѣла этой организаціи. Къ тому же мы испытали новую потерю: П. С. Ивановская отправилась въ Витебскъ выручать тамошнюю типографію, чтобы перевести ее на югъ, но по пріѣздѣ туда была арестована. Фрэнкони, пріѣхавшій съ Западной изъ Саратова, оказался въ такомъ состояніи, что совершенно выбывалъ изъ строя, а я замѣчала его, какъ самаго серьезнаго кандидата въ центръ. Все меньше оставалось людей, которые объединившись, возобновили бы дѣятельность Исполнительнаго Комитета. Простъ Дегаевымъ, какъ и передъ Спандюни, нечего было скрывать истинное положеніе дѣлъ. Во имя этого положенія мы должны были приложить все усилія для реорганизаціи центра и, сплотившись во едино, взять на себя всю отвѣтственность, которую налагали на насъ обстоятельства, какъ бы ни была она тяжела. Дегаевъ, молча, выслушалъ мой разсказъ и согласился стать членомъ центральной организаціи, которая должна стать во главѣ партіи.

Но, если я искала и хотѣла найти людей сильныхъ, у которыхъ была бы самостоятельная точка зрѣнія относительно веденія дѣлъ партіи, были бы взгляды, которые они хотѣли и умѣли бы отстаивать, то я не нашла этого въ Спандюни и Дегаевѣ. У нихъ не было опредѣленнаго мнѣнія о томъ, что надо предпринять въ данныхъ условіяхъ и чего не надо дѣлать въ настоящій моментъ. Зависѣло ли это отъ неопытности, отъ того, что раньше они не состояли въ центрѣ и, стало быть, во главѣ движенія и играли лишь второстепенныя роли, не участвуя въ руководствѣ и рѣшеніи общеорганизаціонныхъ вопросовъ, или дѣло было въ личныхъ свойствахъ, которымъ не помочь бы никакой опытъ, только они во все послѣдующее время не проявили никакой инициативы, не предложили ни одного плана, а совершенно пассивно подчинялись мнѣ и всегда соглашались съ моими предложеніями. Я не хотѣла дѣйствовать единолично, исполнѣ сознавая недостаточность для этого моихъ силъ, хотѣла быть членомъ коллектива, въ которомъ люди уравновѣшивали и взаимно дополняли бы другъ друга, но вмѣсто коллектива создавалась лишь одна видимость его. Это составляло одно изъ самыхъ мучительныхъ обстоятельствъ, постоянно угнетающихъ меня, тѣмъ болѣе, что подѣлиться этимъ общественнымъ горемъ было не съ кѣмъ. Первый составъ Комитета при

всей малочисленности своей могъ сдѣлать такъ много не только потому, что въ немъ были выдающіеся люди, но также благодаря счастливому сочетанію разнообразныхъ типовъ и темпераментовъ своихъ членовъ.. Въ немъ были теоретикъ—Тихомировъ; практикъ—Фроленко; агитаторъ—Желябовъ; организаторы—А. Квятковский и Ал. Михайловъ такъ что въ общемъ создавалось гармоническое цѣлое. Гибель организациі Исполнительнаго Комитета съ того и началось, что аресты, выхватываемыя изъ рядовъ то одного, то другого, создавали утраты, нарушавшіе гармонию и равновѣсіе цѣлаго.—Теперь и стремилась возсоздать подобіе того, что было разрушено. Быть можетъ, мой выборъ палъ не на тѣхъ, на кого слѣдовало, но я оперировала съ тѣмъ матеріаломъ, который лично былъ мнѣ извѣстенъ, и, оглядываясь ретроспективно на послѣдовавшее за тѣмъ десятилѣтіе, не приходится ли сказать, что все оно наполнено подобными же тщетными попытками отдѣльныхъ личностей и небольшихъ группъ возсоздать то, что по существу было уже не возсоздаваемо. «Народная Воля», какъ организациа, изжила себя. Въ Россіи того времени не было такого накопленія революціонныхъ силъ, чтобы, несмотря на всѣ аресты и все усовершенствованіе сыска, организациа могла всегда стоять на томъ высокомъ уровнѣ, на какомъ она была при образованіи «Народной Воли». Но «Народная Воля» сдѣлала свое дѣло. Она потрясла Россію неподвижную и пассивную; создала направленіе, основа котораго съ тѣхъ поръ уже не умирала. Ея опыты не пропали даромъ; сознаніе необходимости политической свободы и активной борьбы за нее осталось въ умахъ послѣдующихъ поколѣній и не переставало входить во всѣ послѣдующія революціонныя программы. Она была передовымъ отрядомъ русской интеллигенціи изъ среды привилегированнаго и рабочаго класса, въ его стремленіи къ свободному государственному строю. Онъ забѣжалъ далеко—на четверть вѣка—впередъ и остался одинокимъ. «Народная Воля» имѣла упованіе, что этого не случится, что политическая катастрофа 1 марта, низвергая императора, освободитъ живыя силы народныхъ массъ, недовольныхъ своимъ экономическимъ положеніемъ и онѣ придутъ въ движеніе, и въ то же время общество воспользуется благоприятнымъ моментомъ и выдвинетъ свои политическія требованія. Но народъ молчалъ послѣ 1 марта, и общество безмолвствовало послѣ него. Такъ у «Народной Воли» не оказалось ни опоры въ обществѣ, ни фундамента въ народѣ, и напрасны были попытки возобновить организациа для безотлагательнаго продолженія активной борьбы противъ существующаго строя. Эти попытки были эфемерны по времени и дѣятельности возникавшихъ организаций, и онѣ гибли прежде чѣмъ наступалъ моментъ активныхъ дѣйствій съ ихъ стороны. Полное отсутствіе культурнаго развитія въ крестьянствѣ и, благодаря низкому уровню экономическаго развитія Россіи, отсутствіе въ ней промышленнаго пролетаріата въ

западно-европейскомъ смыслѣ, невозможность въ деспотическомъ полицейскомъ государствѣ обращаться съ печатнымъ и устнымъ словомъ къ массамъ, были причиною той изолированности, въ которой оказалась «Народная Воля» послѣ всѣхъ своихъ политическихъ выступленій: надо было создавать фундаментъ и на основѣ хозяйственнаго развитія Россіи строить новую партію, что было дѣломъ будущаго. Въ предвидѣніи этого будущаго должна была возникнуть и дѣйствительно возникъ зародышъ новой партіи: социаль-демократія, которая, обратившись къ рабочему классу, годъ за годомъ стала закладывать этотъ фундаментъ. Однако, какъ всегда бываетъ, старое не могло отойти сразу. Поколѣніе, причастное народovolъческому движенію, воспитавшееся въ блестящій періодъ дѣятельности Комитета, одушевленное его примѣромъ борьбы, не могло отказаться отъ надежды на продолженіе ея сей часъ же, въ томъ же духѣ и въ той же формѣ, какъ ее вела «Народная Воля». За истекшій періодъ создались извѣстные настроенія, заложились чувства, побѣдить которыя личность не могла: прошлое, столь недавнее, слѣдило глаза; отъ яркой активной дѣятельности на виду всей страны и всего міра, психологически было трудно спуститься до сѣрой незаметной, кропотливой работы для будущаго, не давая яркаго отпора правительству, срывавшему верхи революціонныхъ дѣятелей. Это будущее еще не было освѣщено и не манило скорыми результатами. Не то же ли самое произошло послѣ разгрома «хожденія въ народъ»:—отъ прежнихъ формъ дѣятельности отрѣшались медленно и постепенно. Половина 1875 г. и почти весь 1876 годъ прошли въ попыткахъ—въ практической дѣятельности—повторить прошлое: а теоретически, въ смыслѣ выработки программы, революціонная мысль не формулировала ничего новаго. Она работала скрытно. Образование Общества «Земля и Воля», въ октябрѣ—ноябрѣ 1876 г. выявило эту мысль и знаменовало собой первую ступень эволюціи въ направленіи къ «Народной Волѣ». Если въ «народнической» программѣ «Земля и Воля» были уже зачатки политическаго теченія, нашедшаго полное выраженіе въ «Народной Волѣ», то въ программѣ послѣдней, какъ это не одинъ разъ отмѣчалось въ литературѣ, элементъ народничества все же былъ выраженъ достаточно рѣзко, а въ рядахъ революціонныхъ слоевъ, въ моментъ выступленія «Народной Воли», онъ положительно преобладалъ: нужно было много усилій и пропаганды дѣломъ, чтобы побѣдить предрасудокъ относительно гибельности политической борьбы для интересовъ народныхъ массъ.

Изложивъ Дегаеву и Спандони общее положеніе дѣлъ: полное уничтоженіе личнаго состава Комитета; прекращеніе всѣхъ изданій и закрытіе типографій; состояніе революціонныхъ финансовъ и живыхъ силъ въ Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Орлѣ, Москвѣ Саратовѣ; полную неизвѣстность о Петербургѣ, раззоренномъ катастрофой въ іюнѣ, я пред-

ложила обсудить, какъ возстановить революціонный центръ и революціонную прессу, этого важнаго показателя самого существованія партіи.

Мой планъ для возстановленія центра состоялъ въ томъ, чтобы извлечь изъ военной организаціи человѣкъ 5, наиболѣе выдающихся по своимъ способностямъ и характеру. Вмѣстѣ съ нами они должны были взять на себя общепартійныя обязанности исчезнувшаго Комитета и для этого, оставивъ военную службу, выйти и изъ военной организаціи, поддерживая съ ней лишь тѣ отношенія какія раньше имѣлъ Комитетъ.

Я мотивировала этотъ планъ тѣмъ, что кромѣ военной среды въ настоящій моментъ неоткуда взять нужныхъ людей; что положеніе партійныхъ дѣлъ не давало на неопредѣленно долгое время никакихъ надеждъ на то, что военная организація потребуется для выполненія той цѣли, для которой она создавалась. Этой цѣлью съ одной стороны, была поддержка вооруженной силой того народнаго и общественнаго движенія, которое могло произойти послѣ 1 марта или дальнѣйшихъ фактовъ подобнаго же рода; съ другой стороны—ставилась болѣе отдаленная задача: попытка возстанія силами, организованными партией въ войскѣ, въ рабочемъ классѣ и интеллигенціи. Но если въ январѣ—февралѣ 1881 г. при обсужденіи возможности инсurreкціи Комитетъ ясно видѣлъ, что этихъ организованныхъ силъ въ данный моментъ слишкомъ мало для подобной попытки, то послѣ всѣхъ потерь, испытанныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ въ теченіе 1881 и 1882 гг., всякую мысль о томъ, чтобы починъ уличной борьбы противъ правительства партія взяла на себя, надо было рѣшительно оставить. Но въ такомъ случаѣ для чего же служила бы военная организація? Ея члены были связаны серьезнымъ обязательствомъ поднять оружіе по призыву своего центра. Если этого призыва нельзя было ожидать, то терялся всякій смыслъ чисто словесныхъ обязательствъ, подвергавшихъ чрезвычайному риску тѣхъ, кто ихъ давалъ... Правда, я не предлагала распустить военную организацію—это могло быть дѣломъ вновь организованнаго общаго центра. Быть можетъ, онъ измѣнилъ бы ея программу и придать ей болѣе пропагандистскій, подготовительный характеръ. Но въ данную минуту—въ видахъ общаго положенія партіи мнѣ казалось наиболѣе цѣлесообразнымъ взять офицеровъ: Завалишина, Рогачева, Ашенбреннера, Похитонсова и Крайскаго изъ военной организаціи и вмѣстѣ съ ними упорядочить всѣ общереволюціонныя дѣла. Я знала въ какомъ неподвижномъ состояніи находятся военныя группы Одессы и Николаева и сильно подозрѣвала, что и въ Петербургѣ всякая дѣятельность замерла, послѣ того, какъ Сухановъ, а потомъ Буцевичъ были арестованы. Обследовать въ этомъ отношеніи Петербургъ и передать намѣченнымъ лицамъ мое предложеніе всего удобнѣе было Дегаяву, какъ человѣку въ Петербургѣ извѣстному, и я предлагала чтобы онъ взялъ это на себя.

Спандовъ и Дегаявъ одобрили мой планъ и обѣздить военныхъ

организациі Дегаевымъ быть рѣшено; вмѣстѣ съ тѣмъ, по моему же предложенію, было рѣшено, что послѣ побѣды въ Петербургъ и на югъ—въ Одессу и Николаевъ, Дегаевъ поселится съ женой въ Одессѣ, гдѣ и организую типографію, хозяевами которой будутъ: онъ и его жена.

Такъ и было сдѣлано. Съ Похитоновымъ легко было встрѣтиться: онъ служилъ въ Кобелякахъ Полтавской губ.; мы вызвали его въ Харьковъ, но когда послѣ перваго свиданія Дегаевъ письменно поставилъ ему вопросъ объ оставленіи военной службы и вступленіи въ центръ, то онъ отказался: онъ не могъ рѣшиться на предлагаемый шагъ, потому что страдалъ болѣзнию, настолько серьезной, что врачи предсказывали психическое заболѣваніе, если онъ попадетъ въ неблагоприятныя условія тюрьмы. Тяжело было узнать это; но отказъ не спасъ Похитонova отъ Шлиссельбурга, гдѣ предсказаніе врачей сбылось полностью: онъ сошелъ съ ума и въ 1896 году былъ переведенъ въ Петербургъ въ Николаевскій госпиталь, гдѣ вскорѣ умеръ, какъ это описано въ біографическомъ очеркѣ, написанномъ мною и помѣщенномъ въ галереѣ Шлиссельбургскихъ узниковъ *).

Черезъ посредство Похитонova Рогачевъ былъ вызванъ мной съ мѣста службы въ Полтаву, гдѣ я и встрѣтилась съ нимъ. Въ нѣсколькихъ длинныхъ бесѣдахъ мы обсудили всѣ вопросы и Рогачевъ далъ согласіе выйти въ отставку и отдаться общереволюціонной дѣятельности.

Въ Одессу и Николаевъ я дала Дегаеву всѣ чужныя адреса и указанія. Тамъ онъ встрѣтилъ отказъ Крайскаго и согласіе Ашенбрэннера. Послѣдній затѣмъ началъ хлопотать объ 11-ти мѣсячномъ отпускѣ и, когда получилъ его, уѣхалъ въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ Дегаевъ видѣлся съ членами военной организациі и подтвердилъ мое предположеніе, что ея дѣятельность сошла на нѣтъ: въ самомъ дѣлѣ со времени ареста Суханова ни личный составъ организациі не увеличился, ни прочныхъ связей въ провинціи съ тѣхъ поръ не было заведено. Какой отвѣтъ далъ Завалишинъ—я въ настоящее время не помню. Вѣроятно этотъ отвѣтъ не былъ такъ категориченъ, какъ отвѣтъ Ашенбрэннера и Рогачева.

15 октября въ то время, какъ Дегаевъ находился въ отъѣздѣ, ко мнѣ въ Харьковъ неожиданно пріѣхалъ Михайловскій. Разыскавъ меня, онъ сказалъ, что цѣлью его пріѣзда является весьма важное дѣло, по которому необходимо получить отвѣтъ. Это дѣло состояло въ слѣдующемъ: Въ Петербургѣ къ нему явился извѣстный литераторъ Николай Ладзе и сообщилъ, что одно очень высокопоставленное лицо **) просило его быть посредникомъ между правительствомъ и партіей «На-

*) См. брошюру «Шлиссельбургскіе узники», В. Фигнеръ, въ которой переиздана въ числѣ дружекъ—біографія Похитонova. Московское изданіе «Земля и Воля», 1918 года.

**) Графъ Воронцовъ-Дашковъ.

родной Воли» и поручило ему войти въ переговоры съ Исполнительнымъ Комитетомъ для заключенія перемирія.

Правительство, со словъ Николадзе передавалъ Михайловскій, утомлено борьбой съ «Народной Волей» и жаждетъ мира. Оно сознаетъ, что рамки общественной дѣятельности должны быть расширены и готово выступить на путь назрѣвшихъ реформъ. Но оно не можетъ приступить къ нимъ подъ угрозой революціоннаго террора. Этотъ терроръ, только ося, препятствуетъ осуществленію этихъ реформъ. Пусть «Народная Воля» прекратитъ свою разрушительную дѣятельность и онѣ будутъ проведены. Если «Народная Воля» рѣшится воздержаться отъ террористическихъ актовъ до коронаціи, то при коронаціи будетъ изданъ манифестъ, дающій: 1) полную политическую амнистию; 2) свободу печати и 3) свободу мирной социалистической пропаганды. А въ доказательство своей искренности правительствомъ освободить кого нибудь изъ осужденныхъ народолюбцевъ, напр. Псаева.

Выступавъ Николадзе, Михайловскій рѣшился повидѣться съ кѣмъ нибудь изъ членовъ Исполнительнаго Комитета, а такъ какъ единственнымъ представителемъ его въ Россіи оставалась я, то онъ и передаетъ мнѣ то, что слышать отъ Николадзе.

Самъ Михайловскій придавалъ большое значеніе миссіи, возложенной высокопоставленнымъ лицомъ на Николадзе. Я же знала въ ней повтореніе того, чѣмъ въ 1879 году прокуроръ Добрянскій обольстилъ Гольденберга. Добрянскій тоже увѣрялъ Гольденберга въ благожелательности правительства, которому въ проведеніи необходимыхъ реформъ мѣшаетъ террористическая дѣятельность Исполнительнаго Комитета. Во имя блага родины, онъ увѣщевалъ Гольденберга пожертвовать сдрузьями и товарищами и расчистить широкій путь къ свободѣ русскаго народа.

Результаты извѣстны: Гольденбергъ раскрылъ все, что ему было извѣстно и хотя физически не отдалъ ничего въ руки правительства, (не указавъ ни одного адреса, ни одного нелегальнаго паспорта), но описалъ примѣты, далъ характеристику всѣхъ лицъ, которыхъ когда либо встрѣчалъ.

Никакихъ политическихъ реформъ не послѣдовало, а Гольденбергъ, видя себя обманутымъ, повѣсился въ Петропавловской крѣпости, какъ объ этомъ извѣстить мнѣ Клѣтчиковъ лѣтомъ 1880 г.

Я не буду здѣсь приводить всѣ доводы, которыя убѣждали меня въ томъ, что это ловушка, чтобы, завязавъ переговоры, обезпечить безопасность коронаціи, или же обыкновенная хитрость полицейскаго сыска, чтобы найти нить, по которой можно было бы прослѣдить народно-вольческую организацію. Желающіе могутъ найти всѣ подробности объ этомъ въ моей статьѣ: «Изъ политической жизни 1880 годовъ», помѣщенной въ 11-й книгѣ Русск. Богатства за 1912 г.

На всѣ мои возраженія, указывающія на несерьезность и даже опасность какихъ бы то ни было сношеній по данному дѣлу, Михайловскій спросилъ: «А можетъ ли фактически партія произвести какіе нибудь террористическія дѣйствія въ настоящее время?».

На это мнѣ пришлось сказать правду: положеніе революціонной организаціи не даетъ надеждъ на это.

«Въ такомъ случаѣ вы ничего не теряете, сказалъ Михайловскій, а выиграть кое-что все же можете».

Въ концѣ концовъ мы остановились на томъ, что, категорически отказываясь вести въ Россіи какіе-либо переговоры съ Николадзе по данному дѣлу, я безъ его вѣдома пошлю за-границу лицо, которое передастъ Тихомирову и Ашаевнѣ, какъ о миссіи Николадзе, такъ и о моемъ отношеніи къ ней, предоставляя имъ, если онѣ явятся, поступить по своему разумѣнію, при чѣмъ мы, въ Россіи, не будемъ считать себя связанными какимъ бы то ни было исходомъ переговоровъ, которые они будутъ вести, и, если обстоятельства будутъ благоприятны, то остаемся вольны въ области террористическихъ дѣйствій. Михайловскій же обѣщалъ сказать Николадзе, что никого изъ Комитета онѣ не найдетъ и что члены епо находятся за границей.

Когда Дегаевъ вернулся изъ объѣзда, я передала ему и вызванному изъ Кіева Спидони о моемъ свиданіи съ Михайловскимъ. Они исполнѣ одобрили, какъ мое отношеніе къ дѣлу, такъ и предложенную мной посылку въ Парижъ къ Тихомирову своего человѣка. Подходящей для этого была Салова, которую я знала съ 1880 года.

Я вызвала ее изъ Одессы, рассказала все, что было нужно и поручила взять заграничный паспортъ, чтобы отправиться къ Тихомирову для передачи всего вышеуказаннаго, что она и исполнила безъ отлагательства.

Послѣ объѣзда военныхъ группъ, когда выяснилось, что въ общепартійный центръ войдутъ: Ашенбреннеръ и Ромачевъ, можно было приступить къ возстановленію партійной типографіи. Литературными силами мы были обезпечены только со стороны Михайловскаго, съ которымъ я уговорила въ этомъ при свиданіи въ Харьковѣ, и со стороны Лесевича, котораго я посѣщала, бывая въ Полтавѣ. Суровцевъ по моему порученію съѣздивъ за это время въ Москву и, получивъ шрифтъ изъ склада, отослалъ его въ Одессу, которая была намѣчена, какъ мѣсто наиболѣе подходящее для устройства типографіи. Работать въ ней долженъ былъ Суровцевъ, а хозяевами, какъ было уже сказано, согласились быть супруги Дегаевы. Оставалось найти лицо, подходящее для роли прислуги.—Я уже не разъ слышала о сестрѣ Ивана Калюжнаго, сосланнаго на каторгу, Марѣ Васильевнѣ, жившей въ Ахтыркѣ, въ очень тяжелыхъ условіяхъ, изъ которыхъ она хотѣла вырваться. Мнѣ характеризовали ее, какъ не очень развитую, но добрую, веселую и здо-

ровую дѣвушку, простую по вѣншности и манерамъ. Я вызвала ее въ Харьковъ и, познакоившись, убѣдилась, что, въ случаѣ ея согласія участвовать въ типографіи въ роли прислуги, лучшаго выбора сдѣлать невозможно. Хотя она и не обладала теоретическимъ образованіемъ, но вполне сочувствовала революціонной дѣятельности «Народной Воли». Поэтому сговориться съ ней было нетрудно. Я свела ее съ Дегаевымъ и его женой, и мы уговорились, что первыми выѣдутъ Дегаевы, а вслѣдъ за ними, когда они подыщутъ подходящую квартиру, къ нимъ пріѣдетъ и Калюжная. Это было въ 20-хъ числахъ ноября. Тогда же въ Одессу отправился и Суровцевъ. Спандони, переѣхавшій изъ Кіева въ свою родную Одессу, долженъ былъ, соблюдая всевозможныя предосторожности, быть посредникомъ между типографіей и вѣншнимъ міромъ, въ смыслѣ доставки въ нее литературнаго матеріала и полученія того, что будетъ въ ней напечатано.

VII. Арестъ типографіи въ Одессѣ. Бѣгство Дегаева. Мой арестъ.

Въ 20-хъ числахъ декабря изъ Одессы пришло извѣстіе, что тамъ открыта тайная типографія и арестовано пять лицъ, причастныхъ къ ней. (Дегаевъ съ женой, Калюжная, Суровцевъ и Спандони). Итакъ, только что организованная типографія просуществовала недѣлю пять, и все предпріятіе рухнуло. Это былъ тяжелый ударъ: исчезла послѣдняя надежда на скорое возстановленіе партійнаго органа, по существованію или отсутствію котораго правительство и широкіе круги общества обыкновенно судили о положеніи революціонныхъ дѣлъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ вспоминаю я темную полосу жизни, наступившую вслѣдъ за тѣмъ для меня. Я видѣла, что все начинанія мои не приводятъ ни къ чему—вся моя дѣятельность безрезультатна. Что я ни предпринимала—все сметалось, принося гибель тѣмъ, кого я привлекала къ какому-нибудь дѣлу. Погибли: Никитина, Комарницкій, Ивановская, пять человѣкъ въ Одессѣ. Я упорствовала, но все было напрасно. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, было отступить, когда молодыя души издали смотрѣли на меня съ надеждой, ища нравственной поддержки для себя? Помню одно письмо, полученное тогда: знакомая дѣвушка нелегальная, преслѣдуемая и не знающая, куда дѣваться, писала, что на темномъ горизонтѣ ея омраченной души, одна свѣтлая звѣздочка—я. Послѣ моего ареста она убила себя, бросившись подъ поѣздъ. И развѣ я сама не писала Тихомирову, что онъ не имѣетъ права убѣжать за границу, что мы не должны бѣжать отъ дѣятельности, начатой нами, и что его отъѣздъ внесетъ деморализацію въ революціонную среду?

Въ концѣ меня все рушилось, все гибло—а я оставалась одна,

чтобы какъ вѣчный странникъ Евгенія Сю. совершать скорбный путь, не явля конца.

Теперь, больше чѣмъ въ предыдущіе мѣсяцы, я жила двойной жизнью: вѣншей — для людей и внутренней — про себя. Наружно надо было сохранять спокойный, бодрый видъ, и я бодрилась, а въ тишинѣ ночной съ тоской думала: будетъ ли «конецъ», «мой конецъ»? Наутро надѣвалась маска и начиналась та же работа Пенелопы. Когда въ октябрѣ меня посетилъ Михайловскій по дѣлу, о которомъ было сказано выше, при прощаньи онъ спросилъ, что думаю я дѣлать. И отвѣтила метафорой: «Буду подбирать порванные нити и концы связывать въ узелки». Михайловскій взялъ мою голову въ обѣ руки и осыпалъ мое лицо поцѣлуями. Только прочитавъ его посмертныя строки обо мнѣ, я поняла, почему онъ, никогда не бывавшій экзальтированнымъ со мною тогда такъ цѣловать меня: эти поцѣлуи, я думаю, были за мое упорство въ преслѣдованіи цѣли.

Не думаю, чтобы при обыкновенныхъ дѣловыхъ встрѣчахъ можно было замѣтить или угадать мое настроеніе; но близкіе знакомые не разъ говорили мнѣ: «Почему вы задумываетесь такъ? почему вы смотрите куда то въ даль?» Это было потому, что въ душѣ звучало, не переставая: «Тяжело жить!» и взглядъ бессознательно обращался въ даль, потому что въ этой дали скрывался «конецъ».

Но горшее было еще впереди. Арестъ типографин въ Одессѣ былъ вѣншей стороной несчастья, — была другая, пока скрытая сторона, имѣвшая самыя роковыя послѣдствія.

Типографія была взята полиціей 20 декабря, а въ январѣ числа 23—24, меня экстренно вызвали къ моимъ друзьямъ — Тихоцкимъ. Софья Адольфовна Тихоцкая, урожденная Дмоховская, и ея мужъ всегда оказывали мнѣ всякое содѣйствіе и помощь. Ея братъ судился въ 1874 г. вмѣстѣ съ Долгунинымъ, Панинымъ, Плотниковымъ (и другими), и былъ, подобно имъ, заключенъ въ «странный Бѣлгородскій каторжный централъ, гдѣ и провелъ шесть лѣтъ въ одиночной камерѣ, такой маленькой, что лѣгко было даже ходить. Мать Дмоховскаго, женщина удивительнаго ума, смѣлости и энергіи, путемъ неслыханной настойчивости вырвала у тогдашняго шефа жандармовъ — Дрептелыа, грубаго и свирѣлаго, разрѣшеніе на свиданіе съ сыномъ и своею твердостью и материнскою любовью поддерживала не только сына, но и всѣхъ его товарищей. Подробная біографія этой матери, будь она написана, дала бы одинъ изъ прекрасѣйшихъ типовъ русской женщины.

Когда я пришла къ Тихоцкимъ, я остановилась въ изумленіи, предо мною стоялъ Дегаевъ, хозяинъ типографин, арестованный въ Одессѣ. «Что случилось? Какимъ образомъ вы здѣсь? спрашивала я, изумленная и радостно, и неожиданностью этой встрѣчи».

— «Я бѣжалъ», пролепеталъ Дѣгаевъ, блѣдный, разстроенный, съ лицомъ челоуѣка, измученнаго тревогой. Онъ разскажалъ слѣдующее. Онъ не зналъ, что могло навести полицію на слѣдъ типографіи и ея работниковъ: Суровцева и Калюжной. Быть можетъ, ящики и сундуки со шрифтомъ, удивлявшіе послѣднѣйшихъ своею тяжестью, возбудили подозрѣніе и доносъ.

Послѣ ареста, задумавъ бѣгство, онъ указалъ на Кіевъ, какъ на мѣсто своего пребыванія до пріѣзда въ Одессу, и выразилъ желаніе дать показанія именно тамъ. Жандармы долго не соглашались, но потомъ рѣшили удовлетворить это желаніе. Когда же съ двумя жандармами его отправили, вчеромъ, въ пролеткѣ на вокзалъ, то, проѣзжая по пустырю, отдѣляющему городъ отъ вокзала, онъ бросилъ горсть табаку въ глаза жандармовъ и, соскочивъ съ пролетки, скрылся въ темнотѣ.

Въ Одессѣ, продолжалъ онъ, я нашелъ пріютъ у офицеровъ, съ которыми познакомился при объѣздѣ военной организаціи. Черезъ нѣсколько дней одинъ изъ нихъ проводилъ меня на лошадахъ къ Николаеву въ тотъ офицерскій кружокъ, въ которомъ я былъ при объѣздѣ, а затѣмъ вчера я пріѣхалъ сюда. Не имѣя адреса для явки я обратился къ Гурскому, на имя котораго долженъ былъ писать вамъ. Послѣ долгихъ отказовъ и разспросовъ, онъ согласился патронецъ, указать, какъ вамъ пойти.

— «Гдѣ же вы ночевали? неужели всю ночь провели на улицѣ?» съ сочувствіемъ спросила я.

«Въ нехорошемъ мѣстѣ», отвѣтилъ Дѣгаевъ въ смущеніи. Смущелась и я.

И, потому что «дурное мѣсто» поняла въ совершенно специфическомъ смыслѣ, а Дѣгаевъ, потому что, какъ оказалось потомъ, это убѣжище было не у дѣвнщъ, а совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ.

«Но какъ же вы засыпали глаза жандармамъ табакомъ, продолжала я разспрашивать удачливаго бѣглеца: вѣдь вы же не курите?» Этотъ вопросъ былъ верхъ нелѣпости, потому что я совсѣмъ не сообщила, что въ этихъ случаяхъ въ глаза бросаютъ не курительный табакъ, а нюхательный.

Дѣгаевъ не смутился, а поддерживалъ сказанную мною нелѣпость: «Я не курю, объяснилъ онъ, но заранѣе купить».

Наружный видъ Дѣгаева внушалъ мнѣ живое участіе. Я понимала, что онъ не могъ радоваться свободѣ, когда его жена оставалась въ тюрьмѣ. Этого обстоятельства было вполне достаточно, чтобы челоуѣкъ потерять покой и самообладаніе. Я употребила всѣ усилія, чтобы подбодрить его. Указывая, что жандармы сейчасъ же поймутъ, что молодая женщина не принадлежитъ къ революціонной партіи и только изъ любви къ мужу пошла на такое рискованное дѣло, какъ нелегальная

типографія, я предложила сейчасъ же послать нарочнаго въ Бѣлгородъ, гдѣ въ то время жила мать и сестра Дегаева, чтобы извѣститъ ихъ о случившемся и направить въ Одессу хлопотать о порукахъ: если внести залогъ, то арестованную, навѣрное, выпустятъ, успокаивала я его. На этомъ мы и остановились, а затѣмъ когда изъ Екатеринослава вернулась Г. Ф. Чернявская, гостившая нѣкоторое время у сестры, и ей, какъ Дегаеву, нужна была квартира, то они и наняли ее, сообща.

Ни я, ни Галина Федоровна не задумывались надъ фактомъ побѣга Дегаева и не анализировали всѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ былъ совершенъ: вѣдь довѣріе другъ къ другу всегда было основой отношеній между революціонерами, связанными въ одну организацію, а Дегаевъ не былъ человѣкомъ новымъ, за нимъ было нѣсколько лѣтъ дѣятельности, которая не разъ ставила его въ рискованное положеніе, изъ котораго онъ выходилъ чистымъ. Правда, все послѣдующее поведеніе его было поведеніемъ человѣка который потерялъ себя. Но это казалось естественнымъ въ виду его семейныхъ отношеній и не возбуждало вопросовъ.

Впослѣдствіе припомнились странныя, отрывочныя фразы, которыя можно было принять за тумашныя намеки, быть можетъ, предостереженія—будь мы сколько нибудь на сторожѣ. Но мы были далеки отъ этого и могли только дѣлать печаль по поводу несчастія, обрушившагося на него.

«Въ Одессѣ кто-то изъ арестованныхъ выдаетъ» сказать однажды Дегаевъ.

— «Кто же можетъ тамъ выдавать?» спрашивала я.

«Кто-то изъ нелегалныхъ» отвѣчалъ онъ.

«Да вѣдь тамъ, кромѣ вашей жены, Суровцева и Калюжной никакихъ нелегалныхъ нѣтъ. Но они люди вѣрные, и выдавать-то имъ нечего».

«Нѣтъ, твердитъ Дегаевъ, кто-то нелегалный выдаетъ».

Я недоумѣвала *).

*) На кого намекала Дегаевъ? То, что мнѣ одно время казалось предостереженіемъ человѣка, который не могъ выдержать роли, имѣло, можетъ быть, совсѣмъ иной, гнусный характеръ. Дѣло въ томъ, что Калюжную жандармы черезъ нѣкоторое время выпустили и тотчасъ пошелъ слухъ, что она выдавала. Возмущенная этими слухами, повидимому, пущенными жандармами съ опредѣленнымъ умысломъ, честная дѣвушка стрѣляла въ жандармскаго офицера Катанскаго, чтобы очистить свое имя отъ клеветы.

Осужденная за этотъ выстрѣлъ на каторгу, Калюжная, въ видѣ протеста, покончила съ собою на Карѣ, одновременно съ Ковалевской и Смирницкой, когда Сигида была подвергнута тѣлесному наказанію и послѣ него умерла.

Это возмутительное дѣло и благородный протестъ противъ него, имѣли, какъ говорили, результатомъ отмену тѣлеснаго наказанія для женщинъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія; но исторія съ Сигаидой была въ 1888 г., а законъ вышелъ въ 1906 г.

Однажды, когда Дегаевъ и Чернявская были у меня онъ спросилъ:

«А въ безопасности ли вы здѣсь въ Харьковѣ?»

— Да въ полной безопасности, съ увѣренностью отвѣчала я.

«Вы исполнѣ увѣрены въ этомъ?» переспросилъ онъ.

— Ну да, конечно!. Развѣ Меркуловъ встрѣтитъ меня на улицѣ, сказала я, какъ о чемъ-то, совершенно невѣроятномъ.

Потомъ, какъ то въ разговорѣ, Дегаевъ поинтересовался, въ какомъ часу я выхожу изъ дому.

Въ этомъ, при посѣщеніяхъ другъ друга, не было ничего неумѣстнаго, и я, не задумываясь, отвѣтила: обыкновенно въ 8 часовъ, когда утромъ ученицы фельдшерскихъ курсовъ идутъ на занятія—вѣдь я живу по дубликату одной изъ нихъ.

Въ другой разъ, уходя отъ меня, онъ спросилъ: «Есть ли кромѣ калитки еще какой-нибудь выходъ?».

—Есть, черезъ мелочную лавочку, которую держатъ хозяева, но я никогда не хожу черезъ нея, сказала я въ отвѣтъ.

Прошелъ день или два. 10 февраля я посмотрѣла на часы: было восемь, и я вышла изъ дому. Не прошла я и десяти шаговъ, какъ лицомъ къ лицу встрѣтилась съ Меркуловымъ! Одинъ взглядъ—и мы узнали другъ друга. Онъ не схватилъ меня тотчасъ же и крутомъ не было видно ни жандармовъ, ни полиціи. Я продолжала идти впередъ, обдумывая положеніе. Скрыться было некуда: ни проходныхъ дворовъ, ни квартиръ кого-нибудь изъ знакомыхъ по близости не было. Что у меня въ карманѣ? припоминала я. Записная книжка съ 2—3 именами лицъ, не принадлежащихъ къ организаціямъ. Почтовая расписка на деньги, посланные въ Ростовъ А. Капшинцеву. Ее необходимо уничтожить. Я шла уже по Екатерининской улицѣ и подходила къ небольшому скверу въ овалѣ, образованномъ одной стороною улицы. Въмѣсто громадныхъ зданій, которыя высятся теперь за этимъ скверомъ, тамъ стоялъ въ то время старый деревянный домикъ. Въ немъ жилъ хорошій человекъ—токарь Н. А. Ивашевъ, имѣвшій собственную небольшую мастерскую. Онъ и его жена—это тѣ простыя души, о которыхъ съ благодарностью я вспоминала въ маленькомъ разсказѣ: «Безъ пріюта», напечатанномъ въ Русскомъ Богатствѣ (декабрь 1910 г.).

Вѣроятно, жандармы знали, что тутъ живутъ мои друзья. потому что едва у меня мелькнула мысль, не зайти ли къ нимъ, какъ я была окружена, неизвѣстно откуда взявшимися жандармами. Одна минута—и я съ 2 жандармами была въ саяхъ, по дорогѣ въ полицейскій участокъ.

Тамъ, въ отдѣльной комнатѣ, сдѣлали личный обыскъ. Я тотчасъ замѣтила, что женщины, позванные для этого, неопытны, и вынула изъ кармана портмоне, въ которомъ лежала расписка: моментально она очу-

тислась у меня во рту. Женщины подняли крикъ, вбѣжать жандармъ и схватить меня за горло. Я притворно стала смѣяться, чтобы показать, что онъ опоздѣлъ, и жандармъ опустилъ руку. На дѣлѣ я никакъ не могла проглотить сухую, не скомканную бумажку и сбѣжала это уже потомъ.

Пріѣхавшій жандармскій офицеръ составилъ краткій протоколъ. На вопросъ объ имени я сказала: «Есть арестованы, то сами должны знать, кого». Тогда въ комнату вошелъ Меркуловъ и съ важными видомъ, своей обычной скороговоркой сказалъ: «Что не ожидаети?». У меня вырвалось: «Негодяй!» причемъ я невольно подняла руку. Меркуловъ—трусъ, попытлся къ дверямъ... Меня перевели въ тюремный замокъ, переодѣли во все арестантское и принесли кружку молока, настоятельно требуя, чтобы я его пила. Начальство опасалось за мою жизнь: воображали, что я проглотила не бумажку, а ядъ. Кусочки желтаго желѣзо-сѣперодистаго кали, хранившіеся въ портмонѣ, какъ химическія чернила для копировативной переняски, были приняты за смертоносный цианистый кали.

На утро, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, я была на вокзалѣ на пути въ Петербургъ.

VIII. Въ департаментъ полиціи. Петропавловская крѣпость.

Была суббота, и день сключается въ вечеру, когда мы прибыли въ Петербургъ и меня водворили въ одну изъ камеръ въ зданіи департамента полиціи. Слѣдующій день, воскресенье, какъ неприсутственный, я могла отдаться мыслямъ. О комъ, о чемъ? О матерѣ, съ которою не выдалась никогда лѣтъ, о свиданіи съ ней, объ огорченіи, которое ожидаетъ ее.

Въ департаментѣ меня продержали дня три. Позднѣе я слышала, что мой арестъ произвелъ радостную сенсацію въ высшихъ сферахъ: Александръ III, получивъ извѣстіе, воскликнулъ: «Става Богу! эта ужасная женщина арестована!» Повидному, для него предназначался мой портретъ, снятый на Невскомъ у Таубе, у котораго обыкновенно снимали всѣхъ арестованныхъ. Когда прокуроръ Добрянскій разсматривалъ при мнѣ снимки, сдѣланные въ фотографіи, то, обратившись къ присутствовавшему при этомъ Н. В. Муравьеву и посмотрѣвъ на него значительно съ особымъ удареніемъ сказалъ: «Надо выбрать снимокъ хорошій: вы знаете, для когѣ». Онъ выбралъ тотъ портретъ 1883 года, который въостѣдствии былъ наиболѣе распространенъ среди публики и напечатанъ въ сборникѣ моихъ стихотвореній.

Сынъ тогдашняго министра юстиціи В. Д. Набоковъ съ дѣтства

помнить радость, которую выражалъ его отецъ, когда ему принесли телеграмму о моемъ арестѣ.

Въ департаментѣ, когда меня вызвали изъ камеры, я проходила, какъ сквозь строй, среди чиновниковъ, толпившихся по дорогѣ безъ всякаго дѣла. Съ 1879 г., процессъ Александра Соловьева, Квятковскаго, перимартовцевъ, процессъ 20-ти народovolъцевъ и процессъ 17-ти, повторяя мое имя, сдѣлали меня предметомъ любопытства.

Меня водили на показъ также сановникамъ: директору департамента полиціи, товарищу министра внутреннихъ дѣлъ и самому министру. Три фигуры: Плеве, Оржевскій и графъ Д. А. Толстой. Одинъ былъ грубъ, нарочито грубъ. Небрежно кивнувъ головой не то для поклона, не то для указанія на рядъ стульевъ вдоль стѣны, онъ рѣзкимъ тономъ провозгласилъ: «Возьмите стулъ». А когда я сѣла, сталъ издѣваться, говоря, что изъ учащейся молодежи такого штебля было арестовать безъ того, чтобы не услышать восторженныхъ отзывовъ обо мнѣ. «Неужели васъ удовлетворяли подобные восторги»? пожалъ онъ плечами съ выраженіемъ пренебреженія на лицѣ. «Быть можетъ», произизировалъ онъ дальше, «теперь вы бы не прочь занять то общественное положеніе, которое могли занять раньше»?... А потомъ, какъ бы желая загнать въ душу человѣка, измученнаго нелетальной жизнью, онъ въ заключеніе произнесъ: «Быть можетъ, вы такъ устали, что рады тому, что наступилъ конецъ»?

Другой—былъ изящень и велъ себя, какъ свѣтскій, хорошо воспитанный человѣкъ. Мягкій въ манерахъ, тактичный въ обращеніи, онъ хотѣлъ возлечь меня въ разговоръ на политическую тему, но я уклонилась, сказавъ, что свои взгляды лучше объяснить на судѣ.

Третій—былъ старчески дубоватъ и добродушенъ. «Каккой у васъ скромный видъ!» привѣтствовалъ онъ меня при входѣ въ кабинетъ Оржевскаго. «Я ожидалъ совсѣмъ другого»... и тотчасъ заговорилъ о классичности образованія, о томъ, что мы, революціонеры, противники этой системы, и имѣемъ, какъ ему извѣстно, злые умыслы на его жизнь. Затѣмъ, переходя къ политическимъ убійствамъ вообще, и къ покушеніямъ на царствующіхъ особъ въ частности, онъ продолжалъ: «Ничего вы достигните этимъ? Ну, убили одного царя—на его мѣсто станетъ другой» и т.д. Онъ говорилъ шаблонно, въ словахъ не было силы, и такимъ тономъ будто дѣдушка журистъ внучку,—такъ что и возражать было нечего. «Какъ пѣтъ времени, закончить онъ, а то я убѣдился бы васъ». Не желая оставлять послѣдняго слова за нимъ, я сказала: «Я тоже излѣбю. Надѣюсь, я обратила бы васъ въ народovolъца».

Шутка стала крылатой, и при первой же встрѣчѣ съ Добржинскимъ онъ насмѣшилъ меня вопросомъ: «Неужели вы на самомъ дѣлѣ думали обратить графа Толстого въ свою вѣру»?

Съ улыбкой я отвѣтила: «А почему бы пѣтъ»?!

Изъ департамента полиціи меня перевели въ Петропавловскую крѣпость и держали тамъ двадцать мѣсяцевъ до суда. Въ началѣ нѣсколько разъ меня вызывали на допросъ въ департаментъ полиціи. Я заявила сразу, что не вижу нужды и не намѣрена скрывать что либо изъ моей революціонной дѣятельности за періодъ до 1 марта 1881 года, такъ какъ мои показанія будутъ касаться событій, которыя уже раскрыты, и лицъ которыя уже осуждены. Что же касается дальнѣйшаго, то никакихъ показаній я дать не могу.

Поѣздки въ департаментъ въ сопровожденіи капитана Домашнева и встрѣчи съ прокурорами Добужинскимъ и Муравьевымъ были для меня тягостны, и я предложила не вызывать меня изъ крѣпости, а давать бумагу и чернила въ камеру, гдѣ я могу написать все, что найду возможнымъ, сдавая листы смотрителю по мѣрѣ ихъ написанія.

Такъ составилъ документъ, который извлеченъ изъ судебныхъ архивовъ, раскрытыхъ революціей 1917 г., и напечатанъ въ журналѣ «Былое» (1917 г. кн. 2—3 и 4).

Прошелъ, должно быть, мѣсяцъ или полтора, когда однажды ко мнѣ въ камеру вошелъ высокій пожилой жандармскій генералъ съ лицомъ, довольно красивымъ и симпатичнымъ. «Моя фамилія—Серѣда» отрекомендовался онъ. «По высочайшему повѣленію я назначенъ для разслѣдованія политической пропаганды въ войскахъ во всей Имперіи».

Онъ взялъ мою руку и, несмотря на сопротивленіе, поцѣловалъ ее. «Вы хорошій человекъ, сказалъ онъ. Ваше несчастье, что, выйдя замужъ, вы не имѣли дѣтей».

Послѣ этого оригинальнаго вступленія, когда мы сѣли, я задала вопросъ, какъ предполагаетъ онъ использовать свои широкія полномочія: думаетъ ли создать, подобно Желеховскому, процессъ-монстръ и на этомъ сдѣлать карьеру или, не раздувая дѣла, ограничится преданіемъ суду немногихъ.

«Нѣтъ, создавать большого дѣла я не намѣренъ», отвѣчалъ Серѣда: суду будутъ преданы лишь самые дѣятельные».

Онъ такъ и сдѣлалъ: судили по нашему дѣлу всего 14 человекъ; изъ нихъ военныхъ было только шесть, а судить могли нѣсколько десятковъ.

Потомъ генералъ сталъ дѣлать признанія: онъ не реакціонеръ и не сторонникъ существующей системы. Только долги заставляютъ его оставаться на службѣ. «Если бы не это,—я не былъ бы здѣсь», признавался онъ. Я люблю свободу, но политическимъ убійствамъ не сочувствую. Я понимаю борьбу на баррикадахъ, но никакъ не ударъ книжкаломъ пзъ-за угла».

Послѣ этого посѣщенія меня оставили въ покоѣ, такъ какъ показанія, представлявшія очеркъ революціоннаго движенія автобиографи-

скаго характера, мной были закончены и сданы еще до посѣщенія Середы, и онъ пришелъ, уже прочитавъ ихъ *).

Въ моей жизни наступило затишье. Возбужденное состояніе, которое было вызвано арестомъ, повизной положенія и поддерживалось пересмотромъ всего прошлаго, начиная съ дѣтства и кончая поступленіемъ въ тюрьму, пересмотромъ, вѣроятно, обычнымъ у всѣхъ, кто, попадая въ тюрьму, считаетъ свою жизнь законченною,—это возбужденіе, такъ естественное въ первое время тюремнаго заключенія,—улеглось, и началась сѣрая однообразная жизнь, заполненная однимъ лишь чтеніемъ. По цѣлымъ днямъ и недѣлямъ я молчала. Мать и сестра имѣли свиданіе со мной разъ въ двѣ недѣли, и всего на 20 минутъ. Таковы были правила. Двѣ рѣшотки на разстояніи полутора аршина одна отъ другой раздѣляли насъ. Ни разу не дали мнѣ поцѣловать руку матери. Однажды, когда мнѣ было особенно тяжело, я очень просила смотрителя объ этомъ: мнѣ такъ хотѣлось приласкаться, прикоснуться губами къ ея маленькой теплой ручкѣ. Тщетно. Правила не допускали этого. Весной я тосковала о цвѣтахъ. Мнѣ хотѣлось имѣть хоть одинъ цвѣтокъ, одинъ изъ тѣхъ луковичныхъ, что продаются въ Петербургѣ на улицѣ въ маленькихъ горшечкахъ. Сестра принесла въ крѣпость гиацинты. Она просила передать его, хотя бы срѣзаннымъ, но нѣтъ... Въ крѣпость передавать, что бы то ни было, запрещено, и смотритель оставался неумолимъ.

Лѣтомъ свиданья прекратились: мать уѣхала въ деревню въ Казанскую губернію, а сестра Ольга—лечиться на островъ Эзель.

Молчаніе, вѣчное молчаніе. Петрашевецъ Ахшарумовъ, какъ много позднѣй я читала въ его воспоминаніяхъ, находясь въ крѣпости въ подобномъ положеніи, старался сохранить дѣятельность голосовыхъ связокъ, читая вслухъ. Я не примѣняла этого способа, не додумаясь до него. Отъ бездѣйствія голосовыя связки слабѣли, атрофировались; голосъ ломался, исчезалъ: изъ грудного контральто онъ становился тонкимъ, звонкимъ, вибрирующимъ, какъ послѣ тяжелой болѣзни; слова плохо срывались съ языка, оставляя перерывы. Наряду съ этимъ физическимъ разстройствомъ органа рѣчи, измѣнялась психика. Являлось настроеніе—молчать. Кромѣ вынужденной необходимости—пропать внутренній импульсъ—уже хотѣлось молчать, и когда нужно было развязать языкъ, сказать что-нибудь—требовалось усиліе воли, преодоленіе.

Осенью, по возвращеніи матери, тяжело было выйти въ первый разъ на свиданье... И чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣй становился этотъ

*) Эти показанія произвели впечатлѣнія на жандармовъ. «Онѣ переходятъ изъ рукъ въ руки, и мы читаемъ ихъ, какъ романъ»,—говорилъ мнѣ капитанъ Домашневъ.

Н. В. Муравьевъ взялъ съ нихъ копію и, нѣсколько лѣтъ спустя, давалъ ихъ на прочтеніе моему мужу А. В. Филиппову, служившему по министерству юстиціи.

выходъ изъ одиночества, изъ молчанія. Затѣмъ? Затѣмъ измѣнять темъ жизни, естественный порядокъ дня и настроенія? Затѣмъ нарушать душевное равновѣсіе 20-ю минутами, въ которыя не знаешь, что сказать, о чемъ спросить, и вернувшись къ себѣ, долго не находить успокоенія, чтобы вновь замереть на двѣ недѣли? Каждый разъ, когда жандармъ отпираетъ дверь и произноситъ: «На свиданіе!» такъ хотѣлось отказаться, сказать не хочу, не надо! И только мысль, что мать и сестра будутъ испуганы, огорчены, заставляла встать и идти.

Прошло много времени. Не знаю, когда именно, однообразіе одиночества было прервано волнующимъ обстоятельствомъ: меня вызвали въ канцелярію. Тамъ меня ждетъ Романовъ, одинъ изъ 10 молодыхъ товарищей прокурора, которые вели стѣдство по дѣлу будущаго процесса.

Вѣра Николаевна», приступилъ онъ, «я пріѣхалъ къ вамъ по особому обстоятельству и обращаюсь къ вамъ, потому что знаю, вы скажете правду».

Удивленная и обезпокоенная такимъ вступленіемъ, я спросила, о чемъ идетъ рѣчь.

Онъ продолжалъ: «По дѣлу о побѣгѣ Василя Иванова изъ Киевской тюрьмы судили двухъ тюремныхъ надзирателей, обвиненныхъ въ пособничествѣ Иванову. Они осуждены на каторгу и уже отправлены въ Сибирь. Между тѣмъ, офицеръ Тихановичъ, привлеченный по одному дѣлу съ вами, совершенно опредѣленно показалъ, что онъ вывелъ Иванова изъ камеры и изъ тюрьмы во время своего дежурства на караулѣ и притомъ безъ какой бы то ни было помощи со стороны другихъ лицъ. То же самое утверждаетъ и Никитина, которая о побѣгѣ Иванова вела предварительные переговоры съ Тихановичемъ. Показанія ихъ обоихъ я привезъ съ собой и вы можете прочесть ихъ. Однако самъ Ивановъ упорно отрицаетъ свидѣтельство Тихановича и говоритъ, что его побѣгъ совершенъ черезъ проломъ въ печку, и что надзиратели содѣйствовали ему въ этомъ».

«Намъ необходимо ваше свидѣтельство: отъ него зависитъ участь осужденныхъ. Ихъ дѣло будетъ пересмотрѣно и они могутъ быть возвращены. Скажите же, какое изъ двухъ утвержденій соответствуетъ истинѣ».

Онъ развернулъ двѣ привезенныя имъ большія тетради, и я прочла то, что показывали Тихановичъ и Никитина. Это вполнѣ соответствовало разсказу, слышанному мною отъ самого Иванова: тюремники ничего не знали о предпріятіи Иванова, притомъ въ печку было такъ мать, что нельзя было повѣрить, чтобы человѣкъ такого молодецкаго сложенія, какимъ обладалъ Ивановъ, могъ пролѣзть въ отверстіе: оно было сдѣлано специально для отвода глазъ, чтобы не навлечь подозрѣнія на офицера, который отперъ дверь. Почему Ивановъ, несмотря на

категорическое заявленіе Тихоновича, упорствовать, оговаривая тюремныхъ надзирателей и отправляя ихъ на каторгу—мнѣ было непонятно. Я чувствовала недовольство и досаду на его поведеніе. Я должна была или обличить во лжи его, моего товарища, съ которымъ была связана и партійными, и дружескими отношеніями, или сдѣлаться соучастницей его лжи и предоставить надзирателей ихъ судьбѣ. Я колебалась: стыдно было сдѣлать и то, и другое. Попросивъ у Романова нѣсколько минутъ на размышленіе, я рѣшилась и написала заявленіе, что мнѣ до этого вѣрно извѣстно, что надзиратели совершенно не причастны къ устройству побѣга В. Иванова изъ тюрьмы.

Я ясно припоминаю этотъ эпизодъ, въ свое время очень тревожившій меня, когда впоследствии читала превосходную драму Ромэна-Ролана: «Волки» изъ временъ великой французской революціи. Въ ней конфликтъ между партійностью и чувствомъ справедливости поставленъ широко и кончается—въ ущербъ послѣдней.

Вызвать по дѣлу о побѣгѣ Иванова, нарушивъ однообразіе настроянія, всколыхнуть и напомнивъ обо многомъ, уходить въ даль, а губительная тишина и молчаніе дѣлали свое дѣло, когда весной 1884 года меня опять позвали въ канцелярію. Тамъ я застала Добрянскаго и генерала Середу. У стола, заваленнаго большими тетрадями въ переплетъ оянъ сдѣвъ, усталые, озабоченные, съ какимъ-то особенно серьезными лицами *).

«Вы узнаете этотъ почеркъ?» спросилъ Добрянскій, положивъ передо мной особую непереоплетенную тетрадку. Я не знала почерка и сказала: «нѣтъ». Тогда онъ перевернулъ всю тетрадь и указалъ подпись. Тамъ стояло: Сергѣй Дегаевъ, число и мѣсяць. Въ памяти осталось 20 н о я б р я, но, должно быть, это была ошибка: типографія въ Одессѣ была арестована 18 (по другимъ указаніямъ 20) декабря.

Затѣмъ, развертывая одну страницу за другой, Добрянскій указывать мнѣ отдѣльные мѣста въ тетради, другія же прикрывать рукой.

Не оставалось сомнѣній: передо мной лежалъ документъ величайшей важности: онъ предавалъ въ руки правительства все, что зналъ авторъ изъ имѣющаго отношеніе къ партіи. Не только сколько нибудь видные дѣятели были названы по именамъ, но и самыя мало-значительныя лица, пособники и укрыватели разоблачались отъ перваго до послѣдняго, поскольку авторъ доноса имѣлъ о нихъ свѣдѣнія. Военные на сѣверѣ, на югѣ были измѣннически выданы поголовно: отъ военной организаціи не оставалось ничего. Всѣ латентныя силы партіи

*) Это было заключеніе сѣдѣнія, какъ я потомъ догадалась (потому что они не сказали мнѣ этого).

были теперь, какъ на ладони, и всѣ лица, причастныя къ ней, находились отнынѣ подѣ стекляннымъ колпакомъ.

Я была ошеломлена: Дегаевъ! и это сдѣлалъ Дегаевъ! Нѣсколько минутъ, вскочивъ съ мѣста, я ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, въ то время, какъ Середа и Добрыжнскій, молча, перелистывали страницы привезенныхъ фоліантовъ.

Когда я вернулась на свое мѣсто, Добрыжнскій сталъ показывать мнѣ показанія офицеровъ: Крайскаго, Маймескулова, Талалипидова и другихъ южанинъ. Каждое начиналось постыдными словами «Р а с к а и в а я с ь в ѣ своихъ заблужденіяхъ, сообщаю» и т.-д.. Раскаивались 35, 40 лѣтніе **мужья**. Раскаивался Крайскій, въ котораго я вѣрила и котораго такъ хотѣла привлечь въ партію, возлагая на него много надеждъ, какъ на человѣка твердаго, съ характеромъ сильнымъ, который не отступитъ.

Всѣ эти заговорщики, обѣщавшіе по призыву своего центра выступить съ оружіемъ въ рукахъ и отдать жизнь дѣлу народа, теперь малодушно отказывались отъ того, что они исповѣдовали и на что давали слово. Они «заблуждались», они, много лѣтъ разсуждавшіе на темы о революціи, о баррикадахъ и пр. Эти показанія производили жалкое впечатлѣніе; но что значили онѣ передъ тѣмъ, что сдѣлалъ Дегаевъ, который колебалъ основу жизни—вѣру въ людей, ту вѣру, безъ которой революціонеръ не можетъ дѣйствовать. Онъ лгалъ, притворялся и обманывалъ; онъ выспрашивалъ, чтобы предать, и въ то же время льстил и восхвалялъ. Множество нитей соединяло меня съ нимъ и со всей его семьей; онъ былъ тѣсно связанъ со множествомъ товарищей, которые являлись дорогими, казалось, для насъ обоихъ. Это былъ не провинціальный офицеръ, окруженный уѣздной сѣренькой средой, неопытный и никогда не бывавшій въ лапахъ полиціи. Онъ четыре года дѣйствовалъ на революціонномъ поприщѣ среди отборной группы товарищей, не разъ имѣлъ дѣло съ жандармами, рисковалъ своей свободой и имѣлъ совершенно опредѣленную политическую репутацію. Его побѣгу было мишумъ; его освободила полиція, чтобы замаскировать его предательство, и, начавъ съ измѣны, онъ сдѣлался провокаторомъ, чтобы вовлекая въ революціонное движеніе десятки новыхъ людей, отдавать ихъ тайно въ руки правительства. Испытать такую измѣну—значило испытать ни съ чѣмъ несравнимое несчастье, уносящее моральную красоту людей, красоту революціи и самой жизни. Съ идеальныхъ высотъ я была низвергнута въ болота земли..... Когда послѣ этого я въ первый разъ вышла на свиданье—родные поняли, что со мной случилось нѣчто потрясающее.... Мнѣ хотѣлось умереть. Хотѣлось умереть, а надо было жить. Я должна была жить; жить, чтобы быть на судѣ—этомъ заключительномъ актѣ дѣятельности активнаго революціонера. Какъ членъ Исполнительнаго Комитета, я

должна была сказать свое слово—исполнить послѣдній долгъ, какъ его исполнили всѣ, кто предварилъ меня. И, какъ товарищъ тѣхъ, кого предалъ Дегаевъ, я должна была раздѣлить участь ихъ до конца.

Но жить было возможно, только забивъ умъ чѣмъ нибудь, не имѣющимъ отношенія къ несчастіямъ революціи: надо было весь день, безъ отдыха, занять себя какой-нибудь работой. Я принялась за изученіе англійскаго языка и такъ усердно, что черезъ двѣ недѣли читала въ подлинникѣ исторію Англіи Маколея. Это было бы невѣроятію, еслибъ, какъ я много лѣтъ спустя вспомнила, я не взяла съ большою неохотой и малымъ успѣхомъ нѣсколько уроковъ этого языка въ институтѣ у англичанки. Повидимому, кое-какіе слѣды отъ тѣхъ уроковъ въ памяти все же остались и теперь черезъ 16 лѣтъ воскресли.

Овладевъ англійскимъ языкомъ, я по цѣлымъ днямъ не отрывалась отъ книги, не оставляя себѣ ни минуты на размышленіе. Уже съ первыхъ мѣсяцевъ заключенія я усердно принялась за чтеніе и никогда въ жизни не читала съ такимъ увлеченіемъ и такъ плодотворно, какъ тогда, въ крѣпости. Мое образованіе, въ общемъ, шло неправильно и безсистемно. Объ институтѣ нечего и говорить, тамъ чтеніе преслѣдовалось, никакой библіотеки для ученицъ, можно сказать, не было. Въ университетѣ, въ Цюрихѣ, учебныя занятія по медицинѣ отнимали слишкомъ много времени, чтобы использовать всѣ возможности, которыя представляла прекрасная библіотека, составленная русскими эмигрантами и учащейся молодежью: я должна была опѣшиться со своимъ медицинскимъ образованіемъ, потому что на долгое пребываніе за границей средствъ у меня не хватило бы. А когда я оставила университетъ и вернулась въ Россію, обстановка революціонной дѣятельности не благоприятствовала серьезнымъ умственнымъ занятіямъ. Въ той революціонной средѣ, въ которой я вращалась, нигде не было пренебреженія къ наукѣ, къ знанію, но обстоятельства складывались такъ, что отдаваться имъ не представлялось возможности. Когда я служила въ земствѣ въ Самарской, а потомъ въ Саратовской губерніи, медицинская работа въ деревнѣ требовала большой затраты времени и силъ, а съ 1879 г. началась моя нелегальная жизнь, въ которой нервные потрясенія, метаморфозы и опасности, не позволяли ни думать о книгѣ. Революціонное дѣло требовало всего вниманія, мысль должна была останавливаться единственно на томъ, что было нужно и полезно для партіи, что дѣлалось и предпринималось организаціей. И чѣмъ дальше, тѣмъ становилось труднѣе остановить мысль на чемъ-нибудь другомъ; все сознаніе было направлено на одно и заполнено этимъ однимъ—интересами революціоннаго дѣла.

Въ періодъ, когда партійный органъ «Народная Воля» издавался въ Петербургѣ, главная работа въ газетѣ лежала на нашемъ теоретикѣ—

Тихомировъ. Постъ нѣкоторыхъ попытокъ оиъ сдѣлать въ Исполнительномъ Комитетѣ заявленіе: «Если хотѣе, чтобы я писалъ, освободите меня отъ обязанностей члена распорядительной коммисіи^{*)}», отъ дѣловыхъ свиданій съ нужными людьми; вообще отъ всѣхъ практическихъ дѣлъ. Совмѣстить литературную дѣятельность съ участіемъ въ этихъ дѣлахъ абсолютно невозможно. Чтобы писать надо читать, слѣдить за всѣмъ, что выходитъ въ печати; надѣ много и сосредоточенно думать—это требуетъ свободы отъ всѣхъ другихъ занятій, разбивающихъ мысль и отнимающихъ время».

Комитетъ не могъ не принять справедливости этого заявленія, и оставилъ Тихомирова исключительно на литературной работѣ.

Только въ тюрьмѣ, гдѣ нѣтъ ни другихъ занятій, ни избытка впечатлѣній и событий, я могла вполне отдаться предметамъ, которые меня особенно интересовали: исторіи, политической экономіи, социологіи, и прочее все, что написано Спенсеромъ по биологіи и психологіи. Отраженіемъ этого многочтенія служить сохраненная моей сестрой переписка съ ней и матерью. Написанныя въ Петропавловской крѣпости въ количествѣ 50-ти, мои письма наполнены почти цѣлкомъ краткими отзывами о главныхъ сочиненіяхъ разныхъ авторовъ, которыхъ, такъ или иначе, я рекомендовала сестрѣ при выборѣ чтенія. Другого содержанія и не могла имѣть эта переписка, проходившая нѣсколько инстанцій, начиная съ крѣпости и кончая дежурствомъ полиціи. Лишь кое-гдѣ, въ немногихъ строкахъ, проскальзывали черточки изъ психологіи заключеннаго, такъ что съ этой стороны эта довольно рѣдкая коллекція не можетъ представлять интереса для широкой публики.

Библиотека Петропавловской крѣпости была въ то время превосходна и доставила мнѣ много умственного удовольствія. Всѣ серьезные произведенія были, конечно, мною прочитаны и, когда весь запасъ истощился, комендантъ Ганецкій, всегда очень внимательный ко мнѣ, согласился на выдачу мнѣ книгъ, которыя лежали безъ переплета и потому не были внесены въ библиотечный каталогъ. По словамъ смотрителя Лесника, оиъ наполняли цѣлую комнату. Этимъ богатствомъ я и воспользовалась. Но тщетно хлопотала я, чтобы эти книги постепенно перешли на мой счетъ и вошли въ общее употребленіе. Равнодушіе къ интересамъ заключенныхъ ничѣмъ нельзя было сломить.

Книги помогали мнѣ жить. Оиѣ съ самаго начала заключенія заглушали всю боль, принесенную въ тюрьму несчастіями общественнаго характера. Оиѣ же помогали перенести и нравственную катастрофу по дѣлу Дегаева. Мучительное моральное состояніе имѣло еще отвле-

^{*)} Эта коммисія завѣдывала самыми секретными дѣлами и состоя изъ нѣсколькихъ лицъ, избавляла отъ необходимости созывать очень часто собранія всего Комитета.

ченіе, чисто физическое. У меня заболѣть началъ на мнѣнцѣ дружи начался періоститъ — болѣзнь, соединявшая съ жесточайшей болью. Когда я показала налѣцъ доктору Вильмсъ, онъ покачалъ головой и сказалъ: «Необходимо глубокой разрѣзъ», и когда сдѣлать его, то прибавить: «Я боюсь, чтобы не быть столбнякъ». Этотъ старый, суровый человѣкъ, душа котораго окаменѣла отъ мрачныхъ тайнъ Петропавловскихъ куртинъ и Алмазѣвскаго равелина, теперь, болѣе чѣмъ черезъ годъ, который я прожила въ темной, хотя и большой, но сырой и грязной камерѣ, въ первый разъ оглядѣлъ это изнѣмце, покрытое плѣсенью и пылью, и сказалъ: «Васъ необходимо перевести въ болѣе свѣтлую камеру».

На другой день меня дѣйствительно перевели въ камеру въ другомъ корридорѣ. Это была небольшая, но гораздо болѣе уютная комната. Выходящая, должно быть, на юго-западъ. Несмотря на крикостѣну противъ окна, въ него около полудня проникало нѣсколько косыхъ лучей, никогда невидимаго солнца. Стѣна отстояла отъ окна въ нѣкоторомъ разстояніи, болѣе чѣмъ въ камерѣ № 43, въ которой я жила до тѣхъ поръ. Въ новомъ помѣщеніи, чтобы обозрѣть окрестность, я взошла на желѣзный столъ, прикованный къ стѣнѣ подѣ койки, и увидѣла въ небольшой выемкѣ стѣны, на откосѣ, слабое деревцо. Неприхотливая бузина выросла тутъ на камнѣ изъ крошечнаго зернышка, занесеннаго вѣтромъ. Она требовала немногого: разрушительная часть стѣны, обвалившаяся въ видѣ мусора, была достаточно для ея питанія. Съ наступленіемъ весны, каждый день около полудня, я вѣзала на столъ, чтобы взглянуть на зеленѣющую листву деревца, которое называла своимъ, потому что никто кромѣ меня не могъ его видѣть, и не смотрѣть на него.

Въ Шлиссельбургской крѣпости, въ томъ мѣстѣ, гдѣ высокая стѣна старой цитадели смыкается въ уголъ съ наружной стѣной крѣпости, на недоступной высотѣ нѣсколькихъ сажень, каждое гдѣ вырастаетъ и цвѣтъ одинокій кустъ круглолистнаго колокольчика. Его изящные лиловые вѣтчики въ видѣ опрокинутыхъ маленькихъ зубчатыхъ вѣзочекъ, были прелестны среди голыхъ, сѣрыхъ и нѣтъ известняка, заграждавшихъ отъ насъ весь живой міръ. Стабые корни колокольчика проникли въ выбѣривающую горную породу; дождь, бросая свои капли, доставлялъ имъ влагу, а нѣсколько лучей солнца, озаря листья, обезпечивали существованіе. Для меня Петропавловская бузина и Шлиссельбургскіе колокольчики, ютившіеся на высотѣ, были своего рода картиной Ярошенко: «Всюду жизнь». Они какъ будто говорили: «Нуждайся братомъ — холодный мертвый камень, но мы живемъ и будемъ жить, радуя тѣхъ, кто насъ видѣтъ».

16 или 18 сентября 1884 г. мнѣ былъ врученъ обвинительный актъ. Выѣстъ съ другими тринадцатью лицами, я передавалась военно-окружному суду. Явился и защитникъ по назначенію. Я заявила, что не могу принять его услугъ. Оставшись со мной наединѣ, понизивъ голосъ, онъ прошепталъ: «Судейкинъ убить. Убить Дегая. Убить и скрылся».

На мгновеніе темнота души моеи раздвинулась, разорвалась. Судорожно, рѣзкимъ зигзагомъ, пробѣжалъ токъ куда-то глубоко запрятаннаго чувства, чувства сложнаго и противорѣчиваго: молніей сверкнуло, и снова все стемнѣло.

Вира Фингеръ.

Петербургъ,
9/22-го февраля 1919 г.

Москва въ семидесятыѣ годахъ.

Кн. В. А. Долгоруковъ.—Общественное управление.—Кн. Щербатовъ.—Кн. Черкасскій.—Третьяковъ.—Общественная жизнь.—Театръ.—Война 1877—78 гг.—1-е марта 1881 г.

I.

Изстари въ Москвѣ былъ генераль-губернаторъ, въ разное время носившій разные названія-намѣстника, главнокомандующаго, военнаго генераль-губернатора. Но ни законодательствомъ, ни практикой не были опредѣлены съ точностью его обязанности и кругъ его вѣдѣній. Хотя въ законѣ и есть указаніе, что ему при-своиваются права и обязанности начальника края, но «края» не было, ибо власть его простиралась только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ на московскую губернію, т.-е. за предѣлы столицы, и вовсе не касалась сосѣднихъ губерній. Но и въ самой Москвѣ власть эта не имѣла или не должна была имѣть никакого отношенія къ учрежденіямъ, подвѣдомственнымъ другимъ министерствамъ, какъ на-примѣръ къ военному вѣдомству, къ юстиціи, къ финансовому управленію. Между тѣмъ потребности и условія времени, обычай и практика постепенно выдвигали участіе генераль-губернатора въ жизни и дѣятельности всѣхъ этихъ учреждений, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло быть или казаться самовольнымъ вмѣшательствомъ, и которое въ другихъ случаяхъ было неудобнымъ по разнымъ причинамъ, въ другихъ-же—полезнымъ и даже благотворнымъ. Вслѣдствіе этого отъ лица, занимающаго эту должность требовалось много искусства, такта, дабы избѣгать нежелательнаго тренія, но требовалось отъ него и быть постоянно въ курсѣ дѣлъ, производящихся въ неподвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ и почему-либо нуждавшихся въ его участіи или вниманіи.

При такомъ опредѣленіи обязанностей генераль-губернатора, его роли въ жизни столицы надлежитъ имѣть въ виду то время, его особенности историческія и бытовыя, сдѣлавшія то, что должность эта получила такой видный и много-объемлющій характеръ и задачи ея какъ нельзя болѣе отвѣчали дѣйствительнымъ потребностямъ столичной жизни. Когда-же вполнѣдствіи правительственныхъ учрежденій и органы все болѣе обособлялись въ своихъ функціяхъ, когда Петербургъ все болѣе централизовалъ въ себѣ дѣло управленія страной, и когда съ другой стороны московскій генераль-губернаторъ сдѣлался почти исключительно представителемъ и посителемъ усиленной, чрезвычайной и иной охраны и «борьба съ кримо-лой» явилась главною и даже почти единственною его задачею, то должность эта

оказалась излишнею, она сама собою сократилась, въ то-же время потеряла въ глазахъ москвичей свой прежній престижъ.

Но подлежитъ сомнѣнiю, что независимо отъ этихъ измѣненiй, которыя вносились временемъ и обстоятельствами, въ созданiи этого престижа и затѣмъ въ его упадкѣ играли роль индивидуальныя свойства лицъ, послѣдовательно призывавшихся къ занятiю этого поста, степень ихъ пониманiя своихъ обязанностей, своего долга по отношенiю къ Москвѣ, и пониманiя ими самой Москвы, ея особенностей, ея своеобразно сложившагося быта, всей ея психики. Но въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, генераль-губернаторъ былъ дѣйствительно первымъ лицомъ въ Москвѣ, и не только по служебно-иерархическому положенiю своему, а по существу своихъ обязанностей, своей роли. Въ его рукахъ сосредоточивались всѣ нити той сложной паутины, которая составляла жизнь столицы во всѣхъ ея безчисленныхъ и разнообразныхъ областяхъ—административной, въ широкомъ смыслѣ слова, общественной, торгово-промышленной и частной.

Не по одному своему служебному долгу, но и по сложившемуся положенiю онъ обязанъ былъ знать все, что происходитъ въ городѣ, имѣть общенiе со всѣми его обитателями, входить въ интересы и брать на себя въ случаѣ надобности заботу каждого, кто къ нему обращался, и для сего открыть широкой къ себѣ доступъ, а съ другой стороны ему надлежало тщательно поддерживать живыя связи съ высшимъ правительствомъ съ его дѣтелями, быть постоянно въ курсѣ всего того, что тамъ измышлялось и «предначертывалось» и быть предъ нимъ представителемъ, заступникомъ Москвы, ея «голосомъ».

II.

Кн. В. А. Долгоруковъ занималъ должность Московскаго генераль-губернатора съ 30-го августа 1865 года до 26-го февраля 1891-го, т.-е. въ теченiи 25-ти съ половиною лѣтъ. Первоначальная его карьера протекала въ Петербургѣ и ничѣмъ не отличалась отъ обычной карьеры современной ему аристократической молодежи. Онъ служилъ сперва офицеромъ въ гвардiи, попалъ въ «свиту» государя, послѣдовательно проходилъ по ея иерархическимъ ступенямъ, затѣмъ довольно долгое время управлялъ однимъ изъ департаментовъ военнаго министерства, и наконецъ, на 56-мъ году жизни, получилъ назначенiе въ Москву.

Такая карьера очевидно не могла служить сколько-нибудь серьезною подготовкой къ административной дѣятельности, но въ то время это не принималось въ соображенiе, и военный, а тѣмъ болѣе входившiй въ составъ свиты, считался способнымъ, разъ выборъ свѣше палъ на него, ко всякой дѣятельности или службѣ.

Впрочемъ, подобныя назначенiя имѣли мѣсто и въ болѣе близкое къ намъ время, когда пришедшiй въ негодность для строевой службы генераль призывался въ государственный совѣтъ, или полковой командиръ, почему-либо не заслужившiй дальнѣйшаго повышенiя, назначался губернаторомъ въ провинцiю.

Но кн. В. А. былъ не изъ такихъ. Онъ сразу понялъ свое положенiе въ Москвѣ, требованiя административнаго строя и способы ихъ прiятненiя къ усло-

вѣямъ столичной жизни, понималъ и оцѣнилъ самую Москву съ ея характерными, бытовыми, въ то время болѣе или менѣе патріархальными чертами и особенностями, и съ первыхъ-же дней его вступленія въ домъ на Тверской площади, Москва оцѣнила его, сама поняла его, почувала въ немъ своего сына, ибо онъ былъ московскимъ уроженцемъ. Причину того, что онъ такъ по душѣ пришелся Москвѣ и что съ первыхъ-же шаговъ своего вступленія онъ оказался на высотѣ своей задачи, должно искать въ томъ, что онъ созрѣлъ и получилъ воспитаніе въ условіяхъ, совершенно особенныхъ. Широко культурный, начитанный, онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ эпохи переходной, сломившей многое изъ прежняго и начинавшей создавать много новаго.

Не будучи обремененъ чрезмерно головоломными служебными занятіями, онъ имѣлъ возможность внимательно слѣдить за всѣмъ происходящимъ въ Россіи. Онъ по опыту своему зналъ Николаевскій режимъ, видѣлъ всѣ его дефекты, и передъ его глазами совершилось его паденіе и поворотъ къ иному, котораго, какъ ни старались слуги прежняго, нельзя было избѣжать послѣ того, что несчастная Крымская война вскрыла всѣ издавна наболѣвшія язвы его. Онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ подготовительныхъ работъ по освобожденію крестьянъ, всѣхъ общественныхъ чаяній, пробужденныхъ «маніемъ Царя»; при чемъ этотъ великій актъ совершился и начиналъ уже приносить плоды, а затѣмъ послѣдовало земское положеніе, городовое, преобразованія, имѣющія увлечь собою государственное зданіе.

Хотя и пассивно, но съ напряженнымъ вниманіемъ могъ онъ слѣдить за всѣмъ совершающимся и нельзя не предположить, что именно это наблюденіе и выработало въ немъ дѣятеля-администратора, постигшаго потребность и условія времени и съ успѣхомъ замѣнившего въ немъ то, что другимъ пріобрѣтается практическимъ опытомъ. Къ этому надо добавить его образованность, не школьную только, а житейскую, постоянно имъ обогащавшуюся чтеніями, общеніемъ съ разнообразными людьми, частыми поѣздками за-границу, его утонченную воспитанность, создавшую его умѣніе постоянно держаться на уровнѣ того, съ кѣмъ онъ разговаривалъ или имѣлъ дѣло. Такое двойственное воздѣйствіе Николаевской дисциплины и вѣяній наступившаго времени великихъ реформъ и ожиданій—и создавало его индивидуальность и обусловило то, что онъ явился готовымъ для того дѣла, которое на него возложено было.

Эти двѣ коренныхъ черты его личности и дѣятельности—тонкая воспитанность въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, и широкая доступность—стяжали ему въ Москвѣ чуть не съ перваго же года его управленія громадную популярность и притомъ во всѣхъ безъ исключенія слояхъ ея населенія. Объ этомъ и надлежитъ поговорить.

Какъ было уже сказано, предшествующая служба князя, его наблюдательность, его опытъ въ пережитый имъ переходный періодъ времени воспитали его въ томъ смыслѣ, что въ немъ выработался громадный запасъ какъ умѣнія держать себя, входить въ свою роль, такъ и тактичности по отношенію ко всѣмъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Это умѣніе, этотъ тактъ дали ему возможность успѣшно разрѣшать всякія затрудненія, мелкія и крупныя, поминутно возникавшія въ жизни столицы

какъ въ цѣлыхъ отрасляхъ управленія, такъ и въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ. Но вмѣстѣ съ этимъ въ немъ обнаруживалась особаго рода ревность къ своему положенію, къ своей роли, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ это могло казаться склонностью къ лести, т.-е. нѣкоторымъ дефектомъ характера, но это были дефекты его качествъ. Онъ любилъ придавать своей власти, какъ генераль-губернатора, всеобъемлющій характеръ, ей закономъ не присвоенный, и очень любилъ чтобы другіе такъ понимали эту власть и это ему высказывали. Между тѣмъ это стремленіе его къ всеобъемлемости своей власти, къ наибольшему по возможности расширенію своего права воздѣйствія на другія, ему не подчиненныя вѣдомства, учрежденія и лица внушалось ему именно этой ревностью къ своимъ обязанностямъ, но въ то-же время и искреннимъ желаніемъ помочь, улучшить, направить какъ подобаетъ то, что казалось ему требовало такой помощи и управленія и притомъ въ самой Москвѣ, т.-е. въ области его вѣдѣнія и его ответственности. Такъ не разъ приходилось ему слышать отъ него сѣтованія на то, что дѣло въ военномъ округѣ идетъ нехорошо благодаря тому, что все вниманіе начальствующихъ обращено исключительно на фронтную службу, и въ этихъ сѣтованіяхъ слышалось сожалѣніе о томъ, что военная часть въ Москвѣ ему не подчинена, какъ это было при его предшественникахъ. Такъ-же когда въ одномъ правительственномъ учрежденіи, находящемся въ Москвѣ, распри засѣдавшихъ въ немъ сапожниковъ достигли разбѣровъ скандала, сдѣланнагося на нѣсколько дней въ городѣ притчей во языцѣхъ, князь возбудилъ вопросъ о томъ, чтобы председательствованіе въ этомъ учрежденіи было возложено на него, въ качествѣ генераль-губернатора.

Такое отношеніе къ своимъ обязанностямъ дополнялось еще чертою, быть можетъ простиравшею въ немъ изъ пройденной имъ служебной школы эпохи Николая. Для него не существовало мелкихъ, второстепенныхъ дѣлъ, все что попадало ему въ руки, что нуждалось въ его участіи, помощи или содѣйствіи имѣло для него равное значеніе, одинаково привлекало его вниманіе и заботливость. Крупный политическій вопросъ въ Городской думѣ и неправильное производство торговли на поставку хлѣба въ больницу, острые пренія въ Дворянскомъ собраніи и чрезвычайное усердіе полицейскаго чина при усмирении пьяной компаніи въ трактирѣ—одинаково заботили его, и онъ успокаивался лишь послѣ того, какъ ему удавалось такъ или иначе ликвидировать такое дѣло. Такое вниманіе къ любому дѣлу, такое участіе къ интересамъ людей, въ немъ заинтересованныхъ, быстро опредѣляли его доступность для всѣхъ, и всѣ пошли къ нему, пошли не только жаловаться, апеллировать, требовать защиты, но просить помощи, совѣта, указаній, несмотря на то, какъ знали они, что предметы ихъ просьбъ относятся къ вѣдѣнію другихъ учреждений или другихъ должностныхъ лицъ, ему не подвѣдомственныхъ. Эти черты, проявившіяся въ немъ въ видѣ всякихъ правилъ канцелярскаго дѣлопроизводства, привлекали во все время его службы въ Москвѣ общую любовь и общее уваженіе, ибо всякій, имѣвшій какое-либо къ нему дѣло, и говорившій съ нимъ о немъ, выходилъ отъ него такъ или иначе удовлетворенный, хотя-бы только тѣмъ, что былъ внимательно имъ выслушанъ.

Особенно ярко проявлялись въ немъ черты въ дѣлахъ семейныхъ, поступан-

нилъ къ нему по большей части въ устныхъ заявленіяхъ просителей, причемъ онъ никогда не допускалъ, чтобы подобныя дѣла шли обычнымъ канцелярскимъ путемъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ поручалъ производство разслѣдованія по нимъ какому-либо изъ тѣхъ своихъ чиновниковъ, которому онъ особенно довѣрялъ. Много было жёнъ, которыя такимъ образомъ добились защиты отъ негоднень-мужей, много «сынковъ» спасавшихся отъ кнотей ростовниковъ, которые расчпывали на карманы ихъ родителей, и дѣла этого рода пропадали безслѣдно, ибо въ архивахъ ихъ нѣтъ, разъ они не излагались на бумагѣ, а тѣ люди, которые исползовали участие и содѣйствіе князя, конечно, никому не сообщали объ этихъ своихъ семейныхъ тайнахъ.

Такое отношеніе къ своимъ обязанностямъ, такое умѣніе удовлетворить обращавшихся къ нему, снзжали князю не только широкую популярностъ въ Москвѣ, но и твердую авторитетностъ, не такую, которая основывается исключительно на олицетвореніи въ себѣ власти, могущей такъ или иначе расправляться съ любымъ дѣломъ или любымъ субъектомъ, но дѣйствительную, моральную авторитетностъ, всѣмъ одинаково реально сознаваемую и почитаемую. И я не могу не добавить, что эту черту, эту авторитетностъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова Москва уже не видѣла въ своихъ «хозяевахъ» и что кн. Долгоруковъ былъ послѣднимъ, настоящимъ генераль-губернаторомъ.

Когда я по должности губернатора вошелъ въ близкія, почти ежедневныя служебныя сношенія съ кн. Долгоруковымъ, онъ уже былъ въ очень преклонныхъ годахъ и нѣрѣдко нмъ обнаруживались старческія черты и заманки. Казалось, онъ все болѣе и болѣе обращалъ вниманіе на разнаго рода подробности и мелочи, дорожилъ нѣкоторыми привилегіями, присвоенными званію московскаго генераль-губернатора. Такъ напримѣръ онъ любилъ подчеркивать въ своихъ разговорахъ съ людьми, непосвященными въ тайны служебной обрядности, что пріѣзжая въ Петербургъ онъ представлялся государю не въ парадной формѣ, а въ обыкновенной, такъ какъ онъ является представителемъ столицы, въ которой предполагается постоянное пребываніе государя. Другою привилегіей, которой князь очень дорожилъ, было представленіе государю суточныхъ рапортовъ о Москвѣ, которые ежедневно изготовлялись въ его канцеляріи и въ опредѣленный часъ приносились ему для подписи, а затѣмъ отправлялись на курьерскій почтъ. Изъ-за этихъ рапортовъ кн. Долгоруковъ въ теченіи всего своего 25-лѣтняго пребыванія въ Москвѣ ни разу не почевалъ вѣдъ города, конечно, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ находился въ отпуску.

Мнѣ извѣстно, что Александръ II читалъ эти рапорты, интересовался всѣмъ происходившемъ въ Москвѣ, въ мѣстѣ своего рожденія, но онъ любилъ Москву какою-то особенною любовью, которая какъ-бы поощрала кн. Долгорукова въ его ревнивомъ обереганіи и соблюденіи ея интересовъ, и своего значенія для нихъ. Онъ не допускалъ мысли, чтобы правительственные сановники, съ которыми ему приходилось сталкиваться по дѣламъ службы, не относились къ Москвѣ и къ дѣламъ ея касающимся, какъ къ первепствующему предмету ихъ служебныхъ заботъ, передъ которымъ все остальное должно было блѣднѣть.

Къ повому царствованію князь Долгоруковъ, какъ всѣ престарѣлые люди, привыкшіе къ прежнему укладу жизни и дѣятельности, регулирующемуся даваемымъ съ престола направленіемъ, относился съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, которое, однако, онъ выказывалъ лишь въ самыхъ интимныхъ бесѣдахъ съ близкими ему людьми. Правда, о прежнемъ вниманіи къ Москвѣ, о любви къ ней покойнаго царя и слѣда болѣе не было,—къ Москвѣ петербургскія сферы относились какъ къ заурядной провинціи, и между прочимъ суточные рапорты были отмѣнены.

Особенное недовѣріе и даже несочувствіе возбуждали въ кн. Долгоруковѣ новые люди, выдвинувшіеся въ новое царствованіе и замѣнившіе его товарищей друзей, еще недавно игравшихъ первыя роли. «Юнкеръ», говорилъ онъ, когда рѣчь заходила о какомъ-либо изъ этихъ новыхъ спутниковъ царя, и въ этомъ словѣ звучало и пренебреженіе къ данному лицу и сравненіе его съ прежними царскими слугами, а въ то же время чувствовалось, что этихъ «юнкеровъ», которыхъ онъ зналъ чуть не дѣтми, онъ втайнѣ продолжалъ считать таковыми.

Но онъ умѣлъ распознавать людей по ихъ достоинству, и это сохранилось въ немъ до конца его жизни, хотя какъ у всѣхъ престарѣлыхъ людей, въ немъ были симпатіи и антипатіи, которыя посторонній человекъ не всегда могъ себѣ объяснить. Между прочимъ онъ питалъ глубокую антипатію и не стѣснялся ее высказывать, къ тѣмъ, кто получалъ какое-либо назначеніе въ Москву помимо его участія, если это было подчиненное ему лицо, или помимо его вѣдома и согласія, если оно принадлежало къ другому ведомству. Оцѣнка имъ разныхъ людей, какъ московскихъ, такъ и петербургскихъ, было обычною темой его бесѣдъ со мною во время моихъ еженедѣльных докладовъ по дѣламъ губерніи. (Надо сказать, что издавна у него было заведено, что московскій губернаторъ являлся къ нему съ докладомъ по субботамъ, и онъ его принималъ тотчасъ послѣ оберъ-полицеймистра, являвшагося ежедневно, кто-бы другой ни дожидался въ его пѣмной). Случалось, онъ прерывалъ мой докладъ, когда мнѣ приходилось назвать чью-либо фамилію, и я выслушивалъ подробную, чисто субъективную, но въ большинствѣ случаевъ совершенно вѣрную оцѣнку этой личности, причемъ нерѣдко онъ повторялся, забывши, что въ одну изъ предыдущихъ субботъ онъ уже передавалъ мнѣ это свое сужденіе *).

Такъ, въ послѣдній годъ моей службы съ нимъ почти не было моего доклада ему безъ того, чтобы я не произнесъ фамиліи одного крупнаго сановника, выдвигавшагося изъ полной неизвѣстности уже въ новое царствованіе и съ которымъ московская администрація была въ частыхъ сношеніяхъ. Лицо князя при этомъ мгновенно измѣнялось, полуироническая, полупрезрительная улыбка скрывала его губы, и онъ каждый разъ повторялъ мнѣ одну и ту-же фразу: «Не довѣряйте, мой любезный, тѣмъ людямъ, которыхъ называютъ такой-то (слѣдовало имя и отчество

*) Но не въ одномъ этомъ повторялся онъ. Слѣдуетъ сказать, что онъ любилъ анекдоты, и бывало я припасалъ для субботы какой-нибудь новенькій. Послѣ дѣлового доклада я старался навести разговоръ на тотъ предметъ, котораго касался анекдотъ, рассказывалъ его, зачастую вызывая неудержимый смѣхъ старика, а въ слѣдующую субботу онъ мнѣ его повторялъ, какъ нѣкую новинку, забывъ, что его рассказывалъ я.

того лица), а всегда говорятъ добрыйшій такой-то. Помните, Мольеръ своего Тартюфа не иначе называетъ какъ *le bon Monsieur Tartupe*.

И дѣйствительно, сановникъ этотъ оказывался іезуитомъ чистѣйшей воды и своею фальшью, лживостью и двуличіемъ многимъ повредилъ, въ томъ числѣ и почтенному князю.

Еще болѣе антипатіи онъ питалъ къ знаменитому въ свое время и доселѣ далеко еще не забытому К. П. Побѣдоносцеву. Помимо того, что между ними бывали недоразумѣнія и даже столкновенія служебныя, на почвѣ церковной жизни, но антипатія эта со стороны князя относилась къ самой личности всемогущаго оберъ-прокурора. Въ своихъ бесѣдахъ, лишь только въ нихъ дѣло касалось этого послѣдняго, онъ выкладывалъ цѣлый рядъ эпизодовъ, характеризующихъ его и при этомъ фамилія его всегда сопровождалась разными эпитетами, далеко не лестными. Весьма возможно, что князь распознавалъ его и какъ-бы предугадывалъ то вліяніе, которое Побѣдоносцевъ все болѣе и болѣе оказывалъ на ходъ дѣлъ при новомъ царствованіи, его роль во всемъ государственномъ механизмѣ, а не въ одной избранной ему сиподальной области. Правда, Побѣдоносцевъ отплачивалъ тѣмъ-же князю, и въ моихъ, довольно впрочемъ рѣдкихъ бесѣдахъ съ нимъ, онъ постоянно пронизировалъ на его счетъ.

Вообще, долженъ замѣтить, что съ новымъ царствованіемъ петербургскіе сановники, выдвинувшіеся въ первые ряды, стали очень иронически относиться къ кн. Долгорукову, къ его «удѣльно-княжеской» роли въ Москвѣ, и такое отношеніе перекидывалось въ Москву, гдѣ недоброжелателей и пасмѣшниковъ было достаточно для того, чтобы подобныя отзывы распространялись. Къ моему несчастью, какъ иронизирующие петербуржцы, такъ и восприимчивыя москвичи перѣдко находили нужнымъ дѣлиться этими шутками и пасмѣшками со мною, какъ съ человѣкомъ, весьма близкимъ къ князю. Нетрудно было угадать, къ чему въ концѣ концовъ это приведетъ, разъ извѣстно, что въ этой ироніи, въ этомъ высмѣиваніи отражаются вѣянія новой эры, и что они, по отношенію къ князю, играютъ роль водяныхъ капель, пробивающихъ самый твердый камень.

Въ заключеніи своей характеристики кн. Долгорукова я долженъ добавить, что одною изъ пайболѣе выпуклыхъ, яркихъ чертъ его личности было барство, великоможество въ самомъ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ. Великожей былъ онъ съ головы до ногъ, и въ чемъ бы онъ ни проявлялъ себя — въ служебныхъ дѣлахъ, въ дамскомъ обществѣ, въ дружеской бесѣдѣ въ интимномъ кружкѣ, въ многолюдной толпѣ — всегда и всюду это чувствовалось въ его обращеніи, въ словахъ, въ манерахъ, какъ чувствовалось оно и въ его пріемахъ у себя дома — разговаривать-ли онъ съ просителями, хозяйничать-ли у себя на балахъ, или на обѣдахъ, парадныхъ или обыденныхъ. — «Вотъ это баринъ», воскликнуть однажды одинъ волостной старшина, котораго мнѣ по какому-то случаю пришлось ему представлять, когда мы вмѣстѣ вышли изъ его кабинета. Этимъ какъ нельзя лучше высказалъ онъ то впечатлѣніе, какое каждый выносилъ послѣ бесѣды съ нимъ. «Это не то, что NN» добавлялъ этотъ старшина, назвавъ фамилію одного, тоже титулованнаго, уѣзднаго

предводители, хорошо известнаго своею неуязвимостью, съ которыми старинна имѣть постоянныя пререканія и столкновенія *).

III.

Въ 1865 г., когда кн. Долгоруковъ занялъ постъ Московскаго генералъ-губернатора, еще длился тотъ періодъ времени, который можно назвать медовымъ мѣсяцемъ великихъ реформъ. Помимо всего того реальнаго, что принесли съ собою эти реформы, какъ осуществленныя уже въ то время, такъ еще и намѣчавшіяся, самая атмосфера столицы была полна новыхъ вѣяній, выдвигались новые люди, возникали новыя требованія, задачи, болѣе или менѣе императивнаго характера, о которыхъ въ прежнее время никто не думалъ и не заботился.

Крестьянская реформа уже была осуществлена, но еще сохранялись «временно-обязательныя» отношенія между крестьянами, бывшими крѣпостными, и помѣщиками-владѣльцами, и работа по организаціи сельскаго состоянія кнѣзья въ рукахъ мировыхъ посредниковъ, первый контингентъ которыхъ, какъ извѣстно, былъ на высотѣ своей трудной и отвѣтственной задачи. Хотя для Москвы, для ея жизни, сельскіе интересы не могли имѣть непосредственнаго касательства, но тѣмъ не менѣе реформа существеннымъ образомъ отразилась на всемъ укладѣ городской жизни, на быту многихъ слоевъ общества. Насмѣнный трудъ замѣнилъ собою обязательный, упразднили «барщину» нѣмѣщую мѣсто и въ городѣ, и такія явленія, какъ выписка изъ нѣмѣнія какого-нибудь Ваньки на службу на господскую кухню, и Маланки на прачешной, или требованіе цѣлаго обоза подводъ для перевозки господскаго багажа изъ города въ подмосковную деревню, отошли въ область безвозвратныхъ преданій. Съ другой стороны господа, привыкшіе спокойно жить на готовыхъ и болѣе или менѣе значительныхъ средствахъ, столкнулись съ новыми непривычными требованіями и заботами, которыми волей неволей приходилось заняться, и которыя многихъ изъ нихъ пугали своимъ, никогда еще ими не слыханными названіемъ, какъ напр.: разверстаніе угодій, полюбовное или пригудительное размежеваніе, выкупной актъ, уставная грамота и проч. А главное въ этомъ было то, что источникъ доходовъ переставался, терялъ прежній свой центръ тяжести, свой характеръ чего-то вѣчнаго и не требовавшаго ни малѣйшаго усилія и никакихъ заботъ. Эти измѣненія происходили постепенно, безъ рѣзкихъ скачковъ, и самый ихъ смыслъ или значеніе понимался и оцѣнивался постепенно и притомъ въ большинствѣ не тѣми, концы они лично затрагивали, а ихъ дѣтьми, потомками, помнившими прежнее время и прежній укладъ жизни, но вступившими въ реальную жизнь при совсѣмъ иныхъ условіяхъ, при новомъ укладѣ.

Тогда создавалось земство. Въ дореформенное время мѣстное управленіе въ деревнѣ олицетворялось въ станомъ приставѣ и исправникѣ, а участіе въ немъ помѣщиковъ ограничивалось тѣми единичными случаями, когда кто-либо изъ членовъ семейства избирался на должностъ уѣзднаго предводителя или депутата дворян-

*) См. характеристику Долгорукова въ воспоминаніяхъ Н. І. Шатилова—«Изъ недавняго прошлаго», «Гол. Мин.», 1916 г., № 9.

ства. Въ бытовомъ отношеніи земская реформа внесла собою, быть можетъ, еще болѣе рѣзкую перемену, чѣмъ крестьянская, ибо внезапно, и для многихъ неожиданно, открылся путь къ широкому участию всѣхъ въ дѣлахъ мѣстнаго хозяйства, къ примѣненію на реальныхъ задачахъ своихъ силъ и своего трудолюбія. И много было такихъ, которые съ увлеченіемъ пошли по этому пути, много молодыхъ людей, которые до этого извѣстны были только какъ элегантные танцоры или пріятные дамскіе собесѣдники, оказались гласными земскихъ собраній, а то и членами управы. Въ гостинныхъ, гдѣ бывало раздавались почти исключительно французскія рѣчи, по обычаю того времени, слышались разговоры о дорогахъ, о земскомъ собраніи, о препирательствахъ съ администраціей, т.-е. съ губернаторомъ и его убѣднымъ аьер его, исправникомъ. Тѣ же, кто не могли по преклонности лѣтъ или по принципиальной приверженности къ старымъ порядкамъ и реформамъ, мириться со всякими новшествами въ области мѣстнаго строя, которая считалась ими непоколебимою, съ недоумѣніемъ и боязнью глядѣли на совершавшееся передъ ихъ глазами, на этотъ подъемъ силъ ради общественнаго дѣла.

Боязнь эта главнымъ образомъ происходила изъ того, что законъ присвоилъ земскимъ учрежденіямъ характеръ представительства мѣстныхъ интересовъ, потребностей, заботъ, и люди старыхъ поколѣній не безъ основанія видѣли въ такомъ мѣстномъ представительствѣ какъ-бы прологъ къ государственному, т.-е. къ конституціи, а для тѣхъ, кто крѣпко держался традицій Николаевской эпохи, самое слово это было тѣмъ жупеломъ, который влекъ былъ Островскимъ въ уста одной выведенной имъ на сцену старухи. Не могу не отмѣтить, что въ этихъ взглядахъ на земскую реформу недоумѣвающіе старики и болѣе или менѣе юные труженники, увлекшіеся земскимъ дѣломъ, оригинально сходились другъ съ другомъ, одинаково видя въ конституціи неизбежный вѣнецъ земской реформы. На бѣду Россіи тѣ и другіе ошибались...

Съ 1863 г. въ Москвѣ введено было городское положеніе на началахъ сословныхъ. Новая городскія учрежденія замѣнили прежнюю шестигласную думу, уже и въ то время представляющую собою нѣчто столь архаическое, безжизненное, что многіе городскіе жители и не подозрѣвали самаго ея существованія, не говоря уже объ ея функціяхъ, причемъ это отжившее городское управленіе было исключительно купеческимъ, одни московскіе купцы входили въ его составъ, такъ какъ дворяне какъ-будто гнушались его. Новое положеніе распредѣлило составъ общей думы по уровню между пятью городскими сословіями, безъ какой-либо зависимости отъ имущественнаго ценза. То были сословія—дворянъ потомственныхъ, дворянъ личныхъ, купеческое, мѣщанское и ремесленное. Исполнительный органъ, въ то время носившій названіе Распредѣлительной думы, состоялъ изъ 10-ти членовъ, по два отъ каждаго сословія. Крупной заслугой такой организаціи было одно новое явленіе, бывшее до этого совершенно неизвѣстнымъ въ общественномъ строѣ Москвы: назову его сліяніемъ сословій. Дѣло въ томъ, что въ дореформенное время лица, принадлежавшія къ тому или другому сословію, жили обособленно, но въ смыслѣ не столько сословномъ, сколько въ общественномъ, ихъ ничто не связывало съ лицами другого сословія, ни въ чемъ не было у нихъ солидарнаго. Одни дворяне жили въ качествѣ

помѣщиковъ, другіе жили службою, купцы занимались торговлею, и точками случайнаго соприкосновенія между ними были интересы, вытекавшіе изъ этихъ положеній, или профессій. А въ то же время какъ для дворянъ, такъ и для купцовъ прочіе два сословія—мѣщане и цеховые—были чѣмъ-то второстепеннымъ, низшимъ, съ чѣмъ приходилось имѣть дѣло только въ силу какихъ-либо профессиональных нуждъ. Этотъ профессионализмъ былъ такъ глубоко вкорененъ въ понятіяхъ того времени, что когда въ кругу дворянъ упоминалась фамилія купца, то неизбѣжно слѣдовало спросить: «а чѣмъ онъ торгуетъ». Ни интересы, общіе жителямъ одного и того-же города, ни общеніе въ какихъ-либо организаціяхъ, напр. въ благотворительныхъ, дѣятельно вонхъ глядѣли на купцовъ только какъ на жертвователей средствъ, ни общественная жизнь, ничто не связывало эти сословія, тогда какъ наоборотъ было многое, что ихъ разъединяло,—взаимное недовѣріе, неувѣренность въ себѣ, а то и нѣкоторая зависть другъ къ другу, и боязнь себя скомпрометировать фамильярнымъ обращеніемъ съ людьми другого сословія. Доходило дѣло до того, что многіе чистосердечно сокрушались о томъ, что одинъ видный купецъ попалъ въ члены англійскаго клуба.

Когда образовалась сословная дума, декорация внезапно перемѣнилась, создано общеніе этихъ разнородныхъ элементовъ, первоначально на общихъ муниципальных задачахъ, а затѣмъ оно пошло и далѣе—въ область умственной жизни, интересовъ художественныхъ и свѣтскихъ.

Совмѣстное участіе въ совмѣстной работѣ хотя и основанное на сословномъ раздѣленіи, но безъ всякой розни и безъ малѣйшаго преимущества однихъ сословій передъ другими, породило интересъ къ такимъ вопросамъ и задачамъ, о коихъ въ бывшее время никто не думалъ и заботиться о коихъ представляли другиму, по обязанности призваннымъ на то, и съ такими задачами тѣсно были связаны другія, болѣе широкія, требовавшія болѣе обширныхъ познаній, болѣе такта и умѣнія. Такъ никому прежде не было дѣла до того, сколько и откуда полицейскій чинъ получаетъ жалованія, когда-же въ новой думѣ гласные стали обсуждать полицейскіе штаты, самъ собою всталъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ города и полицейской власти. Никто не заботился бывало объ очисткѣ начистотѣ, зная, что ночью по улицамъ громыхаютъ какіе-то таинственные обозы, но разъ объ этомъ заговорили въ думѣ, то пришлось поднять разговоръ о санитарныхъ условіяхъ города. На этой общественной почвѣ и выросло это сословное объединеніе, люди самаго разнообразнаго происхожденія оказались другъ съ другомъ солидарными въ одномъ и томъ-же дѣлѣ, притомъ весьма крупномъ и обѣщавшемъ въ будущемъ все болѣе и болѣе вырастать. Конечно, извѣстную роль тутъ играла новизна, какъ и самаго дѣла, такъ и созданнаго имъ общенія, а мы знаемъ, что всякая новизна имѣетъ для людей свою специфическую привлекательность.

Этому объединенію или сліянію много способствовала личность того, кто былъ избранъ первымъ городскимъ головою по новому положенію, гн. А. А. Щербатова. Многіе изъ москвичей помнятъ его рослую, грузную фигуру настоящаго барина-москвича, его неизмѣнно благодунную улыбку, его пріятливость и его искреннее увлеченіе всѣми «вопросами дня», всѣми проявленіями и перипетіями

нашей общественности, сохранившиеся въ немъ до конца его жизни. Избрание его городскимъ головою возложило на него трудную задачу—преобразовать отжившее, въ буквальномъ смыслѣ допотопное городское управленіе въ такой организмъ, который согласовался-бы съ потребностями и запросами новаго времени, и который отвѣчалъ-бы принципамъ и идеаламъ дѣйствительнаго общественнаго самоуправленія, и съ этой задачей онъ справился съ полнымъ успѣхомъ. Многое изъ того, что въ теченіи 6-ти лѣтняго его управленія было имъ заслужено, улучшено, развито, сохранилось и до позднѣйшаго времени, и осязалось такъ сказать послѣдовательными его преемниками, въ томъ числѣ много лѣтъ послѣ того и мною, когда выборъ городского общества палъ на меня. Въ успѣшномъ выполненіи имъ этой задачи много помогло ему то объединеніе сословій, о которомъ я говорилъ и которое имъ положено было въ основу своихъ отношеній къ своимъ сотрудникамъ и соратникамъ въ городскомъ дѣлѣ, а этому въ свою очередь способствовали его личныя свойства — пріятельность, тактичность и непоколебимое сознаніе равенства, общности и любви къ дѣлу въ тѣхъ задачахъ, къ которымъ призваны были всѣ общественныя силы. Впослѣдствіи, когда кн. Щербатовъ долгіе годы прожилъ безъ активнаго участія въ муниципальной дѣятельности, онъ явилъ собою живой примѣръ той магнетической силы, которая повидимому присуща городскому дѣлу и спеціально московскому: съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за всѣмъ, что совершалось въ городскомъ управленіи, постоянно былъ въ курсѣ всѣхъ его задачъ, любилъ бесѣдовать съ тѣми, кто ими вѣдалъ и притомъ обнаруживалъ непоколебимую любовь и преданность къ самому муниципальному дѣлу. Кстати, о магнетической силѣ городской дѣятельности: сколько приходилось мнѣ встрѣчать людей, которые либо сами отошли отъ нея, по преклонности лѣтъ, по утомленію или по инымъ какимъ-либо причинамъ, или чьихъ судьба перекинула въ другія области труда, порою вдалекѣ отъ Москвы, но которые навсегда сохранили въ себѣ эту глубокую преданность и любовь къ московскому городскому самоуправленію, которые считали его своимъ, роднымъ, этотъ ничѣмъ не нарушаемый интересъ къ его судьбамъ.

Доживали свой вѣкъ старыя судебныя учрежденія. Много слышалъ я разсказовъ о томъ, что въ нихъ творилось, и всѣ, кому случалось имѣть дѣло съ этими трибуналами, единодушно отзывались о нихъ неодобрительно, то съ негодованіемъ, то съ проніей, даже и тѣ, кто принципиально стоялъ за всякаго рода старину и боялся всякихъ новшествъ.

«Присутственные мѣста», помѣщавшіяся въ томъ зданіи на Воскресенской площади, которое уступило мѣсто Городской думѣ, были для многихъ москвичей чѣмъ-то въ родѣ пугала, Дантова ада, чему способствовало и то, что въ томъ-же зданіи помѣщалась такъ называемая «яма», т.-е. тюрьма для несостоятельныхъ должниковъ, которая являлась грознымъ призракомъ для многихъ изъ свѣтской молодежи, кавалеровъ, удивлявшихъ Москву своею роскошью и безшабашною жизнью и въ которой они то и дѣло находили себѣ пріютъ. Эти суды, носившіе архаическія названія палатъ, уголовной и гражданской, и судовъ, палатнаго и совѣтскаго, создали издавна особый типъ дѣльцовъ, адвокатовъ и стряпчихъ, которые съ утра и до вечера толкались у Иверскихъ воротъ и подобострастно предлагали свои услуги

проходившимъ. Много разъ, возвращаясь изъ университета домой, я подвергался ихъ изкалательству и не безъ интереса всматривался въ ихъ фигуры, ухватки и костюмы, такъ превосходно изображенные Островскимъ въ Подхализинѣ.

Существовалъ еще Московскій Сенатъ. Въ немъ заседали старики не моложе 70 лѣтъ, и немногіе изъ нихъ знали, какими собственно дѣлами они были заняты. Быть можетъ въ прошломъ московскіе департаменты имѣли значеніе, но въ описываемое мною время они служили для правительства весьма удобнымъ складомъ для заслуженныхъ, но уже разрушившихся и принесшихъ въ негодность дѣятелей. Эти живыя руины перѣдко появлялись въ дамскихъ салонахъ, и знаніе сенатора придавало имъ извѣстный почетъ, которымъ они видимо дорожили.

И не буду повторять сказанное мною въ первой части своихъ воспоминаній касательно того, какъ вліяніе новаго времени отразилось на учащейся молодежи и болѣе всего на университетской *). Ограничусь указаніемъ на два факта, оказавшіе вліяніе на общественный строй Москвы того времени. Университетъ получилъ автономію съ выборнымъ ректоромъ и деканами факультетовъ взамѣну назначенныхъ начальствомъ, и этимъ разомъ выдѣлился изъ разряда простыхъ учебныхъ заведеній. Затѣмъ уничтожена была студенческая форма, мундиръ и такое само по себѣ незначительное обстоятельство, касавшееся только пѣтиности, возымѣло большой смыслъ, давъ студентамъ почувствовать себя полноправными гражданами.

Всѣ реформы, какъ осуществившіяся, такъ и ожидаемыя, повлечшія, сколлапсировавшія общественныя силы и призвавшія ихъ къ общей работѣ, и притомъ такія вліянія, которыя такъ еще недавно считались чуть не преступными, появленіе новыхъ лицъ, дѣльных группъ ихъ, взаимное сближеніе ихъ на общіхъ интересахъ, бывшихъ до этого времени чѣмъ-то въ родѣ запрещеннаго плода—все это резко измѣнило весь общественный строй Москвы, перемѣнило ея обыденный бытъ, и отразилось даже на ея свѣтлой, салонной жизни. Конечно, молодежь непрежнему увлекалась танцами, веселилась въ знакомыхъ гостепріимныхъ домахъ, пиновала въ излюбленныхъ мѣстахъ, но рядомъ съ этимъ появились общественныя развлечения, на коллективныхъ началахъ, о какихъ прежде никто и не думалъ, и среди коихъ первое мѣсто занимало русское музыкальное общество со своими концертами въ залѣ благороднаго собранія, куда публики, и въ частности молодежь ея половина, шла не ради только музыки, а какъ въ мѣсто сбора «всей Москвы» безъ различія возраста, сословія или положенія. Въ частности молодежь шла въ эти концерты изъ-за того, что тамъ удобно было встрѣчать такіе свои «предметы», героини своихъ романовъ, которыя не принадлежали къ общественнымъ слоямъ, «домами» не были знакомы съ ея родителями.

Вотъ въ эту обновленную, приподнято настроенную и ожидавшую свѣтлое и многообѣщавшее будущее Москву явился въ роли ея хозяина—какъ въ былое время принято говорить—кн. В. А. Долгоруковъ.

Положеніе безспорно трудное для человека, воспитаннаго при совѣтѣмъ иныхъ

*) См. 1-ю ч. «Воспоминаній», В. М. Голыцина — «Московскій университетъ въ 60-хъ годахъ», «Гол. Мин.», 1917 г., № 11—12.

условіяхъ и свыкшагося съ инымъ укладомъ жизни, по личныя его качества о которыхъ я уже говорилъ, дали ему возможность быть на высотѣ его. Къ сказанному объ этомъ выше останется еще прибавить немного. Съ первыхъ шаговъ его въ Москвѣ онъ проявлялъ тонкое пониманіе, какъ самой Москвы со всеми ея свойствами, характерными чертами и особенностями, такъ и потребностей переживаемой эпохи, внесшихъ такъ много, непохожаго на прежнее, отжившее. Ревниво оберегая престижъ генераль-губернаторской власти, не упуская случая дать ее почувствовать когда и какъ это требовалось, онъ благожелательно и сочувственно отнесся ко всемъ общественнымъ организациямъ и къ ихъ начальникамъ, и этимъ приобрѣлъ общее уваженіе и общее убѣжденіе въ томъ, что онъ — величина, съ которой приходится считаться и къ которой весьма полезно и нужно прибѣгать въ надлежащихъ случаяхъ. Такой успѣхъ князя основывается прежде всего на широкой и никогда не измѣнявшейся доступности его для всякихъ дѣловыхъ разговоровъ, словесныхъ просьбъ и заявленій, и можно смѣло сказать, что въ теченіи 25 лѣтъ не было такого дня, когда-бы онъ не принималъ просителей или докладчиковъ. А затѣмъ много въ этомъ помогло ему широкое гостепріимство и хлѣбосольство. Периодически повторявшіеся въ опредѣленные дни его балы, а равно обѣды съ ежедневно приглашенными, самыми разнообразными гостями, въ значительной степени способствовали его популярности, и его престижу, — а издавна извѣстно, что въ Москвѣ любили хорошо покушать. По поводу его пріемовъ я не могу не отмѣтить одной особенностн. Въ первый годъ своего пребыванія въ Москвѣ князь овдовѣлъ, а какъ по свѣтскимъ обычаямъ того времени дамамъ не полагалось дѣлать визиты одинокимъ мужчинамъ, какъ-бы высоко они ни стояли въ служебной іерархіи, то визиты эти замѣнялись посѣщеніемъ обѣдовъ въ воскресенье и праздничные дни въ его домовую церковь. По окончаніи службы всѣ собравшіеся переходили въ желтую гостиницу, гдѣ такимъ образомъ составлялся цѣлый раутъ, причемъ самъ хозяинъ не пропускалъ никого безъ того, чтобы не поговорить съ нимъ, сказать нѣсколько любезностей и поблагодарить за посѣщеніе и за добрую память.

Какъ я сказалъ, князь очень ревниво оберегалъ престижъ генераль-губернаторской власти, но вмѣстѣ съ этимъ оберегалъ онъ и свой личный престижъ, и очень боялся дать поводъ подумать, что кто-либо изъ приближенныхъ его могъ бы оказывать на него вліяніе, воздѣйствовать на него, даже давать ему совѣты если самъ онъ не просилъ таковыхъ. Въ этомъ онъ былъ какъ-то особенно щекотливъ, и лишь только его собесѣдникъ въ дѣловомъ разговорѣ упоминаетъ, что въ разрѣшеніи данного дѣла могъ-бы помочь правитель канцеляріи, или другой довѣренный чиновникъ, какъ тотчасъ-же князь насунется и съ неудовольствіемъ отвѣтитъ: «Они обязаны исполнять мои приказанія и только». Ближайшіе его подчиненные, чины его канцеляріи, адъютанты, хорошо изучили эту черту его, и искусно пользовались ею ради успѣха того или другого дѣла, направляя его такъ, что всемъ казалось, что направленіе это дано было по мысли или по почину самого князя. Но, считая своихъ приближенныхъ простыми исполнителями своихъ распоряженій, онъ этимъ никогда не позволялъ себѣ ихъ унижать, затрагивать ихъ самолюбіе, а всегда умѣлъ извѣстить ихъ способности, ихъ пригодность къ тому или другому роду дѣла.

Я не помню, кто были въ первые годы правителями его канцеляріи, но въ концѣ 70-хъ годовъ должность эту занималъ В. И. Родиславскій, хорошо въ то время извѣстный въ Москвѣ какъ авторъ, а еще болѣе какъ переводчикъ драматическихъ произведеній, часто ставившихся на сценѣ Малаго театра. Уже немолодыхъ лѣтъ и щедро осыпанный знаками отличія онъ сохранилъ на себѣ отпечатокъ литературно-театральной богемы, которая была весьма характерна для того времени, но съ тѣхъ поръ какъ-то исчезла. Онъ представлялъ собою живой архивъ театральнаго дѣла, зналъ наперечетъ кто, какъ и когда игралъ такую-то роль, въ которомъ роду поставлена была такая-то пьеса и что при этомъ произошло, и въ его кабинетъ постоянно ходили за совѣтами и указаніями авторы новыхъ произведеній, артисты, получившіе новые роли, или просто любители театра. А тѣмъ временемъ онъ прекрасно велъ свое служебное дѣло, умѣлъ прилаживаться къ характеру своего начальника, къ его слабостямъ и капризамъ, а съ другой стороны умѣлъ удовлетворять всѣхъ, кто къ нему обращался по дѣлу. Послѣ смерти Родиславскаго правителемъ канцеляріи былъ А. Д. Мейнъ. Это былъ дѣлецъ въ полномъ смыслѣ слова, умный, остроумный, сдержанный, но изъ-за этихъ свойствъ своихъ не всегда приходился онъ по вкусу публикѣ. Пробылъ онъ во главѣ канцеляріи 3 или 4 года, и удаленъ на должность директора одного частнаго банка вслѣдствіе какой-то таинственной исторіи. Въ то время гоненіе на евреевъ было въ модѣ, и въ Петербургѣ почему-то думали, что въ Москвѣ имъ благоволятъ кн. Долгоруковъ подъ вліяніемъ Мейна, и говорили, что удаленіе этого послѣдняго было потребовано отсюда, но насколько это справедливо утверждать я не могу.

IV.

Въ то время еще живъ былъ митрополитъ Филаретъ. То была безспорно крупная личность, съ теченіемъ времени завоевавшая себѣ въ Москвѣ значеніе чего-то похожаго на святиню, на священный палладіумъ. Объ этой его роли я поговорю далѣе, а скажу теперь о двухъ моихъ встрѣчахъ съ нимъ. Въ первый разъ я видѣлъ его у насъ въ домѣ, куда онъ пріѣхалъ съ визитомъ къ моему дядюшкѣ, важному петербургскому чиновнику, гостившему у насъ. Меня и братьевъ моихъ повели подъ его благословеніе. Мнѣ было лѣтъ 12, я былъ одѣтъ въ русскую рубашку-косоворотку и плетные шаровары, тогда какъ мои братья носили уже сюртуки. Благословляя меня, онъ шепнулъ: «и вамъ пора-бы лучше одѣться». Это очень не понравилось моей матери, когда я передалъ ей эти слова. Когда я уже былъ студентомъ, инспекторъ Красовскій повезъ меня къ нему, чтобы просить его разрѣшенія пригласить его собственный хоръ Чудовскихъ пѣвчихъ, въ то время по справедливости считавшійся первымъ въ Россіи, на духовный концертъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Онъ принялъ насъ довольно сухо, не посадилъ и, выслушавъ просьбу Красовскаго, настрѣзь отказалъ и отпустилъ насъ еще болѣе сухо. Съ любопытствомъ вглядывался и въ его крошечную, невзрачную фигуру, и въ его глаза, ибо мнѣ приходилось много о немъ слышать отъ людей близкихъ къ нему, въ особенности отъ моего бывшаго законоучителя, Н. И. Казанскаго, который былъ женомъ на его племянницѣ.

Въ томъ, какъ относились къ Филарету его современники и въ частности москвичи, царствовало крайнее разнообразіе—отъ безпредѣльнаго уваженія и благоговѣйнаго преклоненія до глубокаго страха, недовѣрія, даже ненависти. Это послѣднее отношеніе къ нему, къ его личности, являли тѣ, кого онъ обидѣлъ, унижилъ, а такихъ—скрывать это нельзя—было очень много, особенно въ средѣ столичнаго духовенства. Что касается до благоговѣнія къ нему, то обаяніе его личности въ глазахъ многихъ москвичей, вытекавшее изъ несомнѣнныхъ его достоинствъ, усиливалось еще тѣмъ, что во все царствованіе Николая I онъ былъ въ немилости, его боялись, его держали въ отдаленіи похожемъ на опалу, а какъ Николаевскій режимъ вообще не встрѣчалъ сочувствія въ Москвѣ, то возмелчленіе его противника, и еще такого крупнаго, выдающагося служило удобнымъ и благодарнымъ поводомъ проявить то своеобразное фронтёрство, которое издавна характеризовало москвичей и которое по какой-то традиціи продолжало высказываться и послѣ того, что режимъ и олицетворявшій его Николай I исчезли. При всемъ своемъ умѣ, богато одаренномъ и и просвѣщенномъ. Филаретъ, однако, не много оставилъ послѣ себя. Его проповѣди, безспорно талантливыя, превосходно и изящно построенныя, оставляютъ читателей равнодушнымъ, не трогаютъ его *). А его пространный катехизисъ еще дониндѣ составляетъ предметъ терзаній учениковъ средней школы и, конечно, не способствуетъ развитію въ нихъ религіознаго чувства. вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ высшимъ олицетвореніемъ деспотизма, не признававшаго ничего и никого-кромѣ себя, не допускавшаго чтобы кто-либо отличался или выдѣлялся помимо него или вопреки ему, въ особенности-же въ области церкви, ему подвѣдомственной.

За долготѣе свое служеніе онъ не вывелъ никого, не вырастилъ и не воспиталъ ни одного таланта, напротивъ угнеталъ и преслѣдовалъ всѣхъ, кто маломальски выдѣлялся, унижалъ ихъ, если они были подъ его властью, проинизировалъ на ихъ счетъ, если они не входили въ подвѣдомственные ему круги, и это видно въ любой строкѣ напечатанныхъ его писемъ къ разнымъ лицамъ. Весьма вѣроятно, что та «немилость», которая такъ много лѣтъ тяготѣла надъ нимъ, повліяла на его характеръ, уязвила его самолюбіе и гордость, возобладавшія надъ его умомъ. Деспотичность его особенно ясно выступала въ его обращеніи со всеми подчиненными. Старые, заслуженные священники кланялись ему въ ноги, подолгу лежали на полу передъ нимъ, пока онъ съ ними говорилъ, и онъ не только терпѣлъ это, но казалось этого требовалъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ, его пережившіе, впоследствии передавали мнѣ. Такая требовательность по отношенію не только къ исполненію обязанностей со стороны подвластныхъ ему, но и наружныхъ знаковъ почтенія, соединялись въ немъ съ злопмятствомъ и мстительностью, которыя давали себя больно чувствовать, какъ тѣмъ, кто, по его мнѣнію, недостаточно унижался передъ нимъ, такъ еще болѣе тѣмъ, кто выдѣлялся помимо него заслугами, учеными трудами или

*) Для примѣра укажу на одну изъ его проповѣдей, однажды сказанную имъ въ университетской церкви. Мастерски изобразилъ онъ въ ней, и притомъ на церковномъ языкѣ, постепенно сплетая русскій съ церковно-славянскимъ, сущность и смыслъ тѣхъ объектовъ, которые дѣлаютъ университетское преподаваніе на четыре факультета. Какъ ни прекрасна по формѣ эта проповѣдь, а в ней слышится риторъ.

проповѣдничествомъ. Въ тѣхъ-же его письмахъ бросается въ глаза его безпопачное отрицаніе всего новаго, каковая черта свойственна многимъ старымъ людямъ, но у него она какъ-то особенно рѣзко выступала. Все по его мнѣнію было дурно въ томъ, что-бы ни дѣлалось или ни задумывалось, во всѣхъ реформахъ, что однако не мѣшало ему взять на себя редакцію манифеста 19 февраля 1861 года.

Перейду къ другому, духовному-же лицу, по-моему стоявшему куда выше Филарета. Это—Макарій Булгаковъ, занявшій московскую митрополичью кафедру лѣтъ десять послѣ него. Въ Москвѣ его предварила слава богослова и церковнаго историка, труды котораго доставили ему исключительную почесть не въ Россіи только, но и всюду. Незладное впечатленіе производилъ онъ въ служеніи, подобнаго которому я больше никогда не видѣлъ, въ проповѣдяхъ, всегда содержательныхъ, строго научныхъ, но доступныхъ пониманію каждаго, и притомъ безъ малѣйшей риторики или схоластическаго ораторства, и еще болѣе въ простыхъ бесѣдахъ съ глазу на глазъ съ кѣмъ-либо. Но почему-то онъ не пришелъ по душѣ Москвѣ. Мнѣ неизвѣстно, причину сего должно-ли искать въ томъ, что болѣе половины года онъ жилъ въ Петербургѣ — отъ чего во времена Филаретовской немилости Москва отвыкла — гдѣ онъ присутствовалъ въ Синодѣ, принималъ дѣятельное участіе въ работѣ академіи наукъ и занимался своею исторіей, для которой матеріалы были тамъ у него подъ руками, или-же въ томъ, что въ Москвѣ онъ жилъ замкнуто, мало служилъ «по приглашенію» въ богатыхъ приходахъ, при погребеніяхъ или освященіи новыхъ или возобновленныхъ храмовъ, или-же наконецъ въ томъ, что нѣкоторымъ близкаимъ своимъ помощникамъ и служителямъ онъ переболѣлъ дорогу. Какова-бы ни была причина этой непопулярности, но черезъ три года послѣ своего назначенія онъ скончался отъ удара, будто-бы слѣдствіе огорченія, которое онъ испытывалъ въ Москвѣ отъ отчужденія ея отъ него.

Сопоставляя другъ съ другомъ эти два крупныя свѣтила, нельзя не удивляться тому, что память о Филаретѣ сохранилась доселѣ какъ о крупнѣйшей, исторической личности, несмотря на то, что завѣщанное имъ послѣдующимъ поколѣніямъ не представляетъ сколько-нибудь серьезнаго вклада въ науку, въ церковную жизнь, въ общественное самосознаніе, тогда какъ личность Макарія, его роль, даже самое имя его изгладилось изъ людской памяти, а между тѣмъ его творенія—богословскія и историческія — не имѣютъ себѣ равныхъ въ русской письменности и имя его доселѣ пользуется большимъ почетомъ среди иностранныхъ и инозѣрныхъ ученыхъ.

V.

Въ ту эпоху довольно часто смѣнялись губернаторы, фамилій которыхъ даже едва-ли кто теперь помнить. Узнавъ впоследствии, какъ кн. Долгоруковъ доказалъ своимъ правомъ или скорѣе установившимся издавна обычаемъ сказать свое мнѣніе о лицахъ, назначенныхъ на тотъ или другой постъ въ Москвѣ, я думаю, что и ранѣе меня это такъ дѣлалось и какъ назначеніе губернаторовъ, такъ и увольненіе ихъ происходили не безъ его участія. Въ числѣ занимавшихъ эту должность въ 70-хъ годахъ былъ П. П. Дурново, начавшій свою административную дѣятельность въ Москвѣ крупнымъ столкновеніемъ съ городскимъ головою И. А. Лямнымъ, по-

слѣдствіемъ котораго былъ уходъ этого послѣдняго. Этотъ инцидентъ произвелъ таинственное впечатлѣніе на Москву тѣмъ болѣе, что причина, вызвавшая его — оставленная у швейцара карточка вмѣсто расписки въ книгѣ — казалось только предлогомъ, подъ которымъ скрывалась какая-то тайная цѣль. О Ляминѣ мнѣ придется еще поговорить.

Почти одновременно съ кн. Долгоруковымъ въ Москву пріѣхалъ въ качествѣ оберъ-полицейстера Н. Д. Арановъ, и въ этой должности пробылъ много лѣтъ. Это былъ честный, добросовѣстный фронтовикъ, подобный всемъ своимъ соотечественникамъ, концы жребій перекидывалъ прямо съ фронта въ дебри администраціи, вследствие чего они упорно, но и добродушно глядѣли на административныя задачи, какъ на совершенно идентичныя съ эскадронными. Впрочемъ въ то время требованія полицейской службы были куда проще, патриархальнѣе и сводились почти исключительно къ такъ называемымъ наружнымъ обязанностямъ. О какихъ-либо «охранахъ» тогда и помину не было, и если существовала тайная полиція и жандармерія, то первая занималась болѣе или менѣе удачно ловлей мошенниковъ, а вторая дознаніями по семейнымъ дѣламъ.

Наиболѣе типичнымъ представителемъ полиціи былъ Н. А. Огаревъ, чуть не 30 лѣтъ прожившій въ должности старшаго полицеймейстера и стяжавшаго себѣ широкую популярность во всѣхъ слояхъ городского населенія. Едва-ли кто изъ москвичей не знаетъ его фигуры громаднаго роста, съ длинными отвисшими усами, которые съ помощью искусства все болѣе чернѣли по мѣрѣ движенія лѣтъ; его зычный голосъ гремѣлъ въ толпѣ при какихъ-либо торжественныхъ случаяхъ, и дѣйствіе его на эту толпу было всегда какимъ-то магическимъ, она его слушалась безирекословно и въ то-же время имъ любовалась, его любила. Огаревъ можно сказать расточалъ себя, его можно было всюду и всегда видѣть, — въ театрахъ каждый вечеръ, въ манежѣ, гдѣ москвичи занимались верховой ѣздой, въ ресторанахъ, а то и просто на улицахъ, по которымъ онъ вихремъ мчался на традиціонной парѣ съ пристяжкой, каковой родъ упряжки сохранился нынѣ только у мусорщиковъ.

Во главѣ военного округа стоялъ старый генералъ Гальденштрубе, изъ остзейскихъ шведовъ, воспитанникъ Николаевского времени и до глубокой старости сохранившій въ себѣ его характерныя черты. Онъ представлялъ въ себѣ сочетаніе двухъ противоположностей: изысканно вѣжливый и любезный въ дамскомъ обществѣ или въ общеніи съ штатскими, не имѣвшими къ нему никакого служебнаго касательства, онъ былъ грозой для всѣхъ военныхъ. Съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ отыскивалъ онъ какія-либо несправности, промахи въ службѣ, на ученьяхъ или смотрахъ, небрежности въ пошеніи формы въ родѣ незастегнутой пуговицы или недостаточно высокаго воротника, и чѣмъ выше чиномъ былъ субъектъ, привлекавшій на себя его неудовольствіе, тѣмъ какъ-то охотнѣе обрушивался онъ на него. Надо было видѣть какъ въ театрѣ напр., всѣ сидѣвшіе военные подтягивались и какъ какое-то смущеніе мгновенно пробѣгало по ихъ лицамъ лишь только въ партерѣ появлялась его высокая, довольно полная фигура съ коротко остриженными, бѣлыми волосами и съ равнодушнымъ, спокойнымъ выраженіемъ лица. — По служебной іерархіи генералъ-губернаторъ стоялъ выше командующаго, но въ военной области

было наоборотъ, и это порождало между кн. Долгоруковыми и Гальденштуббе нѣкое соревнованіе или соперничество, проявлявшееся въ разныхъ случаяхъ — напр. въ соборѣ при торжественныхъ служеніяхъ или во время пребыванія въ Москвѣ кого либо изъ царской семьи.

VI.

Какъ-же жила Москва въ то, уже столь далекое отъ насъ время? О видимыхъ ея формахъ жизни я скажу далѣе, а относительно самой сущности ея можно характеризовать ее усиленіемъ рабочей дѣятельности, и это почти во всѣхъ классахъ населенія. Всякого рода работа, потребность занять себя, проявиться, дать выходъ своимъ силамъ и способностямъ охватила людей, двинула ихъ на такія задачи и обязанности, которыя такъ долго лежали подъ запретомъ. Начали создаваться коллективные учрежденія, общества—научныя, профессиональныя, благотворительныя—люди разнаго происхожденія въ нихъ сближались другъ съ другомъ, и ихъ совместный трудъ приносилъ плоды, осязаемые и посторонними зрителями. Къ сожалѣнію, это движеніе мало распространялось на тотъ общественный кругъ, который ближе другихъ былъ извѣстенъ и который можетъ быть названъ аристократическимъ, притомъ болѣе или менѣе чиповнымъ. Жизнь этого круга продолжала слѣдовать традиціямъ прежняго времени, по крайней мѣрѣ въ высшихъ своихъ формахъ, общественныхъ, служебныхъ и иныхъ. Касательно этихъ, бытовыхъ формъ стороннему зрителю, могло казаться, что ничто не измѣнилось въ нихъ сравнительно съ болѣе раннимъ періодомъ времени, тогда какъ тотъ-же зритель, сопоставивъ московскій бытъ тѣхъ годовъ съ тѣмъ, какой мы видимъ нынѣ, который созданъ у насъ въ теченіи перешитаго нами послѣдняго десятилѣтія, конечно, не узналъ-бы Москвы.

Эта Москва 60-хъ годовъ жила по прежнему, по старинѣ, по своему наслаждалась настоящимъ и не очень-то заботясь о будущемъ. Во многихъ подробностяхъ общественной или скорѣе салонной жизни замѣчалось подражаніе Петербургу, его придворному быту, что объяснялось тѣмъ, что водворялись въ Москвѣ многіе пришельцы съ береговъ Невы,—кто по служебнымъ обязанностямъ, кто по семейнымъ, а кто просто по необходимости — и въ этомъ подражаніи чуялась порою нѣкоторая даже зависть къ неврской столицѣ, къ ея блеску, къ столичному оживленію, ея изяществу, отбывавшему провинціализмъ Москвы.

Что касается до высшихъ формъ городской жизни, то прежде всего надо замѣтить, что разъ населеніе Москвы было болѣе, чѣмъ на половину меньше его въ настоящее время, то уличное движеніе было весьма ограниченнымъ. ни о какихъ общественныхъ способахъ передвиженія не было рѣчи, если не считать допотопныя «линейки», запряженныя четверней въ рядъ и отличавшіяся крайнею нечистоплотнымъ видомъ, которыя совершали свои рейсы исключительно по демократическимъ улицамъ, напр. по Покровкѣ и Маросейкѣ. Зато было много собственныхъ экипажей, болѣе или менѣе роскошныхъ, и москвичи любили этимъ щеголять, любили ими любоваться. Порожистыя пары въ дышло, или кольцомъ скачущія пристяжки, запряженныя въ парѣ съ орловскимъ рысакомъ, кареты и коляски работы Ильина, Якишева и другихъ знаменитыхъ мастеровъ, а то выписанныя изъ Парижа или

Вѣны—панереры въ украшали и оживляли московскія улицы, преимущественно въ извѣстные часы, когда на ихъ тротуарахъ медленно двигалась группами фланерирующая публика. Такое фланерство входило въ обычай, въ особенности при наступленіи весны, и излюбленными мѣстами были Кузнецкій мостъ съ его оконными выставками, и Тверской бульваръ, гдѣ молодежь обоюто пола могла безпрятственно продолжать и развивать свои «романы», начатые ею на балахъ и вечерахъ. Вошедши въ обычай, фланерство на улицахъ и въ особенности на бульварахъ сдѣлало то, что иные субъекты казались специфическими принадлежностями извѣстной мѣстности, и однако трудно было представить себѣ напр. Кузнецкій мостъ безъ того или другого изъ нихъ, или ихъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Ежедневно въ часы наибольшаго оживленія можно было ихъ встрѣтить тамъ; медленно передвигая ноги, вглядывались они въ лица проходящихъ, особенно женскія, останавливались при проѣздѣ щегольской пары лошадей, и внимательно всматривались въ нихъ, въ экипажъ, въ монументальнаго кучера, даромъ, что каждый день это видѣли. Что касается бульваровъ, то одинъ изъ нихъ считался приличными и фланировать на нихъ было дозволено порядочному человѣку, конечно, днемъ, и такими были Тверской, Пречистенскій, Чистые пруды, тогда какъ другіе—Срѣтенскій, Страстной—имѣли плохую репутацію. На приличныхъ эти мѣстные аборигены бродили или сидѣли на скамьяхъ либо въ въ одиночествѣ, либо группами изъ трехъ-четырехъ подобныхъ имъ типовъ, и можно было подслушать все одинъ и тѣ-же разговоры между ними, предметомъ коихъ были одинъ и тѣ-же мѣстные, аборигенные интересы...

Въ теченіи многихъ лѣтъ и до начала 70-хъ годовъ во главѣ дворцоваго управленія опекунскаго совѣта стоялъ кн. Н. И. Трубецкой. Крѣпческаго роста съ брытатымъ лицомъ и отягченными щеками онъ казался похожимъ на старую, русскую няню. Его можно было видѣть всюду—въ дамскихъ гостиныхъ, въ балетѣ, въ какомъ-нибудь благотворительномъ собраніи, и всюду онъ появлялся во фракѣ съ звѣздами громадной величины, всюду разговаривалъ безъ умолку, брапилъ все новое, во всемъ видѣлъ революцію. Бранчивость повидному была въ его натурѣ, и изысканно любезный съ дамами, съ подчиненными по службѣ и вообще, съ мужчинами онъ по стѣснялся въ выраженіяхъ и раздражался такими площадными ругательствами, какія слышались развѣ только отъ извозчиковъ. Это была характерная черта нашихъ вельможъ, выросшихъ на крѣпостномъ правѣ. Трубецкой питалъ большую слабость къ женскому полу, и въ большомъ театрѣ въ каждомъ антрактѣ отправлялся на сцену, куда двери были ему всегда открыты въ силу его положенія при дворѣ, и тамъ ухаживалъ за балеринами самымъ безцеремоннымъ образомъ. Когда пріѣзжала въ Москву какая-нибудь извѣстность изъ петербургскаго полусвѣта, ему тотчасъ-же объ этомъ сообщали, и москвичи могли видѣть его хорошо всѣмъ извѣстную, восьмипрессорную карету съ придворнымъ лакеемъ въ красной ливреѣ, по цѣлымъ часамъ стоявшую у подъезда гостиницы Англія на Петровкѣ, гдѣ эти особы имѣли обыкновеніе прѣбывать. Между нимъ и кн. Долгоруковымъ было постоянное соревнованіе, но совсѣмъ особаго рода. Будучи въ однихъ и тѣхъ-же чинахъ кн. Долгоруковъ стоялъ по служебному своему положенію выше Трубецкого, тогда какъ этотъ первенствовалъ въ своихъ вѣдомствахъ—придворномъ и опекунскомъ. Это вызывало между

ними разныя тренія, причемъ каждый старался превзойти другого въ почетѣ, въ личномъ своемъ престижѣ, и въ частности въ умѣніи принимать у себя и угощать обѣдами, что вызывало немало комическихъ инцидентовъ.

Въ томъ-же дворцовомъ вѣдомствѣ долго служилъ С. М. Сухотинъ. Добрѣйшій человѣкъ, милый собесѣдникъ, онъ ещѣ специализировался на должности чтеца въ дамскихъ гостиныхъ, и дѣйствительно читалъ онъ мастерски, и ему московскія дамы были обязаны своимъ знакомствомъ со всѣми вновь появившимися произведеніями русской литературы. Помимо этой, добровольно имъ взятой на себя обязанности, свѣтская жизнь казалась была единственнымъ его интересомъ, онъ былъ тоже специфической принадлежностью московскихъ гостиныхъ, и не было ни одного вечера, самымъ даже скромныхъ размѣровъ, на которомъ его не было-бы, и онъ не напутку обижался когда его кто-либо не приглашалъ на вечеръ или обѣдъ.

Подобнымъ-же салоннымъ завсегдатаемъ былъ кн. А. М. Хилковъ, старый холостякъ, всю жизнь свою прожившій въ Москвѣ безъ какихъ-либо обременявшихъ его заботъ и интересовъ, кромѣ ежедневныхъ посѣщеній знакомыхъ ему домовъ, гдѣ онъ проводилъ вечера за картами, съ благоволившими ему дамами, у которыхъ онъ былъ довереннымъ лицомъ, семейнымъ другомъ. Такого рода дружба или привязанность его къ семьямъ съ какою-то особенною любовью проявлялась имъ при кончинѣ кого-либо изъ членовъ такой семьи: всѣ хлопоты по погребенію, по извѣщенію родныхъ, по завѣщательнымъ распоряженіямъ онъ принималъ на себя, и казалось было убѣжденъ и въ томъ убѣждалъ и другихъ, что безъ него это не сладилось-бы. Онъ имѣлъ слабость къ хорошимъ обѣдамъ, любилъ чтобы его приглашали, и въ качествѣ застольнаго гостя стяжалъ себѣ особенную любовь со стороны хозяевъ своимъ умѣніемъ польстить имъ похвалами за вкусное блюдо. Въ противоположность ему его близкій другъ и товарищъ по гастрономіи А. С. Пунинъ любилъ угощать у себя, щеголялъ своимъ поваромъ, который славился въ Москвѣ, и такое застольное гостепріимство привело къ тому, что онъ буквально съѣлъ свое довольно крупное состояніе и кончилъ свою жизнь чуть не въ нищетѣ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ переселился въ Москву баронъ Ф. Бюлеръ, назначенный директоромъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ и почетнымъ онекуномъ. Это былъ высоко-образованный человѣкъ, недюжиннаго ума, много выдавшій на своемъ вѣку, но вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ дипломатомъ старой школы, пессельродовской или горчаковской, которая воспитала цѣлое поколѣніе «служителей фразы» и для которой международная политика или дипломатія сводилась къ искусству редактированія изысканныхъ, картинныхъ нотъ на французскомъ языкѣ. Не даромъ говорили про этихъ двухъ канцлеровъ, что они любятъ собою, какъ въ зеркалѣ, въ своихъ черпильникахъ. Бюлеръ при всемъ своемъ умѣ и культурѣ, обладалъ порядочнымъ запасомъ тщеславія, но совѣтъ особаго рода. Онъ не мирился съ тѣмъ, чтобы кто-либо изъ его сверстниковъ или коллегъ по службѣ подвигался болѣе его въ почестяхъ, чинахъ или знакахъ отличія, и въ проявленіи этой черты онъ доходилъ до виртуозности. Особенно раздражалъ его въ этомъ его товарищъ по онекунскому со-
вѣту, Б. А. Нейгардъ, котораго еще многіе москвичи, вѣроятно, хорошо помнятъ. Высокаго роста, полный, представительный въ смыслѣ паружной напыщенности, онъ

казался рѣзкимъ, пылонирующимъ, но на самомъ дѣлѣ это была чутко-отзывчивая, добрая и благородная личность и вмѣстѣ съ этимъ превосходный хозяинъ. Но и онъ былъ тщеславенъ, и вотъ на этой почвѣ у него съ Бюлеромъ происходило соперничество или соревнованіе, кто кого обойдетъ, и оно нерѣдко обнаруживалось въ комическихкихъ формахъ. Такъ напр. за парадными службами въ соборѣ каждый изъ нихъ старался стать впереди другого и постепенно, шагъ за шагомъ, подвигался. Замѣтливый этотъ маневръ кн. Долгоруковъ немало трудился надъ ними, порою и въ глаза имъ, и однажды, у себя за обѣдомъ сказалъ имъ, что они чего добраго такъ дойдутъ до царскихъ дверей.

Трудясь надъ ними и ихъ коллега по опекунскому совѣту, В. А. Дашковъ, столь популярный въ то время директоръ Румянцевскаго музея. Было что-то особенно привлекательное въ его личности, даже въ его наружности. Онъ не былъ свѣтскимъ человекомъ, рѣдко появлялся въ московскихъ гостиницахъ, и казалось, служба его, а затѣмъ англійскій клубъ исключительно его занимали. Мягкій въ обращеніи, чуткій ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни, онъ былъ истиннымъ другомъ своихъ друзей и въ подобающихъ случаяхъ проявлялъ по отношенію къ нимъ рѣдкую сердечность. Особенно цѣннымъ въ этомъ смыслѣ являлся онъ по отношенію къ кн. Долгорукову, когда послѣдовало удаленіе сего послѣдняго, о чемъ я еще буду говорить, и когда вслѣдъ за этимъ и я выпущенъ былъ покинуть административную службу. Дашковъ въ свое время много поработалъ какъ въ развитіи и усовершенствованіи музея въ одномъ отдѣлѣ, этнографическомъ, который увѣковѣчилъ его имя, такъ и ранѣе этого въ устройствѣ этнографической-же выставки, въ чемъ онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ профессора А. П. Богданова.

Въ числѣ московскихъ дамъ того времени были такія, которыя возведены были общественнымъ мнѣніемъ на степень повелительницъ, полубогинь, къ кому обязательно было идти на поклонъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Такова была кн. С. С. Щербатова, мать городского головы, и ни одной дамѣ, дочери коей начинали «выѣзжать въ свѣтъ» не пришлось-бы въ голову воздержаться отъ визита къ ней для ихъ представленія. Многія изъ этихъ дамъ стояли во главѣ благотворительныхъ учреждений и обществъ, и если личная ихъ дѣятельность въ нихъ свидѣтельствовала о ихъ человеколюбіи, сердечности, усердіи въ оказаніи публичной помощи, то самая конструкция этихъ обществъ могла вызывать недоумѣніе насчетъ того, работаютъ-ли эти дамы для общества или общества предназначены для времяпровожденія дамъ. Когда въслѣдствіи учредились городскія попечительства, этого рода дамская общественная благотворительность потеряла всякое реальное значеніе. Эти филантропическія учрежденія, какъ и старались ихъ руководительницы выполнять на дѣлѣ ихъ основныя задачи, прекрасно задуманныя, въ сущности мало помогали нуждающимся въ нихъ, а скорѣе служили цѣлямъ, мало имѣвшимъ дѣло съ филантропіей, но близко касавшимся тѣхъ, кто служилъ въ нихъ. Дамы занимались этой благотворительностью подобно тому, какъ занимались какими-либо ручными работами, вышиваніями или вязаніями, черную работу выполняли чиновники, секретари, правители дѣлъ, всегда услужливые, преданные въ молчаливскомъ духѣ, по зачастую и себя притомъ не забывавшіе, а средства доставлялись богатыми людьми, коммер-

саитами или помѣщиками, охотившимися за крестами и медалями. Общественной, а въ частности городской, болѣе или менѣе систематизированной благотворительности еще и рѣчи не было, она словно не входила въ задачи городского управленія.

VII.

Въ своихъ университетскихъ воспоминаніяхъ я уже говорилъ какое воздѣйствіе Каракозовское покушеніе 4-го апрѣля 1866 года имѣло на строй студенческой жизни. Теперь мнѣ надлежитъ разсказать каковы были его послѣдствія въ жизни общества и въ политикѣ высшаго правительства. Послѣдствія эти были двоякого рода или скорѣе обозначались по двумъ разнымъ направленіямъ, но обозначились они не тотчасъ, а лишь спустя довольно продолжительное время, когда мы догадались, что это покушеніе было на самомъ дѣлѣ поворотнымъ пунѣктомъ въ исторіи Россіи 60-хъ годовъ. Первое послѣдствіе первоначально было по характеру своему чисто теоретическимъ, и лишь постепенно оно выливалось въ реальныя формы: пазову его недоувѣрчивостію къ общественнымъ силамъ, какъ органамъ мѣстнаго управленія. Наоборотъ второе имѣло весьма реальный и осязаемый характеръ, быстро возраставшій: его можно назвать спортомъ политическаго сыска.

О томъ и другомъ слѣдуетъ поговорить.

Съ 1896 года въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ, вдохновляемыхъ петербургскою бюрократіей и болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ съ нею, пробудилось какое-то особенное, боязливое чувство къ новымъ учрежденіямъ, созданнымъ въ эпоху реформъ, какъ общественнымъ, такъ и судебнымъ. Первоначально чувство это выражалось въ сатирическомъ, насмѣшливомъ тонѣ,—разсказывались анекдоты, приводились комическіе случаи изъ практики, конечно, щедро прикрашиваемые, представлялись въ комическомъ видѣ тѣ или другія начинанія и распоряженія земскихъ а еще болѣе городскихъ дѣльцовъ. Правда, нѣкоторыя проявленія своего недоумѣнія и своей неприспособленности со стороны этихъ послѣднихъ, равно какъ нѣсколько неудачныхъ оправдательныхъ приговоровъ въ судахъ дали благодарныя темы для подобныхъ насмѣшекъ. Но мало по малу, такое сатирическое отношеніе уступило мѣсто болѣе серьезному, притомъ отрицательнаго характера. Бюрократія и связанная съ нею общественныя элементы, видя какъ земскія учрежденія постепенно входятъ въ жизнь, какъ значеніе ихъ на мѣстахъ растетъ, какъ городское управленіе все болѣе развиваетъ область своего вѣдѣнія въ жизни города, какъ суды и въ частности мировыя институты, завоевываютъ себѣ авторитетность, — усмотрѣли во всемъ этомъ угрожающую имъ опасность, какъ реальную, въ смыслѣ сокращенія ихъ правъ и возложенія на нихъ отвѣтственности, такъ и болѣе отвлеченную, въ смыслѣ неизбежнаго увѣнчанія всего этого созданіемъ государственнаго представительства, т.-е. конституціоннаго образа правленія. Надо замѣтить, что и въ то время бюрократія разумѣла подъ своими правами свободу произвола, а подъ своею отвѣтственностію подчиненіе непосредственному начальству. Такое отношеніе къ новымъ учрежденіямъ вызвало предвзятое заключеніе не только о непригодности ихъ, о слишкомъ торопливомъ и несвоевременномъ ихъ созданіи, но

въ большой степени о томъ, что народъ русскій къ нимъ неподготовленъ, недостаточно развитъ, и что только сильная власть, безъ примѣси какихъ-либо умѣряющихъ и ограничивающихъ ее элементовъ можетъ держать его въ рукахъ, внушать ему повиновеніе и на этомъ основывать свое благополучіе. Люди, вънавившіе такіа мнѣнія, само собою разумѣется должны были придти къ выводу, что общественныя учрежденія вѣдающія мѣстныя дѣла помимо администраціи, а суды сравнившіе всѣхъ передъ закономъ, неминуемо должны привести къ «поколебанію основъ», т.-е. къ революціи, и вотъ этотъ революціонный характеръ, умышленно присвоенный новымъ учрежденіямъ, обусловилъ въ концѣ концовъ тѣ гоненія на эти учрежденія, въ частности на земскія, которыми ознаменовалась послѣдовавшая затѣмъ эпоха, а еще болѣе слѣдующее царствованіе. Не одни заядлые приверженцы старыхъ порядковъ, отрицающіе возможность всякаго прогресса въ государственномъ строѣ, но и одни устарѣвшіе и остановившіеся на точкѣ замерзанія такъ разсужданія, а эти сужденія высказывались въ самыхъ широкихъ кругахъ, самыми разнообразными по возрасту, положенію, образу мыслей людьми. проникли въ печать, въ коей создались органы специально направленные для противодѣйствія новымъ элементамъ, для дискредитированія ихъ въ глазахъ читателей. На мѣстахъ какъ администраторы старой школы, такъ и представители дворянства зачастую старались подорвать авторитетъ земствъ. — первые какъ элементъ, поколебавшій ихъ власть, вторые какъ нѣчто, ограничивающее ихъ значеніе и мало ихъ за это вознаградившее предоставленіемъ имъ первенствующей роли въ земскихъ собраніяхъ. Мнѣ пришлось слышать одного представителя дворянства, который хвалился тѣмъ, что въ предѣлѣтельствующемъ ихъ уѣздномъ собраніи онъ изощрялся «ставить налки въ колеса» въ любой докладъ управы.—а равно губернатора, который разсказывалъ въ дамскомъ обществѣ, что онъ далъ возможность одному разорившемуся помѣщику избѣжать объявленія его несостоятельнымъ должникомъ въ «нику хваленому суду», и этотъ разсказъ его вызвалъ чуть не единодушное одобреніе. Такимъ образомъ постепенно развивавшійся походъ на общественныя и судебныя учрежденія велъ шагъ за шагомъ къ сокращенію ихъ компетенцій, къ урѣзыванію ихъ правъ и обязанностей—какъ напр. въ усиленіи надзора за городскими думами и земскими управами со стороны администраціи, въ болѣе широкое вѣдѣніе ея вѣдѣтельности въ ихъ собственныя, ихъ однихъ касавшіеся дѣла, въ созданіи судебныхъ присутствій съ сословными представителями взамѣнъ присяжныхъ, наконецъ въ широкое развитіи административнаго суда, если можно назвать судомъ тѣ карательныя мѣры, къ которымъ полицейская власть все болѣе и болѣе часто прибѣгала. Къ чему въ концѣ концовъ все это привело—все это всѣмъ извѣстно.

Что касается до «политики», то караказовскій выстрѣлъ въ первую минуту ошеломили общественное мнѣніе, единодушное негодованіе пробудилось въ немъ по отношенію къ покушавшемуся на жизнь цари. Но когда первое впечатленіе мало по малу сгладилося, всѣ вразумки стали искать настоящихъ виновниковъ, считая, что совершившій это дѣяніе являлся либо предателемъ цѣлаго общества, либо слѣпымъ орудіемъ кого-то, спрятавшимся за его слѣпой. Трудно теперь повѣрить, какія легенды, какія нелѣпости, какія даже преступныя догадки строились на этой

темъ. Дѣло дошло до того, что въ нѣкоторыхъ кругахъ высказывались предположенія, что покушеніе внушено было вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, издавна заявившимъ себя либераломъ и потому враждебно настроеннымъ по отношенію къ своему старшему брату. Но лейтъ-мотивомъ всѣхъ этихъ разговоровъ были сътованія на избытокъ свободы, дарованный реформами, которыя призвали къ жизни и къ дѣятельности такіе элементы, которые не могли или не желали быть оводами или слугами правительства, и которые поэтому представлялись неблагонадежными, хотя этотъ терминъ еще не имѣлъ въ то время того общепонятнаго значенія, какое пріобрѣлъ впоследствии. Такимъ образомъ оба эти направленія, — недовѣріе къ общественнымъ силамъ и ихъ участію въ государственномъ строительствѣ, и предположеніе о причинной связи ихъ съ преступнымъ замысломъ слились въ одно русло въ сознаніи бюрократіи и близкихъ къ ней общественныхъ элементовъ и привели ее къ выводу, что свободы дано слишкомъ много или слишкомъ рано и что пора вернуться назадъ, пора взяться за подтягиваніе. На бѣду Россіи это послѣднее направленіе возобладало.

Но съ общественными учрежденіями и съ ихъ посягательствами на права и обязанности правительства можно было бороться путемъ изданія новыхъ законовъ или истолкованія старыхъ, путемъ циркуляровъ и отдѣльныхъ распоряженій, а съ политической неблагонадежностью этого нельзя было, и вотъ на сцену появились сыскъ въ самыхъ разнообразныхъ, а порою и остроумныхъ видахъ и формахъ. Жандармскія управленія, какъ на мѣстахъ, такъ и въ центрѣ, постепенно выдвигались на первый планъ, тогда какъ до этого они играли самую ничтожную роль, и съ ихъ легкой руки разысканія виновниковъ и подозрительныхъ людей, вычитываніе вреднаго направленія въ книгахъ и журналахъ, подчеркиваніе неблагонадежныхъ преній въ собраніяхъ или разговоровъ въ частныхъ кружкахъ—сдѣлалось зауряднымъ явленіемъ, которое кажется я въ правѣ быть назвать извѣстнаго рода спортомъ. Эти приемы постепенно возрастали по мѣрѣ того, что террористическіе акты учащались, и привели въ концѣ концовъ къ тому расцвѣту всякаго рода «охранъ», административныхъ мѣропріятій, полныхъ ниспроверженій основныхъ началъ правосудія, котораго мы всѣ были свидѣтелями. Нечего мнѣ распространяться о томъ, какъ все это произошло и чѣмъ кончилось.

VIII.

Когда въ маѣ 1869 г. я кончилъ университетскій курсъ, я очутился въ томъ положеніи, въ какомъ оказывается 9/10 изъ подобныхъ мнѣ юношей: имѣя въ рукахъ кандидатскій дипломъ, я былъ на самомъ дѣлѣ кандидатомъ, но чего—я того не зналъ. Ничтожное меньшинство изъ насъ уже опредѣлило себѣ свое будущее еще во время пребыванія въ стѣнахъ университета, либо намѣтивъ себѣ специальную карьеру, научную или преподавательскую, либо обусловленную какими-либо матеріальными интересами. Для громаднаго большинства изъ насъ мысль о будущности какъ-то сама собою сливалась съ представленіемъ о карьерѣ, въ буквальномъ смыслѣ этого довольно трпвіальнаго термина, т.-е. о службѣ въ томъ или иномъ казенномъ вѣдомствѣ. Случайность помогла мнѣ выйти изъ этого неопредѣленнаго положенія.

Бывшій въ то время московскимъ городскимъ головой кн. В. А. Черкасскій предложилъ мнѣ вступить въ число служащихъ въ канцеляріи Распорядительной Думы—переименовавшейся впоследствии въ Городскую Управу—такъ какъ онъ намѣревался обновить ея личный составъ цѣлкомъ взятый его предшественникомъ изъ прежней шестигласной думы, и обновить его людьми съ университетскимъ образованіемъ. Такъ это и воспослѣдовало, въ августѣ того-же 1869 года я вступилъ въ число городскихъ служащихъ, первоначально безъ какихъ-либо опредѣленныхъ обязанностей, а два мѣсяца спустя я назначенъ былъ столоначальникомъ 1-го стола 1-ой экспедиціи—такъ назывались отдѣленія, выдающимъ личный составъ Распорядительной Думы. Не гадалъ я, что этотъ мой служебный дебютъ какъ-бы опредѣляетъ собою всю дальнейшую мою дѣятельность, которая съ этого момента и до конечной своей точки оказалась непрерывнымъ служеніемъ моему родному городу, Москвѣ, сперва въ качествѣ гласнаго, затѣмъ въ періодъ моей административной службы, когда мнѣ приходилось быть въ такомъ близкомъ соприкосновеніи съ дѣятельностью городского управленія, и наконецъ въ призваніи меня моими согражданами на высокій постъ городского головы.

Въ то далекое отъ насъ время дума помѣщалась въ д. гр. Шереметева на Воздвиженкѣ. Хоромы были обширныя, роскошныя, и всѣ отдѣльные органы Распорядительной Думы размѣщены были шпроко, быть можетъ потому, что эти органы, по количеству персонала и по размѣрамъ своихъ дѣлопроизводствъ представляли ничтожные зародыши того, во что они разрослись впоследствии. Мой столъ помѣщался на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоятъ сцена въ зрительной залѣ Охотничьаго клуба. Слово «столъ», должно быть понято буквально, ибо область мнѣ вѣренная состояла изъ одного стола, четырехъ стульевъ—для меня, моего помощника и двухъ писцовъ—и небольшого шкафа для дѣлъ.

Въ этихъ богатыхъ хоромахъ копошился персоналъ, далеко не отвѣчавшій имъ, и болѣе подходящий къ тѣмъ закоулкамъ и чуланчикамъ, въ которыхъ помѣщалась бывшая шестигласная дума въ зданіи присутственныхъ мѣстъ у Иверскихъ воротъ. Лишь немногіе изъ канцелярскихъ дѣятелей были привлечены кн. Щербатовымъ и Черкасскимъ изъ новыхъ элементовъ, а то все были старые, поспѣлые, перекуренные волею судебъ въ новыя хоромы, но съ прежними должностями, а главное съ прежними обычаями, обрядностями и хватками всякаго рода. Къ слову будь сказано, что я очень скоро выглядѣлъ съ какою виртуозностью эти дѣльцы умѣли получать плату за всякія услуги ими оказанныя просителямъ, и какъ эти поспѣлые, въ свою очередь, искусно умѣли ихъ давать, или предлагать, въ томъ числѣ и мнѣ, и какъ удивлялъ ихъ мой отказъ, противорѣчившій ихъ понятіямъ о служебномъ дѣлѣ. Однимъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей этой чиновничьей формаціи былъ мой помощникъ, нѣкто П. Старый уже, юркій, вкрадчивый, неизмѣнно облеченный въ длинноногий сюртукъ съ золотыми пуговицами и съ 35-ти лѣтнимъ Владимиромъ въ петлицѣ, онъ до толкосты зналъ всю канцелярскую обрядность, всю вышнюю, формальную сторону любого дѣла, производимаго въ столѣ, но далѣе этихъ узкихъ рамокъ онъ ничѣмъ не интересовался, не видѣлъ ничего даже изъ того, что было въ задачахъ сосѣдняго стола, а съ этимъ вмѣстѣ онъ подъ шумокъ обдѣлывалъ свои дѣ-

лишки, дружить съ состоятельными просителями, извлекалъ изъ дѣлъ, особенно-же касавшихся выборовъ, свои выгоды. Всѣ пріемы его, ухватки, способъ выражений, обращеніе съ новыми, болѣе молодыми чиновниками такъ и просились на сцену. Подобныхъ ему было много во всѣхъ отдѣленіяхъ, и отъ нихъ вѣяло стариной, стариннымъ подъячествомъ.

Кн. В. А. Черкасскій былъ бесспорно крупною личностью, выдѣлявшеюся на довольно таки безцвѣтномъ фонѣ нашей общественной жизни въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія. Его широкій умъ, громадн. всесторонняя эрудиція, его поразительная работоспособность и его выработанный въ себѣ навыкъ въ разныхъ областяхъ практической дѣятельности казался предназначали его на первыя роли въ обществѣ и государствѣ. И эти роли выпали ему на долю, онъ начиналъ ихъ играть—въ крестьянской реформѣ, въ переустройствѣ царства Польскаго послѣ возстанія 1863-го года, въ организаціи освобожденной Болгаріи въ 1877 году. Но ни въ одной изъ этихъ, взятыхъ имъ на себя или на него возложенныхъ задачъ онъ не достигалъ конца, не переходилъ отъ превосходно разработаннаго плана, самостоятельно созданнаго имъ въ себѣ и вполне отвѣчавшаго реальнымъ потребностямъ даннаго времени, къ широкому и послѣдовательному осуществленію его на практикѣ. Такъ послѣ того, что былъ обнародованъ манифестъ 19-го февраля 1861 года его имя уже не встрѣчается въ работѣ по реальному проведенію въ жизнь крестьянской реформы, изъ Польши онъ неожиданно для всѣхъ удался, не докончивъ возложеннаго на него дѣла, а Болгарію устроили безъ него, правда уже послѣ его кончины. Быть можетъ, причина такой непослѣдовательности или невыдержанности таилась въ его характерѣ или личныхъ свойствахъ, но главнымъ образомъ она простекала отъ его друзей. Дѣло въ томъ, что его поклонники—и нельзя не сказать чтобы они не имѣли полного права быть таковыми—преувеличивали свое благоговѣніе къ нему въ томъ смыслѣ, что считали его недостаточно общепнымъ къмъ слѣдуетъ, что почему-то медляли его призвать на постъ министра, и видѣли въ немъ, благодаря этому промедленію, этой недостаточной оцѣнкѣ, жертву людской несправедливости, боязни его выдающихся способностей, зависти къ нему со стороны представителей государственной власти. Такое отношеніе къ нему не въ мѣру услужливыхъ друзей, ставившихъ его въ своихъ отзывахъ и сужденіяхъ о немъ на одну доску съ Кавуромъ или Риншелье, не могло не отразиться на немъ, не вызвать въ немъ чувства обиженной жертвы, и это чувство въ свою очередь давало себя знать въ его рѣчи, въ его воззрѣніяхъ на текущія событія, въ его оцѣнкахъ происходящаго вокругъ него. Впрочемъ весьма вѣроятно, что въ правительственныхъ сферахъ дѣйствительно боялись его ума, но какъ извѣстно въ этихъ сферахъ всегда и всюду предпочтеніе отдается посредственностямъ, людямъ зауряднымъ, подходящимъ подъ общій, всѣмъ привычный уровень. Если нельзя сказать, что это чувство своего превосходства породило въ Черкасскомъ чрезмѣрно высокое о себѣ мнѣніе, что не согласовалось-бы съ его умомъ и его дарованіями, то тѣмъ не менѣе оно развило въ немъ нѣкоторую рѣзкость въ обращеніи, нетерпимость и требовательность по отношенію къ сотрудникамъ по службѣ, къ ихъ взглядамъ и мнѣніямъ. Въ частности, когда онъ былъ въ должности московскаго городского головы, въ его дѣятельности,

въ его отношеніяхъ къ городскому дѣлу чувствовалось, что онъ считаетъ это дѣло слишкомъ для себя ничтожнымъ, мизернымъ, и что онъ ему посвящаетъ себя лишь за неимѣніемъ другого, болѣе крупнаго, болѣе отвѣчнаго его способностямъ. Но имѣетъ съ этимъ онъ обладалъ въ высокой степени однимъ качествомъ, весьма цѣннымъ въ служебномъ дѣлѣ: онъ умѣлъ быстро распознавать людей, опредѣлять ихъ достоинства, ихъ пригодность въ той или другой отрасли даннаго дѣла и использовать ихъ въ этомъ направленіи. Но и свою городскую дѣятельность въ Москвѣ онъ прервалъ, не доведя ее до конца, т.-е. до срока выборовъ, правда по «независимымъ обстоятельствамъ», какъ уже и въ то время это называлось. Дѣло въ томъ, что въ концѣ 1870 г., когда франко-прусская война близилась къ концу и когда строй старой Европы казался имѣть быть перекроенъ по новому, московская дума подала государю адресъ съ требованіемъ свободы совѣсти, печати, общественныхъ союзовъ, но и съ намекомъ на своевременность дарованія Россіи конституціоннаго образа правленія. Адресъ былъ составленъ Н. С. Аксаковымъ, одобренъ Черкасскимъ и нѣкоторыми наиболѣе влиятельными гласными и принятъ единодушно думой, но дальше этого онъ не пошелъ. *) Разные слои общества отнеслись разнo къ такой манифестаціи. Одни съ искреннимъ сочувствіемъ, другіе съ ужасомъ, увидавъ въ ней чуть не прологъ къ революціи, и эта послѣдняя оцѣнка возобладала, правительство убоилось, какъ это всегда бываетъ, адресъ не былъ принятъ, и козломъ отпущенія, правда, послѣ нѣкотораго промежутка времени, вѣроятно, ради соблюденія приличій, явился Черкасскій, которому внушено было, что для него настало время удалиться въ частную жизнь, что онъ и сдѣлалъ. Его замѣнилъ Н. А. Лямшъ, но не на продолжительный срокъ, такъ какъ ожидалось въ Москвѣ введеніе новаго городского положенія, упразднившаго дѣленіе на сословія.

Хотя служба моя въ канцеляріи Распорядительной думы недолго продолжалась— всего одинъ съ небольшимъ годъ—но благодаря ей я хорошо ознакомился съ технической стороной канцелярскаго дѣлопроизводства, а это очень пригодилось мнѣ въ будущемъ. Вскорѣ послѣ моей отставки я вступилъ въ бракъ, уѣхалъ съ молодой женой за границу, а по возвращеніи въ Москву я снова очутился въ неопредѣленномъ положеніи, не зная что съ собою дѣлать, что предпринять.

IX.

Служебное мое положеніе не замедлило опредѣлиться и притомъ двойственно: въ концѣ 1872 года я былъ выбранъ гласнымъ Московской Городской Думы, и въ то-же время, ради полученія правъ государственной службы, я былъ причисленъ къ

*) Когда я былъ городскимъ головой, мнѣ случайно попалъ въ руки архивное дѣло, въ которое подшитъ былъ проектъ этого злополучнаго адреса, и какимъ невиннымъ показалось мнѣ это произведеніе Аксаковского пера. Я недоумѣвалъ насчетъ того, чего собственно правительство такъ испугалось и рѣшилось не допускать его до назначенія, разнъ выраженные въ немъ мысли, чаянія и пожеланія были ходячей монетой въ то время, когда я его перечитывалъ. Правда, съ того момента прошло 35 лѣтъ, а за это время много утекло воды и много ея притекло въ русло нашего общественнаго самосознанія.

Московскому Дворцовому управленію, въ которомъ дослужился до званія совѣтника. Объ этой послѣдней моей службѣ распространяться я не буду, ибо воспоминанія о ней вызываютъ во мнѣ ощущеніе полной ея безсодержательности и едва-ли могутъ представлять какой-либо интересъ для читателей. Цѣлыхъ шесть лѣтъ прослужить и такимъ образомъ, и этотъ продолжительный періодъ времени я выравъ былъ-бы называть потерей времени если-бы рядомъ съ этимъ меня не увлекала и не захватывала цѣликомъ въ себя работа въ городской думѣ. Въѣсть съ этимъ въ дворцовой службѣ обнаружился для меня кое-какія непримѣтные черты со стороны сослуживцевъ, которыя въ концѣ концовъ оттолкнули меня отъ нея и побудили безъ всякаго сожалѣнія ее покинуть.

Открытіе новой думы обставлено было нѣкоторою торжественностью. Былъ молебень въ присутствіи властей, служилъ викарій Леонидъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ московскихъ дамъ, подозрѣвавшихъ какую-то романтическую подкладку въ томъ, что онъ промѣнялъ мундиръ морского офицера на монашескую рясу. Послѣ молебна Н. А. Ляминъ, городской голова прежняго состава, открылъ первое засѣданіе, заключавшееся только въ подачѣ записокъ о кандидатахъ въ головы. Каковыхъ оказалось двое: Ляминъ и кн. Щербатовъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи происходила баллотировка шарами, и Ляминъ опередилъ Щербатова на два или на три голоса. Мнѣ неизвѣстно, дѣйствительно-ли этотъ послѣдній намѣренъ былъ возобновить свою городскую дѣятельность или услужливые друзья его выставили его кандидатуру, но самый фактъ свидѣтельствовалъ о нѣкоторомъ легкомысліи съ его стороны. Дѣло въ томъ, что должность Московскаго городского головы искони считалась принадлежащею московскому купечеству, по праву или по преданію, и, если бывали исключенія, если на этотъ постъ призывались люди изъ другихъ сословій, то это было уступкой со стороны купечества, или это случалось когда въ данную минуту въ его средѣ не было подходящаго лица. Поэтому тѣшаться съ кандидатомъ купечества, вдобавокъ занимавшимъ уже эту должность и стоявшимъ во всѣхъ отношеніяхъ на высотѣ ея, и притомъ въ такой думѣ, въ которой большинство состояло изъ купцовъ, было невозможно. Избранный Н. А. Ляминъ—прекрасный человекъ, умный, самолюбивый, какъ о немъ кто-то выразился—недолго пробылъ въ должности. Небольшое столкновеніе его съ вновь назначеннымъ губернаторомъ Дурново, или скорѣе выходка этого послѣдняго, вызвала его отставку и временное, хотя предшествовавшее цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ, исправленіе должности головы упомянутымъ мною выше С. А. Ладженскимъ, котораго дума выбрала на новоучрежденную должность товарища.

А это была недоженная личность, заслуживающая вниманія. Богато одаренный отъ природы и культурный, онъ былъ очарователемъ въ обращеніи, какъ на службѣ, и понятно было, что онъ насчитывалъ много побѣдъ надъ дамскими сердцами. Работоспособность его была изумительна, и съ первыхъ-же дней своей службы въ городскомъ управленіи онъ сдѣлался главной его двигательной силой, предвосхитивъ такъ сказать въ свою пользу задачи и обязанности учрежденной вполнѣдствіи должности товарища городского головы, каковымъ первымъ онъ и былъ. Дважды исправлялъ онъ должность городского головы, и притомъ довольно долго, послѣ двухъ событій.

о которыхъ рѣчь будетъ впередъ. Его казалось недостаточно цѣнили и когда на городскихъ выборахъ 1878 г. побѣдила одна партія, то ея представители, взявъ власть въ свои руки, причинили ему не мало огорченій, отъ которыхъ послѣдовала его внезапная смерть. Либераль школы 60-хъ годовъ, онъ подвизался въ литературѣ, подписывалъ псевдонимомъ очень милыя новѣсти и рассказы, и своею фамиліей серьезные статьи по общественнымъ и экономическимъ вопросамъ, въ журналахъ, уже и тогда слышавшихъ передовыми.

Положеніе Ладженскаго было чрезвычайно трудно, какъ потому что онъ «калѣфа на часъ», такъ еще и потому, что далеко не забытая еще исторія съ конституціоннымъ адресомъ и только-что происшедшій инцидентъ съ Дурново вызвали въ новозбранныхъ гласныхъ нѣкоторое раздраженіе, а съ другой стороны правительственные органы начинали глядѣть на московскую думу какъ на «очагъ» чего-то враждебнаго, неблагонадежнаго съ ихъ точки зрѣнія. Но онъ съ честью вышелъ изъ этого труднаго положенія, завоевалъ себѣ уваженіе гласныхъ, и ни разу не далъ администраціи повода быть имъ недовольною, но и не скромничалъ передъ нею, какъ это часто случается съ временно исполняющими тѣ или другія обязанности. Подъ его руководствомъ работа закипѣла, образовались коммисіи, организовалась городская управа сперва въ составѣ 4 членовъ, въ числѣ которыхъ былъ П. Н. Грековъ, долгое время потомъ предсѣдательствовавшій въ столичномъ мировомъ съѣздѣ, и Строгановъ—популярный впоследствии секретарь городской думы. Работа была громадная, организаціонная прежде всего, ибо все что существовало при прежнемъ, сословномъ строѣ подлежало переустройству на новыхъ началахъ, а затѣмъ и созидательная, такъ какъ многія отрасли гор. хозяйства—квартирная повинность для войскъ, отдѣлъ частныхъ построекъ, водопроводъ и пр.—перешли изъ рукъ администраціи въ исключительное вѣдѣніе города. На мою долю выпала задача дѣлопроизводителя финансовой коммисіи, т.-е. я велъ журналъ засѣданій коммисіи, а затѣмъ редактировалъ доклады. Эта работа очень пригодилась мнѣ въ будущемъ.

Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что городская дума вмѣщала въ себѣ въ это время лучшія общественныя силы Москвы. По численности большинство состояло изъ купечества, но какъ оно, такъ и всѣ прочіе сословные элементы, входившіе въ ея составъ, были одинаково одушевлены искреннею преданностью къ городскому дѣлу, сознаниемъ цѣнности и смысла предлагаемыхъ ей задачъ. Не было въ ней ни сословной, ни партійной розни, не было перевѣса обывательскихъ интересовъ надъ общегородскими, общественными. Само собою разумѣется, что въ такомъ отношеніи къ задачамъ, къ которымъ гласные были призваны, извѣстную роль играло увлеченіе ихъ новизной, которая какъ извѣстно имѣетъ даже для самыхъ серьезныхъ и уравновѣшенныхъ людей свою прелесть, увлеченіе демократизаціей. такъ сказать, этихъ задачъ, сдѣланіею ихъ общими для всѣхъ безъ какого-либо различія.

Безспорно первое мѣсто среди гласныхъ принадлежало Ю. Ф. Самарину. Я не встрѣчалъ другого человѣка, который вмѣщалъ-бы въ себѣ въ равной съ нимъ степени столько качествъ, достоинствъ, дарованій. За что-бы онъ ни брался, о чемъ-бы ни говорилъ—въ простой бесѣдѣ или публичныхъ препіяхъ—съ чѣмъ-бы ни

выступалъ въ печати—въ статьяхъ о вопросахъ дня или въ крупныхъ трудахъ, богословскихъ, философскихъ, политическихъ, на всемъ отпечатывались его обширный умъ, его самородный талантъ, его всесторонняя культура. Въ городской думѣ, какъ одновременно и въ губернскомъ земствѣ, для него ничего не было такого, что не заслуживало его вниманія или что было ему недоступно, и нельзя перечислить ту массу дѣлъ, вопросовъ, задачъ, которые были имъ разработаны, освѣщены, движуты, притомъ такъ прочно и разумно, что когда 24 года послѣ его кончины я вступилъ въ должность городского головы, я нашелъ многое, что было первоначально заложено и выработано Самаринимъ. А къ этому надо прибавить образцовый ораторскій талантъ, умѣние освѣтить со всѣхъ сторонъ любой предметъ, и для сего подобрать надлежащее выраженіе или слово, мягкость и добропорядочность обращенія. Вотъ о немъ можно смѣло сказать, что его боялись, стѣснялись его импонирующаго ума, и потому его никогда не призывали къ чему-либо крупному, къ какой-либо выдающейся роли въ правительственномъ механизмѣ, а самъ онъ былъ слишкомъ самолюбивъ, слишкомъ хорошо зналъ цѣну себѣ, чтобы пробивать себѣ самому дорогу къ чему-либо такому, что отвѣчало бы его дарованіямъ. Быть-можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это самолюбіе обнаруживалось въ немъ чрезмерно, остывляло его, и въ немъ являлась порою нѣкоторая неуступчивость, рѣзкость, но и на солнцѣ есть пятна.

Его братъ Дмитрій Федоровичъ специализировался на учебномъ дѣлѣ, новомъ для городского управленія, которое въ 1873 году основало первыя городскія начальныя школы. Организация этого дѣла потребовала отъ него значительной работы, которая была имъ выполнена настолько успѣшно, что заложенное имъ послужило основой на долгое время для учебного строительства города. Умный, добросовѣстный, трудолюбивый, въ немъ не было того блеска, тѣхъ чаръ, которыми отличался его старшій братъ, а кромѣ того въ его рѣчахъ, въ его общеніи съ людьми перѣдко слышалось нѣкоторое упрямство или неуступчивость, словно онъ потому высказывалъ или защищалъ явно ошибочное мнѣніе, что не хотѣлъ признаваться въ своей ошибкѣ.

Ки. Щербатовъ не игралъ въ новой думѣ выдающейся роли, въ преніяхъ выступалъ рѣдко и то въ тѣхъ только случаяхъ, когда рѣчь заходила о чемъ-либо относящемся къ тому времени, когда онъ стоялъ во главѣ города. Но онъ оказывалъ пассивное, такъ сказать, воздѣйствіе престижемъ своего городского прошлаго, уваженіемъ къ своимъ заслугамъ и печальный инцидентъ съ нимъ на выборахъ городского головы не повліялъ на его положеніе. Наоборотъ ки. Черкасскій принималъ горячее участіе въ дѣлахъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже руководящее. Многіе гласные, особенно изъ молодежи, пообивались его и уклонялись отъ возраженій ему, ибо въ своихъ рѣчахъ онъ не стѣнялся проявлять нѣкоторую надменность, словно онъ глядѣлъ свысока на возражающихъ ему.

Въ залѣ думы и въ ея коммисіяхъ часто раздавался громовой, зычный голосъ А. И. Кошелева, этого патриарха славянофиловъ, въ то время уже восьмидесятилѣтняго. Помимо его прежнихъ заслугъ по крестьянской реформѣ, по публицистикѣ, онъ обладалъ цѣннымъ даромъ умѣнія выводить молодыхъ людей на подходящую для нихъ дорогу, и сколько дѣятелей, создавшихъ себѣ имя въ земствѣ, въ

преподаваніи, въ экономической работѣ были этимъ обязаны ему, его поддержкѣ, его правильной оцѣнкѣ ихъ способностей.

Нѣзѣка выступалъ М. П. Погодинъ, прославившійся своими трудами по русской исторіи, а на старости лѣтъ посвятившій себя публицистикѣ. Было что-то своеобразное въ его фигурѣ—невысокаго роста, худощавой, всегда небрежно одѣтой, съ растрепанными волосами и всклокоченною, длинною бородой, съ толстой палкой въ рукѣ, которою онъ усердно стучалъ объ полъ во время рѣчи. Онъ любилъ оригинальничать, напускать на себя чужачество и порою казалось, что онъ самъ не вѣритъ въ то, что говоритъ. Такъ, напр., въ одномъ засѣданіи думы, когда шла рѣчь о какихъ-то измѣненіяхъ въ контрактѣ съ газовымъ обществомъ. Погодинъ замѣтилъ, что во все не нужно освѣщать городъ, ибо всякій порядочный человѣкъ ночью сидитъ дома, а если какой-нибудь шалопай и сплосаетъ себя шеею, то это не бѣда. Въ другой разъ во время перерыва засѣданія, сидя за чайнымъ столомъ съ нѣсколькими гласными, онъ высказалъ сожалѣніе о томъ, что мощи самаго чтимаго русскимъ народомъ святаго, Николая чудотворца, находятся въ чужбинѣ, и предлагалъ открыть всенародную подписку для покупки ихъ у итальянскаго правительства, благо оно въ то время нуждалась въ деньгахъ, а въ случаѣ неудачи выкрасть ихъ, для чего вступить въ сдѣлку съ Гарибальди.

Глубоко симпатичною личностію былъ А. В. Станкевичъ, другъ Грановскаго и его біографъ. Можно было заслушаться его бесѣдъ, особенно когда онъ касался художественныхъ вопросовъ или когда онъ перебиралъ воспоминанія свои о плеядѣ знаменитостей 40 годовъ, въ составъ которой онъ входилъ. Часто выступалъ профессоръ А. П. Богдановъ, о которомъ я много говорилъ въ моихъ университетскихъ воспоминаніяхъ и который вносилъ въ дѣловыя пренія тотъ-же реальный талантъ, ту-же сдержанность, какія проявлялъ онъ въ префессурѣ. Было много мировыхъ судей, слотившихся въ одну групу, перенесшую въ область городскихъ задачъ ту солидарность, то высокое достоинство, которыми съ первыхъ-же дней своего существованія ознаменовалъ себя московскій мировой институтъ. То были остроумный весельчакъ Багриновскій, Свѣшниковъ, гр. Ланскій, прослужившій гласнымъ думы болѣе 30 лѣтъ и только недавно умершій, С. А. Тарасовъ, бывшій вполѣтствіи недолгое время городскимъ головой, Л. Н. Сумбулъ, будущій товарищъ головы, и др.—Медицина имѣла своими представителями д-ровъ Кетчеръ, Варвинскаго и А. Г. Левенталя. О первомъ я буду говорить вполѣтствіи. Варвинскій состоялъ профессоромъ университета и онъ пользовался въ Москвѣ широкою популярностію какъ практикантъ. При всѣхъ своихъ качествахъ, въ немъ специалистъ-медикъ заслонялъ общественнаго дѣятеля, и это чувствовалось въ его публичныхъ выступленіяхъ. Что касается до А. Г. Левенталя, то я рѣдко встрѣчалъ болѣе трудолюбиваго, точнаго, кропотливаго работника-организатора, какимъ былъ онъ. Можно смѣло сказать, что городъ ему одному обязанъ прочнымъ основаніемъ своей санитарной организаціи, получившей вполѣтствіи такое широкое развитіе. Особенно показалъ онъ себя въ устройствѣ временныхъ госпиталей для больныхъ и раненыхъ воиновъ во время войны 1877—78 гг. Онъ былъ главнымъ врачомъ Павловской больницы, состоявшей въ вѣдомствѣ императрицы Маріи, и по этой службѣ съ нимъ случился инцидентъ, ха-

рактизирующій отношеніе высшихъ правительственныхъ лицъ къ общественнымъ учрежденіямъ. Левенталь былъ гласнымъ московскаго уѣзднаго земскаго собранія и однажды ему поручено было временно исправлять должность председателя уѣздной управы. Изъ Петербурга получается бумага съ выговоромъ ему за то, что состоя на службѣ въ вѣдомствѣ онъ вздумалъ сотрудничать въ учрежденіи враждебномъ правительству и съ требованіемъ немедленнаго его отказа отъ той или другой должности.

Непрерывно выставлялъ свою кандидатуру въ городскія головы А. А. Пороховниковъ, крупный предприниматель, строитель Славянскаго базара, Теплыхъ рядовъ и многихъ другихъ большихъ домовъ. Несомнѣнно даровитый, ловкій, предприимчивый, онъ однако не производилъ впечатлѣнія серьезнаго человека, который заслуживалъ-бы общественнаго довѣрія.

Московское купечество насчитывало въ думѣ крупныхъ, выдающихся представителей. Объ И. А. Ляминѣ я уже говорилъ, и мнѣ остается добавить только, что вся дума единодушно жалѣла, что изъ-за пелѣвой выходки она лишилась такого уважаемаго, самобытнаго и опытнаго презуса.

Накимъ-то особеннымъ изяществомъ выделялся В. М. Бостанжоло. Бѣловолосый, съ бритымъ, довольно смуглымъ лицомъ и черными, пронизывающими глазами, онъ любилъ подчеркивать свою изысканную благосопитанность въ обращеніи съ другими, въ своихъ, даже самыхъ простыхъ разговорахъ. Нѣсколько желчный и раздражительный, онъ превосходно умѣлъ держать себя въ рукахъ, и свои рѣчи облачалъ въ такую равновѣшенную и въ то же время изящную, элегантную форму, что возраженія ему само собою терли всякую остроту. Онъ пользовался громаднымъ авторитетомъ въ средѣ купечества, коего онъ много лѣтъ былъ сословнымъ старшиной, но его боялись, и даже ровесники его обращались съ нимъ съ нѣкоторымъ подобострастіемъ, а болѣе молодые старались подражать ему въ элегантности и изяществѣ внѣшнихъ формъ обращенія.—Такимъ-же изяществомъ отличался В. И. Якуничковъ, не безъ основанія славившійся англоманомъ. Онъ принималъ живое участіе въ городскихъ дѣлахъ, и въ преніяхъ всегда старался выставить примѣры западно-европейскихъ городовъ, какъ заслуживающіе слѣпого подражанія Москвой. Еще болѣе участія въ нихъ обнаруживалъ С. М. Третьяковъ, умный, широко образованный, и прекрасной души человекъ. О немъ придется мнѣ еще говорить далѣе. Интересенъ былъ С. Д. Ширяевъ, уже достигшій весьма преклонныхъ лѣтъ. Во время нестигласной думы онъ былъ городскимъ головой, и у него былъ неисчерпаемый запасъ анекдотовъ о той, представлявшейся для насъ, молодыхъ, сказочною, эпохѣ гр. Закревскаго, коронаціи 1856 г. и пр. Добродушный, и гуманный В. Д. Аксеновъ специализировалъ себя на всякихъ благотворительныхъ и филантропическихъ начинаніяхъ города, и было что-то картинное въ его рѣчи произносимой пѣжнымъ, почти ребяческимъ голосомъ, во всей его фигурѣ, худой какъ скелетъ, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и длинною, тонкою бородой.—Братья Бахрушины, въ то время еще сравнительно молодые, равно и М. И. Ляминъ, тоже полный свѣжихъ силъ, начинали уже благотворительную дѣятельность, получившую затѣмъ такое щедрое развитіе. К. Т. Солдатенковъ никогда не выступалъ въ публичныхъ засѣданіяхъ, но зато въ комиссіяхъ много работалъ, а еще болѣе разговаривалъ въ отдѣльныхъ

группахъ гласныхъ, когда во время перерыва они собирались вокругъ чайныхъ столовъ. Удивительнымъ собесѣдникомъ онъ былъ, а вмѣстѣ съ этимъ онъ превосходно умѣлъ сплачивать вокругъ себя молодые таланты, или уже созрѣвшіе, успѣвшіе составить себѣ имя въ наукѣ, поддерживалъ ихъ издаваемъ ихъ труды; художники, литераторы, ученые часто собирались у него въ домъ, на Мясницкой и эти вечернія бесѣды пользовались большою славой. Подаромъ называли его Меценатомъ. Въ противоположность ему кажется не было ни одного засѣданія думы, въ которомъ не раздавалась рѣчь, и притомъ всегда очень длинная, И. П. Ланна. Неглубинный отъ природы, онъ былъ мало образованъ, но считалъ нужнымъ высказать свое мнѣніе о каждомъ докладѣ, и въ его рѣчи такъ и сыпались иностранныя слова кстати и некстати, причемъ онъ иногда не сдерживался, дѣлался заносчивымъ, и не разъ имъ вызывались болѣе или менѣе крупные пициденты съ предѣлительствомъ и съ другими гласными. Наоборотъ всегда невозмутимо спокойно, умѣренно говорилъ М. А. Горбовъ, известный въ то время предприниматель въ области желѣзнодорожнаго строительства. Это былъ человекъ недюжиннаго ума, стойкій въ своихъ мнѣніяхъ, но въ средѣ купечества онъ стоялъ какъ-то особнякомъ, ни съ кѣмъ въ немъ не было близокъ, и замѣтно было что его не то боялись, не то ему не доверяли, но въ дѣлахъ прислушивались къ его словамъ, всегда вѣскимъ.

Остается мнѣ упомянуть еще о двухъ Щепкиныхъ, двоюродныхъ братьяхъ. Николай Михайловичъ, сынъ знаменитаго артиста, состоялъ мировымъ судьей, а въ думѣ онъ дѣлательно занимался школьнымъ дѣломъ, являясь въ немъ драгоценнымъ помощникомъ Д. Самарина, который, какъ я уже сказалъ взялъ на себя главное руководство имъ. Симпатичный человекъ, онъ влагалъ въ это дѣло много сердечности, не безъ участія въ этомъ его супруги, рожденной Станкевичъ, которая была первую попечительницей первой открытой въ городѣ женской начальной школы.—Другой Щепкинъ, Митрофанъ, сравнительно недавно скончавшійся, занялъ при образованіи новой думы мѣсто городского секретаря. Незадолго передъ тѣмъ его уволили за политическую неблагонадежность съ профессорской кафедры въ Петровской Академіи. Послѣдователь Грановскаго, Станкевича и ихъ друзей, онъ былъ широко культурнымъ человекомъ, либераломъ въ душѣ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, но нѣкоторая жесткость характера особенно чувствовалась въ его секретарской роли, въ его дѣловыхъ сношеніяхъ съ гласными и публикой. Тѣмъ не менѣе его вліяніе на ходъ городскихъ дѣлъ было огромное и во многихъ случаяхъ весьма благотворное. Кромѣ того онъ обладалъ превосходнымъ редакторскимъ талантомъ и его доклады долго потомъ служили образцами для послѣдующаго представителя въ лицѣ Ф. П. Плевако, который еще только начиналъ свою дѣятельность, но чье имя уже прославилось благодаря нѣсколькимъ громкимъ процессамъ, въ особенности-же дѣлу знаменитой игуменьи Митрофаніи. Было что-то живописное въ его парижности, въ его «инородческомъ» лицѣ съ сіяющими глазами, широкою, не сходявшею съ губъ улыбкой, съ выдающимися скулами. Онъ не имѣлъ соперника въ ораторскомъ искусствѣ, въ умѣнн освѣщать объекты своей рѣчи, подобрать наиболѣе подходящія и въ то-же время цвѣтистыя выраженія, и замѣчательно было то, что его рѣчи въ думѣ по какому нибудь самому заурядному докладу звучали совсѣмъ инымъ тономъ чѣмъ

его защитительная рѣчь въ судѣ, т.-е. въ думѣ онъ говорилъ не какъ адвокатъ, а какъ искренній, прямодушный и знающій общественный дѣятель, но тѣ и другія рѣчи были одинаково образцовыми. Соперниковъ не было у него и въ читальныхъ кружкахъ, за застольною бесѣдой и это былъ настоящій фейерверкъ остротъ, шутокъ и блестящихъ монологовъ. А между тѣмъ рядъ городскихъ дѣлъ былъ имъ разрабатанъ, и притомъ дѣла крупныхъ, направленныхъ имъ на долгое время, какъ напр. организаціи юрисконсультской части, торговаго надзора и др.

Вызывая эти тѣни далекаго прошлаго, мнѣ представляется, что изъ всей этой многочисленной коллегіи городскихъ дѣятелей чуть-ли не одинъ я остался доживать свой вѣкъ на блѣдномъ свѣтѣ.

Х.

Послѣ ухода Лямина городская дума не рѣшилась производить тотчасъ-же новыхъ выборовъ головы, а отложила ихъ до осени, поручивъ управленіе должности С. А. Ладыженскому, который, какъ я уже сказалъ, успѣшно справился съ этою трудною задачей. Генералъ-губернаторъ кн. Долгоруковъ весьма благонадежно къ нему относился и къ тому-же всѣми силами старался сгладить непріятное впечатлѣніе, какое получили гласные и всѣ вообще городскіе общественные круги отъ выхода Дурново и удаленія Лямина. Осенью заговорили было о кандидатурѣ В. М. Бостанжогло, но повидимому самъ онъ не очень-то желалъ ея, какъ вдругъ для всѣхъ довольно неожиданно выставилась кандидатура Д. Д. Шумахера, отъ котораго получилось согласіе, и онъ былъ избранъ головой впрочемъ не очень единодушно. Дума раскололась на двѣ половины, сторонниковъ его и противниковъ, и такъ это раздѣленіе продолжалось въ теченіи всего 3-хъ лѣтняго его пребыванія на этомъ посту. Прекрасный работникъ, знатокъ дѣла, особенно финансовыхъ его отраслей, способный цѣлымъ почти сидѣть за работой, аккуратно и добросовѣстно входя во всѣ мельчайшія ея подробности, онъ не имѣлъ, однако, широкаго взгляда на свои задачи, относился къ своей роли во главѣ городского хозяйства, уже и тогда немалосложнаго, точно такъ-же какъ относился прежде къ своимъ обязанностямъ управляющаго Сохранныю Казной и директора частнаго банка. Вся дѣятельность его какъ городского головы, его представительство городской общины, ея интересовъ и задачъ, при всей своей добросовѣстности и точности, окрасивалась чѣмъ-то чиновничьимъ, не достаточно самобытнымъ, особенно выступавшая при сопоставленіи его съ засѣдавшими въ думѣ такими крупными величинами какими были Ю. Самаринъ, Черкасскій, Третьяковъ, Горбовъ и др.—И съ Ладыженскимъ, оставшимся при немъ въ званіи товарища головы, казалось у него не ладилось, не было у нихъ взаимнаго довѣрія и сплоченности. И мы, гласные, часто слышали и часто подмѣчали, что въ управѣ чувствуются шероховатости и тренія. Общественное мнѣніе не очень-то его одобряло, и перѣдко приходилось слышать сѣтованія на то, что дума призвала стать во главѣ города пѣмца и лютеранина. Тѣмъ не менѣе надо было признать, что въ исполненіи своего служебнаго долга онъ стоялъ на надлежащей высотѣ, по его почину много организаціонныхъ задачъ было разрѣшено и авторитетность его во многихъ случаяхъ давала себя чувствовать.

Такъ продолжалось въ теченіи трехъ лѣтъ, послѣ чего произошло событіе, всколыхнувшее всю Москву и отразившееся на городскомъ управленіи. Въ числѣ банковъ, незадолго передъ тѣмъ учрежденныхъ по инициативѣ частныхъ лицъ, былъ такъ называемый Ссудный банкъ, почему-то полюбившійся разнымъ пѣмещамъ аферистамъ и проходивцамъ. Однимъ изъ основателей его былъ городской голова Шумахеръ, который поставилъ директоромъ его своего друга, гласнаго думы Полянского, о которомъ я уже упоминалъ. Онъ допустилъ вторженіе въ банкъ пѣмецкихъ элементовъ, въ качествѣ какъ распорядителей, такъ и кліентовъ, и притомъ я не могу не отмѣтить, что какъ только эти элементы проникаютъ въ какую-либо нашу русскую средѣ или коллективность — будь это коммерческое предпріятіе, ученая кооперация или семья даже стоящая на самой вершинѣ общественной іерархіи — какъ является зло-вредное вліяніе или послѣдствіе, и пѣмецъ или пѣмка для насъ, русскихъ, всегда играетъ роль патогеннаго микроба. Такъ было и въ данномъ случаѣ: появился въ Москвѣ ивкій Струнбергъ, прогорѣвшій на родинѣ своей, Пруссіи, предприниматель и оказавшійся выгнаннымъ оттуда, а съ помощью двухъ-трехъ клеветовъ своихъ той-же національности, которые подъ его крылышкомъ проникли въ Ссудный банкъ, получили изъ него крупныя суммы подъ залогъ негодныхъ бумагъ, и банкъ лопнулъ, разоривъ толпу вкладчиковъ. Впечатлѣніе получилось потрясающее, началось слѣдствіе, пѣмцы были взяты подъ стражу, равно какъ и Полянскій, нѣкоторые члены совѣта банка и въ томъ числѣ городской голова. Нечего говорить, что это событіе дало протѣжникамъ общественнаго самоуправленія удобный и благодарный поводъ обвинять самый строй его, высказывать обычные фразы о неподготовленности городского общества къ такому управленію и о необходимости вернуться къ старымъ порядкамъ.

Слѣдствіе по этому дѣлу тянулось цѣлый годъ, пока Москва не увидѣла небывалаго еще зрѣлища, именно зрѣлища. Въ теченіи двухнедѣльнаго судебнаго разбирательства публика толпами валила въ Екатерининскую залу судебныхъ установлений, какъ въ театръ. Все дѣло обставлено было какъ нельзя болѣе торжественно, председательствовалъ Дейеръ, типичный представитель новѣйшей магистратуры, сухой, невозмутимо спокойный, строгій бюстятель вышнихъ формъ и порядковъ судопроизводства. Обвинялъ Обнинскій, а къ защитѣ призваны были лучшія силы адвокатуры — Плевако, Шайкевичъ, Куриловъ и др. За рѣшеткой сидѣли подъ охраной полицейскихъ чинцовъ Полянскій, Струнбергъ и еще два или три пѣмца, а на особой скамьѣ, но безъ стражи члены совѣта, въ числѣ которыхъ были многіе, весьма извѣстные и уважаемые москвичи. Первые трое были обвинены и приговорены къ ссылкѣ, причемъ главный виновникъ всего происшедшаго Струнбергъ ѣхалъ за границу, остальные-же оправданы, и всѣ они вернулись къ своимъ мѣстамъ, конечно за исключеніемъ Шумахера. Кстати замѣчу, что когда случился крахъ банка и цѣлая масса мелкихъ вкладчиковъ очутилась въ самомъ критическомъ положеніи, министръ финансовъ Рейтернъ открылъ значительныхъ размѣровъ кредитъ генералъ-губернатору кн. Долгорукову на вспомошествованія наиболее пуждающихся, и князь вынулъ это удачно и такъ тайно, что кромѣ пользовавшихся эту помощь никто объ этомъ въ Москвѣ не зналъ, и мнѣ это стало извѣстно гораздо позднѣе и то случайно.

Послѣ удаленія Шумахера городская дума рѣшила отложить выборы городского головы на цѣлый годъ, такъ-какъ насталъ срокъ общихъ выборовъ, и Ладыженскому пришлось вновь исправлять должность и произвести эти выборы. Но прежде чѣмъ разойтись дума старого состава проявила себя политической и вояцвенною манифестацией. Это было осенью 1876 года, а въ теченіи лѣта гремѣла сербская война. Всѣ симпатіи, патріотическія, національныя и либеральныя были на сторонѣ славянъ, имя Черняева и многихъ русскихъ добровольцевъ, павшихъ за освобожденіе этихъ славянъ, были у всѣхъ на устахъ, и славянофильскія теченія и идеалы, такъ еще недавно считавшіяся опасными или неблагоразумными, разомъ сдѣлались популярными. Когда неудачи сербамъ убѣдили въ невозможности ихъ побѣды, московское общество изволновалось, и потѣ однажды, передъ началомъ одного засѣданія Думы Д. Самаринъ позвать гласныхъ на частное совѣщаніе въ особую комнату, гдѣ отутился не состоявшій гласнымъ П. С. Аксаковъ. Самаринъ въ пространный рѣчи заявилъ, что по мнѣнію его и цѣкоторыхъ его друзей наступила минута потребовать отъ правительства активнаго заступничества за братьевъ-славянъ—это выраженіе пошло тогда въ ходъ—словомъ или оружіемъ, и что требованіе такое всего лучше было-бы облечь въ форму адреса государю. Вслѣдъ за этимъ Аксаковъ вынулъ изъ кармана не пустой проектъ адреса, а самый адресъ уже перенесенный на-бѣло. Гласные ничего не возразили и въ повышенномъ настроеніи перешли въ залу засѣданія, гдѣ адресъ былъ единогласно одобренъ и тутъ-же подписанъ. Государь его не принялъ, но черезъ дѣль недѣлю послѣ того, пріѣхавъ въ Москву изъ Крыма, во время выхода въ Кремлевскомъ дворцѣ, онъ неожиданно для всѣхъ остановился передъ Ладыженскимъ, стоявшимъ съ хлѣбомъ солью во главѣ гласныхъ, и сказалъ историческую рѣчь, послужившую исходнымъ моментомъ Турецкой войны. Москва всколыхнулась отъ этой рѣчи, и она не постыдилась на разнаго рода воинственныя манифестаціи. Во время этого царскаго пребыванія въ Москвѣ замѣтно было ухаживаніе за москвичами, даже заискиваніе какъ со стороны самого государя и его супруги, такъ еще болѣе со стороны его приближенныхъ. Проявилось оно между прочимъ въ демонстративныхъ любезностяхъ къ Черкасскому, такъ долго слывшему неблагонадежнымъ и несправнымъ оппонентомъ правительству, и въ приглашеніи его стать во главѣ краснаго креста на театрѣ войны, подѣ чѣмъ скрывалось тайное, но для всѣхъ очевидное намѣреніе поручить ему организацію славянскихъ народовъ, имѣющихъ быть освобожденными. Затѣмъ въ этихъ любезностяхъ играло роль желаніе возбудить щедрость Москвы, вызвать пожертвованія на военныя нужды, ибо она всегда считалась богатымъ источникомъ средствъ, и щедрость ея обратилась въ пословицу. И въ этомъ случаѣ она вполне оправдала свою славу.

Фактически война началась весною слѣдующаго 1877 года, а вся зима прошла въ приготовленіяхъ къ ней, проходившихъ при всеобщемъ возбужденіи. Но оно не отразилось на городскихъ выборахъ: имѣло мѣсто одно явленіе, которое ранѣе не было извѣстно, а именно соревнованіе, если даже не борьба, партій. Восторжествовала купеческая партія, пустившая въ ходъ всякаго рода избирательныя приемы и маневры, такъ-какъ она располагала абсолютнымъ большинствомъ избирателей—домовладѣльцевъ. въ думѣ появились новыя лица изъ молодыхъ и новичковъ въ городскомъ дѣлѣ,

а многіе изъ презанныхъ гласныхъ остались за флагомъ. Изъ числа новыхъ назову А. А. Шилова, на первыхъ-же порахъ зарекомендовавшаго себя образцовымъ работникомъ, перѣдко рѣзкимъ въ своихъ выступленияхъ. П. М. Калашникова, скоро сдѣлавшагося постояннымъ enfant terrible въ комиссіяхъ и перѣдко въ самой думѣ, благодаря своей неудержимой пылкости, и П. В. Осипова, типичнаго представителя московскаго купечества новой формациі, умнаго, самобытнаго, всѣ рѣчи котораго звучали здравымъ смысломъ и практическимъ знаніемъ жизни.

Изъ интеллигенціи—впрочемъ слово это тогда не было въ такомъ ходу какъ впоследствии—избранъ былъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, редакторъ популярной газеты и извѣстный своимъ учеными трудами. Это была внушительная личность, не безъ отбѣнка семинарскаго происхожденія, рѣчи его звучали авторитетностью и перѣдко походили на проповѣди. Про него говорили, что онъ не умѣлъ улыбаться, и это въ извѣстной степени характеризовало его. Въ составъ гласныхъ вошли два свѣтила медицины—М. П. Черниковъ и А. Н. Маклаковъ. Оба много поработали для города, первый вносилъ въ свою работу особаго рода твердость, неуступчивость порою пѣскользко грубую, второй-же, жгвой и веселый, привлекалъ къ себѣ всѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ какое-либо дѣло.—Уступивъ такимъ образомъ пѣсколько мѣстъ интеллигенціи, изъ конхъ одно выпало и на мою долю, восторжествовавшая на выборахъ партія позаботилась объ обезпеченіи себѣ въ думѣ членскаго большинства, способнаго голосовать согласно указаніямъ руководителей, причемъ активнаго участія отъ него не требовалось, почему онъ и названы были гласными безгласными. Городескимъ головою избранъ былъ С. М. Третьяковъ и можно сказать, что лучшаго выбора сдѣлать нельзя было. Умный; культурно-образованный, обладавшій прекраснымъ, но очень твердымъ характеромъ, онъ умѣлъ какъ нельзя лучше покорять сердца, одушевлять своихъ сотрудниковъ и еотоварищей, внушать имъ любовь и преданность къ дѣлу, которое самъ онъ безгранично любилъ и которое зналъ до мельчайшихъ подробностей. Въ три года своей службы головою не дума только, но и вся Москва ощутила въ немъ настоящаго своего представителя, стоявшаго на высотѣ возложенной на него задачи. Надо же было, чтобы какая-то темная подпольная интрига, привязавшаяся къ безхозяйственной эксплуатаціи Сокольниковой рощи, только-что передъ тѣмъ благодаря Третьякову перешедшей въ собственность города, заставила его отказаться отъ должности, которую онъ съ такою честью занималъ. Быть можетъ, въ этомъ ухѣдѣ своемъ онъ обнаружилъ извѣстную обидчивость, но не мнѣ объ этомъ судить.

Третьякову удалось собрать при управѣ и воспитать цѣлый рядъ молодыхъ дѣлателей—спеціалистовъ, инженеровъ, архитекторовъ, врачей, изъ которыхъ многіе заслужили громкое имя въ городскихъ дѣлописяхъ и продолжали свою службу еще и въ то время, когда я призванъ былъ служить съ ними. Назову Левачева, Зимина, Семенова—доселѣ Москвою не забытыхъ.

XI.

Первый годъ третьяковскаго періода ознаменовался тѣмъ, что всѣ собственно городскіе интересы и вопросы отодвинуты были на второй планъ военными заботами. Лишь только въ апрѣлѣ 1877 года объявлена была война, дума постановила, помимо

пожертвованія одного милліона на военныя нужды, приспособить тысячу коекъ для раненыхъ и больныхъ. Открыто было нѣсколько временныхъ госпиталей въ разныхъ частяхъ города, и для завѣдыванія ими учреждена была особая исполнительная комитетъ, въ которую и я вошелъ, взявъ на себя Лефортовскій госпиталь, помѣщавшійся въ зданіи общины «Утѣля моя печали», нынѣ принадлежащемъ городу. Сложное оборудованіе всей этой организаціи, совершившееся чрезвычайно быстро и настолько успѣшно, что эти городскіе госпитали не замедлили послужить образцами для подобныхъ-же учрежденій Краснаго креста, составляетъ всецѣло заслугу Третьякова, не жалѣвшаго себя въ этомъ дѣлѣ, А. Г. Левенталя, который председательствовалъ въ нашей комитетъ, и который мастерски провелъ всю черную работу по устройству госпиталей, и ближайшаго ихъ помощника Макакова.

Надо сказать и о самой войнѣ и о томъ, какъ Москва на нее реагировала. Вѣдѣтіе того, что вопросъ о войнѣ рѣшенъ былъ въ октябрѣ, а фактически началась она только въ апрѣлѣ, то эти пять мѣсяцевъ напряженныхъ ожиданій и тревогъ возбудили нѣкоторую нервность въ общественномъ мнѣніи, оно впадо въ недоумѣніе насчетъ продолжительнаго бездѣйствія дѣйствующихъ армій и часто слышались опасенія, ужъ не готовимся-ли мы обратиться вспять въ своихъ освободительныхъ замыслахъ. Когда-же война началась, подобное-же недоумѣніе высказывалось насчетъ того, что такъ мѣшкаятъ съ переходомъ за Дунай, что вовсе не отвѣчало увѣреніямъ многихъ военныхъ въ томъ, что этотъ переходъ и вообще вся война до взятія Константинополя включительно будетъ простою военною прогулкой *). Само собою разумѣется, что это первичное ни на мигъ не поколебало общей увѣренности въ побѣду, и въ то-же время фактическое начало войны и эти ожиданія побѣды вызвали необычайный подъемъ духа во всѣхъ слояхъ населенія. Прежде всего такое повышенное настроеніе выразилось въ глубокомъ, единодушномъ сочувствіи къ славянскимъ народностямъ, которыя до этого мало привлекали на себя вниманіе широкихъ круговъ общества, и освобожденіе которыхъ казалось имъ болѣе или менѣе утопической мечтой небольшого кружка мыслителей и публицистовъ-славянофиловъ. Затѣмъ впервые русскому обществу пришлось на практикѣ осуществлять международную программу помощи жертвамъ войны подъ флагомъ Краснаго креста, и нельзя не подчеркнуть, что русское общество, и въ частности московское, въ этомъ себя показало. Много было пожертвованій денежныхъ и вещевыхъ, много положено было труда—заботливости, и человѣколюбія въ оказаніи помощи пострадавшимъ, почти ежедневно привозимымъ въ Москву, гдѣ создавался какъ-то само собою центральныи пунктъ всей дѣятельности Краснаго креста. По примѣру города и по его образцу частная инициатива соорудила большое количество госпиталей, врачебный персоналъ былъ въ избыткѣ, множество женщинъ брали на себя обязанности сестеръ милосердія и сидѣлокъ. Правда, въ этой интенсивной, самоотверженной работѣ было много неумѣлаго, дѣтскаго, и мнѣ самому приходилось нѣредко видѣть въ моемъ гос-

*) Подобно тому, какъ въ 1904 г. въ началѣ войны намъ говорили, что мы «раскатаемъ» японцевъ и миръ подпишемъ въ Токио.

заставъ какъ неловко обращались эти барыни и барышни съ ранеными и улаживать ихъ конфликты съ врачами, не встрѣчавшими въ нихъ подлежащаго умѣнія.

Вскорѣ послѣдовали военныя неудачи, сначала на Кавказѣ, затѣмъ при первой Плевнѣ и на первомъ походѣ за Балканы. Общественное мнѣніе было нѣсколько смущено, оно стало замалчивать неудачи, умалять ихъ значеніе, относить причину ихъ къ разнаго рода случайностямъ, и такой пріемъ повидимому присущъ вообще нашимъ сужденіямъ о событіяхъ военной исторіи Россіи, изъ особаго патріотизма недопускающимъ мысли о возможности нашего пораженія и легко перетолковывающимъ таковыя въ побѣды или въ крайнемъ случаѣ въ героическіе подвиги. Такое отношеніе еще болѣе усилилось при 2-й и 3-й Плевнѣ, и конечный успѣхъ войны, воспомѣдовавшій въ концѣ года и началѣ слѣдующаго, не изгладилъ первоначальныхъ впечатлѣній, и въ то-же время всѣ недоумѣвали насчетъ того, почему пришлось отказаться отъ вступленія въ Цариградъ. Все это вмѣстѣ взятое постепенно расхляпывало общее настроеніе. А къ этому надо присоединить еще одинъ поводъ къ недоумѣнію, которое въ нѣкоторыхъ кругахъ высказывалось безъ всякаго стѣсненія: освобожденная русскою кровью Болгарія была нами благодарственована конституціоннымъ строемъ правленія. А мы-то сами, не заслужили-ли его? На такой вопросъ отвѣтъ ни откуда не получался, ибо еще и въ то время самое слово конституція звучало для многихъ чѣмъ-то еретическимъ, чуть не революціоннымъ.

Между тѣмъ въ общественномъ мнѣніи совершался замѣтный для сколько нибудь внимательнаго наблюдателя процессъ, который можно назвать переоцѣнкой цѣнностей, хотя такой терминъ не былъ тогда въ такомъ употребленіи, какъ нынѣ. Война не принесла тѣхъ плодовъ, на которые надеялись, вскрылись многіе дефекты какъ въ военномъ дѣлѣ, такъ и въ государственномъ строѣ, а къ этому надо еще присоединить то униженіе, которое выпало на долю Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ. Краснорѣчивымъ показателемъ новыхъ вѣяній въ московскихъ общественныхъ кругахъ служить то единодушное соболазнованіе и сочувствіе, какія вызвали къ себѣ Аксаковъ, высланный административнымъ порядкомъ изъ Москвы въ деревню за рѣчь въ одномъ собраніи, въ которой онъ сказалъ, что дипломаты наши на конгрессѣ надѣли на Россію «дурацкій колымакъ съ погрешками». Затѣмъ нельзя было не видѣть нѣкоторой связи между этимъ настроеніемъ общества, которое можно назвать разочарованіемъ, недовольствомъ, отрицательнымъ отношеніемъ къ совершающемуся, съ тѣми террористическими актами, которые тотчасъ послѣ окончанія войны такъ участились. Хотя акты эти возбуждали въ обществѣ единодушное негодованіе, но оно понимало, что причины ихъ, источники или поводы кроются гораздо глубже, чѣмъ это казалось съ перваго взгляда и что пугать заразившій организмъ и проявившійся въ этихъ преступныхъ дѣяніяхъ, не поддается палѣнію однимъ полицейскими мѣрами. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, эти мѣры, направленныя на борьбу съ злоумышленниками, тяжело отразились на жизни всего общества, т. е. на людяхъ вовсе не причастныхъ къ преступнымъ дѣяніямъ. Задуманы были и привнесены въ исполненіе всякаго рода стѣсненія обывателей, домовладѣльцевъ, ихъ дворниковъ, и мало по малу вводился тотъ строй городской жизни, который впоследствии такъ развѣтъ подъ напѣвомъ охраны усиленной, чрезвычайной и др.

Нѣкоторыя мѣропріятія въ этомъ направленіи вызывали довольно комичныя инциденты. Такъ напр. передъ 19 февраля 1880 г., когда должно было праздноваться 25-ти лѣтіе царствованія Александра II, московская полиція нарядила особую комиссію для осмотра Успенскаго собора, подъ которымъ будто-бы подведенъ былъ подкопъ съ цѣлью взорвать на воздухъ столичныхъ властей во время торжественнаго богослуженія. Далѣе, когда послѣдовало убійство Мезенцева на улицѣ, затѣмъ покушеніе на жизнь государя на улицѣ-же, сдѣлано было распоряженіе, чтобы начальствующія лица въ городахъ выезжали не иначе, какъ въ сопровожденіи конвоя. Въ Москвѣ кн. Долгоруковъ и генералъ Козловъ съ негодованіемъ отвергли эту свиту, но другіе восновновались такимъ распоряженіемъ, и вотъ однажды, возвращаясь вечеромъ изъ англійскаго клуба, я встрѣчаю жандармскаго генерала С. Едущаго въ клубъ въ каретѣ, за которою гнѣвною рысцой тиснели на неуклюжихъ лошадахъ два жандарма. Такого!

Трудно изобразить теперь то потрясающее впечатлѣніе, какое произвело на всю Москву катастрофа 1-го марта 1881-го года. Вѣсть эта долетѣла вечеромъ въ тотъ-же день, но сообщалась она лишь на слѣдующее утро черезъ особые объявленія. Москва обомлѣла, даромъ, что спа за истекшія 2½ года привыкла къ вѣстимъ о террористическихъ актахъ, и когда миновала ужасъ отъ перваго впечатлѣнія, всѣ наперерывъ стали искать виновниковъ совершившагося, какъ въ тѣхъ, кто это совершилъ или пушилъ, такъ и въ тѣхъ, кто не сумѣлъ сберечь и охранить жертву, но никому въ голову не приходило спросить себя—самъ онъ не виноватъ-ли косвенно въ пролитіи этой крови и въ томъ, что подготовило и вызвало это необычное событіе. Мысль объ этой общей виновности и ответственности превосходно высказала и развила митрополитъ Макарій Булгаковъ въ проповѣди сказанной ямъ въ Успенскомъ соборѣ за торжественною обѣдней вскорѣ послѣ кончины Александра II.

Въ послѣдніе мѣсяцы того-же 1881 года въ первый разъ въ Москву пріѣхалъ Александръ III. Несмотря на глухое время года, въ день выхода въ западъ Кремлевскаго дворца собрался довольно много народа. Когда онъ проходилъ мимо стоявшей шпалерами лубрики, многіе невольно сопоставляли втайнѣ про себя его знакомую лишь по портретамъ фигуру тучнаго генерала съ изящнымъ, благороднымъ, утонченно игольскимъ образомъ покойнаго его родителя и не видѣли въ ней того обаянія, той царственности, которыя такъ и сіяли въ немъ и которыя такъ хорошо всѣ помнили. Упоминаю я объ этомъ первомъ появленіи въ Москвѣ новаго царя еще и потому, что незадолго передъ этимъ организовался московскій отдѣлъ такъ называемой «священной дружины», о которой въ послѣднее время много сообщено было въ печати *). Однажды одинъ мой старый знакомый, не имѣвшій никакихъ опредѣленныхъ занятій, предложилъ мнѣ вступить въ ея ряды, вкратцѣ ознакомивъ меня съ ея задачей и назвавъ мнѣ нѣсколько именъ изъ числа извѣстныхъ мнѣ людей. Я наотрѣзъ отказался, мотивируя это тѣмъ, что не чувствую никакой склонности къ тайнымъ обществамъ, какими-бы хорошими цѣлями они не задавались, а тѣмъ болѣе къ такому, которое въ сущности является воспомощающимъ по отношенію къ полиціи. Если

*) См. В. Н. Смѣльскій—«Священная дружина» (изъ дневника ея члена), «Гол. Минувшаго» 1916 г. № 1—6.

охранять семью царя — должъ каждого гражданина, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ обязанъ брать на себя обязанность сыщика, доносителя и пр. Разговоръ нашъ на этомъ кончился, но впоследствии я узналъ, что мой отказъ поставленъ былъ мнѣ въ вину и повліялъ на дальнѣйшую мою службу. Неизвѣстно, что во всей этой затѣ было болѣе изумительно: то-ли что люди во всѣхъ отношеніяхъ почтенные, заслужившіе всеобщее уваженіе, добровольно взяли на себя роль полиціантовъ со всеми ея, далеко не всегда красивыми атрибутами, или то, что тѣ-же люди находили въ этомъ известнаго рода удовлетвореніе, словно дѣти взявши въ руки новую игрушку. Дружина пресуществовала лишь одинъ годъ, и какъ только гр. Д. А. Толстой занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, такъ и слѣдъ ея протѣлъ.

ХІІ.

Мнѣ пришлось нѣсколько забѣжать впередъ, дабы не прервать свое повествованіе о томъ, что связывалось съ событіемъ 1-го марта 1881 года. Приходится ненадолго возвратиться назадъ и вырвать изъ изложитъ послѣднюю страницу лѣтписи нашего городского управленія, лично меня касающуюся.

Въ концѣ 1880 г. происходили очередные выборы гласныхъ. На этотъ разъ выборная агитація обозначалась еще болѣе рѣзко, чѣмъ на предыдущихъ выборахъ, получивъ не столько партійную, сколько сословную окраску. Дѣло въ томъ, что въ прежнее время мѣщане и пеховые относились къ городскимъ дѣламъ довольно равнодушно, въ выборахъ не принимали массоваго участія и изъ нихъ въ гласные попадали лишь отдѣльныя единицы, не имавшія въ думѣ никакой роли. Теперь-же они поинтересовались дружно, дисциплинировались, что вызвано было нескрываемымъ желаніемъ ихъ на прообладаніе крупнаго купечества въ городское управленіе. Въ составъ думы ихъ вошло изрядное число, сколько мнѣ помнится человекъ 40, которымъ тотчасъ-же получилась камка черной сотни или текишцевъ, каковое наименованіе ненадолго передъ тѣмъ пушено было въ ходъ Щедринымъ-Салтыковымъ. Изъ ихъ среды выдѣлились дѣятели, ораторы, весьма охотно выступавшіе съ рѣчами, болѣе или менѣе критическими, и если нельзя было сказать, чтобы они обнаруживали ясное и отчетливое пониманіе городскихъ задачъ, то во всякомъ случаѣ съ ними считаться приходилось, и очень. А главное было то, что ихъ группа была связана строгою дисциплиной, повиновалась своимъ вожакамъ, нынѣ едва-ли кому извѣстнымъ—Шестеркину, Киселеву и др. Съ первыхъ-же дней существованія новаго состава думы ясно было видно, что положеніе Третьякова поколебалось, и хотя онъ вновь былъ избранъ городскимъ головой, но уже съ значительнымъ количествомъ черныхъ шаровъ.

Въ составъ обновленной думы вошло нѣсколько новыхъ лицъ, заслуживающихъ вниманія. Первое мѣсто среди нихъ безспорно занималъ С. А. Муромцевъ, красавецъ лицомъ, молодой еще, но успѣвшій уже создать себѣ имя какъ въ адвокатурѣ, такъ и въ профессурѣ, но подробно буду я говорить о немъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ своихъ воспоминаній. Здѣсь скажу только, что въ новой думѣ онъ съ первыхъ-же дней заявилъ себя дѣятельнымъ труженникомъ и блестящимъ ораторомъ. Адвокатура имѣла еще своимъ представителемъ Ф. Соловьева, прославившагося своими защитни-

тельными рычагами на первых порахъ судебныхъ учреждений, но онъ какъ-то опустился, поблѣкъ и выступленія его были по большей части весьма неудачными. Докторъ Н. Ф. Гагмалъ, весьма популярный среди московскихъ маторей, такъ какъ былъ онъ специалистомъ по дѣтскимъ болѣзнямъ, былъ чрезвычайно симпатичнымъ чело-вѣкомъ, и онъ не замедлилъ сдѣлаться любимцемъ среди гласныхъ, которые заслушивались его рѣчью, всегда какой-то порывистою захлебывающеюся и испещренною неожиданными оборотами и выпадами, съ которыми самъ онъ не всегда справлялся. Такъ однажды, когда дѣло шло о переводѣ съпного рынка съ Красноворотской площади въ другое мѣсто, Гагмалъ — жившій тамъ по близости — горячо защищать сохраненіе его на прежнемъ мѣстѣ, и въ пылу кракнорѣчія воскликнулъ: «Я самъ потребляю очень много сѣна», что вызвало гомерическій смѣхъ. Часто слышался голосъ пожилого уже Охлябниина, состоявшаго членомъ судебной палаты. Всегда спокойный, умѣренный, сосредоточенный, онъ любилъ придавать своимъ рѣчамъ нѣкоторый оттѣнокъ того либерализма, который унаслѣдовалъ былъ многими судебными дѣятелями отъ эпохи 60-хъ годовъ, и который для насъ, болѣе молодыхъ, имѣлъ такъ много привлекательнаго. Въ противоположность ему въ публичныхъ преніяхъ никогда участія не принималъ кн. Шаховской-Стрѣшневъ незадолго передъ тѣмъ покинувшій постъ губернатора въ провинціи. Состоя на военной службѣ и при томъ въ Государевой свитѣ, его появленіе въ Москвѣ, гдѣ онъ владѣлъ круною недвижимостью на Б. Никитской, объяснялось желаніемъ его быть въ Москвѣ не то губернскимъ предводителемъ, не то городскимъ головою. Это послѣднее предположеніе казалось находило себѣ оправданіе въ нѣкоторыхъ его поступкахъ, направленныхъ на «завоеваніе сердецъ» его коллегъ-гласныхъ, но оказалось, что эта кандидатура, если и задумана была, то развѣ только нѣтъ однимъ, и вскорѣ ему пришлось ограничиться званіемъ почетнаго опекуна. Дѣятельную роль игралъ въ новой думѣ И. Н. Мамонтовъ, умный, дѣльный, многосторонне образованный, по довольно сдержанный и неуживчивый въ семейныхъ или интимныхъ, такъ сказать, кружкахъ комесіи. Выступленія его очень мѣняло его заніаніе, постепенно увеличивавшееся по мѣрѣ того, какъ онъ увлекался обсуждавшимся предметомъ. Хорошо извѣстенъ былъ Москвѣ протоіерей Романовскій. Громаднаго роста, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, громкимъ голосомъ онъ былъ веселаго нрава, и въ частныхъ бесѣдахъ съ гласными, за чапкой чая въ боковой залѣ, шутки, остроты, смѣхъ не прекращались. Извѣстенъ онъ былъ своею тѣсною дружбой съ знаменитымъ строителемъ желѣзныхъ дорогъ. Губоннымъ, чей домъ былъ въ его приходѣ, и у кого онъ по-видимому былъ самымъ довѣреннымъ лицомъ. Онъ завоевалъ себѣ большое уваженіе среди своихъ прихожанъ своею самостоятельностью, смѣлостью обращенія со своимъ начальствомъ, и не разъ случалось, что многіе, даже посторонніе ему, просили его поддержать ихъ просьбу у митрополита, что онъ охотно бралъ на себя и почти всегда въ томъ успѣвалъ.

Съ новымъ составомъ думы впервые на горизонтъ показался Н. А. Алексѣевъ. О немъ уже давно, чуть не съ его дѣтства ходили слухи, что вотъ рѣстетъ гений, феноменъ, который скоро дастъ себѣ знать, и, быть можетъ это отношеніе къ нему со стороны близкихъ породило въ немъ ту самоувѣренность, которая впо-

«либедь» была отличительною чертой его характера. Несомнѣнно это былъ чело-
вѣкъ отъ природы очень умный, щедро одаренный талантами, развитыми школьнымъ
образованіемъ, но онъ былъ баловень въ полномъ смыслѣ этого слова, его баловало
все, чуть ли съ рожденія. Будучи единственнымъ сыномъ въ семьѣ, въ немъ его ро-
дители и близкіе «души не чаяли», затѣмъ съ молодыхъ лѣтъ всюду ему предше-
ствовала репутація гениальности, какъ будто безспорно; располагалъ онъ большими
средствами, полученіе коихъ первоначально не входило въ его обязанности, и лишь
гораздо позднѣе смерть отца заставила его взяться за дѣло; наконецъ обладая весе-
лымъ, жизнерадостнымъ темпераментомъ душевнымъ, онъ быстро выдвинулся за-
нѣмалой во всякаго рода свѣтскихъ удовольствіяхъ, на балахъ, домашнихъ спектак-
лахъ и пр. Эта избалованность, это ничѣмъ не нарушавшееся для него ощущеніе
того, что все въ его жизни ему улыбается, не выработали въ немъ твердой устой-
чивости характера, выдержанности, и въ то-же время породили въ немъ привычку
себя, которая, казавшись, была главною двигательною силой въ его жизни и дѣя-
тельности. Къ этому надо присоединить еще широкую, размашистую натуру, не знав-
шую пренятствій въ чемъ-бы то ни было, готовую ломать и разрушать все, что
такъ или иначе могло мѣшать его волѣ. Такая черта естественнымъ образомъ
должна была породить въ немъ деспотическія наклонности, и въ любомъ дѣлѣ, взя-
томъ имъ на себя, онъ былъ деспотомъ, но не отталкивающимъ отъ себя, какъ
большинство подобныхъ натуръ, а наоборотъ привлекающимъ къ себѣ своею жи-
востью, веселостью, жизнерадостнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Этимъ именно Алексѣевъ
и подкупилъ рѣшѣть съ нимъ имѣть дѣло заставить ихъ мириться со своими наклон-
ностями и деспотическими требованіями, и въ концѣ концовъ всѣ обращались въ
послушные орудія его волѣ, втайнѣ признаваясь себѣ, что это—величина, съ которою
надо считаться.

И не состоять гласнымъ городской думы, когда Алексѣевъ былъ головою, а
поэтому не могу по собственному опыту своему судить о немъ, какъ о руководителѣ
ей. Но не могу не привести отзывъ одного уважаемаго гласнаго, который данъ имъ
былъ на одномъ обществѣ, происходившемъ уже послѣ трагической кончины Алексѣева.
Онъ сказалъ, что въ Москвѣ было три типа городскихъ головъ: одинъ спрашивалъ
у думы, какъ ей угодно, чтобы дѣло было направлено, другой ей говорилъ—вы такъ
хотите и такъ оно будетъ, а третій восклицалъ—я такъ хочу и такъ этому слѣ-
дуетъ быть, и вотъ къ этому последнему типу и подходитъ Алексѣевъ. Но нельзя
не отмѣтить, что всѣ эти индивидуальныя особенности и недостатки съ избыткомъ
искупались его безграничною преданностью городскому дѣлу, его искреннимъ стрем-
леніемъ вести дѣло, быть его дѣйствительнымъ хозяиномъ, и въ этомъ въ
городскомъ обществѣ онъ не имѣлъ равнаго себѣ, тѣмъ менѣе соперника. И Мо-
сква ему многимъ обязана, и при томъ такимъ, что на всегда сохранитъ память о
немъ: городская канализація, развитіе Мытищенскаго водопровода, организація боль-
ничнаго дѣла въ больницахъ гражданскаго вѣдомства, при немъ перенесенныхъ въ
пѣдѣіе города, и многое другое—дѣло его рукъ. Но, конечно, были и промахи,
остались памятники легкомыслія, какъ напр., неудачное во всѣхъ отношеніяхъ зда-
ніе городской думы, были и мелкія сравнительно дѣла, получившія по его капризу

или его размахистости ложное направлѣніе, которыя пришлось ликвидировать его пріемникамъ, въ томъ числѣ и мнѣ, вступившему въ должность городского головы 4 года спустя послѣ его смерти.

При всемъ своемъ широкомъ умѣ Алексѣевъ не всегда умѣлъ властвовать имъ надъ своимъ характеромъ п. если нельзя было назвать его самодуромъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, то во всякомъ случаѣ въ немъ обнаруживалось нерѣдко преобладаніе характера, воли, пожалуй даже каприза. Къ этому надо присоединить—что почти всегда бываетъ у подобныхъ натуръ—непомѣрное самолюбіе, которое питало въ немъ вѣру въ свою непогрѣшимость, въ всеобъемлемость своихъ способностей, своего умѣнія. Замѣчалось это между прочимъ въ томъ, что онъ не церемонился со своими сотрудниками, съ подчиненными ему, и не выдвигалъ никого изъ нихъ, не создалъ расадника городскихъ работниковъ. Эта черта его характера потому обращала на себя вниманіе, что она рѣдко встрѣчается въ людяхъ, обладающихъ умомъ, широкимъ отъ природы и богато развитымъ культурой, а наоборотъ свойственна людямъ посредственнымъ, которые любятъ имѣть дѣло съ такими-же, какъ они, посредственностями и какъ огня боятся тѣхъ, кто кажется имъ ужасе ихъ. Эту черту часто приходилось мнѣ замѣчать въ теченіи моей службы, особенно-же когда по дѣламъ этой службы бывалъ въ сношеніяхъ съ петербургскимъ чиновничьимъ міромъ.

На первыхъ порахъ своей службы въ качествѣ гласнаго Алексѣевъ не проявилъ дѣятельнаго участія къ дѣламъ, онъ всматривался, прислушивался, и если порою и выступалъ въ преніяхъ, то только по второстепеннымъ вопросамъ. Но та репутація, которая его сопровождала съ дѣтства, репутація восходившаго сивтла, давала себя знать и въ думѣ, и гласные понотомъ передавали другъ другу, что вотъ растетъ, крѣпнѣетъ, развивается будущій голова. Съ своей стороны и Третьяковъ, состоявшій съ нимъ въ близкомъ родствѣ, видимо старался его подготовить, воспитать себѣ въ преемники. Но ему пришлось ждать этого еще около трехъ лѣтъ. Когда Третьяковъ удалился, выбранъ былъ городскимъ головой Б. Н. Чичеринъ, не бывшій гласнымъ, что допускалось дѣйствовавшимъ въ то время городовымъ положеніемъ, а когда и онъ вынужденъ былъ уйти, о чемъ я говорить буду потомъ, избраніе пало на С. А. Тарасова, прожившаго въ этой должности лишь нѣсколько мѣсяцевъ, и только послѣ него падѣлъ на себя серебряную цѣпь Алексѣевъ. Но я уже не былъ въ составѣ гласныхъ, перейдя въ административную службу.

Кандидатура Чичерина явилась для многихъ неожиданностью, «призваніемъ варяга», какъ говорили тогда. Выставлена была она небольшою группой гласныхъ, его друзей, во главѣ коихъ стоялъ кн. Щербатовъ, у котораго, равно какъ и у Д. Самарина, происходили предвыборныя совѣщанія гласныхъ, коихъ большинство вовсе не знало Чичерина. Въ первую минуту отношеніе къ его кандидатурѣ было недоверчивымъ, друзья его должны были прибѣгнуть къ усиленной пропагандѣ, и если выдвигнутый ими кандидатъ былъ выбранъ Думою довольно внушительнымъ числомъ голосовъ, то это объясняется тѣмъ, что въ данную минуту въ средѣ гласныхъ не было подходящаго лица—и еще тѣмъ, что крупное купечество не имѣло охоты опираться на «черную сотню» мѣщанъ и цеховыхъ, и еще менѣе бороться

съ нею. Но Чичеринъ скоро приобрѣлъ себѣ общее уваженіе Думы и города своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу, своею изумительною добропорядочностію, тактомъ, умѣніемъ обращаться со всѣми, входить въ подробности любого дѣла, въ интересы каждаго, а главное умѣніемъ председательствовать въ засѣданіи, резюмировать пренія. Всѣ эти качества его къ сожальнію порою парализовались однимъ недостаткомъ или пробѣломъ, который не могъ быть поставленъ лично ему въ вину, но который обусловленъ былъ его пониманіемъ, обстоятельствами его жизни. Хотя онъ по долгу жилъ въ Москвѣ, сначала студентомъ, затѣмъ профессоромъ, но никогда онъ не принималъ никакого участія въ муниципальной ея жизни, не входилъ въ составъ разнѣхъ ея общественныхъ круговъ, которые создаютъ эту жизнь. Поэтому какъ тщательно и добросовѣстно ни велъ онъ свое городское дѣло, какъ ни усвоялъ онъ себѣ его задачи, въ помѣ не доставало московской души, чутія къ тому, что нужно было именно для Москвы, ея свойственно, и если въ моментъ его призванія его въ шутку называли варягомъ, то это наименованіе могло остаться за нимъ и на все продолженіе его службы городу. Не сбудется терять изъ виду, что само по себѣ положеніе его было чрезвычайно трудное, щекотливое: дума его почти не знала, городской служебный персоналъ и подавно, администрація побиивалась его ума. Петербургъ видѣлъ въ немъ несправимаго конституціоналиста. По онъ съ честью вышелъ изъ этихъ затрудненій, и имя его заняло почетное мѣсто въ лѣтописи нашего общественнаго управленія.

XIII.

За весь этотъ долгій періодъ времени московская общественная, или свѣтская жизнь представляла мало того, что заслуживало-бы вниманія. Протекала она въ прежнихъ своихъ формахъ, по традиціямъ унаследованнымъ отъ предшествовавшихъ поколѣній, молодежь по прежнему веселилась, влюблялась, ея континенты быстро сѣнялись, и гостепріимные дома по прежнему широко раскрывали ей свои двери. Но вотъ о театрѣ стоитъ поговорить.

Въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ въ театральномъ мірѣ произошло событіе, которое въ первую минуту прошло какъ то незамѣченнымъ, но которое въ дальнѣйшемъ имѣло большія послѣдствія: уничтожена была монополія казенныхъ театровъ. Многимъ теперь не повѣрится, до какихъ предѣловъ простиралась эта монополія. Не только запрещалось открыть какой либо публичный театръ для представленій оперъ или драмъ, но и всякаго рода концерты, публичныя чтенія, отдѣльныхъ сценъ и т. д. требовали разрѣшенія театральной дирекціи. Бывали даже случаи, когда лица, стоящія во главѣ какихъ либо благотворительныхъ обществъ, устраивали въ частномъ домѣ, въ которомъ была подходящая зала, любительскій спектакль съ платнымъ входомъ въ пользу своихъ заведеній, должны были нехотѣйствовать себѣ такое разрѣшеніе, рискуя въ противномъ случаѣ подвергнуться большимъ неприятностямъ. Исключенія допускались только въ лѣтнее время, когда казенные театры бездѣйствовали и когда предприниматели, въ большинствѣ случаевъ весьма неудачные, угощали московскую публику театральными представленіями въ Зоологическомъ саду, гдѣ былъ не театръ, а скорѣе балаганъ, или въ театрѣ Петровскаго

парка. Олимпъ Лентовскій сумѣлъ поставить свой Эрмитажъ на подобающую высоту и завоевать себѣ нѣжную популярность среди москвичей, но опять-таки только въ лѣтніе мѣсяцы, причемъ отъ него требовалось обязательство закрыть свой театръ, какъ только казенные откроютъ свои двери, т.-е. въ половинѣ августа. Затѣмъ бывали еще спектакли въ небольшой и довольно примитивной залѣ, сооруженной Солодовниковымъ въ верхнемъ этажѣ своего пассажа со стороны Петровки, но тамъ ставились пьесы исключительно на иностранныхъ языкахъ, русскія-же безусловно не юнусаались. Французскія труппы, подвизавшіяся въ этомъ театрѣ, состояли изъ мансепетныхъ пѣвицъ самаго посредственнаго сорта, пріѣзжавшихъ въ Москву ради профессіи, ничего общаго съ театромъ не имѣвшей, а мужскими партнерами ихъ были либо прикащики изъ французскихъ магазиновъ, либо молодые педагоги. Благодаря такой исключительности, изъ молодыхъ снать, готовившихся къ сценической дѣятельности, лишь самая ничтожная часть могла надѣяться на принятіе въ казенныя труппы, громадному-же большинству ихъ приходилось подвизаться въ провинціи, гдѣ какъ извѣстно создались на питрбургскія репутации.

Когда эта тяжелая монополія была упразднена, то постепенно возникали частныя сцены, сначала довольно робкія, словно предприниматели ихъ боялись взбрызнуть въ представленную имъ свободу дѣйствій, затѣмъ все болѣе и болѣе закрѣпчившіяся и приобретающія популярность среди москвичей. Первый починокъ принадлежалъ тѣ-же Бренко, устроившій театръ на Тверской, носившій довольно неуклюжее названіе «Театръ близъ памятника Пушкина». Труппа ея была прекрасна и могла успешно конкурировать съ Малымъ театромъ. Затѣмъ появился театръ Корна, первоначально помѣщавшійся въ томъ зданіи, гдѣ былъ Художественный театръ. Наконецъ и Лентовскій открылъ свой зимній театръ на Театральной площади, гдѣ въ настоящее время находится Незлобинскій, и сначала это былъ театръ исключительно соперничавшій съ труппой Эрмитажа и со всѣми ея любимцами московской публики, въ которыхъ она зимою относилась какъ то холодно, чѣмъ лѣтомъ, а затѣмъ оцѣнивши ее драматическою. Не забыты еще доселѣ многіе артисты, выдвинувшіеся на этихъ частныхъ сценахъ и стяжавшіе себѣ громкія имена— Андреевъ-Бурлакъ, Свободинъ, Далматовъ, и др. Что касается до казенныхъ театровъ, то одно время въ Большомъ нераздѣльно царствовала превосходная итальянская опера съ всемірно славными звѣздами первой величины съ волеюущей Паттіи во главѣ, и само собою разумѣется заслоняла русскую оперу, которая однако постепенно расцвѣтала, благодаря возраставшему общію произведеній нашихъ комиссаторовъ и крупныхъ лирическихъ силъ, выступавшихъ изъ консерваторіи и другихъ опочившихъ съ нею заведеній. Но все-таки процвѣтала балетъ, и существовали балетоманы, болѣе молодого поколѣнія, но слѣдовавшіе во всемъ традиціоннымъ обычаямъ своихъ предшественниковъ. Не могу, смѣха ради, не рассказать объ одной чертѣ изъ нравовъ этихъ балетомановъ. Какъ извѣстно одно изъ ихъ удовольствій состояло въ томъ, чтобы на улицѣ попасть на глаза своимъ балетнымъ «предметамъ» и съ этою цѣлью подстеречь ихъ разбѣжъ изъ большого театра послѣ дневныхъ репетицій. Думаю не безъ ихъ участія при входѣ въ Солодовниковскій пассажъ, какъ разъ противъ актерскаго подѣзда, поставлена была скамейка, на которой въ опредѣленный часъ вы-

сѣдали эти балетоманы, разнаго возраста, положеній, профессій, и терпѣливо выжидали той минуты, когда къ подъѣзду подавались извѣстныя всей Москвѣ, неуклюжія кареты и въ нихъ садились «предметы», для слѣдованія по домамъ, и тутъ начинались такіе пантомимные діалоги, что посторонній зритель не посвященный въ тайны театралныхъ нравовъ могъ понять что подумати.

Что касается до Малаго театра, то нельзя было сказать, что имъ переживался періодъ упадка, но это было уже не то, что было лѣтъ за 10 или 20 до этого. Многихъ корифеевъ первой въ Россіи драматической сцены, Шумскаго, Садовскаго, Васильевой уже не было, а молодыя силы, послѣдовательно появлявшіяся на этой сценѣ не были въ силахъ ихъ замѣнить и не могли заставить насъ, тѣхъ знавшихъ, ихъ забыть. Быть можетъ такъ говорю и по свойственной всемъ старѣющимъ людямъ склонности возмещивать то, что знали они, что любили, чѣмъ восхлящались въ юные годы, когда и душа воспримчивѣе и впечатлительность болѣе остра.

Я называю Шумскаго и не могу не прервать своего разсказа. Довольно близко я его зналъ, часто встрѣчая его въ клубѣ, и у нѣкоторыхъ общихъ нашихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и у Н. Н. Красовскаго, съ которыми онъ дружилъ, и на меня онъ производилъ довольно своеобразное впечатлѣніе. Насколько на сценѣ онъ былъ художественно-разнообразенъ, свободно и изычно олицетворяя въ своей игрѣ самыя противоположныя типы отъ высокаго трагическаго до водевилно-шутливаго, настолько въ обществѣ онъ былъ однообразенъ, молчаливъ, необщителенъ. При этомъ въ немъ проявлялась нѣкоторая жалчность, походившая порою на застѣчивость, вовсе не отвѣчающую его возрасту. Въ клубѣ-же онъ всецѣло поглощенъ былъ игрою, цѣлыми ночи просиживалъ онъ за карточнымъ столомъ, и казалось много интереса въ жизни у него не было. Но все это ему прощалось тѣми, кто видѣлъ его на сценѣ, и читатели мои, болѣе меня молодые, едва-ли могли-бы имѣть понятіе о томъ, что это былъ за артистъ-художникъ.

Что Малый театръ не былъ уже тѣмъ, каковы мы его знали въ 60-хъ годахъ, находить отчасти объясненіе въ сравнительной бѣдности репертуара того времени и въ отсутствіи крупныхъ, оригинальныхъ произведеній. Приходилось довольствоваться тѣмъ, что давали только еще начинавшіе авторы—В. Александровъ, Шагинскій и др., либо старыми пьесами, а то переводимыми или передѣланными. Правда, публика относилась къ выбору пьесъ болѣе взыскательно, требованія ея повысились, и въ концѣ 70-хъ годовъ не могло-бы имѣть мѣсто на казенной сценѣ, и при томъ въ Большомъ театрѣ, такое явленіе, какое мы видѣли за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, а именно Оффенбаховскую оперетку «Орфей въ адѣ» и «Прекрасную Елену», съ участіемъ первыхъ сюжетовъ драматической и оперной труппы.

Хотя и порѣдѣли ряды артистовъ Малаго театра, но его сцену продолжали украшать Г. Н. Федотова, М. Н. Ермолова, П. А. Никулина, Садовскій — сыгравъ. Должнъ добавить, что Г. Н. Федотова, за какую-бы роль ни взялась она, пріобрѣтала насъ тою особенною, ни съ чѣмъ не сравнимую и не поддающеюся описанію женственности, которая придавала ей игрѣ пластическую—если можно такъ выразиться—красоту и которую она сохранила до конца своей дѣятельности и проявляла и впослѣдствіи въ своемъ обращеніи, въ своихъ частныхъ бесѣдахъ съ кѣмъ-либо.

XIV.

Снова приходится мнѣ вернуться назадъ и разсказать о пронеходившемъ въ общество, о вліяніяхъ и надеждахъ, которыя въ немъ породила перемена царствованія, совершившаяся въ 1881 г. Какъ извѣстно, въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, вступленіе на престолъ новаго лица является началомъ новой эпохи, обозначаетъ собою ту грань, которая рѣзко отдѣляетъ другъ отъ друга два періода ея исторіи. Такой переходъ въ томъ году имѣлъ тѣмъ болѣе значенія, притомъ трагическаго, что совершился онъ вълѣдствіе кровавой катастрофы, отъ которой общественное мнѣніе долго не могло придти въ себя. А къ этому подлежитъ добавить, что начавшійся новый періодъ представлялся вѣсѣмъ совершенно непредугадываемымъ, загадочнымъ благодаря тому, что личность того, кто олицетворялъ его въ себѣ, личность новаго монарха, была мало извѣстна широкой публикѣ не зарекомендовавъ себя ничѣмъ въ ея глазахъ. При этомъ надлежитъ принять во вниманіе, что послѣдній годъ престолюющаго царствованія ознаменовался, если не реальнымъ поворотомъ внутренней политикѣ, то указаніемъ на возможность такого поворота. Бесплодность борьбы съ террористами административными мѣрами ясно показала, что необходимо прибѣгнуть къ помощи общественныхъ силъ, а отъ участія ихъ въ борьбѣ съ злоумышленниками къ ихъ участію въ самомъ правительственномъ механизмѣ было очень недалеко. Общество понимало, что этотъ небольшой шагъ готовъ былъ совершиться, и призванный къ власти Лорисъ-Меликовъ какъ нельзя лучше угадалъ это настроеніе культурныхъ слоевъ общества. Онъ началъ съ того, что упразднилъ конмарше для всѣхъ III отдѣленіе, и если упраздненіе это, доставившее публикѣ извѣстное удовлетвореніе, казалось простою замѣной одного названія другимъ, то на самомъ дѣлѣ оно имѣло гораздо болѣе глубокий смыслъ, обративъ полномочіе, стоявшее выше всякаго закона и всякой ответственности учрежденіе въ простой органъ или отдѣлъ министерства, отвѣтственный хотя-бы только передъ однимъ министромъ. Затѣмъ онъ задумалъ привлечь «свѣдующихъ людей» для совѣщательной съ ними консультаціи по разнымъ вопросамъ внутренней политикѣ, и вскоре стало извѣстно, что это предложеніе имѣетъ получить широкое примѣненіе, что эти консултанты будутъ призваны отъ земствъ и городовъ, обратившись таковыхъ образомъ къ мѣстнымъ представителямъ. Этотъ проектъ вызвалъ въ общественномъ мнѣніи доволѣнную реакцію—одни готовы были видѣть въ немъ осуществленіе своихъ заветныхъ чаяній, но боялись очень-то на это надѣяться, ибо имъ не вѣрилось, чтобы правительство добровольно и безъ принужденія пошло на такую уступку. Другіе же и въ этомъ слабомъ намекѣ на народное представительство усматривали столь ужасающій ихъ призракъ конституціи. Но проектъ такъ и остался проектомъ, ибо катастрофа 1-го марта произошла чуть не наканунѣ того дня, когда назначено было собраніе высшихъ правительственныхъ чиновъ для окончательнаго рѣшенія этого вопроса, рѣшенія очевидно въ положительномъ смыслѣ.

Начались новыя ожиданія, новыя чаянія, но недолго суждено было имъ длиться. Направленіе новаго царствованія опредѣлилось очень быстро и очень рѣшительно. Сначала удаленъ былъ Лорисъ-Меликовъ, что обозначало оставленіе безъ по-

слѣдствій его замысловъ насчетъ представительства мѣстныхъ элементовъ, затѣмъ одинъ за другимъ полетѣлъ съ мѣстъ ближайшіе сотрудники Александра II, въ томъ числѣ заслуженный и всѣми любимый, гуманный и протѣженный Милосиинъ. Наконецъ опубликованъ былъ документъ, не то указъ Сенату, не то манифестъ, который всѣ ожиданія и надежды задуть какъ свѣчки, провозгласивъ самодержавіе на прежнихъ началахъ краеугольною основой строя. Лишь по прошествіи многихъ лѣтъ, когда монархъ написавшій этотъ документъ давно уже лежалъ въ могилѣ и когда событія нашей внутренней жизни развернулись съ такимъ размахомъ, о какомъ въ то время никто и помыслить не могъ, мы поняли какую ошибку, какое противорѣчіе съ условіями и потребностями времени, содержалъ въ себѣ этотъ документъ, какъ имъ опредѣлялось направленіе обращеніе тому, какое ожидалось общественнымъ мнѣніемъ и какое, казалось, стѣсняло требованіямъ его. Если бы замыселъ Лорисъ-Меликова получилъ бы реальное осуществленіе, если бы задуманное имъ зачаточное и одностороннее представительство было закрѣплено законодательнымъ актомъ и проведено въ жизнь, мы не были бы свидѣтелями многого того, что произошло впоследствии и что привело Россію къ край гибели. Но это понимаемъ мы теперь, когда событія совершились, а въ то время оно сознавалось лишь немногими прозорливыми умами. Тѣмъ не менѣе общественное чужбіе извѣстными образомъ ретривало на совершившійся или намѣченный поворотъ внутренней политики, хотя нельзя назвать его настроеніе ни какимъ либо разочарованіемъ, еще менѣе сознаніемъ обманутыхъ надеждъ. Такое недовѣрчивое настроеніе проявляется между прочимъ въ томъ, какъ въ 1882 году, когда реакціонное направленіе обострилось уже вполне ясно, Москва встрѣтила государя Александра III, пріѣхавшаго на промышленную выставку, устроенную на Ходынскъ. Того, что бывало прежде, при пріѣздахъ покойнаго его Родителя, не было вовсе, не было и энтузіазма при проѣздѣ по улицамъ, и выходъ во дворцъ былъ холоднымъ, и притомъ пришлось полицейскими мѣрами умножить толпу, какъ въ дворцовыхъ залахъ, такъ и на соборной площади въ Кремлѣ. Правда послѣдовательно усилившіяся требованія «охраны», затрудненія доступа для тѣхъ, кто желалъ взглянуть на царя и кто для сего вынужденъ былъ проходить черезъ всякаго рода мытарства для удостовѣренія своей благонадежности, постепенно отваживали народъ отъ Кремля, отбивали у него охоту проникать туда. Само собою разумѣется, что въ этомъ замѣтномъ въ то время охлажденіи играю роль и то сопоставленіе, которое каждымъ дѣлалось про себя—недавняго прошлаго съ настоящимъ, прежней свободы въ доступности къ царю, на площадь, по которой онъ шелъ въ соборъ, на улицы, по которымъ онъ ѣхалъ, съ вновь введенными затрудненіями и стѣсненіями, а равно и сопоставленіе личности того царя, величаваго, обаятельнаго, не скупившагося себя показывать, съ новымъ, мало извѣстнымъ, себя не заявившимъ, ничѣмъ не импонирующимъ и не пѣлившимся.

Выше я упомянулъ о выставкѣ 1882 года. Какъ ни сооружена она была въ широкихъ размѣрахъ, какъ ни роскошно обставлена, а нельзя было ее назвать праздникомъ русской промышленности. Не замѣтно было, чтобы она очень заинтересовала нашу московскую, а съ нею и всероссійскую публику, чтобы вызвала извѣстный подъемъ духа, стремленіе поучиться, извлечь себѣ пользу, удостовѣриться въ ус-

нѣхъ той или другой отрасли промышленности, и доказательствомъ этого служить то, что при миллионномъ населеніи Москвы общее число посѣтителей за 5 мѣсяцевъ едва достигаетъ цифры одного миллиона. Публика шла на выставку въ свободное время, причемъ наиболѣе значительная часть ея толпилась въ тѣхъ отдѣлахъ, которые ласкали взоры — въ художественный, превосходно обставленный академикомъ М. И. Беткинскимъ, и въ художественно-промышленный, во главѣ котораго стоялъ знаменитый въ свое время писатель Д. В. Григоровичъ. Не могу не отмѣтить, что Д. В., съ которымъ я въ это время довольно часто встрѣчался, производилъ чарующее впечатлѣніе молодостью своей души, несмотря на преклонные уже лѣта, жизнерадостнымъ, никогда не измѣнявшимъ ему, настроеніемъ, своею богатою содержаніемъ бесѣдой. Но меня удивляло въ немъ какое-то странное отношеніе къ своимъ литературнымъ произведеніямъ, прославившимъ его въ эпоху его молодости и такъ превосходно изображавшимъ деревню и деревенскій бытъ. Казалось, онъ готовъ былъ отречься отъ нихъ и не упускалъ случая отрицательно отнестись къ этой русской деревнѣ, т.-е. къ своему прошлому, стяжавшему ему почетное имя. Помимо того, что искусства въ широкомъ смыслѣ этого слова сдѣлались первенствующимъ его интересомъ, заключивъ собою балетриетику, онъ сталъ петербургцемъ съ головы до ногъ, нескій воздухъ съ его туманами нѣшкомъ поглотивъ его.

Если московская публика довольно равнодушно отнеслась къ выставкѣ и оставляла пустыми специально промышленные и технические ея отдѣлы, то нельзя было тоже сказать объ иностранцахъ, и въ частности о ближайшихъ нашихъ сосѣдяхъ, нѣмцахъ, уже и тогда насъ завоевавшихъ, если не оружіемъ то товарами, а болѣе всего использованием для себя нашихъ естественныхъ богатствъ и нашихъ произведеній. Ни для кого не было тайной, не обращавшей однако ничьего вниманія, что ѣхали въ Москву разные германскіе торговые агенты, коммивояжеры, еженежно шлывшіеся по выставочнымъ павильонамъ съ записными книжками въ рукахъ. Даже самъ прусскій министръ торговли и промышленности пожаловалъ къ намъ, что стало мнѣ извѣстно по слѣдующему случаю: однажды въ машинномъ отдѣлѣ выставки я встрѣтилъ знакомаго мнѣ германскаго генеральнаго консула — фамилію его не припомню, котораго сопровождали двое господъ ярко тевтонскаго типа, въ безукоризненныхъ двубортныхъ сюртукахъ, съ муаровыми отворотами, что тогда было модною новинкой, и съ блестящими цилиндрами на головахъ. Съ однимъ изъ нихъ онъ меня познакомилъ, назвавъ его министромъ, и когда послѣ обмѣна обязательными въ подобныхъ случаяхъ банальными фразами, мы разстались, консулъ взявъ меня въ сторону и многозначительно премоультивъ: Его Превосходительство путешествуетъ инкогнито, чѣмъ налагалъ молчаніе на мои уста. Ясно было, для чего онъ пріѣхалъ, и для чего инкогнито.

Въ самый разгаръ выставки въ Москвѣ умеръ Скобелевъ и умеръ внезапно, таинственно, въ отдѣльномъ номерѣ ресторана, который болѣе правильно было-бы назвать домомъ свиданій, въ компаніи съ одной дамой нѣмецкой національности. Съ войны 1877—78 гг. личность Скобелева получила какой-то легендарный, героическій отпечатокъ, быть можетъ потому, что его подвиги, его роль и весь его habitusъ какъ нельзя болѣе отвѣчали военнымъ идеаламъ народа. Слава его еще возрасла

отъ успѣха его Текинской экспедиціи, которая была на него возложена для исправленія пораженія, нанесеннаго намъ во время первой экспедиціи въ 1880 г. принятой группой молодыхъ петербургскихъ воиновъ, вздумавшихъ пожинать легкія лавры на настоящей войнѣ, хотя и съ ничтожнымъ по числу и по силамъ народцемъ, вмѣсто того чтобы продолжать ихъ похищаніе въ петербургскомъ свѣтѣ и полусвѣтѣ, и оказавшихся разбитыми на голову, потерявшими все свои орудія и обратившимися чуть не въ бѣгство. Обаяніе Скобелева еще усиливалось въ общественномъ мнѣніи тѣмъ, что онъ былъ въ немилости, что въ высшихъ правительственныхъ кругахъ его боялись, и потому его не выдвигали, ходу не давали его способностямъ и, если и пришлось обратиться къ нему для Текинскаго похода, то это несомнѣнно сдѣлала молва народная, общій голосъ.

Тайна его смерти такъ и осталась тайной, и, конечно, вокругъ нея стали ходить всякія легенды, одна другой неправдоподобнѣе, но доказывающія насколько общее мнѣніе было заинтересовано этимъ событіемъ и насколько оно чувствовало, что тутъ скрывается что-то нечистое. Говорили то о бокалѣ шампанскаго съ ядомъ, присланнаго ему черезъ официанта изъ сосѣдняго номера, гдѣ будто-бы хотѣли пить за здравіе «блага генерала», то о какихъ-то отравленныхъ конфетахъ, которыми его угостила его дама, и т. д. Роль этой послѣдней вообще служила предметомъ разговоровъ и догадокъ. По этому поводу нельзя не обратить вниманіе на то, что въ 80-хъ годахъ, когда Бисмаркъ былъ полновластнымъ хозяиномъ Германіи, тѣ личности, которыя такъ или иначе представлялись опасными для Германіи, которыя не скрывали своей вражды къ ней и угрожали въ будущемъ эту вражду показать на дѣлѣ, умирали таинственною, болѣе или менѣе насильственной смертью, при томъ при участіи или прѣсутствіи пѣмцевъ или нѣмковъ. Кромѣ Скобелева такъ это было съ Гамбетой, Людовикомъ Баварскимъ, Рудольфомъ австрійскимъ. Бисмаркъ не постѣснявшійся поддѣлать телеграмму, послужившую исходнымъ пунктомъ франко-прусской войны 1870 г. и цинично этимъ похващавшійся въ своихъ запискахъ *), само собой былъ прибѣгнуть къ подобнымъ средствамъ ради избавленія своего созданія отъ опасныхъ для него людей.

Скобелевъ былъ года на 3 старше меня. наши матеря были въ родствѣ, довольно впрочемъ отдаленномъ, въ дѣтствѣ мы играли въ солдатики, въ чемъ, быть можетъ предвѣщалась его будущность, но ужъ ни въ какомъ случаѣ не моя. Въостѣствіи онъ довольно рѣдко прѣбывалъ въ Москвѣ, но когда это случалось, то всегда навѣщалъ меня. Уже съ самой ранней молодости его бесѣды искрились священнымъ огнемъ, когда-же онъ пускался на откровенности насчетъ Петербурга, его чиновныхъ и военныхъ сферъ, то его слова звучали, даже можно сказать трепетали благороднымъ, ничѣмъ не удержимымъ негодованіемъ. Умеръ онъ на сороковомъ году своей жизни, а прожилъ онъ еще 25 — 30 лѣтъ, какая крупнѣйшая роль предтояла-бы ему въ послѣдующихъ событіяхъ.

*) Pensées et souvenirs par le Vei Bismarck, Paris, 1899, II томъ, стр. 104—109.

Въ заключеніи этой части моихъ воспоминаній я вновь прошу читателей не сѣтовать на меня за очень быть можетъ сухой перечень лицъ, съ которыми я такъ или иначе бывалъ въ общеніи. Но такова черта, общая всѣмъ людямъ, но въ особенности тѣмъ, кто достигъ какъ я я преклонныхъ лѣтъ, что восстанавливаемое ими въ своей памяти прошлое какъ-то само собою сгруппировывается вокругъ тѣхъ или другихъ личностей, игравшихъ болѣе или менѣе значительную роль въ ихъ прошломъ, какъ въ широкой публичной дѣятельности ихъ, подлежащей общей оцѣнкѣ, такъ и въ ихъ личной, интимной жизни. Не могу къ этому не присовокупить, что воскрешая такимъ образомъ все это давно минувшее прошлое, эти его ожившіе облики, я какъ-то элегично сознаю свое одиночество, ибо изъ-моихъ сверстниковъ, современниковъ тѣхъ эпохъ, перечисленныхъ мною на этихъ страницахъ, едва-ли два-три чловѣка остались еще доживать свой вѣкъ на бѣломъ свѣтѣ. А вмѣстѣ съ этимъ при такомъ возстановленіи прошлого, мы невольно удивляемся какъ эти люди, эти вызванные тѣни, какъ иные изъ нихъ въ свое время ни были значительны и крупны сами по себѣ, какую-бы видную роль ни играли они въ общественной жизни, а какъ мало остается послѣ нихъ реальнаго, осязательнаго долго послѣ того, что они перенеслись въ иной міръ. Лишь очень немногихъ имена остаются не въ памяти, а въ помыслахъ послѣдующихъ поколѣній, знающихъ ихъ по тому, что они создали, что имъ отъ нихъ унаслѣдовано, громадное-же большинство сохранило свои имена въ памяти тѣхъ, кто ихъ лично знаетъ, кто съ ними бывалъ въ общеніи, когда-же и эти въ свою очередь покинутъ этотъ міръ, то и самыя имена ихъ изгладятся безслѣдно и безповоротно.

Кн. В. Голицынъ.

Житейскія вѣгрьчи *)

«Петръ IV».

Покушеніе Каракозова на жизнь императора Александра II, четвертаго апрѣля 1866 года, послужило поворотнымъ пунктомъ для перехода назаней внутренней политики съ пути преобразованій на путь постепенно возрастающаго недовѣрія къ обществу, подозрительнаго отношенія къ молодому поколѣнію и сомнѣнія въ цѣлесообразности уже осуществленныхъ реформъ. Государь былъ не только напуганъ, но и глубоко огорченъ совершившеюся неожиданностью покушенія. Окружавшіе, повидимому не постарались его успокоить указаніемъ на многочисленныя и неподдѣльныя проявленія любви и преданности ему населенія. Наоборотъ, такимъ его настроеніемъ воспользовались тѣ, кому были не по душѣ «великія реформы» и кто, примирившись скрѣпя сердце, съ отміной крѣпостныхъ порядковъ, мечтали о возвращеніи въ той или другой формѣ, возможности проявленія крѣпостныхъ наывковъ, сходясь въ этомъ отношеніи со своимъ будущимъ глашатаемъ, издателемъ «Гражданина» княземъ Менцерскимъ, проповѣдовавшимъ необходимость «поставить точку» къ преобразованіямъ. Подъ ихъ вліяніемъ сошелъ со сцены активной государственной дѣятельности министръ народнаго просвѣщенія Голюшкинъ, замѣщенный графомъ Д. А. Толстымъ съ его «классицизмомъ», какъ оздоровляющей и отвлекающей отъ «злобы дня» системой гимнастическихкихъ упражненій для ума. Ушелъ и министръ юстиціи Замятинъ, повинный въ проведеніи зловредныхъ началъ, заключавшихся въ только что введенныхъ въ дѣйствіе Судебныхъ Уставахъ. Все «направленіе» внутренней политики и ея дальнѣйшее направленіе попали въ руки новаго шефа жандармовъ, графа Петра Андреевича Шувалова.

Перейдя изъ Казани въ Петербургъ въ 1871 году, я застаю Шувалова въ полномъ разгарѣ могущества и вліянія на Государя, дававшихъ себя чувствовать всѣмъ вѣдомствамъ. Лишь свѣтски сформованный и, конечно, далеко не государственный человѣкъ въ настоящемъ смыслѣ слова, онъ былъ однако не только уменъ, но по отзывамъ близко его знавшихъ очень хитеръ. Онъ

*) Продолженіе. См. «На жизненномъ пути», т. I, первое изданіе, 1912 г. Также «Нива» 1918 г.

понялъ, что существованіе «третьяго отдѣленія собственной его величества канцеляріи» представляется въ значительной степени эфемернымъ. Несмотря на всю свою прозную и мрачную силу, это учрежденіе не имѣло прочныхъ корней и, какъ показалъ въ послѣдствіи графъ Лорисъ-Меликовъ, могло быть уничтожено однимъ почеркомъ пера. Поэтому Шуваловъ задаясь мыслью привить свое вѣдомство къ прочнымъ учрежденіямъ, безъ существованія которыхъ немислимо никакое общество въ современныхъ условіяхъ цивилизации. Наибольше подходящимъ въ этомъ отношеніи, конечно, оказался судъ въ своей задачѣ изслѣдованія преступленій и осуществленія карательнаго закона. И вотъ результатомъ давленія Шувалова на одного изъ своихъ ставленниковъ—министра юстиціи гр. Палена, оказался законъ 19 мая 1871 года, въ силу котораго по политическимъ преступленіямъ, а также и по общимъ, въ особо важныхъ случаяхъ, чины жандармскаго корпуса были поставлены въ подчиненіе прокурорскаго надзора. Послѣдствія этого закона были самыя пагубныя. Онъ не улучшилъ знаній и пониманія жандармовъ, въ большинствѣ случаевъ крайне невѣжественныхъ въ юридической области, и въ то-же время въ значительной мѣрѣ развратилъ прокуратуру, чины которой изъ наблюдателей за законностью дѣйствій нерѣдко дѣлались фактически активными производителями дознаній и на успѣшномъ производствѣ ихъ строили свою карьеру, считая очень часто свои прямыя обязанности публичныхъ обвинителей дѣломъ второстепеннымъ. Въ запискѣ, представленной мною въ 1878 году наслѣднику престола, будущему Александру III, подробно изложены мотивы и характеръ дѣйствій этихъ господъ, нашедшіе себѣ яркое выраженіе въ такъ называемомъ Жихаревскомъ дѣлѣ. Поспѣшность возбужденія политическихъ дознаній и невѣжество въ ихъ производствѣ остались, въ сущности тѣми-же, лишь подъ легкимъ прикрытіемъ яко-бы законныхъ формъ, а прежнее русское добродушіе, иногда встрѣчавшееся у старыхъ мѣстныхъ представителей жандармеріи, смѣнилось чиновничьимъ бездушіемъ и черствостью невоявленныхъ «спасителей отечества». Въ старые годы, въ моей провинціальной службѣ мнѣ приходилось встрѣчать жандармскихъ штабъ-офицеровъ, невольно возбуждавшихъ къ себѣ доброе чувство. Они напоминали своею дѣятельностью извѣстный отвѣтъ графу Бенкендорфу императора Николая, подавшаго ему на просьбу объ «инструкціи», платокъ со словами: «вотъ тебѣ инструкция: чѣмъ больше слезъ утрешь, тѣмъ лучше». Таковъ былъ въ Харьковѣ безконечно добрый и оригинальный, съ лицомъ, напоминавшимъ образъ полишинеля, генералъ Ковалинскій, пользовавшійся всеобщимъ и непререкаемымъ уваженіемъ всего мѣстнаго населенія. Таковъ былъ въ Казани полковникъ Ларіоновъ, гробъ котораго мѣстные жители—и въ томъ числѣ многочисленные студенты—несли на рукахъ отъ города до кладбища. Вѣроятно, послѣдняго изъ представителей этого типа я встрѣтилъ въ 1895 году въ лицѣ генерала Янковскаго въ Тифлисѣ во время производства мною ревизіи судебныхъ учрежденій. Представляясь мнѣ, онъ объяснилъ, что былъ ученикомъ моего отца въ Дворян-

скомъ пожу и процитировать неизвѣстное мнѣ переводное четверостишіе послѣдняго:

Ты плакалъ, другъ, на свѣтъ родясь,
А окружавшіе смѣялись!
Живи-же такъ, чтобъ умеръ ты смѣясь.
А окружавшіе въ слезахъ остались

По общимъ отзывамъ и по тѣмъ слѣдамъ его дѣятельности, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, онъ и въ своей служебной жизни руководился этимъ четверостишіемъ. Такихъ типовъ что-то не встрѣчалось въ прокуратурѣ, которая послѣ пышнаго расцвѣта талантовъ въ началѣ 70 годовъ, стала быстро увядать; при чемъ вліятельныя мѣста въ ней, въ качествѣ переходной ступени въ будущіе министры, стали занимать лица, на недоумѣвающій вопросъ о способностяхъ и заслугахъ которыхъ приходилось слышать: «да, онъ не выступалъ ни разу публично, но онъ произвелъ замѣчательное политическое дознаніе въ Харьковѣ, Кіевѣ и т. п. и его только путемъ повышения можно было удержать въ судебномъ вѣдомствѣ отъ блестящаго перехода въ администрацію». Такимъ былъ, между прочимъ, и Плева.

Цѣль Шувалова была достигнута. Тѣсно переплетаясь съ прокурорскимъ надзоромъ, чины жандармской полиціи на долго обезпечили себѣ существованіе въ государственномъ механизмѣ, а ихъ шефъ получилъ возможность докладывать государю «о внутреннихъ врагахъ», открытыхъ и усмотренныхъ уже не недомыслиемъ «спящихъ тюльпановъ», а совокупною ихъ дѣятельностью съ высокообразованными чинами судебного вѣдомства. Для того, чтобы придать взглядамъ жандармеріи внѣшній правовой характеръ, была даже учреждена особая должность юрисконсульта при шефѣ жандармовъ, на которую былъ назначенъ талантливый, но обураваемый страстью «пожить»—прокуроръ Петербургскаго окружнаго суда М. Н. Баженовъ.—«Какую должность занялъ Баженовъ?» спрашивать меня остроумный членъ Харьковской судебной палаты Яблонскій, женатый на сестрѣ знаменитаго Мечникова.—«Юрисконсульта при шефѣ жандармовъ»—отвѣчалъ я.—«Не понимаю»—замѣтилъ Яблонскій: «не могу понять! Юрисконсультъ при III отдѣленіи?! Да, вѣдь это все равно, что сказать: «протоіерей при домѣ терлимости».

Но, прививка, предпринятая графомъ Шуваловымъ, не ограничилась прокурорскимъ надзоромъ и, слѣдовательно, Министерствомъ Юстиціи. Онъ попробовалъ влести жандармерію въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ и притомъ по пересыльной части. Отдѣльный корпусъ внутренней стражи всегда возбуждалъ противъ себя нареканія и своимъ неуклюжимъ устройствомъ и крайне низкимъ уровнемъ своихъ офицеровъ. Несмотря на предпринятые преобразованія, Министерство Внутреннихъ дѣлъ очень тяготилось пересыльною частью тюремнаго дѣла, находившагося въ его вѣдѣніи. По почину Шувалова была образована коммиссія по тюремной реформѣ, въ

которой онъ принялъ дѣятельное участіе, совершенно заслоняя собою мягкаго и тяжкодумнаго предсѣдателя, члена Государственнаго Совѣта Зубова. Въ этой комиссіи онъ предложилъ передать всю пересыльную часть въ руки жандармскаго корпуса и такимъ образомъ сдѣлать послѣдній необходимымъ звеномъ въ дѣятельности Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Наша обычная законодательная волокита затянула осуществленіе этого намѣренія на нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ Шуваловъ сошелъ со сцены. Его мысль, но только почти наоборотъ, осуществилась гораздо позже, когда вслѣдствіе совокупнаго представленія министровъ—Горемыкина и Муравьева—состоялась, безъ всякаго законодательнаго обсужденія, передача всего тюремнаго дѣла,—въ его статикѣ и дидактикѣ—въ вѣдѣніе министра юстиціи. Скучный бюджетъ тюремнаго вѣдомства остался въ основаніяхъ своихъ прежнимъ, типичный составъ тоже, но генераль-прокуроръ и блюститель правосудія, сдѣлавшійся оберъ-тюремщикомъ и хозяйственнымъ распорядителемъ по тюремной части получить прибавку содержанія и мундиръ тюремнаго вѣдомства съ присвоенными ему золотыми жгутами и шашкой... Едва-ли отъ этого тюремное дѣло улучшилось, что доказалъ рядъ неустройствъ и безпорядковъ застѣнутыхъ событіями 1905—1906 годовъ.

Въ 1871 году въ Петербургѣ возникло подъ моимъ прокурорскимъ наблюденіемъ дѣло о поддѣлкѣ акцій Тамбовско-Саратовской желѣзной дороги. Она совершалась въ Брюсселѣ и такъ искусно, даже слишкомъ искусно, что эксперты на судѣ признали поддѣльныя акціи болѣе тонкими по исполненію, чѣмъ настоящія. Этимъ дѣломъ занимался осужденный за организацію шайки письменосцевъ для похищенія цѣнныхъ вложеній въ пакеты и обѣжавшій за границу Феликсъ Ярошевичъ. Его снабжали необходимыми средствами библиотечаръ Медико-Хирургической Академіи докторъ Никитинъ и бывшій уѣздный врачъ и акушеръ Колосовъ, а посредникомъ между ними и исполнителемъ различныхъ порученій былъ сынъ Феликса Ярошевича Александръ (Олесь). Для окончательной организаціи дѣла за границу ѣздить Колосовъ, предложившій тайной полиціи свои услуги въ качествѣ человѣка, могущаго, по его словамъ «выслѣдить эмиграцію», изловить извѣстнаго по политическому процессу 1870 года Нечаева и «выяснить личность и положеніе Карла Маркса (?)». Первая серія привезенныхъ имъ изъ Брюсселя акцій была передана Никитину и хранилась въ обширной академической библиотекѣ. Вся эта преступная операція, вѣроятно, прошла-бы для участниковъ благополучно и съ большою выгодой, но все дѣло рухнуло, потому что осуществился знаменитый афоризмъ: «cherchez la femme». Олесь былъ страстно влюбленъ въ дочь чиновника той-же Медико-Хирургической Академіи Ольгу Иванову, которая, считаясь его невестой, возстановляла его противъ Колосова, съ которымъ, въ то-же время, состояла тайно отъ жениха, въ связи и ѣздила съ нимъ за границу подъ предлогомъ полученія дорогихъ брилліантовыхъ серегъ, если ей удастся при предполагаемой встрѣчѣ съ Нечаевымъ его «увлечь и замануть въ Россію». Она успѣла поссорить ихъ обоихъ и довести до край-

няго раздраженія, кончившагося кулачной расправой... и постѣдовавшимъ показнымъ примиреніемъ. Боясь мстительности Колосова и довѣряя его разсказамъ о даваемыхъ ему порученіяхъ по политическому розыску между эмигрантами, которыхъ Колосовъ со своей точки зрѣнія, раздѣлялъ на шаткихъ и мошенниковъ, Ярошевичъ посвятилъ въ свои опасенія Никитина и съ общаго согласія ихъ обоимъ и Ивановой было рѣшено уговорить Колосова вновь съѣздить въ Брюссель вмѣстѣ съ Ярошевичемъ, причемъ по дорогѣ, гдѣ нибудь въ удобной обстановкѣ, Олесъ долженъ былъ «прописать» ему, по выраженію Никитина, «ижицу», т. е. отравить его морфіемъ и взять у него документы, удостовѣряющіе его личность. Но Колосовъ, повидимому, догадался о грозившей ему опасности и просилъ у начальника III отдѣленія защиты. Перехваченное затѣмъ письмо Никитина къ Феликсу Ярошевичу, въ которомъ весьма подробно описывалось, что предполагается сдѣлать съ Колосовымъ, присоединило къ дѣлу о поддѣлкѣ еще и обвиненіе въ приготовленіи къ убійству. Ни Никитинъ, ни Олесъ ни въ чемъ не сознались, но когда Иванова обратилась въ прокурорскій надзоръ съ письмомъ на имя Ярошевича, въ которомъ упрекала его въ подговорѣ дать ложное показаніе при допросѣ въ его пользу,—потрясенный этимъ коварнымъ предательствомъ своей невесты, Олесъ рѣшилъ раскрыть всю правду.

Когда по ходу этого дѣла пришлось произвести обыскъ въ огромной библиотекѣ Медико-Хирургической Академіи съ цѣлью выемки спрятанныхъ тамъ поддѣльныхъ акцій, для оцѣпленія зданія потребовалась многочисленная стража.—Судебный слѣдователь рѣшилъ впервые воспользоваться закономъ 19 мая и пригласить къ содѣйствію при обыскѣ чиновъ корпуса жандармовъ. Обыскъ продолжался всю ночь и далъ блестящіе результаты: акціи были найдены. Въ эту ночь у шефа жандармовъ графа Шувалова былъ балъ, на которомъ присутствовалъ и государь. Интересуясь ходомъ обыска, Шуваловъ неоднократно присылалъ справиться о немъ у начальника командированныхъ жандармовъ, ротмистра Рёмера и послѣднимъ немедленно доложить государю о достигнутомъ успѣхѣ, какъ видимомъ доказательствѣ цѣлесообразности и пользы новаго закона, вѣроятно приписавъ этотъ успѣхъ участію жандармскихъ чиновъ изъ которыхъ нѣкоторые въ дѣйствительности лишь затрудняли слѣдователя безтактными и неумѣстными вопросами.

Дня черезъ два графъ Паленъ сказалъ мнѣ, что Шуваловъ желаетъ лично отъ меня узнать о томъ, какъ дѣйствовали его чины и просить меня захватить къ нему. Шуваловъ встрѣтилъ меня съ утонченною любезностью въ бѣломъ кабинетѣ съ колоннами знаменитаго «зданія у Цѣпнаго моста», рассыпался въ похвалахъ успѣшной дѣятельности судебного вѣдомства и затѣмъ, неожиданно переѣмивъ тонъ, спросилъ меня: «ну а что мои скоты?» Я понялъ, о комъ шла рѣчь, но подобный вопросъ со стороны челоуѣка, носившаго жандармскій мундиръ и свѣтски-воспитаннаго, показался мнѣ до такой степени неприличнымъ, что я его умышленно не уразумѣлъ и спросилъ Шувалова, о комъ онъ говоритъ. Онъ понялъ мой намекъ. Его тонкое лицо слегка

покраснѣло, онъ на мновеніе презрительно прищурилъ глаза, оглянуть меня съ ногъ до головы, но затѣмъ тотчасъ овладѣлъ собою и съ недоброю усмѣшкою сказалъ: «я такъ рѣзко выразился о бывшихъ при обыскѣ жандармскихъ чинахъ: вѣдь, они, вѣроятно шагу ступить не умѣли?»—«Прوماхи во всякомъ новомъ дѣлѣ возможны, но указанія слѣдователя были ими исполнены вполне усердно и по возможности толково».—«Очень пріятно слышать, такую оцѣнку»,—сказалъ онъ и вдругъ переходя въ надменный тонъ и гордо закинувъ голову, прибавилъ: «а я со своей стороны долженъ объявить вамъ, что государь императоръ изволить быть доволенъ вашими дѣйствіями по этому дѣлу». И я въ свою очередь понялъ, что хотѣлъ мнѣ этимъ сказать «Петръ IV»: «ты задумалъ меня учить, какъ выражаться о моихъ подчиненныхъ—сквозило въ его словахъ—такъ я тебѣ напомню, что я могу говорить съ тобою именемъ государя». Но, я поднялъ перчатку, отвѣтивъ, что мнѣ будетъ очень пріятно услышать объ этомъ отъ министра юстиціи, моего непосредственнаго начальника, которому, конечно, о высочайшемъ удовольствіи уже сообщать онъ, графъ Шуваловъ для объявленія мнѣ. Шуваловъ скользнулъ по мнѣ мимолетнымъ взглядомъ и мы простились молча.

Черезъ полгода я видѣлъ его выходящимъ изъ кабинета графа Палена. Законъ 19 мая былъ въ полномъ разгарѣ и въ Петербургѣ производилось подъ руководствомъ чрезвычайно исполнительнаго формалиста—товарища прокурора судебной палаты—искусственно вздутое «утирателями слезъ» дознание о кружкахъ между учащими, которымъ Шуваловъ, державшійся системы запутыванія государя, былъ повидимому, вполне удовлетворенъ. Остановившись въ дверяхъ кабинета съ провожавшимъ его Паленомъ, онъ, не стѣняясь присутствіемъ постороннихъ, сказалъ ему, прямо-называя товарища прокурора: «пожалуйста, устройте мнѣ его. Мнѣ очень этого хочется.. Не забудьте.» И, горделиво поднявъ голову, онъ быстро прошель мимо, бросивъ на меня высокомѣрный взглядъ, какъ на совершенно незнакомаго ему чело-вѣка. Черезъ недѣлю его императивное желаніе было исполнено служебнымъ помысленіемъ упомянутого имъ лица.

Прошло еще два года. Придворные недоброжелатели Шувалова сумѣли разными коварными намеками возбудить противъ него ревнивую подозрительность Александра II и, какъ рассказываютъ, однажды за карточнымъ столомъ государь сказалъ, вздумавшему будто-бы конкурировать съ нимъ Петру IV: «а знаешь, я тебя назначилъ посломъ въ Лондонъ». Черезъ недѣлю послѣ опубликованія этого назначенія я провожалъ кого-то изъ близкихъ знакомыхъ на Николаевскую дорогу и, проходя по платформѣ станціи увидѣлъ у послѣдняго вагона перваго класса генерала въ конногвардейской фуражкѣ, окруженнаго небольшою группой провожавшихъ. Мнѣ показалось, что это Шуваловъ, но нѣтъ! сказалъ я себѣ: тотъ былъ выше ростомъ и говорить болѣе увѣреннымъ и низкимъ голосомъ». Но, когда я проходить второй разъ мимо группы у вагона и сталъ вглядываться въ генерала, послѣдній мнѣ привѣтливо поклонился, и я узналъ въ немъ дѣйствительно Шува-

лова. Но, это былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Онъ поразительно измѣнился, согнулся и какъ-то весь поobleкъ. Куда дѣвались гордый подъѣмъ головы, надменное выраженіе лица и презрительное прищуриванье глазъ. Онъ имѣлъ видъ человѣка, поколебавшагося въ уваженіи къ самому себѣ и пристыженнаго въ глазахъ общества. А между тѣмъ званіе посла при Санъ-Джемскомъ кабинетѣ было, по широтѣ и ясности задачъ, конечно выше сомнительной прелести «начальника III отдѣленія» и верховнаго наущника при русскомъ государѣ. Но, таково уже свойство многихъ русокихъ людей, хлебнувшихъ власти: не источникъ послѣдней и не цѣли, ею преслѣдуемая, заставляютъ ихъ цѣнить свое положеніе, а исключительно ея объемъ и внѣшнія атрибуты.

Мнѣ вспоминается по этому поводу разсказъ извѣстнаго писателя Д. В. Григоровича объ одномъ ничтожномъ бюрократѣ, который рѣшительно ничего не дѣлалъ по своему министерству, говоря лишь постоянно докладчикамъ: «пожалуйста покороче» и занимаясь интригами противъ другихъ министровъ, причемъ онъ даже безобиднаго Набокова считалъ «вреднымъ» и содѣйствовать его паденію. Когда предсѣдатель государственнаго совѣта великій князь Михаилъ Николаевичъ объявилъ ему, что онъ назначенъ предсѣдателемъ одного изъ департаментовъ совѣта, этотъ министръ пришелъ въ совершенное отчаяніе, чуть не со слезами просилъ оставить его въ прежней должности, такъ какъ будто-бы многія важныя реформы имъ еще не закончены и т. д., а когда получилъ указаніе на то, что рѣшеніе уже состоялось, то, пріѣхавъ домой и съ тоской объявляя своимъ курьерамъ и швейцару: «я больше не явлюсь министръ», затерся и заболѣлъ. «Все оттого»—прибавлялъ Григоровичъ,—что лишился возможности разъ въ недѣлю быть въ сферѣ зрѣнія Гатчинскаго ока и знать, что даже разъ въ недѣлю въ его собственной пріемной такъ-же внутренне трепещутъ просители и подчиненные, какъ трепещетъ онъ предъ тѣмъ, чтобы предстать передъ монархомъ. Это—особое психологическое состояніе». По-видимому, въ такомъ-же психологическомъ состояніи находился и графъ Шуваловъ, когда я его видѣлъ на желѣзной дорогѣ. Ускользнувшая изъ рукъ возможность «терзать пугливое воображеніе» царя была ему слишкомъ дорога, а такъ ею пользовались нѣкоторые изъ его преемниковъ я убѣдился въ бытность мою вице-директоромъ департамента министерства юстиціи. Для какой-то служебной справки Департаменту понадобилось подлинное производство дѣла о приготовленіи къ совершенію крушенія императорскаго поѣзда въ Балтѣ. Оказалось, что раздутое прокуроромъ Пржецлавскимъ приготовленіе сводилось къ пропавшъ рельсовой накладкѣ и окончилось ничѣмъ. Но на телеграммѣ Пржецлавскаго, гдѣ это происшествіе рисовалось, какъ успешно открытый злодѣйскій замыселъ на жизнь монарха, переданной въ копіи отъ шефа жандармовъ министру юстиціи, значилась помѣта перьями изъ нихъ: «доложено Государю Императору такого-то числа». Меня заинтересовало время доклада, а по свѣркѣ съ календаремъ того года, когда это произошло, оказалось, что это былъ первый день пасхи и что почтенный и

своеобразный охранитель верховной власти отразилъ своей ненужной и лукавой поспѣшностью бѣдному монарху примирительные часы свѣтлаго кристіанскаго праздника.

Я встрѣтился съ Шуваловымъ еще разъ въ началѣ 80-хъ годовъ, изъ рижскомъ штрондѣ. Онъ, повидимому, сильно взялъ «лѣво руля!» и ядовито осуждалъ нашу тогдашнюю политику въ Прибалтійскомъ краѣ, не удовлетворявшую ни нѣмцевъ, ни латышей и все болѣе и болѣе углублявшую существующую между ними пропасть. Затѣмъ, лѣтъ черезъ десять намъ пришлось быть у моего сослуживца по Сенату гр. Бобринскаго. Шуваловъ—такъ мѣняются времена—доказывать послѣ обѣда знаменитому Пазухину нелѣпость учрежденія земскихъ начальниковъ и очень при этомъ горячился, попросивъ и выпивъ одинъ цѣлую бутылку тяжелаго Бургонскаго вина. Но уже въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, 15 декабря, Валуевъ записываетъ въ своемъ дневникѣ, что въ засѣданіи для обсужденія измѣненій въ уставѣ о всеобщей воинской повинности Шуваловъ «обнаружилъ до какой степени онъ измѣлчалъ умственно: говорилъ безъ надобности долго, привязчиво къ мелочамъ и притомъ безтолково». Въ тѣ-же восьмидесятые годы мнѣ пришлось сидѣть подъ его предсѣдательствомъ—въ качествѣ члена отъ Министерства юстиціи—съ комиссіи для разбора претензій, заявленныхъ извѣстнымъ Одесскимъ городскимъ головою Новосельскимъ къ турецкому правительству по поводу причиненныхъ принадлежавшему ему пароходу аварій во время бомбардированія турками въ 1860 году Бѣлграда. Въ засѣданіи этой комиссіи, происходившихъ по вечерамъ, бывшій временщикъ приходитъ подъ очевиднымъ вліяніемъ обѣденныхъ возліяній, съ трудомъ усвоивалъ себѣ возникавшіе вопросы и охотно уступать мнѣ предсѣдательство, нерѣдко начинать дремать въ разгарѣ «обмѣна мнѣній». Повидимому, онъ искалъ забвенія отъ возстававшихъ предъ нимъ видѣній давно прошедшаго властительства надъ судьбами русской внутренней политики и надъ душою, натуганнаго покушеніемъ Капразова, государя.

А. Ѳ. Кони.

«Старушка Шмидтъ».

Друзья и гости Ясной Поляны.

«Дней лѣтъ нашихъ—семьдесятъ лѣтъ, а при большей крѣпости—восемьдесятъ лѣтъ; и самая лучшая пора ихъ—трудъ и болянь...».

Пс. 89. Ст. X.

«Положеніе людей, не поднявшихся до религіознаго сѣзанія — ...очень затруднительное, когда они наблюдаютъ поступки людей религіозныхъ. Они въ такомъ же недоумѣніи, въ какомъ долженъ быть чловѣкъ, живущій одной животной жизнью, при видѣ поступковъ людей, живущихъ умственной жизнью».

Изъ дневника Л. Н. Толстого, 22-го марта. 1902.

Въ маленькой усадьбѣ, верстахъ въ 10 отъ Тулы, между огородомъ и пробѣжкой дорогой на колодезь, подъ нѣсколькими старыми плакучими березами—насыпанъ небольшой продолговатый холмикъ. Это мѣсто, гдѣ покоится тѣло Маріи Александровны Шмидтъ;—«Старушки Шмидтъ», какъ ее называли въ послѣдніе годы ея жизни. Она умерла въ 1911 году, черезъ годъ послѣ кончины ея друга и учителя, моего отца—Л. Н. Толстого. Послѣ ея смерти между ея друзьями часто поднимался вопросъ о томъ, чтобы написать о ней воспоминанія. Ея жизнь была слишкомъ поучительна и трогательна, чтобы предать ее забвенію. Нѣсколько разъ и я бралась за перо, чтобы хоть вкратцѣ рассказать о ней то, что осталось въ моей памяти. Останавливало меня всегда воспоминаніе о ея необыкновенной скромности и о ея смирении. Для нея всегда бывало тяжело и неловко, когда обращали на нея исключительное вниманіе и говорили или заботились о ней.—Душнѣлка, отвѣжайтесь:—говаривала она въ такихъ случаяхъ, шутливо отмахиваясь. И мнѣ казалось неловкимъ нарушать ея скромность. Но для меня память о старушкѣ Шмидтъ такъ часто служила и служить примѣромъ и поддержкой въ трудныя минуты моей жизни, что я рѣшаюсь нарушить ея посмертную скромность и рассказать то, что я о ней помню и знаю.

Въ самое горячее время отцовскаго перелома, когда, по его словамъ, настроеніе его жизни измѣнилось, желанія стали другія, и доброе и злое—

перемѣнилось мѣстами и, когда онъ страстно и искренно писалъ объ этомъ,—одно изъ его рукописныхъ сочиненій попало въ руки служащей въ Московскомъ Николаевскомъ училищѣ классной дамы—Ольги Алексѣевны Баршевой. Ольга Алексѣевна была утонченно воспитанная и хорошо образованная, хрупкая тоненькая женщина изъ старой дворянской семьи, съ чуткой, отзывчивой душой. Прочитавъ сочиненіе Толстого, она была поражена могучей силой правды, которымъ оно дышало. Ей хотѣлось подѣлиться своимъ впечатлѣніемъ съ самымъ близкимъ своимъ другомъ—Маріей Александровной Шмидтъ, которая также служила классной дамой въ томъ же училищѣ. Рѣзкая и рѣшительная Марія Александровна сначала пожелала узнать, о чемъ пишетъ Толстой въ своей статьѣ. Узнавъ, что онъ порицаетъ православіе, Марія Александровна, которая была очень вѣрующей церковницей,—отказалась даже прочесть статью, которую робко рекомендовала ей Баршева.

— Вашъ Толстой безбожникъ! Отвяжитесь съ нимъ, пожалуйста! Я его и читать не стану!—рѣзко заявила Марія Александровна.

Но Ольга Алексѣевна не отвязалась. Черезъ нѣсколько времени она опять предложила Маріи Александровнѣ прочесть рукопись.

— Нельзя бранить и отрицать то, чего вы и не читали,—мягко замѣтила она своей рѣшительной подругѣ.

Марія Александровна не могла не согласиться съ справедливымъ доводомъ Баршевой и принялась за чтеніе рукописи. Съ первыхъ же строкъ сочиненіе ее покорило и приковало ея вниманіе до тѣхъ поръ, пока она не прочла его до конца.

— Душенька, Ольга Алексѣевна!—закричала она своей подругѣ, кончивши чтеніе.—Надо достать все, что написалъ Толстой въ этомъ духѣ!

— Я слышала, что онъ сдѣлать новый переводъ Евангелія,—сказала Ольга Алексѣевна.

— Такъ ѣдьте сейчасъ въ Синодальную Библіотеку и спросимъ—нельзя ли тамъ купить этотъ переводъ...

Разумѣется, въ Синодальной Библіотекѣ не только не нашли Толстовскаго Евангелія, но требованіе классныхъ дамъ смутило и даже возмутило приказчиковъ.

— Ну, такъ ѣдемъ къ самому Толстому!—рѣшили Марія Александровна.

Ольга Алексѣевна обомѣла... Она стала возражать, находя слезливымъ и навязчивымъ беспокоить незнакомаго человѣка.

— Да и какъ посмотритъ Толстой на наше посѣщеніе...

Но Марія Александровна не дала ей договорить.

— Отвяжитесь, душенька, вы со своими аристократическими мажорами!—кричала она, поспѣшно одѣваясь.—Человѣкъ открыть намъ глаза! Показать намъ свѣтъ! Дать намъ жизнь! А мы будемъ думать о свѣтскихъ приливіяхъ! Отдѣайтесь и ѣдемъ!

Маленькая Ольга Алексѣевна подчинилась и двѣ классныя дамы поѣхали въ Хамовники, гдѣ въ то время жила наша семья.

Все описанное мною до сихъ поръ—я разсказываю со словъ Маріи Александровны и думаю, что я все передаю почти дословно, такъ какъ она любила вспоминать это время и я часто слыхала отъ нея этотъ разсказъ. Дальше она передавала мнѣ о томъ, какъ отецъ встрѣтилъ ее и Ольгу Алексѣевну въ залѣ нашего московскаго дома. Тутъ же была и я. Отецъ ласково принималъ классныхъ дамъ, хорошо поговорилъ съ ними и онѣ сразу почувствовали въ немъ близкаго и дорогаго человѣка.

— А вы тогда были совсѣмъ молоденькая,—говаривала мнѣ Марія Александровна.—Волосы у васъ были гладко причесаны. Папа вѣсть подвелъ къ намъ и говоритъ: «а это мой секретарь».

Съ этого времени Марія Александровна и Ольга Алексѣевна стали часто бывать въ нашемъ домѣ. Онѣ у насъ назывались «платанины классныя дамы». Всѣ относились къ нимъ ласково и дружелюбно.

Марія Александровна дѣятельно принялась за переписку всѣхъ запрещенныхъ въ то время цензурой сочиненій отца. Я имѣла съ ней постоянныя сношенія, то доставляя ей рукописи, то вписывая для нея новыя поправки въ сочиненія отца, то передавая отъ него къ ней разныя порученія. Мало-помалу Марія Александровна сдѣлалась другомъ всей нашей семьи. Особенно подружилась она съ самымъ младшимъ членомъ ея—моимъ маленькимъ братомъ Ваней, умершимъ въ дѣтствѣ. Когда мы всѣ на лѣто уѣзжали въ Ясную Поляну—онъ, едва умѣя писать, кое-какъ писалъ ей въ Москву письма. Въ одномъ изъ ея писемъ ко мнѣ, она пишетъ: «Милаго Ванечку благодарю за письмо. Тронула оченъ. Онъ, вѣдь, самъ писалъ мнѣ! Экій милый, хорошій мальчишъ!.. Скажите, что я никогда не забуду его вниманія ко мнѣ. Крѣпко его цѣлую»...

Къ моей матери она тоже всегда относилась съ любовью и уваженіемъ. Скоро всѣ наши интересы стали близкими ея сердцу, и понемногу наши друзья стали и ея друзьями.

Такъ какъ убѣжденія Маріи Александровны и Ольги Алексѣевны рѣзко измѣнились и онѣ обѣ отстали отъ православной церкви, то онѣ почувствовали, что оставаться въ училищѣ классными дамами стало для нихъ невозможнымъ. И онѣ обѣ подали въ отставку. Имъ хотѣлось попробовать свои силы на физическомъ трудѣ, и онѣ стали строить планы для новой трудовой жизни на землѣ.

Въ нашемъ сѣверномъ климатѣ двумъ слабымъ, непривычнымъ къ труду женщинамъ трудно было бы жить безъ наемнаго труда одними своими силами, вслѣдствіе чего и рѣшено было, что лучше имъ переселиться на югъ, гдѣ борьба съ природой не такъ тяжела, и гдѣ климатъ могъ бы принести пользу болѣзненной Маріи Александровнѣ.

Отецъ сочувствовалъ этому рѣшенію. Нашелся общій знакомый, который согласился сдать новымъ колонисткамъ участокъ земли въ аренду около Сочи.

Начались сборы. Всѣ друзья принимали въ нихъ участіе и, кто съ за-

внстью, кто со страхомъ, смотрѣлъ на этихъ двухъ отважныхъ женщинъ, собирающихся своими руками добывать себѣ насущный хлѣбъ.

У Маріи Александровны былъ въ Тулѣ небольшой домъ, который она передъ отъѣздомъ на Кавказъ, продала, получивши за него нѣсколько тысячъ.

Наконецъ, подруги распростились и пустились въ путь.

На одной изъ станцій, между Москвой и Харьковымъ, у доверчивыхъ путешественницъ былъ украденъ ихъ дорожный мѣшочекъ, въ которомъ находились всѣ ихъ деньги и паспорта. Пришлось въ Харьковѣ остановиваться и устраивать свои дѣла, чтобы имѣть возможность ѣхать дальше. Потеря эта не только не пришла въ умъ подругъ, но, напротивъ, онѣ тотчасъ же отыскивали хорошую сторону этого происшествія.

— Богъ на насъ оглянулся,—говаривала потомъ Марія Александровна. —Мы пріѣхали на Кавказъ съ одними нашими руками, и такимъ образомъ, сразу стали въ положеніе людей, принужденныхъ зарабатывать свою жизнь. Деньги соблазнили бы насъ на наемный трудъ и другимъ служили бы соблазномъ.

Получивъ на Кавказѣ участокъ земли, пріятельницы стали, не покладая рукъ, работать на немъ. Онѣ обѣ были тогда еще не старыя женщины. Вѣроятно имъ было лѣтъ около сорока. Марія Александровна была дѣвушка, Ольга Алексѣевна—вдова. Обѣ были слабого здоровья и совершенно непривычны къ тяжелой физической работѣ.

Въ молодости Марія Александровна болѣла туберкулезомъ и въ то время, какъ мы съ ней познакомились, она бывала періодически подвержена сильнымъ бронхитамъ. Она была очень худа и костлява. Дыханіе у нея было тяжелое и иногда слышно было, какъ при дыханіи у нея въ груди клокотала невыкашливаемая мокрота. Доктора предписывали ей покой и праздность и прозвали ей преждевременной кончиной, если она не будетъ исполнять ихъ предписаній. Но Марія Александровна мужественно пошла на непослушаніе и взяла на себя тяжелый трудъ земледѣлицы.

На дѣлѣ оказалась права она, а не доктора. Въ первые же годы работы на Кавказѣ, Марія Александровна забыла о своихъ бронхитахъ. Они вернулись къ ней только въ концѣ ея жизни. Но и тогда болѣзнь не могла заставить ее въ чемъ либо измѣнить своего образа жизни.

Она писала съ Кавказа, что она стала «здоровенная».

Отецъ ей на это отвѣтилъ: «Вы вѣрно преувеличиваете, говоря, что вы здоровенны стали. Я боюсь, что вы очень изморены. Да, впрочемъ—это ничего, лишь бы жить...» *).

Вся тяжелая работа на землѣ легла, разумѣется, на плечи Маріи Але-

*) Всѣ приведенныя ниже выписки изъ писемъ Льва Николаевича къ М. А. Шмидтъ и О. А. Баршевой приведены со списковъ, найденныхъ въ бумагахъ Маріи Александровны послѣ ея смерти. Оригиналы сгорѣли. Только послѣднее письмо приведено съ подлинника, написаннаго послѣ пожара въ Овсянниковѣ.

Александровны. Какъ Ольга Алексѣевна ни старалась помогать въ полѣ и въ огородѣ,—ея маленькія ручки и хрупкое сложеніе скоро отказывались отъ работы.

— Нѣтъ, душенька, Марія Александровна,—говаривала она—Вы ужъ подтребите сѣно безъ меня. А я пойду Маттью Арнольда читать...

Марія Александровна иногда сердилась.

— Эгоистка вы такая! Вѣдь, вы будете просить молока къ чаю, а гдѣ его взять, если не припасти сѣна на зиму для коровы!—Ну,—прибаляляла она мягче,—такъ и быть идите. Только поставьте самоваръ. А то я до смерти чаю хочу.

Убравъ сѣно, Марія Александровна приходила домой въ надеждѣ найти готовый чай. Но столъ не былъ накрытъ, самоваръ не кипѣлъ.

Ольга Алексѣевна сидѣла на стулѣ съ книгой въ одной рукѣ, а другой рукой она вѣеромъ махала въ трубу самовара, который стоялъ на полу возлѣ нея и не начиналъ закипать.

Марія Александровна покатывалась со смѣха, обнимала свою милую, но безполезную подругу, разводила уголья и черезъ нѣсколько минутъ наливали Ольгѣ Алексѣевнѣ и себѣ чай. Ольга Алексѣевна въ это время разсказывала ей о тѣхъ прекрасныхъ вещахъ, которыя она прочла у Маттью Арнольда.

Какъ-то Ольга Алексѣевна не побереглась и захватила кавказскую лихорадку. Отецъ объ этомъ узналъ и написалъ подругамъ:

«Особенно радъ былъ получить извѣстіе о васъ, Ольга Алексѣевна, потому что по послѣднему извѣстію зналъ, что у васъ лихорадка и боялся за васъ. Какъ хорошо вы живете! Мнѣ представлялось ваше житіе чѣмъ-то баснословнымъ, а оказывается—вотъ ужъ сколько времени прожили... Всѣ живутъ, какъ люди, только я живу не какъ люди, а какъ скверно. Иногда скучаю этимъ, но браню себя за это; не надо скучать, а лучше жить. Все стараюсь писать, да плохо пишется. Только бы помогъ Богъ не дѣлать, не говорить, не думать зла...».

Въ слѣдующемъ письмѣ къ двумъ подругамъ онъ пишетъ:

«Какъ радостно слышать про васъ все добрыя вѣсти... Странное у меня о васъ чувство: знаю я, что когда въ душѣ хорошо, то и въ мірѣ все будетъ хорошо, а всегда страшно за васъ, что вы пересилите, переработаете, и что-то случится,—хотя знаю, что случится нечему. До сихъ поръ страхи эти не сбывались и приходилось только радоваться на вашу жизнь. Дай Богъ, чтобы и васъ тоже радовали мы и другіе наши близкіе. Мнѣ такихъ радостей, слава Богу, очень много...».

Въ другомъ письмѣ отъ 10-го августа 1890 года онъ пишетъ:

«Спасибо за ваши письма... Вы вотъ часто меня благодарите, а мнѣ какъ васъ благодарить за всѣ тѣ радости, которыя вы мнѣ доставляете? Каждое извѣстіе о васъ (я получилъ такое черезъ Ге) и письмо отъ васъ—это радость. Вотъ живутъ люди по человѣчески и не только не жалѣютъ о бро-

шенномъ язычествѣ, а только радуются. И какіе люди—испорченные, слабые. Никогда мнѣ не удастся придумать и написать такихъ доводовъ въ пользу исповѣдуемаго нами ученія, какое вы даете своей жизнью...».

Жили Марія Александровна съ Ольгой Аепксѣвной на участкѣ, который онѣ арендовали у прижившагося уже на Кавказѣ землевладѣльца С. Онѣ съ нимъ очень подружались и въ трудныя минуты прибѣгали къ нему за совѣтомъ и помощью.

Но почему-то С. долженъ былъ уѣхать и пріятельницы тоже рѣшили покинуть Кавказъ.

Онѣ объ этомъ написали отцу и получили отъ него слѣдующій отвѣтъ:

«Давно поджидаль отъ васъ вѣсточки и вотъ получилъ и хорошую и дурную. Хорошую—потому что изъ нея вижу, что вы живы въ настоящемъ значеніи этого слова, а—не то, что дурную, а не совсѣмъ хорошую, потому что изъ нея вижу, что вы какъ-будто жалѣете, что поѣхали на Кавказъ, какъ-будто отсутствіе С. измѣняетъ всѣ ваши намѣренія и какъ-будто вы отъ этого хотите вернуться назадъ.—Не дѣлайте плановъ, не предполагайте, что есть время, мѣсто и люди, которые могутъ быть нужны и важны для вашей жизни, и что есть мѣсто, время и люди, среди которыхъ вы не можете быть вполне счастливой. Я знаю это давно, но постоянно все больше и больше приучаюсь къ тому, чтобы не предпочитать никакихъ однихъ внѣшнихъ условий другимъ и не заботиться о нихъ, а заботиться о томъ, чтобы въ данныхъ условіяхъ соблюсти данную мнѣ божественную искру и исполнить всю волю Отца. Этого же желаю вамъ, потому что знаю, что въ этомъ одномъ и упокоеніе и разрѣшеніе всѣхъ и отлеченныхъ и самыхъ практическихъ задачъ, какъ, напримѣръ, такъ представляется вамъ теперь: уѣзжать ли съ Кавказа или оставаться? Напишите намъ еще и поскорѣе и попросите о томъ же О. А., которой передайте мою любовь и тотъ же, какъ вамъ, совѣтъ: какъ можно меньше дѣйствовать. Чѣмъ затруднительнѣе кажется положеніе, тѣмъ меньше надо дѣйствовать. Дѣйствіями-то мы обыкновенно и портимъ начинающія складываться наилучшимъ для насъ образомъ условія. Пожалуйста, О. А., напишите мнѣ подробнѣе о вашемъ положеніи, намѣреніяхъ и финансовыхъ условіяхъ. Васъ это не должно интересовать, а я имѣю право этимъ интересоваться.—Про себя, кромѣ хорошаго, ничего не могу сказать. Съ каждымъ днемъ становится радостнѣе жить и по внутреннему улучшающемуся состоянію и по внѣшнимъ самымъ радостнымъ условіямъ. Дня не проходитъ, чтобы я не получала доказательства распространения того огня, который Христосъ зажегъ на землѣ. И у насъ, и въ Америкѣ, откуда вчера получилъ удивительное письмо и статьи, которыя непременно переведу и постараюсь распространить.—Три условія исполненія воли Отца по моему такія: 1) чистота, т.-е. отсутствіе всего того, что оскверняетъ человека—обывденіе, пьянство, роскошь, всякая похоть; 2) смиреніе, т.-е. отсутствіе заботы о томъ, какъ обо мнѣ будутъ судить люди, даже готовность прослыть между ними за шута или дурака, и 3) доброжелательство, т.-е. отсутствіе враждебнаго чувства

къ кому-либо, недовольства на что-либо. Если человекъ соблюдаетъ эти три (условія?), то, что бы онъ ни дѣлалъ, онъ будетъ дѣлать волю Бога...».

Послѣ этого письма отъ своего друга—пріятельницы остались.

Откуда-то Богъ послалъ имъ помощника въ лицѣ стараго татарина Али, который своимъ простымъ сердцемъ понять душевную простоту двухъ классныхъ дамъ и остался у нихъ жить, дѣля ихъ участь.

Отецъ постоянно писалъ подругамъ, поддерживая ихъ и сочувствуя всему, что съ ними случалось.

«Спасибо вамъ, дорогія Марія Александровна и Ольга Алексѣевна», — пишетъ онъ имъ 3-го февраля 1891 года, — «что продолжаете радовать ваши письма. Вы такъ хорошо живете (я говорю о внѣшней формѣ жизни), что я всякій разъ, какъ получаю ваши письма, робѣю, распечатывая и начиная читать—какъ бы не узнать, что жизнь ваша измѣнилась. Но, слава Богу, все идетъ хорошо, и вы христіанскія Робинзонки, нашли своего Пятницу—Али, которому передайте мой привѣтъ.—Я говорю о внѣшней формѣ, потому что она только одна подвержена измѣненію независимо отъ насъ. Объ этомъ предметѣ—о взаимной зависимости внѣшней формы отъ внутренняго содержанія приходилось думать и говорить послѣднее время по случаю разныхъ переменъ въ жизни такъ-называемыхъ общинниковъ. Форма жизни, я думаю, не всегда, но большей частью зависитъ отъ внутренняго содержанія, такъ что изъ ста случаевъ въ 99-ти—хорошая правильная жизнь будетъ послѣдствіемъ хорошаго нравственнаго состоянія. Такъ это у васъ. Но никогда нравственное состояніе не зависитъ отъ внѣшнихъ условій.—И сколько ни ставь себя человекъ, нравственно стоящій низко, въ условія жизни, которыя выше его нравственнаго состоянія—онъ отъ этого не станетъ выше, а скорѣе, напротивъ. И наоборотъ,—человекъ, стоявшій нравственно высоко, непременно образуетъ вокругъ себя формы жизни, соответственныя его высотѣ. Я часто обманывалъ себя прежде; думалъ противное,—думалъ, что, если формы моей жизни безнравственны, и я не могу измѣнить ихъ, то это происходитъ отъ особенно несчастныхъ случайностей. Но теперь я знаю, что это происходитъ только оттого, что я, по своимъ нравственнымъ силамъ, не готовъ, не имѣю права на лучшія условія. Думать обратное—сваливать на внѣшнія условія—есть страшно вредный самообманъ, парализующій силы, нужныя для истинной жизни, т.-е. для движенія по пути истины и любви...».

Въ другомъ письмѣ отецъ дѣлитъ съ Маріей Александровной планами своихъ работъ и литературными замыслами.

«Я когда-то хотѣлъ написать такую басню мнѣ», — пишетъ онъ, — «что люди на салазкахъ скатываются въ пропасть, гдѣ они должны разбиться въдребезги, такъ что ничего отъ нихъ не останется, и они, дорогой, сидя въ салазкахъ, спорятъ и ссорятся о томъ, что одинъ другому не дастъ усесться попокойнѣе и пачкаетъ его одежду. Единственное дѣло, которое стоитъ дѣлать намъ всѣмъ на этихъ салазкахъ, это то, чтобы вызвать радостную»

любовную улыбку другъ у друга; вызвать любовь—то одно, что не разобьется въ пропасти, а останется».

Я много занимаюсь писаніемъ. Пишу очень медленно, передѣлываю безчисленное число разъ и не знаю—происходитъ ли это оттого, что ослабли умственныя силы, въ чемъ дурного ничего нѣтъ (только бы способность любви росла), или оттого, что предметъ, о которомъ пишу очень важенъ. Предметъ все тотъ же—необходимость для людей нашего времени признать на дѣлѣ ученіе Христа, и что изъ этого будетъ?

Л. Толстой.

На Кавказѣ подруги прожили около четырехъ лѣтъ.

Хрупкая отъ природы Ольга Алексѣевна, ослабленная перенесенной маляріей, какъ-то простудилась и заболѣла воспаленіемъ легкихъ. Болѣзнь въ нѣсколько дней унесла ее въ могилу.

Марія Александровна осталась одна. Она была безутѣшна. Остаться на Кавказѣ одной, безъ любимой подруги, тамъ, гдѣ всякая мелочь напоминала о ней—у нея не хватило силъ. И она полетѣла къ намъ. Она знала, что въ нашей семьѣ она могла излить свое горе, выплакать свои слезы и отогрѣть свое одинокое сердце.

Со слезами радости и волненія встрѣтились мы съ милой Маріей Александровной послѣ четырехлѣтней разлуки. Въ первый же день своего пріѣзда она пишетъ къ сестрѣ Машѣ, которой въ то время не было въ Ясной Полянѣ, о своемъ впечатлѣніи:

«Дорогая Маша, писать не могу. Скажу одно, что мнѣ очень и очень хорошо. Сейчасъ у васъ въ Ясной долго и радостно, такъ хорошо, бесѣдовала съ Софіей Андреевной. Льва Николаевича не было дома. Потомъ онъ пріѣхалъ и я себя не помнила, что увидала его живого, хотя за все время твердо вѣрила, что непременно его увижу... Левъ Николаевичъ бодръ, но похудѣлъ за эти четыре года сильно. Всѣ ваши меня очень любовно встрѣтили...».

Къ ея письму отецъ приписалъ нѣсколько словъ о томъ, что «вечеромъ пріѣхала Марія Александровна» и что «она все такая же. Очень радостно ее видѣть»...

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 11-го іюня 1893 года отецъ опять пишетъ Машѣ:

«...Марія Александровна очень хороша: ясна, спокойна, бодра и необыкновенно тверда въ своемъ міровоззрѣніи...».

Марія Александровна не захотѣла жить у насъ въ домѣ и поселилась въ деревнѣ у одной крестьянки. Къ намъ она часто забѣгала, чтобы почитать то, что писалъ отецъ, и чтобы поговорить о покойной Ольгѣ Алексѣевнѣ. Возможная свое отношеніе къ ней, она иногда безпощадно упрекала себя въ томъ, что не достаточно хранила и берегла свою слабенькую подругу.

— А я еще называла ее эгоисткой!—съ горечью вспоминала она.—Я, я была противная эгоистка!—И Марія Александровна заливалась слезами.

Со временемъ сгладилась первая острота ея горя, и Марія Александровна опять стала стремиться на работу. Она помогала, насколько хватало ея силъ въ семьѣ, въ которой она жила, но это ее не удовлетворяло.

Часто папа и я заходили въ ея чистенькій уголокъ въ крестьянской избѣ и бесѣдовали съ ней о разныхъ дѣлахъ—матеріальныхъ и отвлеченныхъ.

Разъ, помирая со смѣха, она рассказала намъ о томъ, что съ ней наканунѣ случилось.

Какъ-то утромъ ея хозяйка принесла Маріи Александровнѣ веревку и просила ее пойти въ казенный лѣсъ набрать для топки вязанку сухихъ сучьевъ. Марія Александровна надѣла на голову платокъ, взяла веревку и собралась идти. Старуха проводила ее до двери и на прощаніе посоветовала ей въ лѣсу поглядывать, чтобы не попасться на глаза лѣснику.

— А то, Ляксанна, онъ живо съ тебя платокъ сниметъ и веревку отберетъ.

Марія Александровна остолбенѣла.

— Душенька!—закричала она.—Вы меня воровать посылаете! Нѣтъ, какова?! Она меня воровать посылаетъ! Нѣтъ, ужъ, душенька, отвязитесь! Этого я никогда не дѣлала и дѣлать не буду!

Она бросила въ уголь веревку и прошла мимо сконфуженной хозяйки назадъ къ себѣ въ избу.

Марія Александровна никогда не могла ни на кого долго зла держать и потому она скоро смягчилась и нашла извиненіе своей хозяйкѣ. Но жить на деревнѣ въ крестьянской семьѣ,—ей, любящей одиночество и тишину,—становилось все тяжелѣе. Мы это видѣли и, чтобы не терять ее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устроить ее по ея вкусу, мы предложили ей поселиться въ нашемъ сосѣдствѣ, въ маленькомъ имѣніи Овсянниковъ, гдѣ былъ небольшой домикъ и двѣ избы.

Имѣніе это находится въ шести верстахъ отъ Ясной Поляны и принадлежало брату Маріи Александровны—Владиміру Шмидтъ. Какъ-то разъ въ Москвѣ Марія Александровна рассказывала моей матери о томъ, что ея братъ очень нуждается въ продажѣ этого имѣнія, такъ какъ дѣла его запутались, а у него большая семья, которую надо было содержать. Марія Александровна очень была озабочена положеніемъ своего брата. Чтобы ее успокоить, моя мать обѣщала купить Овсянниково. Въ то время у матери были свободныя деньги, и она снарядила меня съ деньгами и нужными бумагами въ Тулу, поручивъ мнѣ покупку Овсянникова.

При нашемъ семейномъ раздѣлѣ въ 80-хъ годахъ—Овсянниково досталось на мою долю. Такъ какъ я тогда была молодой дѣвушкой и оставалась жить въ родительскомъ домѣ, то въ Овсянниковѣ жила только сторожъ. Въ это-то Овсянниково мы и предложили Маріи Александровнѣ поселиться. Она съ радостью приняла наше предложеніе, устроившись въ одной изъ двухъ избъ. Домъ казался ей слишкомъ для нея роскошнымъ помѣщеніемъ. Но даже избой она не захотѣла пользоваться даромъ, и платила мнѣ за нея

тѣмъ, что ухаживала за усадьбой и фруктовымъ садомъ. Когда я просила ее не утруждать себя работой и нанять кого-нибудь для работъ въ усадьбѣ,—она огорчалась и разъ написала мнѣ, что «жить въ Овсянниковѣ и ничего не дѣлать для васъ—свыше моихъ силъ и я ужъ лучше уйду отъ васъ, разъ между нами нѣтъ братскихъ отношеній».

Въ 1907 году пришлось ремонтировать избу Маріи Александровны и пристроить закуту для ея коровы «Манички». Когда Марія Александровна перешла назадъ въ свою избу,—она не могла ею нахвалиться и писала мнѣ одно благодарственное письмо за дружимъ.

«Спасибо, большое спасибо, дорогая Таничка, за царское помѣщеніе въ полномъ смыслѣ этого слова. Я давно перешла, живу и радуюсь и мысленно все благодарю васъ. Дѣйствительно, стройка вышла на славу. Вотъ ужъ нѣсколько дней стоятъ морозы по 25 и 23 градуса, а у меня въ избѣ 16 тепла. А ужъ свѣтло, дышать легко, плетомъ не дуетъ,—ну, такая прелесть, что и не шель бы никуда. Друзья, мои крестьяне, приходятъ ко мнѣ грѣться».

...«У меня тепло, несмотря на трескучіе морозы. Я и ложусь и встаю все съ вами. Все благодарю за чудное, теплое роскошное помѣщеніе»,—пишетъ она въ слѣдующемъ письмѣ отъ 4-го января 1908 года.

Весело бывало прѣхать въ Овсянниково и посмотреть на маленькое хозяйство Маріи Александровны. Изба ея, состоящая изъ двухъ частей, всегда чисто выметена и прибрана. Въ задней ея части, отдѣленной отъ передней перегородкой и русской печью, стоятъ кровать и письменный столъ. На стѣнѣ виситъ календарь съ портретомъ «дорогого Льва Николаевича». Въ передней части стоятъ столъ съ лавками и на стѣнѣ виситъ полка съ посудой. Всѣ инструменты и орудія, какъ-то: стиральная машина, маслобойка, ручной плетень—вычищены и поставлены на надлежащія мѣста. Плантація клубники, огородъ и фруктовый садъ въ образцовомъ порядкѣ. Къ избѣ Маріи Александровны пристроены холодныя сѣни, а изъ сѣней идетъ ходъ въ закуту къ коровѣ, къ любимой ея «Маничкѣ», которая много лѣтъ питала свою хозяйку и доставляла ей заработокъ.

«Маничка» стоитъ сытая, чистая. Выраженіе ея розовой мордочки спокойное и доброжелательное. Со временемъ «Маничка» отелила еще «Рыженочку», и тогда Марія Александровна стала считать себя совсѣмъ богатой.

Хотѣла она еще завести пчелъ и заказала моему отцу сдѣлать ей улей на образецъ. 3-го января 1895 года она пишетъ ему въ Москву:

«Дорогой Левъ Николаевичъ, сдѣлайте мнѣ улей на образецъ подъ руководствомъ вашего учителя столяра. А за матеріалъ и доставку я сочтусь съ Татьяной Львовной. Только хорошій, сдѣлайте поскорѣе, теперь зимой мужики свободны и дешевле возьмутъ за работу, а весной и за дорогую плату не возьмутся дѣлать. Живу по прежнему—радостно и хорошо, совсѣмъ здорова. Крепко васъ всѣхъ обнимаю.

Ваша М. Ш.».

Не помню—сдѣлать ли ей отецъ улей по ея заказу, но помню, что у нея какъ-то были пчелы и она уточивала насъ медомъ.

Бывало придешь или пріѣдешь къ ней, а она сидитъ на огородѣ и полетѣ. Уже издали увидишь она гостю и спѣшитъ навстрѣчу. Какъ сейчасъ бѣжу ее: голова покрыта свѣтлымъ ситцевымъ платкомъ, на худыхъ костявыхъ плечахъ сѣрая куртушка, подпоясанная веревочкой; на ногахъ изъ-подъ короткой юбки, видны высокіе мужскіе смазные сапоги. Около ногъ ея вьется и ласкается спясенная ею отъ мороза лохматая крылоногая собачка «Шавочка».

Марія Александровна бросается меня обнимать и цѣловать, при чемъ ея худыя костлявыя скулы такъ и впииваются мнѣ въ щеки.

— Таня! Душенька!—кричитъ она радостно.—Какъ папа? Идемъ чай свѣтъ!

И мы идемъ съ ней въ избу. Тамъ она тотчасъ же ставитъ самоваръ. Потомъ она лѣзетъ въ подвалъ, который устроенъ здѣсь же въ подпольѣ и выносить оттуда покрытую росой крынку холоднаго густого молока. Съ полки она достаетъ ковригу чернаго хлѣба и ставитъ на столъ соль, чайную посуду и деревянную ложку для сниманія сливокъ.

Пока самоваръ закипаетъ, мы съ ней разговариваемъ. Въ разговорѣ затрогиваемъ всегда самыя дорогіе и важныя вопросы жизни и часто у обычныхъ насъ счастливыя слезы на глазахъ.

Чаще всего говоримъ мы объ отцѣ.

— Ахъ, Таня,—говаривала она со слезами на глазахъ.—Какая большая у него любовь къ людямъ! Подумайте—сколько ему пришлось работать, чтобы сумѣть передать людямъ то, что дало ему счастье! Кто бы могъ изслѣдовать такой огромный трудъ, какъ не снѣ! Для этого нужны не только умъ и талантъ, а нужна великая любовь къ людямъ. Безъ нея нельзя одолѣть такой трудъ, какой онъ одолѣлъ..

Она знала, какъ отецъ годами работалъ надъ своими религіозными сочиненіями и знала, что для того, чтобы сдѣлать ихъ болѣе ясными и понятными, онъ добросовѣстно передѣлывалъ и переправлялъ ихъ «безчисленное число разъ», какъ снѣ ей писалъ, провѣряя и взвѣшивая въ нихъ каждое слово.

— Вотъ, Танюшка,—говорила она.—Поколѣніе за поколѣніемъ выро- стало въ обманъ ложной вѣры и ложной науки... А дорогой Левъ Николаевичъ все это обличилъ и уяснилъ...

Любя отца такъ сильно, Марія Александровна все же позволяла себѣ иногда судить его, и, любя его душу, она сильно страдала, если ей казалось, что снѣ стоитъ не на надлежащей для него высотѣ.

Помню, что его статья «Не могу молчать» огорчила Марію Александровну и она не стала ее переписывать и распространять, какъ другія его сочиненія.

— Это не онъ въ этой статьѣ. Это не съ любовью, а съ озлобленіемъ написано,—говорила она. Это не дорогой Левъ Николаевичъ въ этой статьѣ, нѣтъ...

Говорили мы съ нею часто и о хозяйственныхъ дѣлахъ. Она передавала мнѣ о томъ, что ею одѣлано для меня въ Овсянниковѣ, а также и о своихъ личныхъ дѣлахъ.

— Вотъ, Таничка,—говорила она, указывая на свою стиральную машину,—какое для подспорья эта машинка. Безъ нея я не въ силахъ была бы обходиться безъ прислуги. А съ ея помощью я могу все, что нужно, одѣлать на себя сама.

Когда вскипитъ самоваръ, Марія Александровна наливаетъ чай въ чистыя кружки, и отрѣзаетъ длинные тонкіе ломти душистаго чернаго хлѣба. Я деревянной ложкой снимаю себѣ въ чай густыя желтыя сливки, солю свой ломоть хлѣба, и мнѣ кажется, что я никогда ничего не ѣла и не пила вкуснѣе.

Отъ времени-до-времени Марія Александровна выходитъ изъ своей избышки и поглядываетъ на бугоръ, ведущій къ деревнѣ. Она знаетъ, что почти всегда, когда къ ней пріѣзжаетъ кто-нибудь изъ Ясной Поляны, то, навѣрно и отецъ не вытерпитъ и тоже верхомъ пріѣдетъ къ ней.

И дѣйствительно,—она видитъ, что изъ-за деревенскихъ сараевъ показывается всадникъ. Марія Александровна бросается ко мнѣ въ избу и кричить: «Папа!»

Потомъ выбѣгаетъ его встрѣчать.

Иногда онъ слѣзаетъ съ лошади, привязываетъ ее и входитъ къ намъ въ избу. Чаше же онъ разговариваетъ съ Маріей Александровной, не слѣзая съ лошади. А Марія Александровна стоитъ около него, положивъ руку на плечо лошади, и восторженными, любящими глазами глядитъ вверхъ къ нему въ лицо.

Отецъ, немного наклонившись къ ней, рассказываетъ ей что-нибудь: о томъ, какія сѣть получилъ письма, какіе были у него посѣтители.

Когда онъ уѣзжаетъ, мы возвращаемся въ избу и нѣкоторое время молчимъ, Марія Александровна полна впечатлѣній отъ свиданія и разговора, и я не хочу нарушать ея настроенія. Потомъ и я уѣзжаю, чувствуя, что на сегодня, по крайней мѣрѣ, я сдѣлалась лучше.

Иногда я упрашиваю Марію Александровну ѣхать со мной. Тогда она быстро мѣняетъ свой рабочій нарядъ на «платье для аристократическихъ дамъ», какъ она шуточно говорила, и мы ѣдемъ въ Ясную Поляну. Тамъ она проводитъ вечеръ и ночуетъ. А утромъ рано съ почтаремъ возвращается въ Овсянниково на свою работу.

Иногда, когда у Маріи Александровны перемежалась работа, она запрягала своего любимаго «Пятачка» и, сама правя, пріѣзжала въ Ясную Поляну. Кнута у Маріи Александровны не было, такъ какъ погонять «Пятачка» не полагалось. Онъ шелъ, какъ самъ хотѣлъ, т.-е. такимъ медленнымъ шагомъ, что каждую минуту казалось, что онъ сейчасъ остановится. Но все же, проѣхавъ шесть верстъ часа въ полтора, «Пятачокъ» довозилъ Марію Александровну до нашего подъѣзда.

Зимой ей бывало трудно ѣздить. Изъ-за своей необычайной худобы,

Марія Александровна была зябка и потому ей приходилось очень тепло одѣваться. Она надѣвала на себя фуфайку, куртку, полушубокъ, и сверху всего еще свиту. На голову она сверхъ ситцевого платка надѣвала вязаную шапку на ватѣ, которую она еще покрывала вязаннымъ платкомъ. Потомъ сверхъ всего этого она накидывала теплую шаль. Въ такомъ видѣ она была похожа на неспящую кувалду, которой очень трудно было дѣлать какое-либо движеніе.

Надѣвъ на руки теплыя рукавицы, она брала вожжи въ руки и отправлялась въ Ясную Поляну. Если по дорогѣ никто навстрѣчу ей не попадался, то она ѣхала безъ горя, но когда попадались встрѣчныя сани, то ей приходилось трудно. «Пятачокъ» ни за что не сворачивалъ въ снѣгъ, и часто встрѣчныя сани отводомъ опрокидывали санки Маріи Александровны въ снѣгъ. Если же ей и удавалось «Пятачка» свернуть съ дороги въ снѣгъ, то выбраться опять на дорогу тоже было дѣломъ не легкимъ: «Пятачокъ», попавши въ сугробъ, ложился въ снѣгъ и спокойно лежалъ, пока его не выводили изъ сугроба подъ уздцы. Приходилось Маріи Александровнѣ или ждать какого-нибудь проѣзжаго, который помогъ бы ее бѣдѣ, или самой вылѣзть изъ саней, тащить «Пятачка» подъ уздцы и выводить его на дорогу. При этомъ ей въ валенки высыпался снѣгъ, и сама она задыхалась отъ сдѣланныхъ въ тяжелой одеждѣ усилій.

Пріѣзжала она къ намъ обыкновенно подъ вечеръ, такъ какъ это было для нея самымъ свободнымъ временемъ. Кромѣ того, она знала, что это было единственное время, когда папа сидѣлъ въ большой залѣ за круглымъ столомъ со всѣми членами семьи и гостями. Марія Александровна глядѣла ему въ глаза и впитывала въ себя каждое сказанное имъ слово, чтобы потомъ жить ими до слѣдующаго свиданія.

Но несмотря на всю ту радость, которую она испытывала отъ свиданій со своимъ другомъ-учителемъ—она все же ставила дѣло въ первую очередь и никогда—даже ради этой радости—она не позволяла себѣ свалить свои обязанности на кого-нибудь другого. Въ послѣдній годъ жизни отца она отвѣтила на мое письмо, въ которомъ я звала ее провести съ нами вечеръ въ Ясной Полянѣ:

«Больная королева не пустила меня къ вамъ. Заставлять же людей ходить за ней не могу—совѣстно».

Когда мои родители жили въ Москвѣ, она и туда ѣзжала, чтобы ихъ навѣстить. Но въ Овсянниково она всегда возвращалась съ радостью.

Въ 1900 году она написала мнѣ въ Римъ о своей поѣздкѣ въ Москву:

«Очень мнѣ радостно было видѣть папа и всѣхъ милыхъ друзей, что жизнь барская, богатая, городская, мнѣ не по душѣ и я просто отдыхаю въ своей простой и естественной обстановкѣ на лонѣ природы».

«Жалко мнѣ очень васъ всѣхъ»,—пишетъ она въ другомъ письмѣ,—«что вы живете въ искусственной обстановкѣ».

Такъ прожила Марія Александровна много лѣтъ въ одинокой усадьбѣ. Съ ранняго утра она бѣжала на работѣ: доила свою Маничку, готовила себѣ кушанье, стирала свое бѣлье, работала въ саду и въ огородѣ... А вечеромъ она зажигала свою лампочку, надѣвала очки и садилась за переписку «божественныхъ мыслей дорогого Льва Николаевича»^{*)}), какъ она говорила.

Много разъ переписывала она сочиненіе, которое ей нравилось, и которое она считала полезнымъ для людей. Рукописи она разсылала своимъ друзьямъ. Не разъ, когда я жила въ Ясной Полянѣ, я получала отъ нея списокъ какой-нибудь статьи или письма отца. Иногда я получала рукопись для передачи кому-нибудь изъ общихъ друзей.

«Посылаю на ваше имя три экземпляра «Религіи»,—пишетъ она мнѣ въ одномъ письмѣ.—«Передайте ихъ Пошѣ^{**)}, Дунаеву и Черткову.. Это я имъ посылаю по подарку».

«Посылаю вамъ духовный гостинецъ»,—пишетъ она мнѣ, прилагая списокъ съ письма отца.—«Это письмо такъ хорошо, что дѣйствуетъ на меня самымъ благотворнымъ образомъ».

Когда я вышла замужъ за вдовца съ дѣтьми, Марія Александровна переписала для меня письмо отца, въ которомъ онъ писалъ о воспитаніи.

«Не знаю»,—пишетъ она,—«переслала ли Маша письмо папа о воспитаніи. Я для васъ именно его переписала. На каждомъ шагѣ въ вашей семейной жизни въ немъ есть отвѣты по воспитанію...».

Марія Александровна очень любила свою одинокую жизнь и всегда съ радостью возвращалась къ ней, когда ей почему-либо приходилось на время уѣзжать изъ Овсянникова.

15-го апрѣля 1894 года она пишетъ мнѣ въ Москву:

...«Вотъ вы всѣ безпокоитесь, какъ я слабая буду жить одна. А я такъ не нарадуюсь на такую жизнь.. Въ Тулѣ я до сихъ поръ не была и скоро не думаю быть. Такъ жаль нарушить тишину и мое уединеніе хоть на день».

Въ другихъ письмахъ она пишетъ:

«Не нарадуюсь на свою тихую жизнь»...

...«Ну что за радость Богъ далъ въ моей жизни. Нѣтъ ни скуки, ни тоски. Пока все хорошо, и одного хотѣлось бы,—чтобы и всѣмъ жило такъ, какъ мнѣ».

...«Наслаждаюсь тихимъ, идеальнымъ уединеніемъ...».

...«У насъ болѣе, чѣмъ хорошо. Съ огорода своего не шла бы, такая всюду и красота, а главное, идеальная тишина».

15-го апрѣля 1894 года она пишетъ мнѣ въ Москву:

...«Сейчасъ только вернулась съ работы: и скородики, и сребрала солону на своемъ огородѣ, и кирпичей массу повырыла. Цѣлый день, не разгибаясь,

^{*)} Въ то время всѣ философскія сочиненія отца были запрещены цензурою и распространялись въ рукописяхъ.

^{**) Павелъ Ивановичъ Гирьковъ.}

работала и буквально радовалась—такъ хорошо всюду. День нынче былъ такъ теплый, что я все время работала въ одномъ платьѣ. Одну десятину моего огорода засѣяла чечевицей и немного овсомъ. Хотѣлось-то мнѣ ее всю засѣять овсомъ, да заимообразно сѣмянъ никто не далъ, а чечевицу племянникъ мнѣ подарилъ. Вторую же половину завтра буду скородить».

...«У насъ въ Овсянниковѣ земной рай»,—пишетъ она въ другомъ письмѣ.—«Я совсѣмъ здорова и по ушамъ ушла въ огородъ. Встаю въ три часа утра и работаю до поздней зари. Дровъ двѣ сажени собрала себѣ въ Засѣкѣ, на дѣняхъ перевезу. Радуюсь на клубнику и овощи».

«Дорогой мой другъ Таничка, простите, что задержалась отвѣтомъ. Очень много это время пришлось работать и съ сѣномъ и съ клубникой. Подъ вечеръ такъ уставала, что никакъ не могла писать вамъ... Я, моя мимочка, здорова, бодра, весела, на душѣ праздникъ; работаю ютъ утра до вечера, сплю на огородѣ въ шалашѣ, какъ уситая...».

...«Я вся ушла въ осеннія работы. На душѣ праздникъ и только не знаю, какъ благодарить Бога и васъ, что мнѣ такъ хорошо живется...».

Вотъ такими радостными восклицаніями на свою одинокую рабочую жизнь испещрены всѣ письма старушки Шмидтъ.

Въ одномъ письмѣ къ своей дочери Машѣ 30-го января 1906 года отецъ пишетъ:

«Сейчасъ до обѣда быть у Маріи Александровны. У нея молока нѣтъ, сидитъ одна, хрипитъ, въ своей избушкѣ и на вопросъ: хорошо ли ей, не скучно ли, воплещиваетъ руками».

Съ крестьянами сосѣднихъ деревень Марія Александровна завела самыя дружескія отношенія. Выходило это само собой, безъ всякаго искусственнаго усилія съ ея стороны.

Какъ-то деревенскіе мальчишки узнали о томъ, что у Маріи Александровны есть хорошія занятныя книжечки. Они и побѣждали къ ней за ними.

...«А мнѣ большая радость»,—пишетъ она мнѣ по этому поводу.—«Вотъ сегодня уже второй день, какъ стали дѣти ходить ко мнѣ изъ Овсянникова за книжечками для чтенія, сами по себѣ. Такъ радостно и легко, когда дѣлается что-либо хорошее помимо тебя,—нѣтъ искусственности, а естественно,—сами захотѣли, вотъ и идутъ сегодня два мальчишка и вчера два, а за этими пойдутъ и другіе, и не успѣешь оглянуться, какъ завяжутся самыя лучшія отношенія. Очень это мнѣ по душѣ. Сейчасъ напишу Машѣ, чтобы она прислала книжечъ, или Пошѣ, а то у меня всего 10».

Бабы ходили къ Маріи Александровнѣ за совѣтами и за лѣкарствами. Мужики приходили побесѣдовать.

Пришлось ей разъ принять дѣятельное участіе въ закрытіи казенной винной лавки въ сосѣдней къ Овсянникову деревнѣ Скуратовѣ. Не знаю, по чьему почину былъ поднятъ вопросъ объ открытіи въ Скуратовѣ винной лавки. Крестьяне, боясь за свою слабость, написали приговоръ о томъ, что они въ своей деревнѣ «винопольки» не желаютъ. Приговоръ свой сѣмъ подали

земскому начальнику. Это было въ январѣ. Тѣмъ не менѣе, въ мартѣ того же года одинъ изъ крестьянъ деревни Скуратова С. Б. сдалъ овою избу подъ винную лавку, получивъ отъ акцизнаго вѣдомства въ задатокъ двѣсти рублей. Мужики бросились за совѣтомъ и помощью къ Маріи Александровнѣ, а она, въ свою очередь, прикатила въ Ясную Поляну. Папа въ это время былъ не-е-доровъ и поручилъ это дѣло мнѣ. Я поѣхала въ Скуратово, поговорила съ мужиками, собрала нужныя свѣдѣнія и рѣшила поѣхать въ Тулу, чтобы тамъ разузнать, въ чемъ дѣло. На другой день послѣ моей поѣздки, 10-го іюня 1907 года, Марія Александровна пишетъ мнѣ:

«Сейчасъ послѣ вашего отъѣзда пріѣзжалъ чиновникъ акцизнаго прав-
ленія въ Скуратово осмотрѣть стройку С. Б. для винной лавки. Крестьяне
подошли къ нему и спросили: почему ихъ законный приговоръ остался безъ
послѣдствій, несмотря на то, что крестьяне подали его земскому начальнику
17-го января 1907 года? Чиновникъ спросилъ: Во-первыхъ, почему вы, кре-
стьяне деревни Скуратова, не прислали отъ себя въ теченіе трехъ лѣтъ ни
одного заявленія въ акцизное правленіе о нежеланіи вашемъ имѣть винную
лавку въ своей деревнѣ? Вѣдь, старшина, навѣрное, читалъ вамъ это заявле-
ніе? *). Во-вторыхъ, вашъ староста явился къ намъ въ акцизное правленіе съ
С. Б. и голословно заявилъ, что все общество согласно открыть винную
лавку, за исключеніемъ двухъ какихъ-то мужиковъ. Вотъ почему акцизное
правленіе выдало задатокъ С. Б. Если же вы не желаете имѣть винной лавки,—
несите всѣмъ обществомъ 200 рублей въ акцизное правленіе. Тогда мы
прикроемъ ее. Крестьяне отвѣтили: «Мы въ первый разъ слышимъ отъ васъ
про заявленіе. Старшина никогда не читалъ намъ его». Крестьяне три раза
ходили къ вице-губернатору и въ послѣдній разъ онъ принялъ ихъ холодно,
говоря: «Вѣдь, я сказалъ вамъ, что когда наведу справки у земскаго началь-
ника и, если приговоръ вашъ не споздать,—т.-е. пришесть до выдачи задатка,—
то винной лавки у васъ не будетъ». Крестьяне отвѣчали: «Двадцатаго іюня
лавка переѣдетъ. Въ Петровъ день ея открытіе.—«Ну и пускай переѣзжаетъ,
—отвѣтилъ Лопухинъ,—«а мы разберемъ дѣло и закроемъ лавку, если при-
говоръ вашъ поданъ до выдачи задатка. Вотъ и все». Крестьяне вернулись въ
полномъ отчаяніи. Бабы хотятъ собраться всѣ итти къ губернатору съ прось-
бой не открывать лавки. Отношеніе къ старостѣ, С-ю и къ начальству
сдержанное. Не могу и выразить вамъ, дорогая Татичка, до чѣмъ меня огор-
чаетъ вся эта исторія. Предложить и уговоризать крестьянъ собрать деньги
на взносъ задатка—я не имѣю духа. 1 руб. 60 коп. пудъ муки, заработкомъ
никакихъ,—остается продать скотину,—просто языкъ не поворачивается го-
ворить имъ, чтобы они собрали деньги».

*) Оказалось, что старшина долженъ былъ дѣлать опросъ у крестьянъ о ихъ
желаніи открыть въ своей деревнѣ винную лавку. Опроса онъ этого не дѣлалъ. Но,
когда на сходкѣ старшина предложилъ крестьянамъ, стоящимъ за открытіе лавки—
остаться, а тѣмъ, кто протавъ—выйти, то всѣ до одного крестьянина деревни
Скуратова, надели шапки и вышли вонъ изъ избы.

Всѣ мы принялись за борьбу противъ казеннаго кабака. Моя мать поѣхала въ Тулу и навела справки о томъ, когда въ акцизномъ управленіи былъ полученъ приговоръ крестьянъ о нежеланіи имѣть въ своей деревнѣ винной лавки. Оказалось, что приговоръ былъ принятъ акцизнымъ управленіемъ раньше выдачи задатка за помѣщеніе, но почему-то приговоръ крестьянъ остался подъ сукномъ...

Мужики не унялись и опять всѣмъ обществомъ въ пятый разъ пошли къ вице-губернатору. Отвѣтъ получили тотъ же, что и въ прежніе раза: «лю- стараюсь разобрать ваше дѣло въ акцизномъ правленіи и тогда сообщу вамъ».

Тогда Марія Александровна рѣшила занять 200 рублей для того, чтобы внести эти деньги въ акцизное правленіе. Она написала одному своему богатому знакомому и, объяснивъ ему, для чего нужны были ей деньги, попросила его одолжить ей 200 рублей. Отдать эти деньги она рассчитывала, собравъ ихъ маленькими суммами между друзьями.

Отвѣта долго не было и Марія Александровна и мужики очень волновались. Они боялись того, что если кабакъ откроется, то гораздо труднѣе будетъ его закрыть, чѣмъ предупредить его открытіе. Я получила отъ нея слѣдующее письмо принесенное мнѣ въ Ясную Поляну скуратовскими крестьянами:

«Дорогой мой другъ Таничка, помогите мужикамъ. Кабакъ-то все-таки открываютъ. Приѣзжалъ старшина и сказалъ: кабакъ будетъ. Крестьяне въ отчаяніи. Голубушка, милая, попросите добраго Михаила Сергѣевича *) похлопотать для крестьянъ, а можетъ вы сами побываете у губернатора. С. Б. предлагалъ мужикамъ плату, они отказались и желаютъ одного—чтобы кабака не было».

Я поговорила съ мужиками. Они твердо и упорно рѣшили винной лавки въ своей деревнѣ не допускать. Для этого они придумывали разные способы. Одинъ крестьянинъ предложилъ такое рѣшеніе вопроса: допустить лавку на полгода, «запить» водки на 200 рублей и тогда ее прикрыть. Другой предложилъ лучше сдѣлать «забастовку». Когда я спросила у него—что это значить, то онъ и другіе мужики объяснили мнѣ, что они думаютъ «не допускать складывать вино, а какъ придутъ подводы съ ящиками, такъ ихъ разгромить». Я, конечно, очень горячо отсовѣтовала прибѣгать и къ тому и къ другому способу противодѣйствія, и обѣщала еще разъ съѣздить въ Тулу и опять похлопотать тамъ за нихъ. Крестьянъ я убѣждала терпѣливо ждать, такъ какъ всякое насиліе съ ихъ стороны, разумѣется, было бы сочтено за бунтъ, и они были бы за него наказаны, а кабакъ, навѣрное, все-таки былъ бы водворенъ. Крестьяне мнѣ повѣрили и я опять отправилась въ Тулу.

Не помню подробностей моихъ хлопотъ, но знаю, что они увѣнчались успѣхомъ. Богатый знакомый, давшій Маріи Александровнѣ займа 200 рублей для закрытія кабака—просилъ денегъ ему не возвращать. Такъ что съ души Маріи Александровны отпало и это бремя. Она торжествовала.

*) Мой мужъ М. С. Сухотинъ.

Кланяюсь вамъ въ ножки, радость моя Таничка»,—пишетъ она мнѣ,— «что вы закрыли кабакъ. Иванъ Ивановичъ *) нынче напишетъ крестьянамъ благодарственное письмо, и они вѣрно придутъ къ вамъ съ просьбой его передать губернатору, а ихъ не допустить. Мы здѣсь все празднуемъ и благодаримъ васъ, милый другъ».

Часто приходили къ Маріи Александровнѣ больные. Простыя болѣзни она лечила своими средствами, а въ болѣе сложныхъ случаяхъ посылала больныхъ къ своимъ друзьямъ-докторамъ. Такъ какъ у насъ въ Ясной Полянѣ въ послѣдніе года жизни отца жилъ докторъ, то Марія Александровна часто присылала къ нему своихъ больныхъ съ ласковой записочкой, въ которой просила или принять больного, или пріѣхать къ нему. Всѣ всегда охотно помогали Маріи Александровнѣ, несколько заражаясь отъ нея ласковымъ и любовнымъ отношеніемъ къ людямъ.

Въ Овсянниковскомъ домѣ, въ первые года пребыванія Маріи Александровны въ этомъ имѣніи, никто постоянно не жилъ, а бывали случайные жители. Одно лѣто провела тамъ моя сестра М. Л. Оболенская съ мужемъ. Довольно долго жилъ тамъ близкій моему отцу по взглядамъ И. И. Бочкаревъ. Временно жилъ тамъ большой чудакъ—старый шведъ Абраамъ фонъ-Бунде. Еще жилъ въ саду, въ самодѣльной землянкѣ, старый пчеловодъ, «Прохвессоръ», какъ мы его звали. Эта кличка произошла отъ того, что онъ самъ называлъ себя «прохвессоромъ» по пчеловодству. Это былъ типъ русскаго Робинзона, умѣвшаго своими руками удовлетворить всѣмъ своимъ жизненнымъ нуждамъ. Онъ самъ выстроилъ себѣ землянку, сложилъ въ ней печку, сдѣлалъ себѣ лавки и всю нужную утварь, а на крышѣ землянки развелъ клубнику. Онъ самъ плелъ себѣ высокіе сапоги изъ лыкъ и соломенные шляпы. Къ сожалѣнію, онъ очень любилъ выпить, и изъода пьяный приходилъ къ Маріи Александровнѣ. Это очень ее огорчало, и она всячески пыталась воздѣйствовать на него, чтобы онъ бросилъ пагубную страсть. «Прохвессоръ» старался воздерживаться, но часто привычка брала верхъ надъ увѣщаніями Маріи Александровны. И въ одинъ дождливый осенній день бѣдный «прохвессоръ» былъ найденъ мертвымъ въ канавѣ, недалеко отъ Овсянникова. Канавка была полна воды, и старикъ, вѣроятно, захлебнулся, упавъ въ нее съ дороги.

Послѣ всѣхъ этихъ случайныхъ обитателей Овсянникова, въ домѣ поселилась семья Горбуновыхъ, которая всякое лѣто снимала его подъ дачу. Марія Александровна очень любила семью Горбуновыхъ, съ которой имѣла постоянныя сношенія.

Съ годами Марію Александровну все чаще и чаще стали мучить ея обычные бронхиты. Мы стали замѣчать, что силы ея значительно падали и что работать ей становилось все труднѣе и труднѣе. «Она живетъ такъ напери-

*) И. И. Горбуновъ-Посадовъ, писатель и издатель книжной фирмы «Посредникъ», много лѣтъ проведеній въ Овсянниковѣ.

женно, что за нея всегда страшно»,—пишетъ о ней Л. Н. въ одномъ письмѣ къ своей дочери Машѣ.

Настъ всѣхъ тревожила ея болѣзнь. Но она постоянно умоляла настъ не заботиться о ней и не жалѣть ее.

«Очень благодарю, дорогая Таничка, за скипидаръ»,—пишетъ она мнѣ какъ-то.—«Спала лучше, но еще сильно потѣла. Сейчасъ чувствую себя бодрѣе и сильнѣе. Голубка, дорогая моя, попросите папа не бѣдить, видимо, я скоро поправлюсь и сама васъ всѣхъ навѣщу. Я очень боюсь дороги на Козловкѣ. Сохрани Богъ, да онъ упадетъ... Спасибо за любовь ко мнѣ...».

«Чувствую себя гораздо лучше»,—пишетъ она въ другомъ письмѣ.—«Еще по ночамъ ночные поты продолжаются, но гораздо меньше. Не дожусь поцаловать къ вамъ—хочется до смерти и почитать и пописать мысли папа».

«Я здорова, какъ Крещенскій ледъ, а на случай моей болѣзни—мое искреннее желаніе лечь въ больницу и умереть тамъ, такъ что я увѣрена что если бы мнѣ пришлось умереть тамъ,—вы всѣ, мои дорогие друзья, простите».

«Еще до сихъ поръ чувствую большую слабость и никуда еще не выхожу... Хорошо, что послѣднія ночи прошли безъ пота, а то мѣняла бѣлье по 4 и 5 разъ въ ночь. Потому такая слабость... Простите меня и положите нѣвѣ на милость,—но извѣщать васъ о своей болѣзни не могу,—это выше силъ моихъ. Дѣлаю это не изъ недовѣрія къ вамъ и не изъ желанія обидѣть васъ, но отъ глубокой любви ко всѣмъ вамъ...».

Такими письмами старалась милая старушка успокоить настъ. И мы вѣрили въ то, что болѣзнь не тяготитъ ее и что излишняя забота о ея здоровьи можетъ быть ей непріятна.

— И не жутко вамъ одной?—спрашивала я ее.—Не прустѣю, что вы одна; не тоскливо, что никто васъ не пожалѣетъ, никто за вами не похосидитъ?

— Ахъ, душенька, что вы!—искренно отвѣчала Марія Александровна.—Мнѣ одной съ Богомъ такъ хорошо! Такъ хорошо! Когда сама пострадаешь, то лучше понимаешь страданія другихъ,—прибавляла она.—Это Богъ, любя, посылаетъ...

Хотя Марія Александровна и старалась работать по-прежнему, но ей это становилось все труднѣе и труднѣе. Сестра Маша рассказывала мнѣ, что она видѣла, какъ Марія Александровна возвращалась съ работы, согнутая пополамъ и какъ она на ходу постепенно разгибалась и, толькъ подойдя къ дому, могла совершенно выпрямиться. Кремъ домашняго хозяйства и работъ на огородѣ и въ саду, Маріи Александровнѣ приходилось доставать себѣ дровъ на зиму. Она сама привозила ихъ изъ казеннаго лѣса «Засѣки» и сама рубила ихъ. Но ей казалось, что она все еще не достаточно работаетъ, и, сравнивая какъ-то свою жизнь съ жизнью одной своей пріятельницы, она писала мнѣ:

«Вотъ святая труженица! А я какъ посмотрю на свою жизнь, да сравню трудъ свой съ ея—мнѣ становится очень стыдно!».

Помню, я какъ-то осенью свезла въ Осеняниково посадочный матеріалъ:

березки и елки, и просила Марію Александровну нанять поденныхъ и поручить имъ на другой день посадить деревья. Ямки для нихъ были уже заранее заготовлены.

Прознувшись на другой день утромъ, я увидала, что погода ужасная: холодный, промозывающій вѣтеръ и дождь съ крупой. У меня сердце упало. Я была увѣрена въ томъ, что Марія Александровна не только въ точности исполнить мою просьбу, но, навѣрное, сама будетъ работать съ поденщиками. Я надѣла кожанъ, сѣла въ шарабанъ и при свистащемъ вѣтрѣ, подъ градомъ и дождемъ, которые стучали по моему кожану и до боли стегали мнѣ лицо,—я помчалась въ Овсянниково.

Я не ошиблась въ своихъ предположеніяхъ. Марія Александровна стояла съ дѣвушками въ полѣ и руководила работой. Я насидя уговорила ее бросить работу и идти въ избу чай пить. Поденщицы, которыя не рѣшались отказываться отъ работы, пока съ ними была Марія Александровна,—съ радостью разбѣжались по домамъ.

Иногда, когда Марія Александровна пріѣзжала къ намъ въ Ясную, мы поражались ея плохимъ видомъ.

— Что съ вами, Марія Александровна?—спрашивать кто-нибудь изъ насъ.—Вамъ хуже?

— Почему, душенька?—уклончиво отвѣчала Марія Александровна.

— Да вы что-то блѣдны...

— Ахъ, душенька, отвяжитесь! Это здѣсь освѣщеніе такое.—говорила Марія Александровна и отворачивалась, чтобы ее не разглядывали.

Этимъ «освѣщеніемъ» мы постоянно ее дразнили.

— Марія Александровна, какъ «освѣщеніе»?—приставали мы.

— Прекрасно! Прекрасно! Отвяжитесь, душенька!

И старушка вмѣстѣ съ нами дружно хохотала надъ самой собой.

У нея былъ даръ необыкновенно весело и заразительно хохотать. И въ нашей семьѣ ее часто дразнили для того, чтобы слышать этотъ искренній веселый хохотъ.

— Марія Александровна,—приставали къ ней моя сестра Маня и я.—Вы были когда-нибудь влюблены?

— Ха, ха, ха! Какже, душенька! Страдала, страдала! Вотъ глупость-то! И Марія Александровна покатывалась со смѣха.

— Ну, Марія Александровна, расскажите, какъ вы страдали. Въ кого вы были влюблены?

— Ахъ, душенька, отвяжитесь! Слава Богу, что все это давно миновало... Я все и позабыла...

Но мы всё приставали. И Марія Александровна, перебивая себя хохотомъ и выраженіями радости отъ того, что она на эту удочку не попалась, рассказывала намъ о томъ, что была какой-то докторъ, по которому она страдала. А, кромѣ того, она обожала актера Шумскаго. Бывало—она ждала у выхода Малаго театра его отъѣзда, чтобы еще разъ взглянуть на

него; рассказывала, что она достала себѣ его носовой платокъ, который хранила, какъ сокровище.

— Но, душенька; онъ былъ истинный художникъ, — прибавляла она серьезно.

Марія Александровна любила и цѣнила искусство, и особенно сильно дѣйствовала на нее музыка. У насъ ей часто приходилось ее слушать. И Марія Александровна до глубины души наслаждалась ею. Какъ сейчасъ вижу ея костлявую фигуру, ея исхудалое лицо съ рѣзко очерченными костями скулы и челюстей, и прекрасные, одухотворенные сѣрые глаза, какъ-будто, не видящіе ничего внѣшняго, а устремленные внутрь.

Съ ослабленіемъ здоровья, у Маріи Александровны стали уменьшаться ея заработокъ. Это насъ тревожило потому, что ее очень трудно бывало уговорить принять какую-либо матеріальную помощь. Моя мать иногда собственноручно шила ей платья, и Марія Александровна принимала ихъ только потому, что знала, что она очень огорчила бы мою мать, не принявъ этого подарка. Марія Александровна въ шутку называла эти платья «платья для аристократическихъ домовъ». Всѣ наши друзья старались подарить ей что-нибудь полезное, что облегчило бы ея трудъ. Но Марія Александровна за рѣдкими исключеніями, старалась, не обидѣвши дарителя, отклонять всякіе подарки, говоря, что «у нея всего болѣе, чѣмъ слѣдовало бы». Какъ-то мой братъ Андрей, узнавъ о томъ, что у нея недостатки—послалъ ей денегъ. Она деньгами возвратила и написала мнѣ:

...«Я сейчасъ - же догадалась, что вы братски захотѣли подѣлиться со мною. Спасибо, дорогіе друзья; очень тронута, но денегъ не взяла потому, что трудное время для меня пережито. Это повторяется изъ года въ годъ, когда коровы безъ молока. Теперь Рыженокка отелилась и все опять пошло, какъ по маслу. Молоко поставляю на заводъ и имѣю ежедневно 45 коп. Для меча это цѣлое богатство, которымъ я оправдываю помощницу, себя, да и на третьяго хватило бы... Я крѣпко цѣлую васъ съ Андрюшей и очень мнѣ радостно чувствовать такое любовное отношеніе съ вами».

Также отказалась она разъ и отъ присланныхъ нашей общей пріятельницей, денегъ.

«Я всегда бываю до слезъ тронута добрымъ чувствомъ любви, но отъ денегъ отказываюсь потому, что потребности у насъ разныя и богатымъ людямъ самимъ не хватаетъ».

Разъ какъ-то моя мать съ сестрой Сашей пріѣхали къ Маріи Александровнѣ и привезли ей кое-какой провизіи отъ себя и отъ меня. Она тотчасъ же написала мнѣ объ этомъ:

...«Вдругъ въ четвертомъ часу застучали катки^{*)} и подѣхали мама, Саша, ...съ чаемъ, медомъ и крупой. Я просто остолбенѣла отъ радости при видѣ милой Софіи Андреевны, которая сама все и перенесла ко мнѣ въ избу.

*) Въ Леной Полянѣ «катками» называлась липейка.

Отъ нея узнала о вашей большой любви и заботѣ обо мнѣ, чуть не заплакала отъ радости, что вы, моя дорогая, помните обо мнѣ. Спасибо, мнѣ это большая радость, даже не по заслугамъ».

Было нѣсколько человѣкъ изъ нашихъ друзей, которые пытались жить съ Маріей Александровной, чтобы помочь ей въ работѣ. Но хотя она прямо отъ такихъ предложеній никогда не отказывалась, тѣмъ не менѣе, совмѣстная жизнь съ кѣмъ бы то ни было ее тяготила. Но еще тяжелѣе для нея бывало, когда люди приходили къ ней для того, чтобы отъ нея учиться трудовой жизни.

— Чему у меня учиться? Я злая эгоистка, и больше ничего,—говорила она въ этихъ случаяхъ.—Я едва со своей жизнью справляюсь. Какой я прижмѣрь другимъ!

Волей-неволей, такъ какъ силы у нея стали быстро падать, и она не могла одна справляться со своимъ хозяйствомъ—пришлось ей взять прислугу. Это было для нея очень тяжело. Хотя она называла ее своей «помощницей», а не слугой, и хотя она обращалась съ ней, какъ съ равной говоря ей «вы» и дѣля съ ней столъ,—но, тѣмъ не менѣе, искренняя Марія Александровна не могла не сознавать того, что она прибѣгала къ наемному труду, который ей всегда претилъ.

Помощницы Маріи Александровны часто мѣнялись, такъ какъ никто долго не могъ выдержать монашескаго образа жизни въ одинокой глухой усадьбѣ. Лѣтомъ 1910 года, вмѣсто женщины, Марія Александровна наняла себѣ въ помощники молодого малаго изъ сосѣдней деревни. Съ чисто-материноскою заботой опекала она своего юнаго помощника и всячески старалась украсить его жизнь.

Въ это лѣто, какъ и въ предыдущія—въ Овсянниковскомъ домѣ жилъ И. И. Горбуновъ съ семьей. Какъ-то вечеромъ, окончивъ свои работы, Марія Александровна предложила Ивану Ивановичу поѣхать въ Ясную Поляну. Запрягли лошадь, сѣли въ шарабанъ и отправились. Въ Ясной провели вечеръ въ бесѣдѣ съ Львомъ Николаевичемъ и, такъ какъ поздно засидѣлись, то рѣшили остаться ночевать. Рано утромъ Иванъ Ивановичъ былъ разбуженъ своей женой, примчавшейся изъ Овсянникова съ печальной вѣстью: въ часъ ночи у Маріи Александровны между избой и закутой загорѣлись сѣны. Такъ какъ постройка была деревянная, а закута была плетневая, покрытая соломой—то въ короткое время все сгорѣло до тла.

Во время пожара въ избѣ Маріи Александровны спала старушка изъ деревни Овсянниково для того, чтобы вмѣсто Маріи Александровны подоить корову, а въ сараѣ, недалеко отъ избы, спала пріѣхавшая погостить къ Маріи Александровнѣ ея знакомая. Она проснулась отъ треска пожара и бросилась въ избу будить старушку. Проснулись и жена и дѣти Горбуновы, которые жили въ домѣ. Они бросились спасать любимую корову Маріи Александровны, которая, какъ всегда всѣ животныя, умиралась и не хотѣла уходить изъ своей закуты въ неурочное время. Пока онѣ заняты были коровой,—

изба настолько была охвачена огнемъ, что войти въ нее не было никакой возможности.

У Маріи Александровны погнбло все ея имущество: платья, шуба, бѣлье, постель, стиральная машина, маслобойка, планетъ, вся утварь, всѣ книги, и 53 руб. денегъ, которые ей дала спрятать спавшая въ сараѣ ея знакомая.

Все это было бы возвратимо. Но что больше всего убило Марію Александровну, было то, что въ огнѣ погнбли всѣ письма моего отца къ ней, подлинная рукопись его разсказа «Иванъ Дуракъ» и списки, сдѣланные ея рукой со многихъ его сочиненій, которые представляли изъ себя послѣднія исправленные редакціи. Между прочимъ, сочиненіе «Исслѣдованіе Евангелій» имѣло много собственноручныхъ помѣтокъ и поправокъ отца. Одну изъ своихъ драгоценностей—рукопись книги «Такъ что-жъ намъ дѣлать» Марія Александровна подарила мнѣ еще въ 1901 году съ надписью: «Подарила моему дорожному другу Таничкѣ М. Шмидтъ.» Рукопись эта представляетъ изъ себя толстую переплетенную книгу, въ которой сохранены всѣ выпущенныя цензурой мѣста.

Узнавъ о своей потери, Марія Александровна громко воскликнула, закрыла лицо руками и долго молча такъ просидѣла. Меня въ то время не было въ Ясной Полянѣ. Марія Александровна пишетъ мнѣ 6-го іюля 1910 года изъ Овсянниковъ:

...«У меня сгорѣло все. И самое мнѣ дорогое, что составляло сущность моей жизни—рукописи Льва Николаевича и моя Шавочка. Простите мнѣ всѣ мои прегрѣшенія вольныя и невольныя, а вмѣстѣ съ грѣхами и мою тяжело болѣзненную старость. Не имѣю словъ благодарить васъ, дорогой другъ, за любовь ко мнѣ. Я не стою этого...».

Трудно было ей смириться передъ этимъ испытаніемъ. Какъ жить, не имѣя подъ рукой тѣхъ безконечно драгоценныхъ для нея мыслей, которыя она долгими осенними и зимними вечерами перечитывала и переписывала, и въ которыхъ она черпала силы для своей духовной жизни! Многихъ и восстановить нельзя. Вся долготѣнная переписка съ самымъ дорогимъ для нея другомъ и руководителемъ—пропала въ огнѣ! Да и матеріально какъ трудно вновь собрать всѣ тѣ необходимыя для хозяйства и ежедневнаго обихода мелочи, которыя накапливаются незамѣтно и къ которымъ невольно привыкаешь.

По разнымъ даннымъ оказалось, что поджегъ Марію Александровну ея юный помощникъ для того, чтобы во время пожара похитить чужія деньги, которыя у нея хранились. Марія Александровна не только простила его, но никому не позволяла при себѣ обвинять его.

— Богъ съ нимъ, душенька! Богъ съ нимъ!—говорила она горячо.—Еще не доказано, что это онъ сдѣлалъ, а мы съ вами изгнбшимъ, обвиняя его! Богъ съ нимъ!

Тотчасъ же послѣ пожара я купила лѣса на новую избу и заказала плотнику построить ее. Заказала я ее выше и просторнѣе, чтобы больной старушкѣ было бы легче въ ней дышать. Марія Александровна изъ всѣхъ силъ

противилась новой постройкѣ. Но я знала, что нигдѣ ей такъ хорошо не будетъ жить, какъ одной въ Овсянниковѣ.

«Вчера я не нашла удобной минуты переговорить съ вами относительно стройки»,—пишетъ она мнѣ, узнавъ о моемъ намѣреніи.—«Крѣпко благодарю и глубоко тронута вашимъ участіемъ ко мнѣ, но допустить стройку лично для меня—не могу. При одной мысли объ этомъ мнѣ невыносимо дѣлается пусто—ну просто душа болитъ. Буду жить гдѣ и какъ Богъ приведетъ. Крѣпко цѣлую васъ всѣхъ, прощаюсь со всѣми вами очень. Числа 15-го думаю ѣхать къ брату».

Я не послушалась Маріи Александровны и продолжала стройку. Цѣлый годъ Марія Александровна жила, какъ она мнѣ и писала «гдѣ и какъ Богъ приводилъ». Наконецъ, я написала ей запросъ о томъ—думаетъ ли она вновь вернуться въ Овсянниково.

«Дорогая моя Таничка»,—отвѣтила она мнѣ.—«Я не только думаю о дорогомъ Овсянниковѣ, но на четверенькахъ уползу туда, если вы застрахуете дорожку, чтобы на случай пожара вамъ ничего не терять».

Вторымъ условіемъ она поставила мнѣ то, чтобы я позволила ей помогать въ надзорѣ за работами. Мнѣ это было, тѣмъ болѣе, удобно, что я не жила въ Ясной, и что Марія Александровна могла строить новую избу вполне по своимъ потребностямъ и вкусамъ. Она переѣхала въ избу еще до окончательной ея отдѣлки и взяла на себя руководство остальными работами, а также и моими дѣлами.

...«Душенька моя, знайте одно»,—пишетъ она мнѣ.—«Все дѣлаю я съ такой любовью, добрымъ желаніемъ, какъ никогда еще мнѣ не приходилось».

...«Помните одно»,—пишетъ она дальше,—«что желаніе мое помочь вамъ было отъ всей души, но голова моя старая и больная—можетъ измѣнить мнѣ и я могу ошибиться...».

Перейдя въ свой новый «дворецъ», какъ она называла свою избу, она не переставала присылать мнѣ благодарственные письма.

...«Милый другъ, спасибо за новое чудное помѣщеніе, гдѣ могу болѣть, кашлять, никою не безпокоя. Стѣснительно жить въ чужомъ домѣ съ этой жокучной и грязной болѣзью. Таничка, милая моя, очень прошу васъ не стѣсняйтесь и приказывайте мнѣ все, что вамъ хочется дѣлать въ Овсянниковѣ, не оптимайте у меня радости послужить вамъ. Вы и не подозреваете, съ какой любовью отношусь ко всему, что васъ касается».

...«У меня въ домикѣ болѣе, чѣмъ хорошо. Спасибо, моя душанька, живу, какъ у Христа за пазухой, и все думаю—за что Богъ послалъ мнѣ такую хорошую жизнь...».

...«Быть-можетъ, я за снѣгу изялась бы и пріѣхала васъ поблагодарить за ту чудную жизнь, какую вы дали мнѣ въ божественномъ Овсянниковѣ. Дорогой мой другъ!—знайте одно, что не имѣю словъ выразить вамъ своей глубокой благодарности...».

Потеря всѣхъ ея сокровищъ наложила печать грусти на всегда веселую.

бодрую и жизнерадостную Марию Александровну. Но, если уменьшилась ее веселость, за то увеличились в ней доброта и мягкость. Перестав жить эгоистической жизнью, она перенесла весь интерес от своей личности на окружающих. Она перестала бояться лишений, труда и болезни, находя в них средства для духовного роста. Все свои душевные усилия она употребляла только на то, чтобы увеличить любовь к своим близким. От усилий это любовное отношение к людям перешло в привычку и к концу ее жизни—Марии Александровне стало также свойственно любить всех живых существ без исключения, как и дышать. Когда при ней кто-нибудь ссорился, сердился, спорил, осуждал,—Мария Александровна искренно страдала, и сейчас же заступалась за того, кого обижали, стараясь смягчить спорящих и объяснить все непониманием. Помню, как часто Мария Александровна дергала меня за юбку или за рукав, когда я на кого-нибудь налетала с осуждением.

— Не надо, Танюшка, не надо,—шептала она мне на ухо.—Оставьте, он же ребенок... Он не понимает... Как можно сердиться?

Труднее всего бывало ей совладать с собой, когда превратно понимали и при ней осуждали моего юнца. Но и к этому она к концу своей жизни выработала мягкое и терпимое отношение. Она старалась стать на точку зрения своего противника и мягко и ласково уговаривала отнестись к Льву Николаевичу с доверием и любовью, и постараться понять. При этом она старалась своими словами разъяснить то, что он думал, говорил и писал.

В последнее время заботило ее душевное состояние ее друга Льва Николаевича, который все больше и больше тяготился жизнью в Ясной Поляне, который часто приезжал к Марии Александровне, чтобы излить ей свою душу.

В конце лета 1910 года отец приехал погостить ко мне в деревню, в Новосильском уезде. Отсюда он написал Марии Александровне свое последнее письмо, которое я нашла послѣ ее смерти в ее бумагах.

Вот оно:

«10-го сентября 1910 года. Кочеты.

«Здравствуйте, дорогой старый друг и единовѣрецъ, милая Мария Александровна. Часто думаю о васъ и теперь, когда не могу заѣхать въ Овсянниково, чтобы повидать васъ, хочется написать вамъ все то, что вы знаете, а именно, что по старому стараюсь быть менѣе дурнымъ и что, хотя не всегда удается, нахожу въ этомъ старании главное дѣло и радость въ жизни. И еще то, что вы тоже знаете, что люблю, цѣню васъ, радуюсь тому, что знаю васъ.

Пожалуйста, напишите мнѣ о себѣ, о тѣлесномъ и о душевномъ.

Крѣпко любящій васъ.

Левъ Толстой».

23-го сентября отецъ вернулся въ Ясную Поляну, и опять сталъ часто посѣщать своего «старого друга и единовѣрца».

Послѣдній разъ онъ былъ въ Овсянниковѣ 26-го октября, за два дня до ухода изъ Ясной Поляны. Марія Александровна рассказывала мнѣ, что онъ пріѣхалъ къ ней верхомъ и сказалъ ей о томъ, что собирается уйти изъ Ясной Поляны навсегда. Марія Александровна ахнула и всплеснула руками.

— Душенька, Левъ Николаевичъ!—сказала она.—Это слабость, это пройдетъ...

— Да,—отвѣтилъ отецъ,—это слабость.

Но онъ не сказалъ, что это пройдетъ. Черезъ два дня, въ ночь съ 27-го на 28-е онъ съ докторомъ Душаномъ Петровичемъ Маковицкимъ уѣхалъ изъ дома, написавъ мнѣ и брату Сергѣю, что ушелъ, потому что «не осилилъ» одѣлать издате.

Когда Марія Александровна узнала о томъ, что отецъ ушелъ, она немедленно переѣхала въ Ясную Поляну. Гдѣ было горе, гдѣ была нужда въ утѣшеніи, тамъ всегда была и Марія Александровна. Такъ и въ этотъ разъ—Марія Александровна примчалась къ намъ и, какъ всегда, принесла съ собой большой запасъ любви и нѣжности. Ночи она проводила на диванѣ въ спальнѣ моей матери и, чтобы не тревожить ея покоя, она подавляла мучившій ее кашель, зарываясь лицомъ въ подушку.

Послѣ кончины отца, Марія Александровна сильно осунулась, согнулась, стала задумчива и молчалива и только прибавила ласки и любви къ окружающимъ. Здоровье ея все ухудшалось и въ 1911 году въ іюлѣ она пишетъ мнѣ, что «съ труднымъ покосомъ и отъ непогоды заболѣла». Работать она все же не переставала. Это было ея духовной потребностью и радостью. Убравшись съ покосомъ, она принялась за письменную работу.

«Буду рада засѣсть за любимую работу: внесу всѣ пропуски въ книжечки «Путь жизни»,—что измѣнено и пропущено. Иначе этихъ книжекъ не напечатали бы»,—пишетъ она мнѣ въ томъ же письмѣ.

Осенью этого года я посѣтила свою милую старую пріятельницу и мы, какъ всегда, поговорили душа въ душу о самыхъ важныхъ предметахъ. Я не подозрѣвала того, что она стояла уже одной ногой по ту сторону жизни, хотя видѣла въ ней все большее и большее ослабленіе жизненныхъ интересовъ и все увеличивающійся ростъ духовной жизни. Уѣхавъ къ себѣ въ деревню, я 18-го октября 1911 г. получила слѣдующую телеграмму отъ И. И. Горбунова:

«Марія Александровна скончалась сегодня, вторникъ, семь утра. Ждемъ васъ и распоряженій.

Горбуновъ».

Зная, что Марія Александровна не исповѣдывала православной вѣры и, зная, что она желала быть похороненной безъ церковнаго обряда—я въ этомъ смыслѣ и телеграфировала въ Овсянниково. Въ то время я не могла покинуть своей семьи, и узнала подробности кончины Маріи Александровны и похоронъ ея тѣла только со словъ очевидцевъ.

Сторожемъ въ Овсянниковѣ въ то время былъ близкій по убѣжденіямъ Маріи Александровнѣ крестьянинъ сосѣдней деревни П. И. Сковорцовъ. Старушка любила его и часто бесѣдовала съ нимъ по душѣ. Наканунъ ея смерти, Сковорцовъ былъ обезпокоенъ большой слабостью Маріи Александровны и предложилъ ей телеграммой вызвать Горбуновыхъ, которые переѣхали уже въ Москву. Марія Александровна очень энергично запротестовала.

— Умоляю васъ, Петръ Ивановичъ,—говорила она ему,—не беспокоить изъ-за меня. Если я почувствую себя очень худо, то я уѣду въ Звенигородъ и лягу въ больницу къ Дмитрію Васильевичу *).

Сковорцовъ ея послушался, но не былъ спокоенъ на ея счетъ. На другой день, какъ только онъ проснулся,—онъ пошелъ ее провѣдать. Марія Александровна лежала на постели лицомъ къ стѣнѣ, и широко раскрытыми глазами смотрѣла на стѣну, на которой висѣли рядомъ—Распятіе и портретъ отца. Она ничего уже не говорила. И такъ, постепенно угасая,—она тихо перешла изъ этой жизни въ другую.

Пріѣхало нѣсколько друзей хоронить Марію Александровну. Ею была оставлена записка, написанная въ февралѣ того года, въ которой она просила похоронить ее безъ соблюденія церковнаго обряда, такъ какъ она уже болѣе 30 лѣтъ какъ отошла отъ православной церкви. Въ концѣ записки она обращалась къ властямъ съ просьбой не наказывать ея друзей за то, что они исполняютъ ея просьбу.

По словамъ присутствующихъ,—погребеніе прошло очень просто и трогательно. Тѣло положили въ простой деревянный гробъ и спустили въ вырытую могилу подъ березками, у края огорода, надъ которымъ столько лѣтъ трудилась милая старушка. Когда тѣло ея было засыпано землей и надъ могилой образовался небольшой удлиненный холмикъ,—всѣ нѣсколько минутъ стояли надъ нимъ съ непокрытыми головами. Потомъ Горбуновъ сказалъ:

— Прощай, милая сестра! Дай Богъ всѣмъ намъ прожить такъ, какъ прожила ты **).

*) Дмитрій Васильевичъ Никитинъ, главный врачъ земской больницы въ Звенигородѣ, другъ Маріи Александровны и нашей семьи. Въ день ея похоронъ онъ написалъ мнѣ изъ Овсянникова: «Спустили въ могилу милую Марію Александровну. После Мѣва Николаевича она оставалась совѣстью всѣхъ насъ...».

**) Любопытно, какъ отнеслись власти къ гражданскимъ похоронамъ М. А. Шмидтъ. Горбуновъ и жившій въ то время въ Овсянниковѣ П. А. Буланже были привлечены къ ответственности, какъ распорядители похоронъ, и приговорены къ годовому аресту. Несмотря на то, что я неоднократно заявляла о томъ, что М. А. Шмидтъ похоронена безъ церковнаго обряда въ моемъ имѣніи по моему распоряженію и, что поэтому я прошу привлечь меня въ качествѣ обвиняемой или по крайней мѣрѣ, въ качествѣ свидѣтельницы,—и никакого отвѣта на мои заявленія не получала. Въ отвѣтъ на ходатайство Горбунова о вызовѣ меня и нѣкоторыхъ другихъ лицъ свидѣтелями по этому дѣлу—Горбуновъ получилъ бумагу, въ которой было сказано, что ходатайство его оставлено безъ послѣдствій, «такъ какъ обстоятельства, подлежащія разсмотрѣнію черезъ этихъ свидѣтелей не только не

Вотъ и вся исторія простой, скромной и несложной жизни «старушки Шмидтъ». Думаю, что если бы пожеланіе нашего общаго друга Горбунова могло бы исполниться, и всѣ мы хоть немного приблизились бы въ своей жизни къ жизни Маріи Александровны, то много радости и счастья прибавилось бы между людьми. Кажется бы,—чѣмъ была замѣчательна эта незамѣтная скромная труженица? А когда взвѣсишь всѣ тѣ качества, которыми она была богата,—то и видишь, что встрѣчаются они очень рѣдко. Любовь къ людямъ, любовь и милосердіе къ животнымъ; покорность въ болѣзни и горѣ; радость въ трудѣ,—вотъ ея положительныя качества. И при этомъ отсутствіе самодовольства, лѣни, зависти, жадности, осужденія ближняго.. Это ли не подвижническая жизнь? И если эта старая, слабая, больная, воспитанная въ относительной роскоши и праздности женщина, могла такъ переработать себя, то никому изъ насъ нельзя отчаиваться. Общими успіями мы могли бы устроить жизнь, въ которой было бы побольше настоящаго братства, настоящаго равенства, настоящей любви, чѣмъ мы это видимъ теперь...

Т. Сухотина-Толстая.

Ясная Полина, 3-го апрѣля 1918 года.

могутъ имѣть для дѣла полезное значеніе, но вовсе къ дѣлу не относятся и являются лишнимъ загроможденіемъ судебного дѣла побочными данными».

Памяти ушедших.

Вѣра Ивановна Засуличъ.

(род. 29 іюля 1849 г., умерла 8 мая 1919 г.).

Русское революціонное движеніе послѣдняго полу-столѣтія выдвинуло, какъ извѣстно, длинный рядъ замѣчательныхъ женщинъ; достаточно назвать Софью Перовскую, Софью Лешеръ фонъ - Герцфельдъ, Татьяну Лебедеву, Гесю Гельфманъ, Вѣру Финнеръ, Екатерину Брешковскую, между которыми недавно скончавшаяся социаль-демократка Вѣра Ивановна Засуличъ занимала одно изъ первыхъ мѣстъ. Болѣе того: безъ малѣйшихъ преувеличеній можно сказать, что Вѣра Ивановна была одной изъ самыхъ выдающихся социалистокъ не только въ Россіи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. На ряду съ огромными умственными дарованіями и изумительными нравственными свойствами, ей были присущи также: необыкновенная скромность и застѣнчивость, доходившія до отырашенія чѣмъ-либо выдвигать себя, быть на виду. Она предпочитала оставаться всегда незамѣченной, въ тѣни, и только этими чертами ея характера слѣдуетъ объяснить, что трудящимся массамъ мало или вовсе неизвѣстно ея имя, въ то время, какъ многихъ, значительно во всемъ ей уступавшихъ, женщинъ всѣ знаютъ.

Вѣра Ивановна была однимъ изъ самыхъ близкихъ моихъ друзей; я знаю ее въ теченіе сорока четырехъ лѣтъ; мнѣ хотѣлось бы, поэтому, дать читателямъ живой, ясный образъ этой удивительной женщины. Но, къ крайнему моему сожалѣнію, я не обладаю необходимыми для этого дарованіями; къ тому же, я ограниченъ небольшими размѣрами для этой статьи. Отсылая, поэтому, интересующихся Вѣрой Засуличъ къ «профилямъ», набросаннымъ Сергѣемъ Кравчинскимъ-Степнякомъ въ его книжкѣ «Подпольная Россія», я постараюсь дать здѣсь то, что въ моихъ силахъ *).

* * *

Столбовая дворянка, дочь капитана, Вѣра Ивановна родилась въ принадлежавшемъ ей матери небольшомъ имѣніи, находившемся въ Гжатскомъ

*) См. «Изъ воспоминаній Е. Брешко-Брешковской», «Голосъ Минувш.», 1916 г., № 10-12.

уѣздѣ Смоленской губ. Первоначальное образованіе,—читать по-русски, молитвамъ, арифметикѣ, а также болтать по-французски,—она получила дома, у спарушки-гувернантки. Все дѣтство и отрочество она провела у своихъ тетокъ, в деревнѣ Бяколово (того же уѣзда), что въ сильной степени способствовало укрѣпленію ея и безъ того отъ природы здороваго организма. Объ этомъ періодѣ своей жизни Вѣра Ивановна до самой своей смерти сохранила наиболѣе живыя воспоминанія, въ чемъ убѣдятся читатели, когда появятся въ печати ее личные объ этомъ наброски *).

Лѣтъ пятнадцати ее повезли въ Москву, гдѣ помѣстили въ частномъ пансіонѣ. Немногому въ тѣ отдаленныя времена.—въ срединѣ 60-хъ г.г.—учили въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ,—въ институтахъ и пансіонахъ,—гимназій и высшихъ курсовъ тогда еще не было. Но недочеты въ своемъ образованіи Вѣра Ивановна сама пополняла усерднымъ чтеніемъ книгъ и, особенно, журналовъ. Кромѣ хорошаго, крѣпкаго сложенія, природа надѣлила ее большими способностями, трудолюбіемъ и любознательностью. Къ тому же юность Вѣры Ивановны пришлась въ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и замѣчательныхъ моментовъ въ русской исторіи,—въ «эпоху великихъ реформъ», начавшуюся, какъ извѣстно, съ освобожденія крестьянъ.

Изъ книгъ и статей популярныхъ тогда критиковъ и публицистовъ,—Чернышевскаго, Добролюбова и др., изъ бесѣдъ съ другими и изъ посѣщеній всевозможныхъ засѣданій, лекцій, обществъ и т. п.,—Вѣра Ивановна очень рано прониклась передовыми взглядами и стремленіями. Благодаря усиленному и серьезному чтенію, она въ 17—18 лѣтъ понимала многое лучше чѣмъ значительно болѣе ее старые мужчины.

Въ виду распространеннаго въ то время среди молодежи изъ привилегированныхъ слоевъ населенія стремленія жить на собственный счетъ, чтобы не эксплуатировать рабочій классъ, Вѣра Ивановна, подобно многимъ своимъ сверстникамъ, по окончаніи пансіона, отправилась въ Петербургъ, гдѣ поступила въ переплетную мастерскую, основанную,—какъ это тогда часто практиковалось,—на артельныхъ началахъ **). Одновременно она занималась

*) Напечатаны въ «Быломъ», 1919 г., № 14.

Ред.

**) При поѣздкѣ въ Петербургъ, въ поѣздѣ, она встрѣтила молодого ученика, будущаго революціонера П. А. Кропоткина, съ которымъ проговорила всю ночь на общественныя темы. Діонисъ въ своей «Замѣткѣ» (по поводу семидесятилѣтія П. А. Кропоткина), «Русск. Богъ», 1912 г., № 11, напоминаетъ этотъ моментъ:

«Въ 1904 году я присутствовалъ при характерной встрѣчѣ двухъ очень выдающихся людей, каждый изъ которыхъ имѣлъ рѣзко выраженную индивидуальность. Очень пожилая женщина, прѣбывавшая на время въ Лондонѣ, захотѣла видѣть старика, живущаго здѣсь постоянно...

— Я тебя, Петръ, встрѣтила уже разъ,—сказала женщина, говорящая всѣмъ ты по старой нигилистическій привычкѣ.

— Неужели, бабушка? Я думалъ мы видимся впервые.

— Вспомни 1864 годъ. Зимой, тогда офицеръ, ѣхавшій изъ Сибири, встрѣтилъ въ вагонѣ, между Москвой и Петербургомъ, молоденькую дѣвушку, съ которой прого-

обученіемъ трудящихся грамотѣ въ одной изъ очень распространенныхъ тогда бесплатныхъ воскресныхъ или вечернихъ школъ для народа. Случилось такъ, что, благодаря этимъ занятіямъ, Вѣра Ивановна познакомилась съ народнымъ учителемъ Сергіевскаго приходскаго училища, Сергѣемъ Нечаевымъ, вскорѣ затѣмъ прославившимся на всю Россію.

Мало образованный, но обладавшій изумительной, желѣзной волей, рѣшительностью и предпримчивостью, этотъ молодой человекъ, какъ извѣстно, задумалъ произвести въ Россіи социальную революцію, и это въ такое время, когда въ странѣ господствовала сильнѣйшая реакція, вызванная ювершиненнымъ Каракозовымъ за три года предъ тѣмъ покушеніемъ на Александра II (4 апр. 1866 г.). Для осуществленія своего намѣренія Нечаевъ широко примѣнялъ принципъ—«цѣль оправдываетъ средства». Онъ обладалъ даромъ увлекать, подчинять себѣ людей, даже значительно болѣе старыхъ и неизмѣримо болѣе образованныхъ, чѣмъ онъ самъ былъ: извѣстно, что знаменитый родоначальникъ анархій, Михаилъ Александровичъ Бакунинъ, подпалъ подъ его вліяніе.

Этотъ-то замѣчательный революціонеръ, познакомившись съ Вѣрой Ивановной Засуличъ, стремился привлечь и ее на свою сторону.

Чтобы дать представленіе о тогдашнихъ взглядахъ и настроеніи Вѣры Ивановны, приведу слѣдующую выдержку изъ оставленныхъ ею отрывковъ своихъ воспоминаній, найденныхъ мною среди ея бумагъ.

«Еще до «революціонныхъ мечтаній»,—сообщаетъ она,—даже до пансіона я строила глупые планы, какъ бы мнѣ избавиться отъ того, чтобы стать со временемъ гувернанткой *). Мальчику въ моемъ положеніи было-бы, конечно, пораздо легче: для его плановъ будущаго широкій просторъ... И вотъ этотъ далекій призракъ революціи сражалъ меня съ мальчикомъ: я могла мечтать о «дѣлѣ», о «подвигахъ», о «борьбѣ».... «въ станѣ погибающихъ за великое дѣло любви». Я жадно ловила всѣ подобныя слова въ стихахъ, въ старинныхъ пѣсняхъ... «Скорѣй дадимъ другъ-другу руки, и будемъ мы питать до проба вражду къ бычамъ земли родной». Я находила въ стихахъ иногда и тамъ, быть-можетъ, гдѣ въ мысляхъ автора было другое, находила у своего любимца Лермонтова и, конечно, у Некрасова.

Откуда-то попала въ мнѣ исповѣдь Називайки Рылѣва, и стала одной изъ главныхъ моихъ святынь: «извѣстно мнѣ: гибель ждетъ того, кто... и т. д.» Всюду, всегда, все героическое, вся эта борьба, возстаніе было связано съ гибелью, страданіемъ. «Есть времена, есть цѣлые вѣка, когда ничто не можетъ быть прекраснѣй, желаннѣй терноваго вѣнка». Онъ-то и влекъ

ворилъ всю ночь, объ общественныхъ вопросахъ. Дѣвушка впервые ѣхала изъ своего имѣнія въ Петербургъ учиться.

— Въ мѣховомъ капорѣ?—быстро спросилъ ученый.

— Ну, ну! Я—та самая дѣвушка».

*) На этомъ настанвали ея родственники. Л. Д.

къ этому «стану погибающихъ», вызвалъ къ нему горячую любовь. И несомнѣнно, что эта любовь была сходна съ той, которая явилась у меня къ Христу, когда я въ первый разъ прочла Евангеліе. Я не измѣнила ему,—снѣ самый лучший: онъ и они достаточно хороши, чтобы заслужить терновый вѣнецъ и я найду ихъ и постараюсь на что-нибудь пригодиться въ ихъ борьбѣ. Не сочувствіе къ страданіямъ народа толкало меня въ «станъ погибающихъ»,—никакихъ ужасовъ крѣпостного права я не видѣла, а къ бѣднымъ я сперва по неволѣ относилась съ торжкою обидой, потому что чуть не съ пороку сама себя причисляла, а, что пока живу, какъ богатая, это я своей бѣдой, а не привилегіей считала».

Послѣ этого признанія Вѣры Ивановны, можно было-бы подумать, что она немедленно поддалась доводамъ Нечаева и пошла за нимъ. Но, рядомъ съ стремленіемъ «въ станъ погибающихъ», у Вѣры Ивановны въ сильной степени развитъ былъ также здравый смыслъ, вызывавшій скептическое отношеніе къ планамъ, казавшимся ей неосуществимыми, фантастическими. Хотя при знакомствѣ съ Нечаевымъ ей было только 19 л., она все же не повѣрила въ возможность тогда произвести въ Россіи революцію. Вотъ что Вѣра Ивановна сообщаетъ въ своихъ послѣднихъ запискахъ о своемъ отвѣтѣ Нечаеву: «мнѣ такъ тяжело, такъ тоскливо было говорить свои: «невѣроятно это», «не знаю».... Я видѣла, что онъ говоритъ очень серьезно, что это не болтовня о революціи: онъ будетъ дѣлать и можетъ дѣлать... Служить революціи—величайшее счастье, о которомъ я только смѣю мечтать, а, вѣдь, онъ поворачивъ, чтобы меня завербовать, иначе и не подумать-бы... И что я знаю о народѣ, а онъ самъ изъ рабочихъ.... Быстро мелькали въ головѣ взволнованныя мысли».

Вѣра Ивановна отказалась отъ предложенія Нечаева поѣхать съ нимъ за границу, гдѣ онъ собирался обмануть Герцена, Огарева и Бакунина, будто его делегировало къ нимъ существующее въ Россіи сильное революціонное тайное общество. Но она согласилась, что-бы онъ пользовался ея адресомъ для сношеній съ другими лицами. Перехваченное письмо Нечаева, посланное имъ на адресъ Вѣры Ивановны, повело къ ея аресту со всѣми за этимъ послѣдствіями.

Послѣ почти двухлѣтняго заключенія въ Петропавловской крѣпости, Вѣра Ивановна, за отсутствіемъ другихъ уликъ кромѣ письма Нечаева, была освобождена отъ суда, но за то отправлена была административно въ ссылку.

Цѣлый рядъ лѣтъ провела Вѣра Ивановна въ разныхъ захолустяхъ сѣвера Россіи, вдали отъ родныхъ и близкихъ, переноса всевозможныя лишенія и непріятности. Эта жизнь не могла, конечно, вызвать въ молодой впечатлительной дѣвушкѣ расположенія къ господствовавшему строю. Наоборотъ: ссылка еще болѣе закалила Вѣру Ивановну, возбуждивъ въ ней личную ненависть къ правительству, которое губить молодежь изъ-за ничтожныхъ поводовъ, а то и безъ всякаго.

Только въ 1875 г. Вѣра Ивановна получила разрѣшеніе переѣхать въ Харьковъ для поступленія на фельдшерскіе курсы. Тамъ ей удалось сблизиться съ нѣкоторыми революціонерами, послѣ чего она рѣшила примкнуть къ возникшему въ началѣ 70-хъ годовъ движению, выразившемуся въ «хожденіи въ народъ». Съ этой цѣлью въ концѣ лѣта 1875 г. она отправилась въ Кіевъ, гдѣ и вступила въ такъ называемый «кружокъ бунтарей», впоследствии подробно описанный Влад. Дебогоріо-Мокріевичемъ въ его «Воспоминаніяхъ». Въ другомъ мѣстѣ я также сообщу объ этомъ кружкѣ, въ который и я входилъ, и гдѣ мы очень сблизились съ Вѣрой Ивановной. Здѣсь ограничусь лишь нѣсколькими словами объ ея въ немъ участіи.

Подборъ большинства членовъ этого кружка былъ довольно удачный: среди нихъ имѣлось нѣсколько очень крутыхъ людей, что вскорѣ они и показали на дѣлѣ. И, несмотря на присущія Вѣрѣ Ивановнѣ скромность, застенчивость и не любовь выдвигаться впередъ,—почти всѣ мы, члены этого кружка, съ теченіемъ времени признали особенно выдающіяся умственные и моральныя ея качества и высоко оцѣнили ихъ. Но лишь немногимъ изъ ея сочленовъ было извѣстно, что Вѣра Ивановна, кромѣ ума, большого развитія, доброты и безграничной преданности революціонному дѣлу, обладаетъ также свойствами, присущими избраннымъ натурамъ, истиннымъ героямъ. Объ этомъ знали только трое ея закадычныхъ друзей—Марія Каленкина, Яковъ Стефановичъ и я.

Названный бунтарскій кружокъ задался какъ извѣстно цѣлью вызвать бунтъ среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда Кіевской губ. путемъ оглашенія по селамъ и деревнямъ подложнаго манифеста отъ царя, будто-бы призывающаго населеніе возстать противъ дворянъ, чиновниковъ и, вообще, противъ всѣхъ угнетателей народа. Но по разнымъ причинамъ, о которыхъ здѣсь не могу распространяться, кружокъ этотъ распался, не сдѣлавъ ни малѣйшей попытки осуществить свой планъ *). Послѣ этого Вѣра Ивановна вмѣстѣ съ Маріей Каленкиной отправилась въ Петербургъ, гдѣ ей предстояло сыграть нѣкѣмъ непредполагаемую, изумительную роль въ русскомъ революціонномъ движеніи.

* * *

Проживъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, Вѣра Ивановна отправилась къ своей сестрѣ Екатерианѣ Ивановнѣ Никифоровой, жившей съ мужемъ и дѣтьми въ деревнѣ. А въ это время, т. е. лѣтомъ 1877 г., въ домъ предварительнаго заключенія случилось ужасное происшествіе. Всемогушій ген. Треповъ, прадоначальникъ столицы, приказалъ подвергнуть тѣлесному наказанію заключеннаго въ этой тюрьмѣ политическаго каторжанина Боголюбова-Емельянова за то, что, при вторичной встрѣчѣ съ нимъ во дворѣ, онъ не снялъ шапки. Эта жестокая расправа вызвала взрывъ негодованія со сто-

*) Не слѣдуетъ смѣшивать этотъ кружокъ съ кружкомъ Як. Стефановича, организовавшаго тайное общество среди крестьянъ того же уѣзда.

роны многочисленныхъ товарищей Боголюбова по заключенію, а также и среди всѣхъ находившихся тогда на волѣ революціонеровъ, рѣшившихъ отмстить Трепову.

Хотя цензура настрога запретила печати касаться этого происшествія, слухъ о немъ все же быстро распространился въ обществѣ. Дошелъ онъ и до Вѣры Ивановны, вызвавъ у нея такія же чувства негодованія, какъ у всѣхъ передовыхъ людей.

Боголюбова Вѣра Ивановна лично не знала, но ей, съ юныхъ лѣтъ вынесшей всевозможныя мытарства и страданія изъ-за административнаго произвола, было легче, чѣмъ кому-либо другому, понять всѣ испытанныя этимъ незванымъ человѣкомъ страданія *). Рѣшеніе расправиться съ градоначальникомъ Вѣра Ивановна приняла только осенью, когда, по возвращенію въ Петербургъ, узнала всѣ возмутительныя подробности расправы Трепова съ Боголюбовымъ и съ его товарищами по заключенію. Тогда же она убѣдилась, что революціонная организація «Троглодитовъ» (впослѣдствіе «Земля и Воля»), собиравшаяся расправиться съ градоначальникомъ, очень медлитъ съ осуществленіемъ этого намѣренія, откладывая его съ мѣсяца на мѣсяць.

Не буду здѣсь останавливаться на томъ, какъ Вѣра Ивановна осуществила задуманное ею покушеніе на Трепова,—объ этомъ имѣются подробныя описанія во многихъ произведеніяхъ. Приведу только небольшую выдержку изъ посмертныхъ ея воспоминаній о томъ, что произошло въ приемной градоначальника послѣ произведеннаго ею выстрѣла,—объ этомъ нигдѣ еще не упоминалось.

«Вдругъ все задвигалось: просители разбѣгались, чины полиціи бросились ко мнѣ, схватили съ двухъ сторонъ:

— «Гдѣ револьверъ?

— «Бросила,—онъ на полу.

— «Револьверъ, револьверъ, отдайте!—продолжали кричать, дергая въ разныя стороны.

«Передо мной очутилось существо... глаза совершенно круглые, изъ широко раскрытаго рта раздается не крикъ, а рычанье, и двѣ огромныя руки со скрюченными пальцами направляются ко мнѣ прямо въ глаза. Я ихъ зажала изъ всѣхъ силъ, и онъ ободралъ мнѣ только щеку. Посыпались удары,—меня повалили и продолжали бить... я не чувствовала ни малѣйшей боли, чувствовала удары, а боли не было. Я почувствовала ее только ночью, когда меня заперли, наконецъ въ камерѣ.

— «Вы убьете ее?

— «Уже убили, кажется.

*) Боголюбовъ и на каторгу былъ приговоренъ безъ всякаго основанія, по жестокому теченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, такъ какъ лично онъ не участвовалъ въ демонстраціи на Казанской площади (6-го декабря 1876 г.).

— «Такъ нельзя: оставьте, оставьте,—нужно же произвести слѣдствіе.

«Около меня началась борьба: кого-то отталкивали... Минѣ помогли встать и усадили на стулъ».

Это возмутительное избіеніе не было неожиданнымъ фактомъ для Вѣры Ивановны: въ своихъ воспоминаніяхъ она сообщаетъ, что предвидѣла его и тѣмъ не менѣе, рѣшилась и это перенести. Не удивительно, поэтому, что произведенное ею покушеніе на Трепова вызвало у всѣхъ безпристрастныхъ и честныхъ людей не только Россіи, но и всего цивилизованнаго міра, изумленіе, восторгъ и преклоненіе предъ этой героической дѣвушкой. За то, наоборотъ, въ реакціонномъ лагерѣ раздались крики бѣшеннаго возмущенія. Не говоря уже про «Московскія Вѣдомости» Каткова, и т. п. органы печати.

Судъ присяжныхъ, состоявшихъ изъ самыхъ заурядныхъ обывателей,—мелкихъ чиновниковъ, купцовъ и служащихъ, какъ извѣстно, вынесъ Вѣрѣ Засуличѣ оправдательный приговоръ, что вызвало еще болѣе сильный, восторгъ, чѣмъ самый выстрѣлъ, у однихъ, и, наоборотъ, безграничное негодованіе среди всѣхъ пресмыкавшихся передъ властями *).

Послѣ этого Вѣра Ивановна стала самымъ популярнымъ человекомъ во всемъ мірѣ: имя ея долгое время не сходило со столбцовъ прессы на всѣхъ языкахъ: увидѣть ее добивались самые знаменитые современники и т. д. Между тѣмъ царь, крайне недовольный ея оправданіемъ, отдалъ приказаніе вновь арестовать ее и, отмѣнивъ приговоръ присяжныхъ, судить ее вторично. По счастью, Вѣрѣ Ивановнѣ удалось скрыться сперва въ Петербургѣ, а затѣмъ,—за границу **).

* * *

Не долго прожила она въ эмиграціи. Ея геройскій поступокъ вызвалъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ подобныхъ же насильственныхъ актовъ со стороны революціонной молодежи: въ разныхъ концахъ Россіи социалисты стали расправляться со шпионами, съ наиболее жестокими жандармами, прокурорами, должностными лицами, оказывать вооруженныя сопротивленія при арестахъ и т. д. Такимъ образомъ, Вѣра Ивановна Засуличъ,—какъ вполнѣ правильно всѣми признано,—явилась родоначальницей террористическаго движенія, продолжавшагося у насъ до недавняго времени.

Но годъ съ чѣмъ-то спустя, послѣ оправданія ея судомъ, ей, къ великому ея огорченію, пришлось убѣдиться, что насильственные расправы революціонеровъ приняли такія размѣры и характеръ, что они совершенно исключали возможность продолжать какую-либо другую социалистическую дѣятельность,—пропаганду, агитацію и подготовку возстаній среди трудящихся массъ.

*) См. Воспоминанія С. Глаголя: «Процессъ первой террористки», «Голосъ Минувшаго», 1918 г., № 7—9.

**) Воспоминанія Рошфора о В. Засуличѣ будутъ напечатаны въ «Гол. Минувш.».

Послѣ покушенія Соловьева на Александра II, усилившаго и безъ того уже значительную въ странѣ реакцію, еще болѣе затруднена была дѣятельность въ народѣ. Тогда, какъ извѣстно, члены самой обширной революціонной организаціи—общества «Земля и Воля» подѣлились на двѣ фракціи: на оставшихся вѣрными старой программѣ народниковъ, считавшихъ необходимымъ ограничить террористическую дѣятельность только необходимыми актами самозащиты, продолжая по прежнему сосредоточивать главные силы и вниманіе на дѣятельности среди крестьянъ и рабочихъ и на сторонниковъ новаго способа борьбы—на террористовъ, доказывавшихъ, что путемъ царевубійствъ можно добиться осуществленія въ Россіи политическихъ свободъ. Во главѣ первой фракціи стоялъ, какъ извѣстно, Г. В. Плехановъ, а вдохновителемъ второй былъ А. Ив. Желябовъ. Общество «Земля и Воля» раздѣлялось тогда на «Черный Передѣлъ» и «Народную Волю».

Къ первой фракціи примкнулъ я со Стефановичемъ, а также и инициаторша террора—Вѣра Ивановна. Она, такимъ образомъ, стала противницей ею же вызваннаго новаго направленія въ революціонной борьбѣ. Но Вѣра Ивановна всегда была послѣдовательна, искренна и рѣшительна въ своихъ взглядахъ и поступкахъ: увидѣвъ вредъ для общаго дѣла отъ принятыхъ новыхъ формъ революціонной борьбы, она безъ малѣйшихъ колебаній открыто признала это. Такъ поступала она въ теченіе всей своей полулѣтней революціонной дѣятельности.

Не могу здѣсь остановиться сколько-нибудь подробно на роли Вѣры Ивановны въ «Черномъ Передѣлѣ». Скажу лишь, что одно уже присоединеніе ея къ этой, отъ самаго момента своего возникновенія, очень слабой организаціи являлось чрезвычайно благоприятнымъ для всѣхъ насъ, членовъ «Чернаго Передѣла», фактомъ, вызывавшимъ изумленіе, недоумѣніе и многочисленные толки: «если сама «Вѣра Засуличъ» возстаетъ противъ террора, значитъ этотъ пріемъ борьбы не хорошъ»,—приходилось тогда нѣрѣдко слышать.

Но, какъ извѣстно, одного этого обстоятельства было недостаточно, для того, чтобы удержать большинство тогдашней революціонной молодежи отъ увлеченія новымъ способомъ борьбы, и въ то время, какъ число членовъ организаціи «Народной Воли», а также «сочувствующихъ» и лицъ, готовыхъ всячески помогать ей, быстро увеличивалось, наоборотъ, отношеніе къ намъ, чернопредѣльцамъ, со стороны крайнихъ элементовъ и, вообще, передовой части общества, въ лучшемъ случаѣ, было безразличное, равнодушное. Присоединившійся къ этому разгромъ нашей типографіи, вслѣдствіе выдачи задержаннаго полиціей нашего наборщика и арестъ многихъ членовъ привели къ почти полной гибели организаціи «Черный Передѣлъ». Незадолго до этого,—въ январѣ 1880 г., Вѣра Ивановна, вмѣстѣ со мною, Стефановичемъ и Плехановымъ вновь уѣхала за-границу, въ увѣренности, что увлеченіе передовой молодежи терроромъ вскорѣ пройдетъ, и тогда возможно бу-

детъ снова, вернувшись въ Россію, заняться народнической дѣятельностью. Но судьба, рѣшила иначе.

* * *

Въ послѣдовавшіе затѣмъ годы нашего совмѣстнаго пребыванія въ эмиграціи, подъ вліяніемъ ознакомленія съ западно-европейскими условіями жизни, а также съ произведеніями Маркса и Энгельса, произошло, какъ извѣстно, радикальное измѣненіе въ нашихъ воззрѣніяхъ: изъ сторонниковъ Бакунина мы—Плехановъ, Засуличъ, Аксельродъ, Игнатовъ и я—превратились въ марксистовъ и основали, осенью 1883 г., первую русскую социаль-демократическую группу «Освобожденіе Труда».

Вѣра Ивановна явилась однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ этой маленькой ячейки. Ни отъ какой работы, какъ-бы тяжела или неприятна ни была-бы она, Вѣра Ивановна никогда не отказывалась: она занималась наборомъ въ типографіи, хлопотала о добываніи матеріальныхъ средствъ сперва, съ 1881 по 1883 г., для революціоннаго «Краснаго Креста», затѣмъ съ 1884 года для группы «Освобожденіе Труда». При ея застѣнчивости, обращенія къ кому бы то ни было съ просьбами о пожертвованіяхъ, хотя-бы и для общаго дѣла, являлись съ ея стороны особенно тяжелой жертвой. Но съ момента возникновенія группы «Освобожденіе Труда» главное свое вниманіе Вѣра Ивановна сосредоточила на умственныхъ, теоретическихъ занятіяхъ.

Ей шель четвертый десятокъ лѣтъ, когда она впервые познакомилась съ ученіемъ Маркса и Энгельса; почти пятнадцать лѣтъ минуло тогда, какъ она привлекалась, въ качествѣ революціонерки, перенесла всевозможныя мучарства, лишенія и страданія; стояла въ рядахъ «Бунтарей» и пр., тѣмъ не менѣе, ученіе Маркса и Энгельса вызвало у нея такой порывъ энтузіазма, какой бываетъ лишь у очень юныхъ и неопытныхъ сдѣлтовъ новаго направленія. Съ неимовѣрнымъ пыломъ и страстью принялась Вѣра Ивановна за расширеніе своихъ знаній, которыя и до того были уже довольно значительны. А потомъ, и—это особенно характерно,—почти сорока лѣтъ отъ роду она впервые взялась за перо, въ качествѣ писательницы, такъ какъ до конца 80-хъ годовъ она занималась лишь переводами съ иностранныхъ языковъ. Какъ литераторъ, Вѣра Ивановна сразу заняла очень видное мѣсто въ рядахъ нашей пишущей братіи: статьи ея выдѣлялись основательностью знаній, глубиной и оригинальностью мысли и манерой изложенія.

Я не могу, конечно, войти здѣсь въ болѣе подробный разборъ литературной дѣятельности Вѣры Ивановны, продолжавшейся цѣлыхъ тридцать лѣтъ,—вплоть до самой ея кончины,—это, надѣюсь, будетъ сдѣлано въ послѣдствіи, когда появится въ печати полное собраніе ея сочиненій *).

*) Въ 1906—7 гг. въ изданіи г-жи О. Руттенбергъ появилось два тома, въ которые вошло далеко не все написанное Вѣрой Ивановной. Кромѣ многихъ статей, появившихся

Одно могу сказать: Вѣра Ивановна являлась не только одной изъ рѣдкихъ по нравственнымъ свойствамъ женщинъ, но также одной изъ наиболѣе образованныхъ и талантливыхъ писательницъ среди социаль-демократовъ.

Къ сожалѣнію, скромность и застѣнчивость помѣшали ей, на ряду съ литературными дарованіями, развить въ себѣ также и способность устно излагать свои мысли. Въ небольшомъ кругу собесѣдниковъ,— кѣмъ бы они ни были,— она всегда охотно, красочно, горячо и оригинально умѣла отстаивать свои воззрѣнія. Но въ сколько-нибудь значительномъ собраніи, а тѣмъ болѣе въ официальномъ, состоявшемъ хотя-бы и изъ немногихъ лицъ, она смущалась, робѣла и буквально теряла способность произнести даже нѣсколько фразъ. За всю ея полувѣковую революціонную дѣятельность, единственный разъ произнесла она, небольшую рѣчь въ клубѣ «Рабочее Знаніе» идѣ перваго апрѣля 1918 г. собралось нѣсколько сотъ товарищей чествовать юбилей ея оправданія присяжными засѣдателями. Но едва ли присутствовавшіе на этомъ юбилей товарищи представляли себѣ, сколько усилій надъ собою стоило ей это первое и вмѣстѣ послѣднее выступленіе.

Нѣтъ никакой возможности, хотя-бы въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ, даже только перечислить наиболѣе крупные факты изъ дѣятельности Вѣры Ивановны въ рядахъ нашей партіи: для этого необходимо было-бы обозрѣть всю исторію русской социаль-демократіи отъ момента ея возникновенія вплоть до смерти Вѣры Ивановны,—слѣдовательно, за періодъ, охватывающій болѣе 35-ти лѣтъ. Ограничусь, поэтому, только упоминаніемъ, что почти во всѣхъ многочислѣннѣйшихъ перипетіяхъ, пережитыхъ нашей партіей, Вѣра Ивановна принимала то или другое участіе. При этомъ она постоянно отстаивала наиболѣе правильные, логическіе и послѣдовательные взгляды; она была всегда чрезвычайно терпимой и уступчивой, никогда не поддавалась вліянію другихъ, какъ бы близки они ей ни были, разъ находила ихъ взгляды, стремленія и предложенія, невѣрными или несправедливыми. Но, что особенно, выдѣляло Вѣру Ивановну въ нашей средѣ—это ея чутъе, прозорливость и сильнѣйшее отвращеніе ко всему искусственному, фальшивому, а тѣмъ болѣе недобропорядочному: въ этихъ отношеніяхъ ей не было равнаго за все полувѣковое ея участіе въ революціонномъ движеніи.

Съ изумительной дальновидностью и безошибочностью Вѣра Ивановна нерѣдко предсказывала въ нѣкоторыхъ очень сложныхъ политическихъ положеніяхъ дальнѣйшій ходъ событій, горячо убѣждая товарищей не дѣлать тѣхъ или иныхъ, по ея мнѣнію, ошибочныхъ тактическихъ пріемовъ. Но, къ сожалѣнію, далеко не всегда товарищи считались съ пророчествами этой Кассандры, какъ удачно назвала Вѣру Ивановну въ своей рѣчи у открытой ея могилы тов. А. Н. Потресовъ.

послѣ указанного года въ печати, среди ея бумагъ и нашелъ не мало замѣтокъ, воспоминаній и проч.

Рѣдко кому изъ выдающихся членовъ нашей партіи присуще было въ такой степени, какъ Вѣрѣ Ивановнѣ, отвращеніе къ дипломатіи и политиканству, столь распространеннымъ среди членовъ любой политической партіи; она была однимъ изъ наиболѣе прямыхъ, искреннихъ, правдивыхъ и честныхъ политическихъ борцовъ своей эпохи.

Легко, поэтому, себѣ представить, сколько внутреннихъ мукъ должна была пережить Вѣра Ивановна въ теченіе продолжительнаго періода ея революціонной дѣятельности. Но особенно тяжело ей было въ послѣдніе два года: «тяжело жить, не стоитъ жить»,—съ тоской говорила она мнѣ не разъ, и крупные слезы блестяли въ ея умныхъ, выразительныхъ, добрыхъ глазахъ...

* * *

Въ этомъ краткомъ наброскѣ я совершенно не коснулся частной жизни Вѣры Ивановны, что также потребовало бы много мѣста. Надѣясь сдѣлать это со временемъ, я пока ограничусь сообщеніемъ, что и по образу жизни, по привычкамъ, манерамъ, обстановкѣ квартиры и т. д. Вѣра Ивановна также являлась однимъ изъ наиболѣе своеобразныхъ, оригинальныхъ людей. Рѣшительно все въ ея частной жизни было необычно, не такъ, какъ у всѣхъ остальныхъ людей, почему всюду, гдѣ она жила—въ Россіи и, особенно, въ Западной Европѣ,—она вызывала изумленіе, а то и возмущеніе или даже ужасъ со стороны квартирныхъ хозяекъ, сосѣдокъ и т. п. люда.

Очень добрая по характеру, совершенно равнодушная къ своимъ удобствамъ, матеріальнымъ лишеніямъ и страданіямъ, Вѣра Ивановна всегда проявляла изумительную чуткость и отзывчивость къ малѣйшимъ лишеніямъ ближняго, кто бы онъ ни былъ. Чрезвычайно строгая къ себѣ самой и почти всегда неудовлетворенная своей работой для общаго дѣла, Вѣра Ивановна умѣла правильно оцѣнить усилія и способности другихъ лицъ, при чемъ склонна была дѣлать это въ лучшую сторону. Какъ-бы отрицательно не относилась она къ поведенію нѣкоторыхъ товарищей, она никогда не прибѣгала къ рѣзкимъ выраженіямъ и эпитетамъ и, лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ давала тому или другому завѣдомо нехорошему человеку мѣткую ироническую кличку.

Еще одной чертой Вѣра Ивановна отличалась отъ другихъ людей: въ какомъ бы безвыходномъ матеріальномъ положеніи ни находилась она,—а ей случалось, и не рѣдко, сидѣть буквально безъ пищи,—она никогда никому, даже самымъ близкимъ людямъ не сообщала объ этомъ, постоянно отклоняла ихъ предложенія и всегда довольствовалась очень малымъ.

* * *

По совершенно независѣвшимъ отъ Вѣры Ивановны обстоятельствамъ, ей и умереть пришлось въ очень тяжелыхъ условіяхъ.

Въ теченіе почти десяти лѣтъ она прожила въ «Домѣ Литераторовъ» (на Набережной Карповки), откуда, какъ она говорила, желала, со временемъ, быть переселенной на «Литературные Мостки» (на Волково кладбище) у нея было своего рода суевѣрное опасеніе, что съ переселеніемъ изъ этого насиженнаго ею мѣста на Карповку она непременно умретъ. Между тѣмъ случилось такъ, что ей пришлось въ минувшую зиму покинуть свою комнату въ Домѣ Литераторовъ и разстаться со своимъ любимымъ умнымъ котомъ. По счастью, жившіе на томъ же дворѣ ея хорошія знакомыя, сестры Мякотины, пріютили ее у себя на квартирѣ. Все же это вынужденное перекочевываніе въ зимнюю стужу въ сильнѣйшей степени разогорчило и разстроило Вѣру Ивановну, что не въ малой степени подѣйствовало на ея физическое состояніе. Врачи, т. Лукомскій, опредѣливъ у нея воспаленіе легкихъ, назвали невозможнымъ оставить ее въ неприглядной, неуютной комнатѣ, которую она занимала, почему перевезъ ее въ Рождественскую больницу, которой заведуетъ. Вмѣстѣ со своей женой, также врачомъ, онъ постарался обставить Вѣру Ивановну наименѣе возможными въ настоящее время удобствами и согласился выписать ее, только послѣ того, какъ убѣдился въ полномъ, какъ казалось, ея выздоровленіи, а также послѣ самыхъ настоящихъ ея требованій отпустить ее къ себѣ на квартиру. Но, спустя короткое время, Вѣра Ивановна, въ концѣ апрѣля, вновь схватила воспаленіе, что вскорѣ затѣмъ, утромъ 8 мая, свело ее въ могилу. До послѣдняго вздоха она сохранила полное сознаніе и интересъ къ окружающему.

Л. Дейчъ.

Г. А. Лопатинъ.

(Воспоминанія).

Среди выдающихся революціонеровъ семидесятыхъ годовъ Германъ Александровичъ Лопатинъ занималъ совершенно исключительное положеніе: онъ, какъ извѣстно, не входилъ ни въ какой изъ существовавшихъ въ теченіе этого замѣчательнаго десятилѣтія кружковъ и, вообще, стоялъ въ сторонѣ отъ всякой революціонной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, имя его было довольно популярно среди тогдашней передовой молодежи, но преобладающее большинство ея, навѣрно, не въ состояніи было бы сказать, чѣмъ онъ замѣчателенъ, и въ чемъ заключались его заслуги передъ русскимъ революціоннымъ движеніемъ. Лишь до немногихъ изъ насъ дошли слухи о его роли въ дѣлѣ освобожденія П. Л. Лаврова изъ административной ссылки да о собственныхъ имъ самымъ совершеннымъ любѣмъ изъ разныхъ мѣстъ заключенія. Большинству неизвѣстно было даже, гдѣ именно онъ обрѣтается. У многихъ соста-

влялось представление, будто Лопатинъ вѣчно носится между Россіей и Западной Европой; что, проживъ нѣкоторое время за границей,—въ Лондонѣ, Парижѣ, Цюрихѣ,—онъ по какимъ-нибудь личнымъ или общественнымъ деламъ мчится въ Россію, гдѣ вскорѣ попадаетъ въ руки властей, затѣмъ удачно убѣгаетъ за границу, откуда вновь появляется на родинѣ, опять попадаетъ и т. д.

Между тѣмъ, какъ революціонная молодежь семидесятыхъ годовъ очень мало, чтобы не сказать почти ничего положительнаго не знала о Германѣ Александровичѣ, тайной полиціи доподлинно были извѣстны его жизнь и дѣятельность, доказательствомъ чему могутъ служить документы, находящіеся въ архивахъ бывшаго 3-го отдѣленія и департамента полиціи. Одинъ изъ такихъ документовъ, представляющій сводку официальныхъ свѣдѣній о Лопатинѣ, считаю необходимымъ,—въ виду дальнѣйшаго моего изложенія,—привести тутъ же.

«Лопатинъ, Германъ Александровичъ, кандидатъ С.-Петербургскаго университета, сынъ управляющаго Ставропольскою казенною палатою, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Никоновича и Софьи Ивановны Лопатиныхъ, родился въ 1846 году. Въ 1865 году, онъ состоялъ подъ слѣдствіемъ, за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ, а въ маѣ 1866 года, былъ арестованъ по дѣлу Каракозова, содержался два мѣсяца въ крѣпости, но, затѣмъ, былъ освобожденъ. Въ февралѣ 1868 года, Лопатинъ былъ привлеченъ къ дѣлу, производившемуся въ Высочайше утвержденной слѣдственной комиссіи, о намѣреніи, вмѣстѣ съ дворяниномъ Волховскимъ, основать тайное общество подъ названіемъ «рублевого», а также о составленіи программы: «Вопросъ молодого поколѣнія» (?). По рѣшенію комиссіи, Лопатинъ выставъ былъ, въ концѣ 1868 года, изъ С.-Петербурга въ Ставрополь, подъ надзоръ отца и мѣстныхъ властей, съ предоставленіемъ права поступить на государственную службу. вслѣдствіе чего онъ и поступилъ на должность чиновника особыхъ порученій ставропольскаго губернатора и завѣдывалъ одновременно мѣстною, общественною бібліотекою. При производствѣ Нечаевского дѣла, у одного изъ арестованныхъ, дворянина Михаила Негрескула, было найдено письмо Лопатина, съ планомъ побѣга за границу, при посредствѣ чужихъ документовъ и, кромѣ того, имъ давались свѣдѣнія, потезныя, вообще, для соучастниковъ нечаевского дѣла. Вслѣдствіе этого письма Лопатинъ вновь былъ арестованъ, въ концѣ 1869 года, но въ январѣ 1870 года бѣжалъ (первый побѣгъ) со ставропольской гауптвахты, съ паспортомъ отставнаго офицера Скимонта, въ Петербургъ, а потомъ черезъ Вѣну и Берлинъ, въ Парижъ, гдѣ сошелся съ Лавровымъ и досталъ себѣ паспортъ турецкаго подданнаго Сакима. Затѣмъ, прибылъ въ началѣ мая 1870 года въ Женеву, гдѣ участвовать, вмѣстѣ съ главнѣйшими представителями эмиграціи, на засѣданіи 7-го мая 1870 года, гдѣ постановлено было подать протестъ швейцарскому правительству относительно охраненія правъ русскихъ эмигрантовъ въ Швейцаріи, тоже по поводу ожидавшейся выдачи Нечаева. Позднѣе, вращаясь въ кругу самыхъ крупныхъ рево-

люціонныхъ дѣятелей за границу, между которыми даже пользовался авторитетомъ, онъ отправился въ Лондонъ. Съ паспортомъ того же Сакича, онъ, однако въ декабрѣ 1870 года, вернулся въ Петербургъ, досталъ себѣ паспортъ на имя почетнаго гражданина Любавина, и, имѣя порученіе освободить Чернышевскаго, отправился съ этою цѣлью въ Иркутскъ, куда прибылъ 5-го января 1871 года; но онъ былъ узнанъ и арестованъ 1-го февраля 1871 года. Такъ какъ Лопатинъ не оказался прикосновеннымъ ни къ одному изъ политическихъ дѣлъ, то онъ былъ преданъ суду—за прожитительство по чужому виду; улики же относительно намѣренія освободить Чернышевскаго, слѣдствіемъ не обнаружено. По рѣшенію вѣрхоленскаго окружнаго суда, онъ былъ приговоренъ всего къ штрафу въ сто рублей. Содержась подъ стражей въ жандармской казармѣ, Лопатинъ, однако, бѣжалъ (его второй побѣгъ), но былъ пойманъ и заключенъ въ тюрьму, а послѣ суда, былъ выпущенъ, съ отдачею въ Иркутскъ подъ надзоръ полиціи. Позднѣе, 16-го августа 1872 года, онъ снова бѣжалъ (третій побѣгъ), дошелъ до Томска, гдѣ 16-го ноября 1872 года, былъ пойманъ, и опять посаженъ въ иркутскую тюрьму. В 1873 году, 10-го іюля, будучи потребованъ въ зданіе суда, для допроса, онъ снова бѣжалъ (четвертый побѣгъ) и скрывался сначала въ якутскихъ лѣсахъ, потомъ достигъ Петербурга, познакомился здѣсь со вдовою поручика Зинаидою Апсеитовой, и отправился въ Парижъ, по паспорту чужого лица, а оттуда въ Лондонъ; затѣмъ, въ первой половинѣ ноября, пріѣхалъ въ Цюрихъ къ Лазрову, и съ появленіемъ его, въ эмиграціи опять зашла рѣчь объ основаніи общества для освобожденія Чернышевскаго. Проживалъ во Франціи, Англіи и Швейцаріи, онъ былъ близко знакомъ съ большинствомъ русскихъ эмигрантовъ и анархистовъ, но знакомство это имѣло болѣе дѣловой характеръ, такъ какъ онъ не принадлежалъ ни къ одному изъ анархическихъ кружковъ. Онъ искалъ болѣе литературной работы въ революціонномъ лагерѣ, и ничего активнаго не предпринималъ, хотя въ разныхъ социалистическихъ изданіяхъ, встрѣчались иногда статьи за его подписью. Въ 1874 году, онъ вызывался правительствомъ въ Россію, но на вызовъ не явился. Изъ-за границы онъ тайно пріѣзжалъ въ Россію, въ 1875 году, въ Петербургъ, на мѣсяць, желая отыскать и взять съ собою литературную работу, такъ какъ письменныя сношенія съ Россіей эмигрантовъ были крайне затруднены. Переѣхавъ границу безъ паспорта, съ контрабандистами, подъ именемъ отставнаго коллежскаго секретаря Афанасія Григорьева Севастьянова (фамилія, которую тоже носила Апсеитова), онъ съ тѣми же контрабандистами переѣхалъ обратно границу. Въ 1876 году, онъ еще разъ тайно пріѣзжалъ въ Россію, желая повидаться съ матерью, но, списавшись съ нею, уѣхалъ обратно. Въ 1877 года, Лопатинъ явился неожиданно въ Симферополь, къ знакомому своему по Парижу—Старцеву, потомъ былъ въ Крыму и Одессѣ, вмѣстѣ съ нимъ; они были даже въ Москвѣ, гдѣ Старцевъ досталъ ему заграничный паспортъ, съ которымъ онъ возвратился опять за границу. 14-го марта 1877 г., выѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ, для свиданія съ женою, и тогда 23-го марта, былъ арестованъ и содержался въ Петропаловской крѣ-

пости. Онъ показаль, что получаль дважды приглашеніе принять участіе въ подпольномъ изданіи: «Земля и Воля», на выгодныхъ условіяхъ, но, что онъ отъ этого отказался. По всеподданнѣйшему докладу, 9-го апрѣля 1880 года, министра юстиціи, Высочайше повелѣно—выслать Лопатина на жительство въ г. Ташкентъ, съ отдачею его на поручительство зятя его, Глинки-Янчевскаго, съ денежнымъ залогомъ въ 10,000 рублей. Здѣсь онъ изъявилъ желаніе вновь поступить на государственную службу. Затѣмъ, въ 1881 году, онъ былъ переведенъ на жительство въ Вологодскую губернію, подъ надзоръ полиціи, на три года. откуда въ 1883 году вновь бѣжалъ (пятый побѣгъ).

Таковы официальные свѣдѣнія о Лопатинѣ до начала семидесятыхъ годовъ. Изъ нихъ ясно видно, до чего была богата жизнь этого выдающагося, крупнаго человѣка разнообразными фактами, указывающими на энергичный и предприимчивый его характеръ. Но обо всемъ этомъ до большинства молодежи доходили только неясные и отрывочные слухи,—главнымъ образомъ, отъ лицъ, побывавшихъ за границей и слышавшихъ непосредственно отъ самого Лопатина рассказы о его многочисленныхъ походахъ. Такихъ «заграничниковъ», какъ мы ихъ называли, было тогда сравнительно, немного; къ тому же нѣкоторые ихъ рассказы о Лопатинѣ,—какъ это мы сейчасъ увидимъ,—носили странный, исключительный характеръ: на-ряду съ сообщеніями о Германѣ Александровичѣ, какъ о разносторонне образованномъ европейцѣ, способномъ предаваться серьезнымъ умственнымъ занятіямъ,—«заграничники» нерѣдко изображали его также искателемъ необыкновенныхъ, сопряженныхъ съ огромнымъ рискомъ и опасностями приключеній. Вмѣстѣ съ разсказами о знакомствѣ Лопатина съ такими первоклассными учеными, какъ Спенсеръ и о его близости съ Марксомъ и Энгельсомъ, «заграничники» такъ же сообщали, что онъ не прочь проводить много времени съ любимъ соотечественникомъ, сообщая ему о нѣкоторыхъ своихъ приключеніяхъ, являвшихся не только гиперболическими, но въ сильной степени напоминавшихъ походы знаменитаго барона Мюльпаузена или Тартарена изъ Тараскона.

Задолго до личной встрѣчи съ Лопатинымъ я услыхаль о немъ впервые въ 1875 году отъ возвратившагося незадолго передъ тѣмъ изъ-за границы Д. Лизогуба. Серьезный, вдумчивый, сосредоточенный въ себѣ ригористъ и аскетъ,—этотъ замѣчательный человѣкъ былъ крайне остороженъ и сдержанъ въ своихъ отзывахъ о людяхъ, вообще, а о своихъ товарищахъ-революционерахъ,—въ особенности. Но даже онъ не могъ удержаться отъ веселаго смѣха, когда, со словъ Лопатина, передаваль мнѣ нѣкоторые «случаи» изъ его приключеній, невольно перенесшіе меня въ фантастическій, сказочный міръ. Въ моей памяти удержалось, да и то лишь случайно, только слѣдующее происшествіе, будто бы приключившееся съ Лопатинымъ, переданное мнѣ Лизогубомъ.

Во время одного побѣга совершеннаго Германомъ Александровичемъ изъ

какого-то глблага мѣста находившагося за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, ему пришлось долго лѣзти лѣшкомъ по безлюдному, покрытому сплошь льдомъ огромному пространству. Мѣстность эта освѣщалась дивнымъ сѣвернымъ сіяніемъ, которымъ бѣглець залюбовался, несмотря на усталость и неизвѣстность, когда и какъ онъ выберется изъ этой снѣжной пустыни. Но восхлищеніе чуднымъ явленіемъ природы скоро смѣнилось у него ужасомъ: Лопатинъ увидѣлъ шедшаго прямо на него бѣлаго медвѣдя. Спрятаться, бѣжать отъ него не было никакой возможности. Оставалось одно—самому явиться нападающимъ. Но никакого рѣшительно оружія не было ни у Германа Александровича, ни кругомъ него на льду. Тѣмъ не менѣе, онъ быстрыми шагами смѣло пошелъ прямо на медвѣдя. Тотъ до того пораженъ былъ дерзостью этого двуногаго, что, подпустивъ его къ себѣ вплотную, не сталъ на заднія лапы. Тогда Лопатинъ воспользовался оплошностью косолапаго мишки и, вскочивъ ему на спину, крѣпко ухватился за его уши, а ногами плотно обхватилъ его туловище.

Я передалъ этотъ «ужасный» случай, едва не окончившійся очень трагично для Германа Александровича, лишь въ общихъ чертахъ. Но, по словамъ Лизогуба, Лопатинъ художественно изложилъ его, такъ что могъ бы въ этомъ отношеніи поспорить съ такими занимательными повѣствователями для дѣтей, какъ Майнъ-Ридъ, Куперъ, Жюль-Вернъ. Дѣйствительно, Лопатинъ любилъ и умѣлъ живо, образно рассказывать изумительные случаи изъ своего богатаго прошлаго, но нѣредко то были «*Dichtung und Wahrheit*», шутки, балагурство, желаніе посмѣшить, позабавить собесѣдника, а то и порюкаться. Въ подтвержденіе этого приведу еще рассказъ первой жены Д. А. Клеменца, Анны Михайловны, женщины вполне правдивой и добросовѣстной.

Однажды, Германъ Александровичъ засталъ ее собирающейся мыть ребенка эмигранта Цакни, жена котораго незадолго передъ тѣмъ умерла. Увидѣвъ, какъ Анна Михайловна пробуетъ температуру воды рукой и измѣряетъ ее термометромъ, Лопатинъ посмѣялся по поводу этихъ излишнихъ, по его мнѣнію, предосторожностей и заявилъ, что, своего сына онъ сразу сталъ приучать къ холодной водѣ и достигъ того, что купалъ его прямо въ колодезѣ.

— «И, вотъ, однажды,—продолжалъ онъ совершенно серьезнымъ тономъ,—я, посадивъ малютку въ бадю, спустилъ его въ колодезь; но, когда я вновь втащилъ бадю вверхъ, то къ ужасу своему увидѣлъ, что ребенка въ ней не было. Тогда я немедленно самъ сѣвъ въ нее, спустился въ колодезь; къ счастью, я нашелъ тамъ ребенка живехонькимъ. Обратнo мнѣ пришлось подниматься по канату при помощи ногъ и одной руки, такъ какъ въ другой я держалъ мальчика. Добравшись до верха, я, схвативъ своихъ часовъ, но ихъ у меня не оказалось: я выронилъ ихъ въ колодезь. Мнѣ ихъ было очень жаль, такъ какъ это былъ дорогой мнѣ подарокъ на память отъ любимаго человека. Не долго думая, я положилъ сына вблизи колодца на солнечной сторонѣ, что-бы онъ подсохъ, а самъ вновь спустился въ колодезь, гдѣ нашелъ свои часы.— И, представьте себѣ: они даже не остановились!...».

Многіе знакомые Германа Александровича были убѣждены, что онъ сочиняетъ эти «происшествія» не ради забавы слушателей, а вслѣдствіе привычки къ пиперболамъ и къ «беллетристикѣ»,—до того, очевидно, умѣлъ онъ искусно соединять истину съ вымысломъ. Не стѣснялся Лопатинъ сообщать подобныя вышеприведеннымъ «случаи» изъ своего, будто бы, прошлаго даже въ семьѣ Маркса. Извѣстно, что самъ Марксъ и всѣ члены его семьи очень любили и уважали Германа Александровича. Какъ сообщилъ мнѣ Г. В. Плехановъ со словъ Энгельса, послѣдній и великій другъ его знали о склонности Лопатина разсказывать невѣроятныя происшествія изъ его прошлаго, но относились къ этой слабости добродушно. Ихъ, правда, отчасти удивляло, что чело-вѣкъ такого ума, развитія и личной отваги любилъ разсказывать всевозможныя несуразности не только маленькимъ дѣтямъ, но и серьезнымъ взрослымъ людямъ.

Не только такіе люди, какъ Марксъ и Энгельсъ, но рѣшительно всѣ, съ которыми Германъ Александровичъ встрѣчался, скоро проникались большимъ къ нему расположеніемъ, любовью и уваженіемъ.

Въ роскошныхъ апартаментахъ, или въ скромной интеллигентной квартирѣ, въ бѣдной крестьянской избѣ, въ Лондонѣ, Парижѣ, Петербургѣ, Иркутскѣ, Ташкентѣ,—всюду Лопатинъ былъ всегда желаннымъ гостемъ. Вездѣ ему были рады, встрѣчали его съ веселыми лицами и радостными восклицаніями. Всюду, куда приходилъ Германъ Александровичъ, онъ приносилъ съ собою бодрость, интересъ, разнообразныя разговоры; вызывалъ своими анекдотами, выдумками, пиперболами громкій смѣхъ, доводившій нѣкоторыхъ подчасъ до слезъ.

Не только этимъ былъ Лопатинъ всѣмъ симпатиченъ: въ немъ прекрасно сочетались большой умъ, сильная воля, энергія, и отвага съ удивительной мягкостью, добротой и простотой. Рѣшительно ко всѣмъ, начиная отъ великихъ людей и, кончая самыми незамѣтными, Германъ Александровичъ былъ одинаково внимателенъ, привѣтливъ, заботливъ.

Извѣстно, какимъ уваженіемъ и любовью проникся къ нему генераль-губернаторъ Восточной Сибири Синельниковъ, познакомившись съ Лопатинымъ въ Иркутскѣ, куда онъ былъ высланъ. Этотъ очень умный и рѣшительнаго характера генералъ не только въ такой же сильной степени, какъ Марксъ, Энгельсъ, Лавровъ привязался къ Лопатину, но даже отчасти подпалъ подъ его вліяніе,—до того, высоко ставилъ онъ этого «политическаго ссыльнаго». Синельниковъ предлагалъ Герману Александровичу любой важный постъ въ обширной, равнявшейся нѣсколькимъ Европамъ сатрапіи, въ которой, генераль-губернаторъ, по сибирскому выраженію, былъ «царь и Богъ». Но Лопатинъ предпочелъ этому, казалось заманчивому предложенію, свободу и воспользовался расположеніемъ къ нему генераль-губернатора, чтобы бѣжать изъ Сибири, что въ то отдаленное время (въ началѣ 70-хъ гг.) было почти совершенно невозможно. Но, что было невозможно для другихъ, оказалось осуществимымъ для Лопатина: онъ ухитрился присоединиться къ

ямщикамъ, сопровождавшимъ длинные обозы съ чаемъ, шедшимъ въ Европейскую Россію. Только большая физическая сила и чрезвычайная выносливость Германа Александровича позволили ему вынести это продолжительное и крайне утомительное передвиженіе, длившееся мѣсяцы. Но, если память мнѣ не измѣняетъ, кажется, во время этого побѣга изъ Сибири,—о чемъ упоминается въ приведенномъ мною выше официальномъ документѣ,—Лопатинъ въ одномъ сибирскомъ городѣ (въ Томскѣ) былъ случайно узнавъ какимъ-то должностнымъ лицомъ, встрѣчавшимъ его въ домѣ генераль-губернатора. Когда онъ, послѣ этого, доставленъ былъ къ Синельникову, послѣдній,—по разсказу Лопатина, будто-бы, воскликнулъ: «Германъ Александровичъ! Охота вамъ была превращаться въ ямщика: сказали бы мнѣ прямо, что желаете проѣхаться въ Петербургъ, я велѣлъ бы дать вамъ свой дорожный экипажъ и подорожную»,—не ручаюсь за точность этой версии, но фактъ тотъ, что,—какъ это видно изъ вышеприведенной мною официальной сводки о Лопатинѣ,—онъ за этотъ, какъ и за всѣ другіе побѣги, отдѣлся пустяками,—штрафомъ въ сто рублей и непродолжительнымъ арестомъ.

Въ совершенныхъ Лопатинымъ побѣгахъ ему въ большой степени помогала бывшій у него особенный даръ привлекать къ себѣ сердца людей изъ народа. Какъ немногіе другіе изъ революціонеровъ, Германъ Александровичъ своими разсказами,—въ которыхъ, какъ мы уже знаемъ, тѣсно переплеталась была съ небылицами,—умѣлъ возбуждать интересъ и расположеніе къ себѣ слушателей изъ трудящагося рабочаго люда.

Привлекалъ онъ къ себѣ представителей разнообразныхъ слоевъ населенія также и своей изумительной снисходительностью и терпимостью къ характерамъ, недостаткамъ и взглядамъ другихъ людей: онъ одинаково близко сходилъ съ вѣрующимъ и атеистомъ, съ социалистомъ и заядлымъ феодаломъ, съ либераломъ и консерваторомъ и пр. Всѣмъ онъ готовъ былъ всегда услужить, прийти на помощь, исполнить, какъ крупное, такъ и мелкое порученіе, хотя бы сопряженное съ огромнымъ рискомъ и опасностью, что, какъ мы ниже увидимъ, иногда кончалось для него далеко не благополучно.

Припоминаю, какъ П. Л. Лавровъ, при первомъ нашемъ съ нимъ знакомствѣ въ 1880 году, жаловался мнѣ на полную свою безпомощность, вызванную отъѣздомъ въ Петербургъ и арестомъ тамъ Лопатина.

— Германъ Александровичъ самъ, бывало, осмолить мое бѣлье и платье и тотчасъ поправить недочетъ,—купить тамъ носки, нижніе,—разсказывалъ Петръ Лавровичъ,—А самъ я не знаю, гдѣ достать и чувствую себя, поэтому, забытымъ, заброшеннымъ.

Дѣйствительно, по сообщенію всѣхъ русскихъ эмигрантовъ, Лопатинъ, какъ нѣжно любящій отца сынъ, внимательно относился къ безпомощному непрактичному философу, человѣку «не отъ міра сего», Петру Лавровичу Лаврову. Германъ Александровичъ подтверждалъ правильность поговорики, что истинные друзья узнаются въ несчастіи: заболѣетъ ли кто, а тѣмъ болѣе, умретъ ли членъ семьи или случится другое крупное бѣдствіе, не приходи-

лось уведомлять объ этомъ Лопатина: онъ какъ-то ухитрялся всегда однимъ изъ первыхъ узнавать о случившемся и немедленно приходить на помощь. Своей мягкостью, жизнерадостностью и богатымъ опытомъ онъ умѣлъ вносить утѣшеніе, заживлять раны, вызывать бодрость, вѣру, успокоеніе тамъ, гдѣ казалось, это было уже совершенно невозможно.

* * *

Я далеко не охватилъ всѣхъ свойствъ этой богато одаренной натуры, да и, вообще, чрезвычайно трудно очертить такого человѣка, какъ Германъ Александровичъ. Не даромъ въдъ Г. И. Успенскій, задумавшій еще въ 70-хъ годахъ и уже начавшій писать романъ или повѣсть подъ заглавіемъ: «Удалой добрый молодецъ», подъ которымъ онъ намѣревался вывести Лопатина, такъ и не осуществилъ этого желанія. Причиной этого, я увѣренъ, были не одни только «внѣшнія обстоятельства» нерѣдко, какъ извѣстно, мѣшавшія Глѣбу Ивановичу довести до конца его планы, но также и трудности самой задачи. Напомню, къ слову, какъ Успенскій въ письмѣ къ Н. К. Михайловскому характеризовалъ Лопатина:

«Повѣсть, которую пишу—автобіографія не моя личная, а нѣчто въ родѣ Лопатина. Чего только онъ не видалъ на своемъ вѣку. Его метало изъ губернаторскихъ чиновниковъ на Кавказъ, съ Кавказа въ Италію, прямо къ битвѣ подъ Ментоной, къ Герцену, потомъ въ Сибирь на три года. Потомъ на Ангару, по которой онъ плылъ тысячу верстъ, потомъ въ Шенкурскъ, въ Лондонъ, Цюрихъ, Парижъ. Онъ видѣлъ все и вся. Это цѣлая поэма. Онъ знаетъ въ совершенствѣ три языка, умѣетъ говорить съ членами парламента, съ частнымъ приставомъ и мужикомъ и неучемъ, и въ то же время можетъ войти на кафедру и начать о чемъ угодно вполне интересную лекцію. Это изумительная натура. Я и думать не могу охватить все это, но уголокъ я постараюсь взять въ свою власть».

Какъ видно изъ подчеркнутыхъ мною словъ, Глѣбъ Ивановичъ нѣсколько увлекся, изображая всеведеніе и всесторонность Лопатина. Несомнѣнно, что то былъ выдающійся человѣкъ; однако, онъ не сыгралъ въ нашемъ революціонномъ движеніи соотвѣтствовавшей его крупнымъ дарованіямъ роли, главнымъ образомъ, вслѣдствіе имѣвшихся у него также и крупныхъ недостатковъ, о чемъ скажу ниже: извѣстно, что даже на солнцѣ есть пятна, и только папа безгрѣшенъ,—это Успенскій упустилъ изъ виду.

* * *

Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Парижъ, Лопатинъ, какъ я выше упомянулъ, сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. По поводу этого его ареста среди эмигрантовъ циркулировалъ такой рассказъ.

Пріѣхалъ за границу какой-то богатый баринъ, помѣщикъ, съ широкой русской душой. Завернулъ онъ конечно, и въ Парижъ, гдѣ познакомился съ

Лавровымъ, а черезъ него и съ Лопатинымъ или наоборотъ. Большой хлѣбосоль, онъ охотно угощали знаменитыхъ эмигрантовъ роскошными обѣдами и ужинами; при этомъ бывало шумно, весело: раздавались шутки, анекдоты, наполнялись бокалы виномъ, рассказывались всевозможные «случаи».

Во время одного такого фестиваля, этотъ помѣщикъ сталъ жаловаться угощавшимся гостямъ на то, что онъ получилъ письмо или телеграмму, которой требуютъ, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ по какому-то финансовому дѣлу въ Петербургъ, иначе онъ потерпитъ большіе убытки или непріятности; между тѣмъ, онъ только теперь началъ входить во вкусъ парижской жизни, которая пришлась ему вполне по душѣ. Дѣлу же это каждый другой, вмѣсто него, могъ бы исполнить, за что онъ охотно заплатилъ бы.

— Я согласенъ отправиться, — вызвался Германъ Александровичъ, всегда готовый, какъ я уже упомянулъ, услужить ближнему, исполнить любое его порученіе.

Дѣйствительно, вскорѣ Лопатинъ досталъ нужный документъ у какого-то иностранца и, получивъ всѣ указанія отъ радушнаго соотечественника, быстро собрался въ путь. Но, увы! «Синіе мундиры» были предупреждены о его возвращеніи подъ такой-то фамиліей и даже въ какой-то гостиницѣ онъ остановится: обо всемъ этомъ, понятно, позаботился ихъ увѣдомить «помѣщикъ съ душой на распаху», оказавшійся тайнымъ полицейскимъ агентомъ, такъ ловко проводившимъ стараго, многоопытнаго революціонера. По поводу этого провала Лопатина сильно иронизировали нѣкоторые эмигранты.

Поплатившись за свою довѣрчивость проходивцу нѣсколькими годами свободы, Германъ Александровичъ въ послѣдній разъ бѣжалъ изъ ссылки послѣ чего лѣтомъ 1883 г. прибылъ въ Парижъ, куда вскорѣ и я, вмѣстѣ съ Г. В. Плехановымъ, пріѣхалъ по одному чрезвычайно непріятному дѣлу.

Встрѣтились мы съ нимъ на квартирѣ знаменитой Маріи Николаевны Ошаниной-Баранниксовой, выдающагося члена «исполнительнаго комитета» партіи «Народная Воля». Мнѣ, находившемуся подъ впечатлѣніемъ упомянутого непріятнаго дѣла, было не до бесѣды съ Германомъ Александровичемъ, но Георгій Валентиновичъ, знавшій его уже раньше, началъ его расспрашивать о его побѣгѣ, о вынесенныхъ имъ изъ пребыванія въ Россіи впечатлѣніяхъ и пр. Слушая спокойный, серьезный тонъ, какимъ рассказывалъ Лопатинъ и, наблюдая за его интонаціей, манерами, внѣшностью, я, помню, удивлялся, до чего дѣйствительность часто не соответствуетъ заранѣе составившемуся представленію.

Въ слѣдующій день мы съ Плехановымъ встрѣтили Германа Александровича у Лаврова. Онъ сообщилъ всѣмъ намъ, что пришелъ прямо изъ больницы, гдѣ навѣстилъ незадолго предъ тѣмъ заболѣваго психически Ткачева. Лопатинъ, видимо, находился подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ этого свиданія, но вскорѣ затѣмъ вновь разговаривалъ съ Плехановымъ, которому, между прочимъ, очень расхвалилъ его первую статью, тогда только-что появившуюся въ «Отечественныхъ запискахъ», подъ заглавіемъ: «Новое направле-

ние въ политической экономіи». Между прочимъ, онъ сообщилъ Георгію Валентиновичу, будто, въ литературномъ мірѣ чрезвычайно заинтересовались выдающимся писателемъ «Г. Валентиновымъ»,—псевдонимъ, которымъ была подписана статья Плеханова. Выходило, будто, въ Петербургъ только и разговора, что объ этой статьѣ и ее авторѣ.

— По обыкновенію, хватилъ черезъ край,—малость переборщилъ Германъ Александровичъ своими похвалами,—помню, сказалъ Плехановъ, когда мы вмѣстѣ вышли отъ Лаврова.

Ошанина, какъ мы вкорѣ узнали, уже принялась тогда за «обработку» Лопатина. Дѣло въ томъ, что какъ-разъ въ то время пріѣхалъ за границу съ покажкою исповѣдью провокаторъ Сѣхѣй Дегаевъ: какъ извѣстно, весной того же года онъ предалъ послѣднюю уцѣлѣвшую отъ арестовъ участницу старой «гардіи», В. Н. Фигнеръ и созданную ею военную организацію, послѣ чего, вмѣстѣ съ начальникомъ петербургскаго охраннаго отдѣленія, Судейкинымъ, сталъ править молодыми революціонерами. Замѣтивъ, что среди нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ возникли подозрѣнія относительно его двойной роли, онъ отправился за границу, куда скрылись отъ ареста М. Н. Ошанина, Л. А. Тихомировъ съ женой—Сергѣевой и Г. Чернявская, чтобы признаться имъ въ своемъ предательствѣ. Извѣстно, что названные представители старой «Народной Воли» предложили Дегаеву, въ качествѣ искупительнаго акта, поспособствовать убійству крайнѣ вреднаго для революціоннаго дѣла полковника Судейкина, на что онъ согласился, послѣ чего вкорѣ начальникъ охраны и былъ убитъ Коношевичемъ и Стародворскимъ на квартирѣ двойного предателя.

Какъ наиболее энергичная, настойчивая и дѣятельная изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ старыхъ народовольцевъ, М. Н. Ошанина еще за годъ до возвращенія Лопатина за границу старалась найти тамъ такое лицо изъ давнихъ эмигрантовъ-революціонеровъ, которое согласилось бы отправиться на родину для возстановленія окончательно разбитой предательствомъ Дегаева народовольческой партіи. Съ этимъ предложеніемъ она обращалась ко мнѣ и къ Кравчинскому, но оба мы по разнымъ соображеніямъ отклонили это предложеніе. Познакомившись съ Германомъ Александровичемъ, она принялась за него, стремясь сдѣлать изъ него правовѣрнаго народовольца.

Какъ я уже упомянулъ въ началѣ этой статьи, Лопатинъ раньше, т.-е. до лѣта 1883 г., не входилъ ни въ какой изъ существовавшихъ въ Россіи или за границей революціонныхъ кружковъ. Тѣмъ менѣе, можно было допустить, чтобы онъ, тогда сторонникъ марксистскихъ взглядовъ, согласился вступить въ яacobинско-бланкистскую организацію, каковою въ то время являлась народовольческая. Но, въ виду свойствъ, которыя были присущи Герману Александровичу, Ошаниной не трудно было склонить его на свою сторону: его должна была привлекать перспектива возсоздателя разбитой арміи и связанная съ этой миссіей всевозможныя происшествія, приключенія и разнообразныя ощущенія, на что онъ былъ столь ладокъ.

* * *

Въ немногихъ лишь словахъ коснусь здѣсь дѣятельности Германа Александровича въ Россіи, такъ какъ она довольно хорошо извѣстна по многочисленнымъ разсказамъ и воспоминаніямъ. Напомню только о томъ, что онъ при этомъ проявить присущую ему энергію и неутомимость: онъ исколесилъ значительную часть Европейской Россіи, всюду вылавливая и привлекая лицъ, которыя могли чѣмъ-либо пригодиться для возстановленія организаци «Народной Воли».

Послѣ публицы всей старой гвардіи, въ Россіи, на почвѣ недовольства «революціонной дѣятельностью», практиковавшейся двуумвиратомъ Дегаева Сулейкина, возникло новое направленіе, принявшее, какъ извѣстно, названіе «Молодая Народная Воля»; инициаторомъ и главнымъ руководителемъ ея сталъ популярный молодой поэтъ, Петръ Филипповичъ Якубовичъ. Кромѣ нѣкоторыхъ разногласій по организаціоннымъ вопросамъ, главнымъ пунктомъ расхожденія «молодой» со старой партіею явилось требованіе со стороны первой, чтобы, на ряду съ политическимъ терроромъ, практиковался также и аграрно-фабричный, т.-е., чтобы революціонеры тѣмъ или инымъ способомъ преслѣдовали, мстили, наказывали особенно вредныхъ помѣщиковъ, заводчиковъ, ихъ управляющихъ, кулаковъ, и т. п. угнетателей трудящагося населенія.

Лопатинъ, по приѣздѣ въ Россію, рѣшительно возсталъ противъ этого новшества, такъ какъ оно принесло бы опромный вредъ популярной въ странѣ партіи, оттолкнувъ отъ нея всѣ буржуазно-либеральные элементы. Но, «оппозиція», т.-е. П. Якубовичъ съ товарищами, крѣпко держались за желательную ей реформу. Не мало времени, поэтому, пришлось Герману Александровичу потратить на переговоры и обсужденіе предложеній «молодыхъ». Въ концѣ концовъ ему удалось устранивъ расколъ, прозившій партіи, и безъ того сведенной предательствомъ Дегаева почти на нѣтъ.

Одновременно съ этой немаловажной задачей, Лопатину пришлось позаботиться о возобновленіи давно фактически прекратившагося выхода очередного, 10-го номера партійной газеты—«Народная Воля», но не помню, успѣлъ-ли онъ сдѣлать это.

И вотъ, этимъ почти исчерпывается вся народовольческая дѣятельность Лопатина. Онъ не только не возсоздалъ сильную организацію, которая, подобно старой, нагоняла-бы страхъ на правительство, но за годъ съ чѣмъ-то пребыванія въ народовольческой партіи, ему не удалось произвести ни одного сколько-нибудь значительнаго факта, который показали-бы правительству и обществу, что партія «Народная Воля» не пошла окончательно.

Причиной скорого прекращенія революціонной дѣятельности Лопатина, по возвращенію въ Россію весной 1884 г. былъ, конечно, арестъ его уже осенью того же года, но въ этомъ арестѣ, въ значительной степени, онъ самъ былъ виноватъ своею неосторожностью, вызванною крайнею его самоувѣренностью.

Не буду повторять здѣсь, какъ одинъ проходимецъ, червонный ватеть Бѣлино-Бржезовскій, выдававшій себя за челоуѣка «сочувствующаго» революціонерамъ, подобно «помѣщику» въ Парижѣ, провель стараго многоопытнаго дѣятеля,—объ этомъ подробно разсказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. Бахъ *). Остановлюсь только на сопровождавшихъ этотъ арестъ Германа Александровича трагическихъ послѣдствіяхъ.

Разъѣзжая по разнымъ городамъ и, собирая свѣдѣнія о лицахъ, которыя, какъ я выше упомянулъ, могутъ принести пользу дѣлу возстановленія организациі партіи «Народная Воля», Лопатинъ заносилъ, не зашифровывая все имъ узнанное, на тонкую бумажку. Когда, замѣтивъ этотъ неконспиративный приѣмъ, ему указывали на крайнюю его рискованность, онъ, какъ всегда самоууѣренно заявлялъ, что у него стараго опытнаго дѣятеля, не отберутъ этой бумажки, такъ какъ онъ своевременно успѣетъ ее проглотить.

Но, какъ извѣстно, случилось именно то, чего спасались нестарые и малоопытные юноши: такъ какъ Лопатинъ, по своей привычкѣ всѣмъ и каждому разсказывать не только о невѣроятныхъ «случаяхъ» изъ своего прошлаго, но и о своихъ приѣмахъ дѣятельности въ данный моментъ дѣлился со встрѣчными и о томъ, что онъ, молъ, не прибѣгаетъ ни къ какимъ шрифтамъ, химическимъ черниламъ и пр., то, несомнѣнно, Бѣлино-Бржезовскій зналъ, что онъ въ такомъ-то жилетномъ карманчикѣ всегда имѣетъ при себѣ подробный перечень всѣхъ «полезныхъ ему лицъ». Поэтому, Лопатинъ былъ схваченъ на улицѣ сзади за обѣ руки, послѣ чего напавшіе на него шикки полѣзли въ извѣстный имъ заранѣе кармашекъ, откуда, понятно, извлекли драгоценную записъ.

Лепко представить себѣ, какія послѣдствія повлекъ за собою этотъ арестъ Лопатина. По многимъ городамъ и всѣмъ Россіи начались мзогочисленныя обыски и аресты; при этомъ, конечно, забирали всѣхъ лицъ, имена которыхъ имѣлись на злополучной бумажкѣ; хватали и случайно подворачивавшихся при обыскахъ посѣтителей. Тюрьмы были переполнены, какъ давно уже не бывало, совершенно ни въ чемъ неповинными молодыми людьми. Оказалось, что Лопатинъ, въ качествѣ «стараго многоопытнаго дѣятеля», записывалъ не только фамиліи лицъ, съ указаніемъ ихъ адресовъ, съ которыми онъ познакомился въ томъ или иномъ городѣ, но также и имена тѣхъ, которыхъ онъ не встрѣчалъ нигдѣ, но которыхъ ему тотъ или другой упомянулъ, какъ могущаго пригодиться.

Стоявъ стоялъ по многимъ городамъ. По адресу «возстановителя разрушенной партіи» сыпалось не мало горькихъ упрековъ **).

*) «Былое». 1907 г., №№ 2 и 3-й

**) Впослѣдствіи, уже въ Шлиссельбургской тюрьмѣ, какъ передать В. Н. Фигнеръ, Германъ Александровичъ весьма тяжело переживалъ этотъ фактъ; малѣйшее прикосновеніе къ этой ранѣ мучительно отзывалось на немъ.

Ред.

Въ это именно время, въ ожиданіи отправки въ Сибирь, въ качествѣ приговореннаго на каторгу, я зимовалъ въ московскомъ центральномъ пересыльномъ замкѣ и, такимъ образомъ, имѣлъ возможность непосредственно познакомиться съ нѣкоторыми арестованными, благодаря указанной самоувѣренности Германа Александровича, «лопатинцами», часть которыхъ посажена была въ этой, Бутырской тюрьмѣ. Много чрезвычайно интересныхъ подробностей, какъ о дѣятельности Лопатина въ Россіи, такъ и объ ее результатахъ узналъ я, такимъ образомъ, отъ непосредственныхъ его сподвижниковъ. Я долженъ сказать, что всѣ эти молодые люди не только не сѣтовали на Лопатина за то, что онъ своей самоувѣренностью засадилъ ихъ за рѣшетку, а, наоборотъ, только превозносили его чуть не до небесъ за его дарованія. Но на меня ихъ рассказы объ организационныхъ приѣмахъ этого отрицателя концитраціи производили крайне тяжелое, удручающее впечатлѣніе.

Правительство Александра III сравнительно легко расправилось съ этой массой невинно пострадавшихъ молодыхъ людей: большинство изъ нихъ, послѣ незначительнаго тюремнаго заключенія, было административно отправлено въ ссылку. Но послѣдняя для нѣкоторыхъ изъ нихъ была гибельной. Особенно ужасной ссылка оказалась для одного молодого студента московскаго университета по фамиліи Рубинокъ, съ которымъ мы провели зиму въ Бутыркахъ и вмѣстѣ затѣмъ шли въ теченіе полугода въ Восточную Сибирь. Талантливый юноша, 19-ти лѣтъ, очень начитанный для своего возраста, онъ пошелъ въ Якутскую область на три года лишь за то, что въ злополучной запискѣ Лопатина, на сколько теперь помню, значилось: «студ. Моск. Ун. Рубин., под., среди учаш.».

Вскорѣ по прибытіи въ свой улусъ, Рубинокъ, по несчастному недоразумѣнію, былъ самымъ варварскимъ образомъ до полусмерти избитъ какими-то якутами. Пробывъ нѣкоторое время, Рубинокъ, хотя физически оправился, но на всегда лишился разсудка *).

Среди арестованныхъ были еще и другіе невольныя жертвы.

Какъ извѣстно, во время процесса Лопатинъ каялся въ своей оплошности и просилъ у пострадавшихъ прощеніе. Легко представить себѣ, какъ невыносимо тяжело долженъ былъ чувствовать себя этотъ добрый, отзывчивый человѣкъ, всегда стремившійся не только не повредить, а, наоборотъ, помочь другимъ. Сопроцессники потомъ рассказывали, что во время своей рѣчи на судѣ, говоря о жертвахъ своей оплошности, этотъ сильный человѣкъ разрыдался.

* * *

О жизни Германа Александровича въ Шлиссельбургской крѣпости могутъ рассказать его товарищи по заключенію. Здѣсь замѣчу лишь, что обна-

*) Подробности, какъ объ этомъ юношѣ, такъ и вообще о «лопатинцахъ», интересующіеся могутъ прочесть въ моей книгѣ: «16 лѣтъ въ Сибири».

руженная имъ тамъ неуживчивость, о которой мнѣ рассказывали нѣкоторые шлиссельбуржцы, нисколько не противорѣчитъ моему противоположному этому сообщенію о его, наоборотъ, терпимости и проч. въ эмиграціи. Всѣ перенесенные имъ вслѣдствіе арестовъ скомпрометированныхъ имъ невольна молодыхъ людей, а также жестокой режимъ въ Шлиссельбургской крѣпости не могли въ сильнѣйшей степени не повліять на его нервную систему. и, вообще, на характеръ его.

- * * *

Хотя я былъ въ Петербургѣ зимой 1905—6 г., когда освободили шлиссельбуржцевъ, но мнѣ не привелось свидѣться ни съ кѣмъ изъ нихъ. Только года три спустя, очутившись вновь въ эмиграціи, я опять встрѣтился съ Германомъ Александровичемъ въ Парижѣ, во время разоблаченія провокатора Азефа, въ чемъ, какъ извѣстно, Лопатинъ принималъ дѣятельное участіе, будучи, вмѣстѣ съ П. А. Кропоткинъ и В. Н. Фигнеръ третейскимъ судьей.

Я нашелъ его сильно измѣнившимся не только по внѣшности, что вполне понятно, такъ какъ, со времени нашей первой встрѣчи тамъ же, лѣтомъ въ 1883 г., прошло болѣе 27 лѣтъ. Но любовь быть всегда окруженнымъ слушателями и готовность рассказывать имъ случаи изъ своего прошлаго, кажется, нисколько не ослабѣла у него: она осталась у него до самой смерти.

Не сидѣлось Лопатину за границей долго на одномъ мѣстѣ: онъ уѣзжалъ, то на югъ Франціи, то въ Италію, Россію, въ сущности, безъ дѣла, а чтобы погостить у друзей и знакомыхъ, которые, какъ и въ прежнее время, всегда были ему рады. Только наѣзжая въ Парижъ, Германъ Александровичъ, нисколько мнѣ извѣстно, отчасти пріобщался къ избранной себѣ В. Л. Бурцевымъ специальности—изобличенію провокаторовъ, имена которыхъ называлъ ему бывший охранникъ Меньшиковъ. Лопатина, повидимому, также заинтересовала эта функція.

Въ Петербургъ онъ вернулся за нѣсколько лѣтъ до февральской революціи и поселился въ домѣ литераторовъ, на набережной рѣки Карповки. Онъ охотно появлялся на засѣданіяхъ разныхъ научныхъ и литературныхъ обществъ, но въ дебатахъ и обсужденіяхъ, поднимавшихся на нихъ вопросовъ, публично участія не принималъ, предпочитая больше слушать или гдѣ-нибудь въ сторонѣ бесѣдовать съ тѣмъ или инымъ посѣтителемъ о возбуждавшихся вопросахъ.

Интересовался онъ также и, вообще, всѣмъ, что тогда происходило въ государственной и общественной жизни страны, внимательно слѣдя за малѣйшими ея проявленіями и нерѣдко дѣлая по ихъ поводу мѣткія замѣчанія. Но болѣе активнаго участія въ окружавшей его дѣйствительности, кромѣ перечисленнаго мѣсто выше,—что дѣлали другіе шлиссельбуржцы,—Лопатинъ почему-то не принималъ. Несмотря на настойчивыя просьбы и убѣжденія, какъ старыхъ, такъ и пріобрѣтенныхъ имъ многихъ новыхъ друзей и добрыхъ знакомыхъ, онъ даже не согласился засѣсть за описаніе своего богатаго про-

шлаго, и, какъ извѣстно, Германъ Александровичъ такъ и сошелъ въ могилу, не подѣлвшись своими обширными мемуарами. Трудно понять, чѣмъ вызвана была эта, очевидно, сильно вкоренившаяся въ немъ нелюбовь изложить на бумагѣ все то, о чемъ онъ такъ охотно рассказывалъ каждому. На вопросъ о причинѣ его нежеланія сдѣлать это, онъ такъ и отвѣчалъ: «между тѣмъ, какъ существуютъ графоманы, у меня, очевидно, противоположная крайность—графофобія».

И, дѣйствительно, въ теченіе всего своего революціоннаго прошлаго, Лопатинъ очень мало напечаталъ своихъ произведеній: если память мнѣ не измѣняетъ, во «Впередѣ» за 1874 г. (или 75 г.) была помѣщена одна его корреспонденція изъ Иркутска о попавшемъ ему тамъ представителѣ новой секты, будто бы, называвшейся «не наши», такъ какъ на всѣ предложенные властями этому сектанту вопросы онъ такъ и отвѣчалъ^{*)}. Другихъ литературныхъ произведеній ни въ этомъ органѣ, редактировавшемся его другомъ, Петромъ Лавровичемъ, ни въ «Землѣ и Волѣ» или «Народной Волѣ», насколько могу теперь припомнить, Германъ Александровичъ въ теченіе 70-хъ и начала 80-хъ годовъ не помѣстилъ.

Но за то,—какъ оказывается по документамъ, хранящимся въ архивахъ бывшаго третьяго охраннаго отдѣленія и департамента государственнаго положенія,—Германъ Александровичъ не прочь былъ, во время многочисленныхъ арестовъ его, давать обширныя съ большими подробностями о себѣ, очень ловко составленныя и нелишенныя остроумія собственноручныя показанія.

Когда, во время неполѣтнаго пребыванія въ Шлиссельбургской крѣпости, наступила полоса ослабленія господствовавшего тамъ невыносимо тяжелаго режима, и заключенные приступили къ изданію для себя же журнала, Германъ Александровичъ принялъ въ немъ активное участіе: какъ мнѣ сообщали его товарищи, онъ помѣщалъ въ немъ недурные стихи, замѣтки, эпиграммы,—кажется, ни одинъ экземпляръ этого интереснаго журнала не сохранился, что ужасно жалко.

Но очутившись послѣ двадцати съ чѣмъ-то лѣтнаго заключенія, на волѣ. Германъ Александровичъ вновь превратился въ «графофоба», такъ какъ за двѣнадцать лѣтъ дальнѣйшей своей жизни онъ ограничился всего двумя-тремя, кажется, незначительными замѣтками въ газетѣ «Рѣчь», воспоминаніями о пребываніи Лаврова въ ссылкѣ (въ «Голосѣ Минувшаго», за 1913 г.), нѣсколькими возраженіями на появившіяся воспоминанія (Сажина и Баха), да переводомъ на русскій языкъ писемъ Энгельса къ Николаю Даніельсону о

^{*)} Изъ слову, за сорокъ съ чѣмъ-то лѣтъ, протекшія съ тѣхъ поръ, мнѣ ни разу нигдѣ не попалось какое-либо подтвержденіе дѣйствительнаго существованія такой секты, и я, поэтому, думаю, что Лопатинъ обобщилъ отдѣльнаго чудака, встрѣтившагося ему.

немъ же, во время его пребыванія въ Шлиссельбургской крѣпости *). Къ слову, лица, читавшія эти письма, могли убѣдиться, съ какой любовью и интересомъ Марксъ и Энгельсъ слѣдили за судьбой Германа Александровича **).

. * .

Послѣ длившейся болѣе полу столѣтія борьбы, сопряженной съ страданіями, разочарованіями и пр., Лопатинъ, вмѣстѣ со многими другими, наконецъ, дождался осуществленія надеждъ и стремленій своей ранней юности: на склонѣ лѣтъ своихъ онъ оказался очевидцемъ сказочнаго, волшебнаго переворота,—превращенія самодержавной, почти деспотической Романовской вѣтчины въ демократическую республику.

Трудно передать радость и восторгъ, охватившіе престарѣлаго революціонера, осужденнаго на вѣчную каторгу и въ теченіе многихъ лѣтъ потерявшаго надежду очутиться не только въ республиканской, но даже въ конституціонной Россіи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Германъ Александровичъ, какъ мнѣ передавали, ходилъ, словно очарованный. Онъ не пропускалъ большинства многочисленныхъ тогда совѣщаній, засѣданій и нерѣдко практиковавшихся концертъ-митинговъ. На многихъ такихъ многочисленныхъ собраніяхъ можно было видѣть на эстрадахъ большую покрытую бѣлой шевелюрой голову Германа Александровича, почти всегда сидѣвшаго рядомъ съ другимъ молчаливымъ, но тоже неизмѣннымъ и выматальнымъ участникомъ совершившихся великихъ событій,—съ Вѣрой Ивановной Засулицъ.

Судьба связала этихъ двухъ выдающихся людей не только общностью взглядовъ на современныя событія, а также одинаковымъ настроеніемъ, но и мѣстомъ жительства: оба они, какъ извѣстно, почти до самой ихъ смерти, въ теченіе многихъ лѣтъ жили бокъ-о-бокъ въ домѣ литераторовъ на Карповкѣ.

Навѣщая въ этомъ, отнынѣ, полагаю, особенно дорогомъ многимъ изъ насъ, домѣ моего стараго друга, Вѣру Ивановну, я нерѣдко видѣлъ тамъ и Германа Александровича, съ которымъ, понятно, мы обмѣнивались взглядами на современныя событія.

Извѣстно, что Лопатинъ, какъ и всѣ семидесятники, такъ же былъ сторонникомъ защиты родины, и онъ съ крайнимъ огорченіемъ смотрѣлъ на начавшійся, вскорѣ послѣ первыхъ радостныхъ дней революціи, развалъ. Въ этомъ, какъ и, вообще, во всемъ касавшемся нашихъ и мировыхъ событій, мы вполне сходились,—между нами не было рѣшительно ни малѣйшихъ раз-

*) Въ періодъ 70—72 гг. Г. А. Лопатинъ началъ переводить I томъ «Капитала», Маркса, остроумно и точно передавая его неологизмы. Онъ перевелъ только треть I тома: переводъ законченъ Даниельсономъ. Въ 1878 году во «Впередѣ» Лаврова помѣщена корреспонденція Г. А. о сектѣ «Ненашихъ», которая была перепечатана въ «Современникѣ» въ 1911 г., № 1. Кромѣ того, послѣ Г. А. Лопатина осталось много хорошихъ стихотвореній; нѣкоторые изъ нихъ находятся въ портфель редакціи и будутъ напечатаны.

Ред.

**) См. «Минушіе годы», за 1906 г.

погласій. Наутъ, поэтому, не о чемъ было спорить и, встрѣчаясь, мы мирно бесѣдовали. Иногда вспоминали далекое прошлое, знакомили другъ друга съ событіями и лицами, неизвѣстными ему или мнѣ съ Вѣрой Ивановной.

Это было еще такъ недавно,—всего два года назадъ. Никто изъ насъ троихъ не предполагалъ, что все кругомъ такъ быстро и рѣзко измѣнится, и двоихъ изъ насъ уже не будетъ...

* * *

Германъ Александровичъ, послѣ дважды повторенной операціи катаракта глаза и продолжительной болѣзни, вызванной ракомъ желудка, скончался не въ домѣ литераторовъ, какъ онъ желалъ, а въ Петропавловской больницѣ (26-го декабря 1918 г.). Черезъ четыре съ половиной мѣсяца, 8-го мая 1919 г., умерла Вѣра Ивановна, также не въ своей комнаткѣ въ любимомъ ею домѣ литераторовъ, а въ частной квартирѣ сестеръ Мякотинныхъ, на Песочной улицѣ...

Оба умерли въ полномъ сознаніи, оставивъ до послѣдняго вздоха вѣрными, неизмѣнными стремленіямъ своей юности. Германъ Александровичъ, незадолго до смерти, не могъ удержаться, чтобы не сострить по поводу страшной своей судьбы: «я началъ свою сознательную жизнь,—сказалъ онъ,—въ Петропавловской крѣпости (20-ти лѣтъ), а кончаю ее—въ Петропавловской больницѣ (72-хъ лѣтъ)».

Г. А. Лопатинъ и В. И. Засуличъ погребены на литературныхъ мосткахъ Волкова кладбища.

Левъ Дейчъ.

Редакторъ-издатель **С. Мельгуновъ.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1918 г.
НА ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“
(6-й годъ изданія).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: 1 годъ 40 руб., на $\frac{1}{2}$ года 22 руб.

===== **Перемѣна адреса 60 коп.** =====

Въ виду отказа экспедиціи почтамта доставлять періодическія изданія по городу Москвѣ, журналъ высылается городскимъ подписчикамъ простою бандеролью, принимая же во вниманіе, что при такомъ способѣ пересылки часто теряются книги, Контора журнала предлагаетъ городскимъ подписчикамъ получать №№-ра журнала въ конторѣ; желающіе же получать журналъ ЗАКАЗНОЙ бандеролью, должны доплатить къ подписной платѣ 3 руб. въ годъ.

Городскіе подписчики при подпискѣ благоволятъ указывать, какимъ изъ вышеуказанныхъ способовъ они будутъ получать журналъ. Подписчикамъ, не давшимъ отвѣта на поставленный вопросъ, журналъ будетъ высылаться простою бандеролью, и Контора въ этомъ случаѣ не отвѣчаетъ за пропавш. номеровъ журнала.

Комплекты за прежніе годы: 1913 (безъ № 1), 1914 (безъ № 7), 1915 (безъ №№ 4, 6, 12)—по 16 руб.; 1916 (безъ №№ 3, 5, 6)—20 руб.; 1917 (безъ №№ 1, 2)—25 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ, въ конторѣ журнала: Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., домъ 9.

Въ отдѣленіи конторы: Петроградъ, Гончарная, 24. Книгоиздательство „ЗАДРУГА“

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: Вторникъ, отъ 4 до 6 час.

Отд. редакціи въ Петроградѣ: В. О., 8 линія, д. 59, кв. 12. Пріемъ ежедневно отъ 6 до 7 ч. веч.

Цѣна книжки 12 руб.

Редакторъ-издатель С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

Год издания VII.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1919 г.

Год издания VII.

НА ЖУРНАЛ

ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

ГОЛОС МИНУВШЕГО

ПОД РЕДАКЦИЕЙ С. П. МЕЛЬГУНОВА.

В виду того, что редакции в настоящее время приходится выпускать по техническим причинам журнал через более или менее значительные промежутки времени, и у читателей теряется связь между отдельными книжками, редакция решила в 1919 году придать отдельным книжкам журнала характер **САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ СБОРНИКОВ**, посвященных определенной теме или определенному кругу вопросов.

Программа журнала и состав сотрудников остаются без изменений.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: На год 100 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В конторе журнала: Москва, Знаменка, 16, Книгоиздательство „Задруга“.

В отделении конторы: Петроград, Гончарная, 24, кн-во „Задруга“.

Комплекты за 1918 г. высылаются за 100 руб.; за предшествующие 1913—1917 гг. имеются лишь неполные комплекты по 50 руб.